
ИГОРЬ
БУНИЧ
БЫЛЬ
БЕСПРЕДЕЛА
или
СИНДРОМ
НИКОЛАЯ II

Быль беспредела,
или
Синдром Николая II

«ОБЛИК»

ББК 84. Р1
Б 91

И. Л. БУНИЧ. Быль беспредела или Синдром Николая II: — Санкт-Петербург; «ОБЛИК», 1995. — 416 стр.
ISBN 5-85976-012-4

Автор бестселлеров «Золото партии», «Полигон сатаны», «Беспредел», «Таллинский переход» предлагает вниманию читателей свою версию одной из тайн XX века — тайну роковой судьбы последнего Российского императора Николая II.

Поиски останков императора, предпринятые КГБ по приказу Михаила Горбачева, приводят главного героя к таким страшным открытиям, о которых руководство органов безопасности даже не решается доложить президенту.

Книга И. Бунича приоткрывает завесу над тайнами пророчеств Серафима Саровского, Григория Распутина, Лючии Эбоберы о судьбе России, династии Романовых и Николая II.

Написанная в жанре «были беспредела», книга рассчитана на самый широкий круг читателей, которых волнует наше прошлое, настоящее и будущее.

© Содержание «ОБЛИК», 1995
© Обложка, А. Миронов, 1995

Быль беспредела,
или
Синдром Николая II

Санкт-Петербург
1995

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев и премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер сидели в уютной гостиной резиденции премьера в Уайт-холле, ведя, как говорится в официальных протоколах, беседу «с глазу на глаз».

Гостиная, обставленная в духе Викторианской эпохи, способствовала откровенному обмену мнениями этих двух видных политических деятелей, управляющих глобальными мировыми процессами в 80-х годах XX века.

Горбачев и Тэтчер встречались и официально, и в частном порядке уже не первый раз. Но уже с их первой встречи в 1984 году, когда Горбачев еще не был ни генсеком, ни президентом, Тэтчер, несмотря на весь свой воинственный антикоммунизм, призналась: «Знаете, а он мне нравится. С ним можно будет иметь дело».

И дела «пошли», изумляя мир своей необычностью и непредсказуемостью. Открытый, достаточно хорошо образованный (два диплома!), с некоторым налетом провинциализма, что придавало ему дополнительный шарм, Михаил Горбачев мало походил на своих железобетонных предшественников, напоминающих прижизненные памятники самим себе, с которыми можно было вести дела, только постоянно увеличивая количество и мощь ядерных боеголовок. Такие люди, как Михаил Горбачев, всегда появляются в канун крушения великих империй, деградировавших под бременем своей ортодоксальной воинственности раньше времени и желающих умереть в мире и покое. Понимание этого, наряду с обаянием, присущим седьмому генсеку и первому президенту агонизирующей сталинской империи, растопило железные сердца Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана и многих других западных политиков, прилагающих все усилия, чтобы, наконец, покончить с «Империей Зла».

«Новое мышление» и «переход к общечеловеческим ценностям», декларированные Горбачевым, пока еще пробивались слабыми ручейками через щели и трещины прогнившего «железного занавеса», грозя, однако, вскоре превратиться в мощный поток, способный смыть даже следы кровавого и долгого коммунистического владычества. У всех руководителей западного мира захватывало дух от

открывающихся перспектив. Тем более, что в качестве ответных уступок от них, как обычно, требовались только кредиты, то есть, деньги, которые КПСС, морально почти готовая уйти с мировой политической сцены, жадно распихивала по своим бездонным карманам во имя собственного светлого будущего. Кредиты в виде счетов, напоминающих, если не принимать во внимание огромные суммы, счета за гостиничное обслуживание, предоставлялись под конкретные услуги:

— столько-то за создание многопартийной системы;

— столько-то за гласность;

— столько-то за закон о печати;

— столько-то за освобождение политзаключенных;

— столько-то за свободу слова, собраний и союзов.

Итого... Получалось мало!

— Хорошо, выводите свои войска из Прибалтики и дайте республикам независимость.

— Сколько?

— Столько.

— Хорошо, но мало. Хотим еще.

— Выводите войска из Восточной Европы и в первую очередь из Германии. (Вот оно, «новое мышление»!).

— Хорошо. Сколько?

«Мы еще никогда не видели такой маниакальной жажды самоуничтожения,— докладывали своим правительствам разведки, в частности, английская.— Все действия Горбачева и его команды должны неизбежно привести к развалу не только коммунистической системы, но и Советского Союза как государства».

Это была фантастика, в которую трудно было поверить даже теоретически. «Созданная Сталиным тоталитарно-полицейская империя была своего рода шедевром,— писали газеты.— А шедевр невозможно улучшить. К шедевру ничего нельзя добавить, а равно как от него ничего нельзя убавить. Хрущев изъял из «шедевра» террор, и все закачалось. Горбачев хочет добавить к шедевру свободы — и все, наверняка, развалится». «Фактически — резюмировала влиятельная «Файнейншл Таймс», — мы просто покупаем Советскую Империю как торт, который потом будем вольны разрезать на столько кусков, на сколько пожелаем».

Но главной целью было стремление добиться развала всей коммунистической системы, в том числе и Советского

Союза таким образом, чтобы под их развалинами, нашпигованными немыслимым количеством ядерного и неядерного оружия, не погибло бы все человечество.

Финансирование — очень важный элемент любого предприятия, и все же конкретная работа под огромным, шатающимся сводом, готовым в любую минуту рухнуть, не менее важна, к тому же опасна. И Горбачев пока с блеском с этой работой справлялся. А потому имел право на маленькие капризы, которые, как правило, удовлетворялись. То ему вдруг хотелось выступить перед Конгрессом США, то перед обеими палатами английского парламента, то пообедать в закрытом клубе миллиардеров, куда не пускали даже президентов, то получить какие-то документы из архива Ватикана, то заполучить серьги скифского золота из коллекции Эрмитажа, проданные в сталинские времена за пять фунтов стерлингов, а ныне оцениваемые в миллион. Все морщились, недоумевали, иногда даже возмущались, но сходились во мнении, что это мизерная плата за бескровную победу в третьей мировой войне. И хотя далеко не всегда капризы последнего коммунистического вождя можно было удовлетворить достаточно легко и быстро, ему шли навстречу.

Вот и сейчас брови Маргарет Тэтчер удивленно взметнулись, когда Горбачев изъявил свое новое желание: он хочет стать первым советским лидером, которого бы приняла королева Англии, Ее Величество Елизавета II. Очень важно, пояснил Михаил Горбачев, чтобы в СССР увидели: самые высокие и уважаемые деятели Запада изменили в рамках нового мышления свое отношение к московским правителям, и это ознаменовало бы начало новой эпохи в истории человечества. Вот почему он просит госпожу Тэтчер посодействовать ему в исполнении этого желания, которое вовсе не его прихоть, а важная политическая необходимость для поднятия его рейтинга на родине.

Уже то, что коммунистические вожди стали заботится о собственном имидже у себя в стране, было чем-то принципиально новым. Раньше это их совершенно не интересовало. Их рейтинг определяло Управление пропаганды и агитации при ЦК КПСС.

Тэтчер пообещала узнать мнение Букингемского дворца на сей счет, хотя, признаться, ей этого совсем не хотелось делать.

Отношение между двумя женщинами, одна из которых номинально считалась главой государства, а вторая, как глава победившей на выборах партии тори, управляла этим государством, были сложными. И без необходимости, вне рамок выработанного веками церемониального протокола, не принято беспокоить августейших особ просьбами, не имеющими государственной важности. Но можно ли считать подобное желание главы могучей коммунистической империи делом, не имеющим значения для Великобритании? Как сказал еще незабвенный Вильям Питт, у Британии нет ни вечных друзей, ни вечных врагов, а есть только вечные интересы.

Через некоторое время самолет Горбачева, направляющийся в Соединенные Штаты, совершил промежуточную посадку на базе королевских военно-воздушных сил Бриз Нортон, где произошла его новая, хотя и краткая, встреча с Маргарет Тэтчер. Премьер, не ожидая вопросов со стороны Михаила Горбачева, пересказала мнение Ее Величества королевы Елизаветы II: «Она дала себе слово не принимать ни одного из советских лидеров, поскольку считает, что на их руках — несмытая кровь ее двоюродного дедушки, последнего русского императора Николая II, зверски убитого по приказу Ленина в 1918 году вместе со своей семьей».

Августейшая семья была убита варварским способом, жестокость углублялась тем, что августейшим мученикам было отказано в христианском погребении. Никто до сих пор не знает, где покоятся останки святых мучеников, ибо, как известно, Русская Православная церковь заграницей канонизировала их как святых. Однако Ее Королевское Величество прекрасно отдает себе отчет в том, что Михаил Горбачев, хотя и несет, косвенно, ответственность за совершенные кровавыми убийцами преступления, тем не менее делает все возможное для возвращения России в лоно христианства, внедряя вместо идеологии классовой борьбы идеологию общечеловеческих ценностей.

Поэтому Ее Величество королева Елизавета II готова принять президента СССР, но просит его предварительно выполнить одну просьбу — перезахоронить прах последнего русского царя и его семьи из того тайного места, где он ныне покоится, в освященную христианским обрядом усыпальницу, куда она, королева, в ходе своего визита в СССР, могла бы возложить цветы, поставить, наконец, точку в

этом деле, и тем самым, сокрушить тот кровавый барьер, которым Советская Россия еще в 1917 году отгородилась от остального мира.

Королева Елизавета II — прямая внучка английского короля Георга V, кузена Николая II. Поэтому она имела полное право делать подобные заявления, не рискуя быть обвиненной в грубом вмешательстве во внутренние дела Советского Союза.

Горбачев слушал, кивая головой, улыбаясь. А затем сказал, что был бы рад, если бы все его проблемы могли бы так легко решать, как эта.

Желание королевы будет выполнено в самом ближайшем будущем.

Маргарет Тэтчер заверила, что доведет ответ М. Горбачева до сведения Ее Королевского Величества.

Глава 1

I

Михаил Горбачев редко что-либо забывал. При доведенной до абсурда централизации власти в Советском Союзе, все вопросы, от стратегического планирования до производства ниток, могли быть решены только с его личного разрешения или по его одобрении. А если он все же что-либо упускал из вида, или проблемы под напором привнесенных обстоятельств уходили на второй план, о забытом ему напоминали многочисленные референты и помощники, которые именно для того и существовали.

Добиться аудиенции у английской королевы нельзя было считать блажью бывшего ставропольского комбайнера, желавшего таким образом еще раз удовлетворить свое провинциальное тщеславие и внутренне раскомплексоваться. В той сложной и опасной игре, которую вел Горбачев, как внутри агонизирующего СССР, так и за границей, прием у королевы мог послужить отличной рекомендацией, которая открыла бы перед ним многие двери, до сих пор наглухо закрытые.

Условия королевы показались просто смешными. Как много на Западе придают внимания условностям, этикету, о которых в стране победившего социализма давно думать забыли. Хотя, конечно, придется провести некоторые мероприятия, чтобы подготовить товарищей (он чуть было не подумал «общественное мнение» — вот оно, тлетворное влияние Запада!) к некоторому изменению взглядов на последнего русского царя-самодержца Николая Кровавого, погрязшего в пьянстве и распутстве, казненного по приговору народа после Великой Октябрьской социалистической революции. Все это нужно сделать без лишнего шума, поручив дело товарищам, курирующим Церковь. Правда, в условиях перестройки и гласности, возможно, придется дать краткое сообщение в печати: так, мол, и так, в целях окончательного национального примирения, ЦК принял

решение (или лучше даже не ЦК, а Совмин) перезахоронить останки бывшего царя, ну и тому подобное.

О последнем царе сам Горбачев знал, как, впрочем, и многие другие, мало. А если говорить честно, то вообще ничего не знал, кроме самого факта существования русского самодержца, поскольку советская историческая наука о двух последних царствованиях сообщала скупо, объединив сведения под одним заголовком «Кризис самодержавия». В работах говорилось главным образом о великих деяниях Владимира Ильича в борьбе с самодержавием, о самих самодержцах ничего вычитать не удавалось. Впрочем для изучения чьих-то биографий существуют органы, издавна называемые «компетентными».

При продвижении же в заоблачные партийно-номенклатурные выси по крутой и скользкой от грязи и крови кланово-мафиозной лестнице, собственную биографию забудешь, не то что чьи-то изучать станешь.

Горбачев вспомнил о «царском» вопросе на одном из совещаний в Кремле, глядя на тусклое и унылое лицо председателя КГБ генерала Владимира Крючкова. При обычных обстоятельствах он дай бог мог бы дослужиться разве что до начальника I-го отдела на каком-нибудь полузакрытом предприятии. Но капризная судьба, засосавшая Крючкова на комсомольскую работу еще в юности, вознесла его на небывалую высоту благодаря благосклонности незабвенного Юрия Андропова, который любил окружать себя унылыми личностями, чтобы лучше глядеться на их сером фоне.

Глядя на Крючкова, Горбачев мучительно вспоминал, что он хотел тому поручить, поскольку совсем нелегко председательствовать на заседании Политбюро и что-то вспоминать при этом.

Наконец, вспомнил и, когда все расходились, попросил Крючкова задержаться на минуту. Тот нисколько не удивился, равно, как и все другие, поскольку большая часть интимных разговоров всех без исключения генсеков проходили именно с шефами тайной политической полиции, как бы она не называлась за прошедшие семьдесят лет: ЧК, ОГПУ, НКВД или КГБ.

— Владимир Александрович,— обратился Горбачев, что-то отмечая в перекидном календаре у себя на столе,— у меня к вам будет такое поручение...

На лице Крючкова появилось выражение полной готов-

ности выполнить любое поручение Генерального секретаря той партии, боевым отрядом которой считалось вверенное ему ведомство.

Последнее время КГБ буквально затопил канцелярию генсека совершенно секретными сводками, ориентировками и отчетами своих аналитиков, составляющих, по гордому заявлению самого Крючкова «интеллектуальную элиту нации». Во всех этих документах набатом звучала тревога по поводу усиления антисоветской и антикоммунистической деятельности различных формальных и неформальных «группировок», подогреваемых и даже прямо финансируемых западными спецслужбами. В первую очередь, конечно, ЦРУ США. Крючков информировал президента о наличии на территории СССР огромного количества так называемых западных «агентов влияния», имя которым было легион, заклиная генсека принять к ним, пока не поздно, строгие меры.

Люди Крючкова, работая круглосуточно, составляли списки «агентов влияния», вводили их имена в компьютеры, чтобы начать распечатку по первому движению горбачевских бровей. К своему ужасу, Крючков узнал, что враг проник даже в Политбюро, где рядом с Горбачевым оказались по меньшей мере два платных агента ЦРУ: Яковлев и Шеварднадзе.

Компетентные органы были готовы в любой момент начать «очистительные мероприятия» для спасения «родины и социализма» во имя нового сплочения народа вокруг ленинского ЦК и продолжения победного марша к коммунизму.

Поэтому, когда Горбачев попросил Крючкова задержаться, тот с радостью решил, что поручение, которым хочет осчастливить его Горбачев, по меньшей мере будет связано с отменой антигосударственного закона о печати.

— Вопрос весьма деликатный,— продолжал Горбачев,— И его решение потребует...

Как это часто с ним случалось, генсек не сумел довести начатое предложение до конца, вставил свое знаменитое «так сказать» и добавил, понизив голос: «...минимум гласности».

Крючков с готовность кивнул. Его ведомство всегда и специализировалось на «деликатных вопросах», начиная от «тихой» ликвидации кого-нибудь и кончая доставкой

денег через несколько границ какой-нибудь полуподпольной коммунистической партии или террористической организации где-нибудь у черта на куличках.

— Я вас попрошу,— почему-то вздохнул Горбачев,— послать бригаду сотрудников в Свердловск. Там свяжитесь с местными товарищами, эксгумируйте останки бывшего царя, доставьте их в Москву и ждите дальнейших распоряжений.

— Царя? — с растерянно переспросил генерал армии Крючков,— Какого царя?

— Известно, какого,— рассмеялся Горбачев.— Нашего последнего царя. Ну, которого расстреляли после революции. Помните?

На лице председателя КГБ царило выражение полного недоумения.

— Но ведь,— неуверенно начал он,— снесли там все. Было специальное постановление Политбюро по ходатайству товарищей из Свердловского обкома. Чтобы пресечь нездоровый интерес граждан и разные слухи...

— Что снесли? — не понял Горбачев.

— Ну, это,— багровея от натуги, продолжал Крючков,— Ну, дом этот... Как его? Где он жил до расстрела. Снесли его, Михаил Сергеевич.

— Дом-то тут при чем? — начал сердиться генсек.— Я же вам не про дом говорю. Я говорю: могилу, эксгумируйте останки и привезите сюда.

— А где он похоронен? — поинтересовался Крючков, все еще надеясь, что генсек шутит.

— Вы меня спрашиваете? — окончательно рассердился Горбачев.— Это вы должны знать, ваше ведомство хоронило.

Крючков был человеком робким и никогда обострять отношения с начальством не любил. Видя, что, Горбачев начинает если не злиться, то приходить в сильное раздражение, только поинтересовался, как срочно все это нужно сделать?

— Как можно быстрее,— приказал Горбачев,— и немедленно доложить мне результаты.

Крючков вернулся на Лубянку в том же состоянии недоумения, что его охватило в кабинете генсека. В такое время главе государства больше нечем заниматься, как разыскивать царские останки. Интересно, зачем? Хотелось

спросить, но не осмелился. КГБ не должен ничего спрашивать, все должен сам знать или схватывать с полуслова. Память подсказала Крючкову, что подобные случаи уже бывали. Помнится, после войны Сталин, наслушавшись восторженных отзывов о русской трехлинейной винтовке образца 1895 года, с которой солдаты провоевали русско-японскую и две мировых войны, приказал установить памятник ее изобретателю — царскому капитану Мосину — на могиле. Сунулись, было, быстро выполнять повеление генералиссимуса, а тут выяснилось, что Мосин, став генералом, был похоронен в приделе собора города Сестрорецка, что под Ленинградом. Собор, естественно, давно снесли до фундамента и все могилы около него — тоже. Пустырь заасфальтировали и установили в центре его статую Ленина.

Но приказ товарища Сталина нужно было выполнить, либо быть готовым умереть, и не всегда быстрой смертью, чего, естественно, никому не хотелось. Что тут началось! Перерыли все старые планы захоронений в соборе, старика одного разыскали в зоне, который некогда работал в нем, приглядывал за могилами, всю площадь, окружив забором, перепахали, круша асфальт, даже Ленина краном сняли (временно, конечно). И что вы думаете — нашли! Лежал генерал Мосин в своем гробу как живой, почти нетленный. Старик тот самый его сразу опознал, после чего был отправлен обратно в зону.

А поиск, тоже по приказу Сталина, могилы Георгия Саакадзе, страшно вспомнить! Три чекиста погибли, двух — посадили.

Правда, времена сейчас другие. Разгул демократии, перестройка, гласность! Но органов это мало коснулось. Умри, но приказ партии, а уж тем паче — Генерального секретаря — выполни. Даже если ни сути, ни смысла этого приказа не понимаешь.

Крючков вызвал к себе исполняющего обязанности начальника 5-го Главного Управления КГБ генерала Климова.

Климов, как и Крючков, выдвинулся при Андропове и благодаря ему. Покойного председателя КГБ, первого и последнего чекиста, ставшего Генеральным секретарем и погибшего на боевом посту, поминали в системе с меньшим почтением, чем Феликса Дзержинского. Но Дзержинский

был давно, и толком о нем никто ничего не знал. А с Андроповым почти все ныне руководящие товарищи, как в КГБ, так и в ЦК, вместе, можно сказать, работали, беседовали, получали указания, да и просто видели его. А это уже не мало. Дзержинского тоже каждый день видели на площади перед Управлением. Он стоял во весь рост в своей легендарной шинели, такой монументальный, как и положено отцу-основателю. Но чугунный, конечно, не то, что живой.

Полковник Климов был отобран Андроповым в спецгруппу, которая действовала под личным контролем Генерального секретаря, и подчинялась только тому. Чем они там занимались, никому известно не было, даже генералу Чебрикову — тогдашнему председателю КГБ. При этом Климов оставался заместителем начальника 5-го главка. После смерти Андропова Климов работал в личном подчинении нового генсека и по наследству «достался» Михаилу Горбачеву, перейдя из заместителей начальника 5-го Управления в исполняющего обязанности начальника, подчиняясь, разумеется, Крючкову.

Такого организационного беспорядка Крючков не любил, хотя не имел ни малейшего желания (в отличие от некоторых других) знать, чем занимается группа Климова. Многолетний опыт убедил Крючкова, что в дела заоблачные лучше без приглашения не лезть, а, если пригласят, то и тут проявлять больше осторожности и меньше любопытства. «Меньше знаешь — больше живешь» — эта, ставшая уже банальной, истина, была давно известна госбезопасности. Со времен расстрела Лаврентия Павловича руководители КГБ инстинктивно стремились как можно меньше знать, чтобы сподобиться умереть своей смертью. Нарушил это правило только Андропов, царство ему, мученику, небесное! Правда, однажды, во время получения очередных указаний от Горбачева, Крючков заикнулся насчет Климова: «Мол, если он с вами работает, Михаил Сергеевич, то надо бы кого-то назначить в 5-е Управление, как-никак — борьба с вражеской идеологией во всех ее проявлениях, от сионизма до кришнаизма. А то Климов месяцами где-то пропадает, его номинальный начальник — генерал Добровольский — уже третий год числится в академическом отпуске — пишет докторскую диссертацию».

Но Горбачев при этом так взглянул на Крючкова, что тот решил эту тему далее не развивать. «Пусть, что хотят,

то и делают». Но поручение Горбачева решил переложить именно на Климова. Во-первых, это прямое дело 5-го Управления. «Не ему же самому эти кости выкапывать!» А во-вторых, пусть генсек со своими любимчиками этим делом и занимается, коль ему сейчас больше делать нечего!.

Генерал Климов пришел в кабинет председателя КГБ, как всегда, элегантный, в дорогом заграничном костюме, моложавый, пахнущий букетом какого-то парижского одеколона и дорогого коньяка. Крючков взглянул на него недружелюбно: «выскочка». Всей своей карьерой обязан тому, что родился на Ставропольщине и занимал там малозначительный комсомольский пост, да приглянулся своему земляку — Андропову. И вот гляди — уже генерал. А потянул бы лямку в сталинские времена, как пришлось Крючкову и всем старшим товарищам.

Климов, выслушав Крючкова, рассмеялся:

— Это Горбачева англичане накручивают, Владимир Александрович, — объяснил он Крючкову,— королева внучкой нашему царю приходится. Вот и хочет из наших устоев еще один кирпичик выбить таким способом.

— Нам с вами, товарищ Климов,— сухо отреагировал Крючков,— рассуждать таким образом не положено. Есть прямое указание первого (Крючков сделал ударение на слове «прямое») этим делом заняться, и я прошу вас принять это к исполнению. Доложите лично мне.

Климов пожал плечами.

— Зачем нам этим делом заниматься? — спросил он.— Свяжитесь со Свердловском. Пусть местные товарищи все сделают и доставят останки в Москву. Еще рады будут — есть причина появиться в столицу, слетать за казенный счет.

Климов даже в КГБ славился как циник.

Крючков хотел было отчитать Климова, что в его советах не нуждается, приказ он получил и пусть сам связывается, с кем считается нужным, чтобы этот приказ выполнить «точно и в срок».

Но вместо этого послушно поднял трубку спецтелефона правительственной связи и соединился с Управлением КГБ по Свердловску и Свердловской области. Там еще было раннее утро, никого из руководящего состава на месте не было, но дежурный по местному управлению службу знал: быстро и ловко переключил телефон на квартиру начальника КГБ генерал-полковника Батурина.

Батурин вышел в большие начальники из армейских особых отделов, а потому был по-военному краток и понятлив.

— Здравия желаю, товарищ генерал армии,— длинно приветствовал он Крючкова, чтобы проснуться и сообразить, что к чему. Звонок из Москвы, да еще самого Крючкова — дело нешуточное, особенно в Свердловской области, представляющей собой одну большую секретную военно-промышленную зону.

Крючков своим унылым, монотонным голосом изложил Батурину суть вопроса.

По тягостному молчанию, воцарившемуся на том конце провода правительственной связи, было ясно, что генерал никак не мог врубиться в проблему. Видимо, размышлял, не сошли ли на Лубянке все с ума.

— Так вы меня поняли? — спросил в трубку Крючков.

— Так точно,— ответил Батурин,— понял вас, товарищ председатель. Докладываю: захоронение известно, только всем этим занимались не мы, а МВД. И все документы у них по этому вопросу. Еще с тех пор, как наркоматы разделились в 41-м году. Полковник у них там есть. Фамилию забыл...

— Где там? — переспросил Крючков.

— В Москве, у вас,— продолжал Батурин,— Полковник этими делами занимался, как его? Я уточню и вам доложу.

— Хорошо,— вздохнул председатель КГБ и дал отбой.

— МВД этим, оказывается, занималось,— сказал Крючков Климову.— Полковник там есть какой-то, который этот вопрос держал на контроле. Батурин пообещал фамилию его уточнить. Так что можно сказать, дело сделано. Пусть они эти кости Горбачеву и доставят. А вы только проконтролируйте. Можно подумать, что у нас мало забот...

В этот момент запиликал телефон спецсвязи. Дисциплинированный генерал Батурин из Свердловска, окончательно проснувшись, все быстро выяснил у своих вышколенных адъютантов.

— Рябченко — фамилия этого полковника,— сказал Крючков, вешая трубку,— Рябченко Радий Трифонович. Не помню я что-то такого. Какой же отдел на Огарева этим занимается?

— Рябченко? — удивился на этот раз Климов,— Радий Рябченко? Сценарист?

— Какой сценарист? — не понял Крючков.

— Смотрели фильм многосерийный «Дочь революции»? — напомнил Климов,— так это по его сценарию. Только его из МВД уже, кажется, вышибли. Какими-то разоблачениями он начал в печати заниматься.

— Фильм мне не понравился,— признался Крючков,— у него получается, что все милиция после революции сделала, а не мы. Во время Антоновского мятежа какая там была милиция? Четыре пьяных участковых, да и те к Антонову перебежали. Все чекисты сделали, а у него посмотришь, так одна милиция только и работала...

II

Приехав домой, генерал Климов позвонил Горбачеву. Он был одним из немногих, имевших прямую связь с генсеком.

— Так он вам это дело перепоручил,— рассмеялся Горбачев,— я так и знал. Старый, но хитрый.

Климов рассказал о полковнике Рябченко.

— Вот как? — удивился генсек.— Отлично. Только я вас попрошу, Виктор Иванович, побеседуйте с ним лично. Предупредите, чтобы пока не было никакой огласки. Я сам дам указание, когда эти сведения направить в печать. Вы только выясните, чтобы не было никакого подлога. Дело очень важное. Даже важнее, чем вы себе представляете. Я никогда не стал бы этот вопрос ворошить, если бы не считал его чрезвычайно важным на данном этапе перестройки. Надеюсь с вами встретиться в Брюсселе на следующей неделе. Там поговорим подробнее. Но держите все это дело под своим контролем.

Поговорив с президентом, Климов позвонил дежурному по 5-му Управлению и приказал завтра на 14-00 вызвать к нему гражданина Рябченко Р.Т. Адрес уточнить, а коль заартачится, доставить милицейского полковника на машине.

Аппарат генерала Климова службу знал. Поэтому, когда генерал около 11 часов утра следующего дня появился у себя в кабинете, на столе у него уже лежала справка с краткой биографией отставного полковника милиции: «Рябченко Радий Трифонович, родился в Москве в 1932 году. Отец — из крестьян, мать — из рабочих. После оконча-

ния средней школы поступил в Московский юридический институт. Окончив его, долгое время работал в аппарате МВД, занимался главным образом связью с общественностью и пропагандой милицейской героики.

Автор нескольких книг и киносценариев на тему о подвигах милиции. С 1975 года — член Союза кинематографистов. Автор сценария фильма «Дочь революции». В 1988 году в журнале «Юность» N3, опубликовал статью «Сколько лиц у милиции?», где неожиданно стал разоблачать царящие в милиции порядки, которые столько лет воспевал. В том же году уволен из МВД».

Ровно в два часа дня селектор на столе Климова сказал приятным голосом прапорщика-секретарши: «Виктор Иванович, товарищ Рябченко в приемной».

Надо сказать, что бывший милицейский полковник Климову не понравился с первого взгляда. Какой-то он был весь, от тревожно-бегающих глаз до седеющих усов, жеманно-ненастоящий: усы, хотя были, несомненно свои, но очень напоминали фальшивые.

Тем не менее, Климов ничем не дал вошедшему почувствовать свое отношение, напротив, вышел из-за своего стола, удостоил Рябченко отменно вежливым рукопожатием, что ему было не свойственно.

— Мы позволили себе вас побеспокоить, Радий Трифонович,— начал Климов,— поскольку нуждаемся в помощи. Надеемся, вы нам не откажете.

— Почту за честь,— отставной полковник милиции изящно кивнул головой.

— Замечательно,— сказал Климов,— нам стало известно, что вы по собственной инициативе разыскали место захоронения останков бывшего царя Николая II и его семьи. Чем был вызван ваш интерес к этому вопросу?

— Я бы не сказал, что действовал исключительно по собственной инициативе,— слегка покраснел Рябченко,— хотя не буду отрицать, что этот вопрос меня действительно всегда интересовал. Но к конкретным действиям я приступил по поручению своего руководства.

— Щелокова? — поинтересовался Климов.

— Тут сложная история,— ушел от прямого ответа Рябченко.— В принципе, все началось случайно. Я как-то приехал в Свердловск по поручению Министерства внутренних дел, чтобы провести беседу с личным составом

Свердловского управления милиции о своем фильме «Дочь революции» и, воспользовавшись случаем, попросил устроить мне экскурсию по так называемому Ипатьевскому Дому, где был расстрелян Николай II.

— С какой целью? — спросил Климов.

Рябченко еще пуще покраснел:

— Мне сказали, что этот дом — основная достопримечательность города. Быть в Свердловске и не побывать в доме Ипатьева, все равно, что быть в Москве и не побывать в мавзолее.

— В самом деле? — изумился Климов.— Так чего же они этот дом снесли?

— Вы представляете! — возмутился Рябченко.— Я пытался выяснить, чья это инициатива, и не смог. Виноватого, как всегда, не найти.

— Виноватого? — переспросил Климов.— Впрочем, не важно. Продолжайте, прошу вас. Кажется, это было в 1975 году.

— Совершенно верно,— подтвердил Радий Трифонович,— именно в 1975. Остановился я в гостинице «Свердловск», а утром за мной приехали сотрудники местной милиции, и мы поехали на Комсомольскую площадь, где находился этот дом. До войны она называлась Площадь Народной Мести...

— Замечательно! — оживился Климов.— Все-таки, согласитесь, что наши отцы имели прекрасный вкус. Извините, я вас перебил. Площадь Народной Мести, как замечательно звучит!

— Действительно, неплохо,— согласился Рябченко.— Так вот, отвезли меня в этот особняк. Там в это время находился какой-то учебный центр по переподготовке учителей, если мне не изменяет память. Мне показали все, включая подвал, где, собственно, и расстреляли царя. Там я узнал, что знаменитая стенка, изрешеченная пулями, что находилась за спиной Романовых, исчезла. Мне по секрету сообщил начальник политотдела местного УВД, что эта перегородка ныне находится в Англии.

— Вот как? — удивился Климов.— Как же она туда попала?

— Понятия не имею,— пожал плечами Рябченко,— и вот, представляете, товарищ генерал, когда я ходил по

Ипатьевскому дому, вдруг решил, что надо во чтобы то ни стало найти останки царя и его близких.

— Вот так неожиданно взяли и решили? — спросил Климов.

— Знаете,— улыбнулся Рябченко,— как пишут в плохих детективах, «меня словно что-то толкнуло». Потом я познакомился с одним местным краеведом, геологом по профессии, которому я предложил помочь найти могилу Романовых, потому что только это, даже с точки зрения марксистской теории позволит нам многое доказать и многое подтвердить.

— Извините,— прервал Рябченко генерал,— что вы собирались доказывать и подтверждать? Я что-то не совсем понимаю.

— Как что? — удивился сценарист.— Все факты, изложенные в официальной истории.

— А у вас были основания в них сомневаться? — Климов внимательно взглянул на отставного полковника.

— Не в этом дело,— снова покраснел тот,— я говорю, что меня что-то толкнуло, я должен отыскать их могилу. Не могу точно сформулировать свои побудительные мотивы. Есть вещи, которые не имеют объяснения...

— Значит вы действовали исключительно по собственной инициативе, — уточнил генерал,— не имея никакого поручения или задания от своего командования? Скажем, от того же Щелокова?

— Я действовал только по личному побуждению,— подтвердил Рябченко,— так как считал своим долгом, долгом русского человека, найти эти останки.

— А затем, что вы собирались с ними делать? — продолжал загонять полковника в угол генерал Климов.

— Не понимаю, что вы от меня хотите,— неожиданно ощетинился тот. — Я что-то незаконное совершил?

— Знаете,— сказал Климов,— все зависит от того, как на это посмотреть. Вы же знали о постановлении ЦК партии о мерах по пресечению нездоровых слухов в связи с приближением 60-летия со дня событий в Екатеринбурге? Вас же Щелоков специально и послал в Свердловск, чтобы проверить все на месте перед сносом Ипатьевского дома, какая реакция населения возможна и тому подобное. И вдруг вы начинаете искать останки бывшего царя, хотя отлично знаете, что Ипатьевский дом подлежит сносу, что

нужно пресечь нездоровое и идеологически вредное паломничество, которое наблюдалось у этого дома в предшествующее время. Цветы всякие, записки, сборища разных антисоциальных элементов. И в подобной обстановке вы начинаете искать могилу, рыться в спецфондах библиотек, штудируя Соколова, Дидерихса и прочую клеветническую литературу. Я вас спрашиваю, зачем? Во-первых, зачем вы мне рассказываете сказки, если у меня имеются все рапорты, которые вы направляли покойному Щелокову. Во-вторых, зачем Щелокову понадобились царские останки? Советую вам быть со мною откровенным, потому что дело не шуточное и выглядит гораздо серьезнее, чем просто частная инициатива любителя приключений. Надеюсь, вы меня поняли, Радий Трифонович? Думаю, что если мы обнародуем вашу роль в сносе Ипатьевского дома...

— Извините, товарищ генерал,— сказал Радий Трифонович, — но моя роль была совершенно ничтожной. Даже Щелоков тут был простым исполнителем. Все решалось, как вам известно...

— Хорошо, хорошо,— успокоил полковника Климов,— не нервничайте. Снесли, так снесли. Погорячились, как всегда. Никто вас ответственным за это делать не собирается. Мы отлично понимаем, что вы действовали по приказу. Но зачем Щелокову понадобились царские останки?

— Не знаю,— глухо ответил Рябченко.

— Не знаете? — переспросил Климов.— Хорошо. Это, в сущности, значения не имеет, знаете вы или нет. Если не знаете, то я могу вам рассказать: Щелоков хотел продать останки царской семьи на Запад, если мне память не изменяет, кажется, за двести тысяч фунтов стерлингов некой монархической организации, связанной с английской королевской фамилией. И получил аванс в тридцать тысяч фунтов, из которых частично финансировалась и ваша деятельность. Не правда ли?

— Даю слово коммуниста, товарищ генерал,— твердо сказал Рябченко,— мне ничего не было известно об этом. Я получил указание генерала армии Щелокова найти захоронение Николая II. И поручил мне это министр только потому, что знал меня как человека, интересующегося русской историей и...

— Я вам охотно верю,— дружелюбно прервал его Климов.— Мы знаем, что вы офицер и коммунист и, более того,

что вы порядочный человек. Просто меня удивило, что вы начали рассказывать мне какие-то небылицы, но думаю, что вы руководствовались той секретностью, которой окружил все эти мероприятия покойный министр внутренних дел.

Кивком головы Рябченко дал понять чекистскому генералу, что именно так все и было.

— Значит, Щелоков поручил вам найти останки царской семьи,— продолжал Климов,— и что же? Вы нашли их?

— Да,— подтвердил Рябченко.— Я нашел их.

— А что было потом? — поинтересовался Климов.— Где они сейчас?

— Потом, как вы знаете, у Щелокова начались дикие неприятности, и ему стало не до царских костей. Я нашел захоронение, вскрыл его, но потом все закопал обратно, отметив место.

— Так они там и лежат, где лежали? — спросил Климов.

— Да, товарищ генерал,— подтвердил Рябченко.

— А почему пришлось это захоронение искать? — поинтересовался Климов.— Разве в документах место захоронения не отмечено достаточно точно?

— В документах,— объяснил тот,— много неточностей. Там говорится, что тела растворили в кислоте, сожгли и бросили в шахту. Мои исследования показали, что это не так. Признаюсь, я долго искал. Мы начали работы в 1975 году, а нашел я захоронение четырьмя годами позже.

— Хорошо,— согласился генерал — представьте рапорт по поводу поисков и доказательств, что найденное захоронение действительно является могилой царской фамилии, как вы уверяете. Затем вы с моими людьми полетите в Свердловск и доставите останки сюда, ко мне. Вам ясно?

— Не совсем,— подумав, проговорил Рябченко.— Я понял из ваших слов, товарищ генерал, что покойный министр Щелоков, используя мои знания и опыт, пытался втянуть меня в опасное преступление. Хочу напомнить, что в настоящее время я не работаю больше в системе внутренних дел. Я кинодраматург, т.е. фактически, частное лицо. И прежде чем выполнять это поручение, я хочу знать, не втягивают ли меня в какое-нибудь противозаконное действие.

— Полковник Рябченко,— вздохнул Климов,— чтобы упрятать вас до конца жизни в зону, мне не пришлось бы

посылать в Свердловскую область за останками Романовых, поверьте мне. Вы были слишком близки с Щелоковым, чтобы не знать о многих делах своего начальника. Но я не сторонник подобных методов. Я пригласил вас, дорогой Радий Трифонович, вовсе не для каких-то там разоблачений, а для того, чтобы, если можно так выразиться, легализовать всю вашу прошлую деятельность, придав ей государственный и, если хотите, патриотический характер. Поэтому все ошибки, которые вы совершили в прошлом, равно как и те ошибки, которые вы, без сомнения, совершите в будущем, найдут свою могилу здесь.

Тонкая ладонь Климов легла на обложку канцелярской папки.

— Дело в следующем,— продолжал генерал.— Наверху есть мнение о целесообразности изменения официальной политики по отношению к некоторым аспектам нашего героического прошлого, в частности, к деятельности и личности последнего царя. Конечно, никто не собирается лепить из него национального героя, вроде Щорса, но переход к общечеловеческим ценностям, как наметила партия, делает биографию Николая весьма трагической и трогательной. Думаю, вы со мной согласитесь.

Рябченко хотел что-то вставить, но генерал остановил его движением руки:

— Минутку. Наша партия также считает, что на нынешнем этапе развития страны целесообразно увеличить роль религиозно-культовых учреждений в деле воспитания населения и повышения уровня общественной нравственности, которая, согласитесь со мной, за последние годы стала исключительно низкой.

Таким образом, вы как русский и, не бойтесь этого слова, православный человек... Ведь вы православный, надеюсь?

Рябченко пожал плечами:

— Не знаю, наверное...

Видимо, он не ожидал услышать из уст генерала КГБ что-либо подобное.

— Так вот,— продолжал Климов,— вы найдете царское захоронение, но уже не с целью преступного умысла покойного начальника продать их за границу или еще куда-нибудь, а чтобы их перезахоронить по христианскому обряду. Вам будут даны право и честь первооткрывателя. Возможно, придется выступить с рядом лекций перед об-

щественностью, дать интервью иностранным корреспондентам, организовать серию телевизионных передач и прочее. Понимаете меня? Притом вам не придется придумывать разные сказки по мотивации своих поступков. Но только первую фазу операции необходимо завершить быстро, я имею в виду доставку останков в Москву. Если вы умеете считать, то легко сообразите, что на ажиотаже вокруг этой темы вы легко заработаете больше, чем причиталось от щелоковской аферы. Процентов, я полагаю, не больше десяти тот предлагал?

— Пять,— улыбнулся Рябченко.

— Вот видите,— улыбнулся в ответ Климов,— в нашем варианте открываются гораздо более широкие перспективы. На все публикации — авторское право, наша дружба должна быть сколь искренней, столь и тайной. Разумеется все расходы по первому и частично по второму этапу операции, не говоря уже о некоторых организационных вопросах, мы берем на себя. Ну как? Удалось ли мне вас убедить?

Рябченко молчал, но опыт подсказывал Климову, что перед ним сидит уже убежденный человек.

III

Майор Сергей Куманин работал в КГБ уже двенадцать лет, куда он пришел фактически сразу после окончания МГИМО (Московского института международных отношений). Отец его, Степан Агафонович, был отставным подполковником погранвойск, всю жизнь мотался по разным границам и лишь после ухода в отставку осел в Москве. Двухкомнатную квартиру получил с трудом, как ветеран войны, и не без помощи своих друзей в Главном Управлении погранвойск КГБ СССР. Разумеется, связей отца было недостаточно, чтобы устроить сына в столь элитарное и престижное заведение, как МГИМО, но помог случай. Както повстречал Степан Агафонович своего старого знакомца, с которым еще до войны служил на афганской границе. Куманин был тогда лейтенантом, а тот — рядовым пограничником, призванным откуда-то из Зауралья. Время было тяжелое, смутное. Огромные территории Средней Азии контролировались мобильными конными группировками

таджиков, туркмен, узбеков, афганцев и персов, которых всех вместе было принято называть «басмачами». Ежедневно случались стычки, перестрелки, переговоры, вперемежку с взаимными обманами. Однажды на горной дороге Куманин вместе с этим пограничником попал в засаду. Коней убили, а пограничник был тяжело ранен. Тащил его Куманин на себе двое суток, сам чуть не умер от жажды, но дотащил товарища до заставы. Тот истекал кровью, и все думали, что конец близок. Никого, впрочем, это особенно тогда не волновало. Гибли каждый день. Своя жизнь стоила копейку, а чужая — и того меньше.

Но удалось доставить парня в госпиталь, где его поставили на ноги, а потом отправили куда-то учиться по системе НКВД. Так вышел он в большие начальники. Как-то после войны на одном торжественном собрании по поводу очередной годовщины органов ВЧК увидел его Степан Агафонович в президиуме. Был тот в штатском, но сидел между двумя генерал-лейтенантами. Куманина, хоть и видел, но не признал. Сам Куманин за долгие годы службы выработал привычку начальству без особой нужды о себе не напоминать, а тем более не кланяться. Потому и полковника не получил, хотя три года перед уходом на пенсию находился на полковничьей должности — замначальника политотдела пограничного округа.

Снова встретиться со старым знакомым довелось через много лет, когда Степан Агафонович, будучи уже в отставке, шел по улице Горького в Москве, одетый по полной форме. Формой этой он гордился и часто ее надевал, выезжая из «спального» района в центр столицы. Неожиданно кто-то его громко окликнул по фамилии. Куманин с удивлением оглянулся и снова услышал свою фамилию, произнесенную из полуоткрытого окна черной «Волги», притулившейся у тротуара в том месте, где стоянка машин была категорически запрещена.

Узнал он старого сослуживца сразу. Подсел в машину. Вспомнили совместную службу на границе. Больше вспоминать было нечего, да и не положено.

Знакомый спросил, не нуждается ли Куманин в чем-либо?

Он мог бы посодействовать, помочь, скажем, с жилплощадью, с пенсией или путевочку куда-нибудь.

Степан Агафонович отказался: все вроде есть, а жадным он никогда не был. Заговорили о детях, согласились,

что молодежь нынче пошла не та. Младший сын Куманина, Сергей, как раз в этом году школу заканчивал, и Степан Агафонович пожаловался, что не хочет сын категорически идти по стопам отца, т.е. поступать в пограничное училище. Впрочем, и в любое другое тоже. Покачали сокрушенно седеющими головами, но тут выяснилось, что старый знакомый Куманина ныне проректор МГИМО по науке. Сам предложил: «Пусть твой Сережа возьмет путевку в райкоме комсомола, а об остальном я позабочусь».

Так все и произошло без особых помех. Но, когда Сергей закончил институт, то даже протекции проректора оказалось недостаточно, чтобы попасть на дипломатическую работу за границей.

О МГИМО ходит много разных легенд, особенно по поводу того, какую широкую дорогу это учебное заведение открывает своим выпускникам. На деле, после его окончания можно было получить распределение в какую-нибудь провинциальную школу учителем истории или иностранного языка. Конечно, можно было попасть сразу и в секретари посольства в Вашингтоне. Но это — крайности. А между ними были всевозможные вакансии в Институт США и Канады, в Институт мировой экономики, в аппарате ЦК ВЛКСМ и, разумеется, в КГБ.

Именно КГБ и предложили Сергею Куманину, и он, под некоторым нажимом со стороны отца, согласился. Таким образом, была к большому удовольствию Куманина-старшего продолжена преемственность, династия, как любили в те годы говорить. Так или иначе, Сергей попал в ведомство, которому посвятил всю жизнь отец. Стал Куманин-младший, сам того не желая, потомственным чекистом, которые составляли нечто вроде аристократической прослойки в органах. До известной степени принадлежность к этой касте способствовала продвижению по служебной лестнице. Как-то Сергей решил выяснить, вероятно, для того, чтобы окончательно убедиться в своей родовой знатности, не был ли чекистом его дед Агафон? Оказалось, не был. Хотя, как посмотреть. Пропал Агафон Иванович в первые дни революции, успев двухлетнего Степана передать на попечение какой-то родственнице в деревню. Та вскоре померла от тифа, и приняли пятилетнего Степана добрые руки партии большевиков.

Чекистов в «третьем колене» и не могло быть, уж очень

часто «вырезали» практически полностью это ведомство, а в суровые времена даже целыми семьями. Уцелевшие потомки уже не рисковали идти по стезе своих покойных родителей.

Появился Сергей Куманин на Лубянке в 1979 году после окончания годичной школы КГБ в одном тихом, закрытом подмосковном поселке. Появление его совпало с пиком вулканической деятельности Юрия Владимировича Андропова, боровшегося за идеологическую чистоту советского народа и за очищение коммунистической партии от привнесенного с Запада дерьма, превратившего апологетов самого верного и передового в мире учения в деляг и хапуг низкого пошиба. Все это Андропов намеривался выжечь каленым железом до основания, а затем...

Лейтенант Куманин начал служить в 5-м Главном Управлении, известном как идеологическая контрразведка. Работы было выше головы. Эпохи хрущевского сопливого либерализма, а затем и брежневской «разрядки напряженности» породили массу гнойных язв на здоровом теле советского общества, которые иначе как раскаленной сталью было не вылечить. Кругом были сионисты, диссиденты, хранящие и распространяющие клеветническую литературу, сочиненную агентами ЦРУ, изданную на деньги ЦРУ и распространяемую по заданию того же ЦРУ на территории СССР. Приходилось проводить обыски и массовые аресты, конфисковывать горы книг, рукописей, картин, а позднее — и видеокассет. Набивались до отказа новые исправительно-лагерные зоны.

Сергей Куманин попал в относительно небольшое подразделение, занимавшееся борьбой с проявлениями великорусского шовинизма и буржуазного национализма, выяснив, к великому своему удивлению, что немало имеется разных подпольных групп, правда, немногочисленных по составу, исповедующих идеи, которые нельзя назвать иначе как монархическими. Полученное Куманиным образование с полным основанием позволяло считаться в равной степени историком и юристом, даже больше историком. Куманин не мог подумать, что у кого-нибудь может возникнуть ностальгия по такой ничтожной личности, как Николай II, последний русский царь, который сохранился в исторической памяти только потому, что создал в России

революционную ситуацию и, если честно говорить, то во многом благодаря собственной глупости.

Как-то Куманин во главе бригады нагрянул с обыском на квартиру к бородатому философу, который числился таковым только потому, что окончил, кажется, три курса философского факультета МГУ и был отчислен за систематические прогулы и академическую неуспеваемость. Это, однако, не помешало ему написать, работая сторожем, несколько книг по философии духовного кризиса славянства и полумистических путей его возрождения. Книги были опубликованы, естественно, на Западе, а их текстовая экспертиза, проведенная независимо друг от друга двумя докторами философии Института марксизма-ленинизма, показала, что автор нуждается в психиатрической помощи. В любом случае, его следовало изолировать от общества.

У философа конфисковали два кубометра книг. Разных Розановых, Бердяевых, Соловьевых, Флоренских и прочих злобных антисоветчиков и мракобесов, строжайше запрещенных в Советском Союзе. Поразило же Куманина то, что на стене комнаты, где жил философ, висели портреты Николая II и его злобного сатрапа-вешателя Столыпина. Это были фоторепродукции из каких-то дореволюционных иллюстрированных изданий, заключенные в дешевые современные рамки.

На допросе Куманин сообщил философу, что весь его бред по поводу славянской философии выдает в нем вялотекущую шизофрению, и спросил, что заставило его держать у себя портреты двух самых кровавых палачей русского народа, о духовном возрождении которого он так заботился? В ответ философ захохотал. Хохотал он долго, потому был отправлен в сумашедший дом, где умер после первого укола аминазина. Оказалось, что у него очень слабое сердце.

Другой арестованный был более словоохотлив. Он оказался историком, преподавателем научного коммунизма в одном из московских вузов. При обыске у него нашли массу изданных на Западе книг и брошюр, посвященных жизни, деятельности и трагическому концу последнего русского императора. Попался он на том, что пытался установить контакт с неким западным издательством, существующим на деньги ЦРУ, чтобы издать свою монографию по истории последнего царствования.

— Чем это последнее царствование вас так вдохновило, позвольте узнать? — поинтересовался Куманин.— Тем, что рабочие и крестьяне России были доведены до предела нищеты, что в их крови захлебнулся царизм, уже обреченный историей?

— Ну, что касается крови,— неожиданно окрысился арестованный историк,— то кровь, которую пролил Николай, можно вообще не принимать во внимание по сравнению с той кровью, которую пролили вы, придя к власти.

— Кто это «вы»? — поинтересовался Куманин.— Вы, кажется, член партии? А позволяете прямо у меня в кабинете вести антисоветскую пропаганду. С какой целью вы пытались популяризировать личность Николая? По чьему заданию?

— В партию я вступил, чтобы без работы не остаться,— признался арестованный,— а личность последнего русского монарха достойна великой славы и почитания. Вам, наверное, известно, что Русская Зарубежная Церковь канонизировала его и всю его семью как святых — новомучеников.

— Мне известно,— сказал Куманин,— что на Западе делают все возможное, чтобы опорочить наш общественный строй. И не гнушаются при этом никакими средствами, используя морально опустившихся людей, вроде вас.

— Думаю, что речь сейчас не о моей личности,— ответил историк, — а о личности императора Николая. Могу вам сказать, что ни один русский царь не вызывает у меня столько уважения, сколько он. Он был первым в тысячелетней истории России, кто, возможно, интуитивно нащупал тот путь, по которому государство могло выйти в такие дали, что не снились ни одной стране. Поверьте мне, он бы это сделал, если бы не ряд трагических обстоятельств, которые не удалось ему предусмотреть и в которых были скорее виноваты его предшественники, чем он.

Историк получил три года тюрьмы и год ссылки.

Так постепенно Куманин втягивался в работу, вольно или невольно обретая знания, к которым не стремился, но которые сами «шли» к нему. Дело в том, что ему приходилось читать конфискованные при обысках книги и рукописи, чтобы можно было юридически точно формулировать обвинительные заключения. Ведь по ним выносили свое ре-

шение и официальные предостережения, и суды и принимались меры административного порядка.

Разумеется, все прочесть было совершенно невозможно. Но не следует забывать, что Куманин закончил гуманитарный институт и научился писать аннотации и синопсисы, не читая целиком источники. Составить мнение о книге, скажем того же Соколова «Убийство царской семьи» было не сложнее, чем законспектировать материалы XXIV-го съезда партии по тысячестраничной стенограмме. Так, помимо своей воли, Куманин узнал, что Николай II был исключительно образованным и вежливым человеком, что он владел несколькими иностранными языками, был прекрасным семьянином, нежно любил свою жену, четырех дочерей и единственного, неизлечимо больного сына. Что император был исключительно скромен (так и остался полковником, поскольку считал неудобным самого себя производить в генералы), искренне верил в Бога, был в какой-то степени фаталистом, произнося в минуту сильных потрясений: «На все воля Божья». Что он был очень работоспособным человеком, изучал дела самым внимательным образом, не передоверяя их столоначальникам, и обходился даже без личного секретаря. Что он очень заботился о просвещении в России, покровительствовал наукам и искусствам, содержал за свой счет театры и приюты, строил церкви и соборы, любил армию и флот, был неплохим спортсменом: прекрасно ездил верхом и играл в теннис, ходил на яхтах, байдарках, играл в городки. Пил очень умеренно, но много курил. Имел добрые «глаза газели», светлокаштановые волосы и русую бородку. Был очень прост и в общении.

Постепенно в сейфе Куманина собралась уникальная библиотека, посвященная личности Николая II и его царствованию, конфискованная при обысках как «не имеющая права храниться в частных собраниях». С одной стороны, эта библиотека была уникальной, поскольку состояла из книг, изданных на Западе ничтожными тиражами, с другой,— она ясно указывала, насколько легко доставляется в СССР любая антисоветская литература. Было очевидно, что связи между советскими гражданами и разными антисоветскими центрами за границей еще далеко не полностью выявлены чекистами.

Особую ценность Куманинской библиотеке придавали

книги Соколова «Убийство царской семьи» и Дидерихса (колчаковского генерала) «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале». Много и других, практически не известных даже специалистам-историкам, имеющим допуски в спецхраны, работ, например, монография некого Кобылина «Император Николай II и Генерал-адъютант М. В. Алексеев» или, скажем, злобно-антисоветская книга какого-то Криворотова «На страшном пути до Уральской Голгофы», или ханжески-благочестивая брошюрка попа-эмигранта Алферьева «Император Николай II как человек сильной воли» с подзаголовком «Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великого Страстотерпца».

А чего стоили работы самозванного «профессора» Пагануцци, безапелляционно озаглавленные «Правда об убийстве Царской семьи», «Правда о преступлении в Екатеринбурге» и так далее — столько «правды»!

Как-то Куманин посчитал, сколько книг по этой теме накопилось в его несгораемом шкафу, и убедился, что их уже только на русском языке 280.

Книги, посвященные личности последнего русского царя, как ни странно, издавались во всем мире. Куманин даже составил список, где выходили эти «исследования», получился длиннейший список городов: Нью-Йорк, Париж, Лондон, Мадрид, Рим, Джорданвилль, Буэнос-Айрес, Сан-Франциско, Вашингтон, Брюссель, Белград и даже Пекин, Джакарта и Тель-Авив. Вырисовывалось идеологическая петля, которую с разных направлений любыми способами пытались накинуть на горло Советскому Союзу. Все книги несли в себе биологический антикоммунизм и совершенно некритическую апологетику Николая II. «Можно подумать, что не было в его царствование ни 9 января, ни Московского восстания, ни Ленского расстрела, ни еврейских погромов, ни поражения в русско-японской войне, ни полного краха в первой мировой, где он, кстати сказать, был Верховным Главнокомандующим».

Даже канонизация Николая, членов его семьи и приближенных, расстрелянных в Ипатьевском доме, носила не столько церковный, сколько антисоветский характер.

Во всех этих книгах подчеркивалось, что только преступники, причем не политические, а чисто уголовные, мог-

ли отдать приказ об убийстве пяти ни в чем не повинных женщин и несовершеннолетнего царевича Алексея.

Эта истерическая кампания, развернутая с размахом западными спецслужбами на идеологическом фронте, пытающаяся запятнать коммунистическую партию и священное имя ее основателя — великого Ленина, требовала принятия строжайших ответных мер. С монархистами было приказано бороться еще суровее, чем с сионистами. Сроки давать на полную катушку и во всех случаях пытаться выявить агентурную сеть иностранных разведок.

Центральный комитет партии даже принял решение о целесообразности выхода в СССР публикации на данную тему, которая, будучи авторской, являлась бы полуофициальным мнением советского руководства как на личность самого Николая II, так и на его судьбу.

Данное поручение предложили выполнить ранее мало кому известному историку и публицисту Марку Касвинину. В результате явилась на свет книга, названная «Двадцать три ступени вниз». Это была авторская находка, обыгрывавшая двадцать три года царствования Николая II как лестницу с двадцатью тремя ступеньками. С каждым годом, по мысли автора, Николай опускался на одну ступеньку, пока лестница не привела его в подвал Ипатьевского дома. В аннотации к книги говорилось: «23 года царствования последнего представителя династии Романовых отмечены множеством тяжких преступлений, и народ вынес ему свой справедливый приговор. Книга М. К. Касвинова повествует о жизни и бесславном конце Николая Кровавого, дает достойный отпор тем буржуазным фальсификаторам, которые старались и стараются представить его безвинной жертвой». И хотя главным в работе был подбор доказательств того, что Николай II всеми своими делами и поступками заслужил расстрел, автор так и не мог ничего толком сказать, за что же была расстреляна вся царская семья. Потому он делал героическую попытку «отмазать» от этого преступления самого Ленина и свалить все на самочинство местных, екатеринбургских, большевиков, не желающих подчиняться центру. Это и стало почти официальной установкой.

Через некоторое время группа Куманина накрыла в Подмосковье настоящий монархический центр, насчитывающий трех мужчин и двух женщин. Первые же допросы

дали понять, что «центр» имел связь с проживающим во Франции великим князем Владимиром Кирилловичем, не стесняющимся носить титул «главы» Русского Императорского Дома в изгнании. Князь — сын двоюродного брата Николая II, скандально известного великого князя Кирилла Владимировича — приходился царю троюродным племянником.

Вот с ним-то и поддерживал связь «монархический центр».

Изучение захваченных документов и допросы арестованных сразу дали понять следователю, что тут речь идет не просто о тенденциозном изучении истории с целью распространения заведомо клеветнической информации, порочащей советский государственный и общественный строй (за что карала 70-я статья УК РСФСР), а о подготовке настоящего монархического переворота. Другими словами, речь шла о насильственном свержении существующего в СССР строя. Это уже тянуло на 64-ю статью Уголовного кодекса, предусматривающую расстрел.

Следствие быстро выяснило, что тихий подмосковный городок являлся как бы центром паутины, нити которой вели в самые различные антисоветские центры западных спецслужб, начиная с радио «Свобода» и кончая Обществом русской Православной молодежи.

Всплывали в ходе следствия фамилии кадровых иностранных разведчиков вроде князя Голицина и Шаховского.

Готовился показательный процесс.

Вся группа следователей была досрочно повышена в звании (Куманин стал капитаном) и представлена к правительственным наградам. Но тут, как гром среди ясного неба, последовал приказ руководства: уголовное дело против «монархического центра» прекратить, подследственных освободить под подписку о невыезде и ждать дальнейших распоряжений.

Все это было настолько непонятно, что руководитель группы подполковник Волков захотел выяснить подробности у начальства.

Начальство комментировать свой приказ не стало. Генерал, выпроваживая Волкова из кабинета, только вздохнул, развел руками и показал красноречивым жестом в потолок.

Кипучая деятельность, начатая во времена Андропова,

сворачивалась на глазах. Прах Юрия Владимировича со всеми почестями опустили в Кремлевскую стену, но желание продолжать его дело, дело очищения народа и партии, которые, как известно, едины, осталось.

Новый Генеральный секретарь Черненко никаких новых указаний не дал — либо не захотел, либо не успел, поскольку очень быстро умер. С приходом же его преемника Михаила Горбачева, которого все с восторгом встретили в КГБ, поскольку было известно, что новый генсек играл второго центрового в андроповской команде, сразу начались какие-то заморочки.

Подполковник Волков был уволен в запас. Встал вопрос: кого назначать новым командиром группы. Никто как-то не проявил особого желания, чего раньше никогда не отмечалось. И командиром группы был назначен Куманин, хотя его кандидатура как бы не рассматривалась вследствие недостатка опыта и низкого воинского звания.

«Опыт — дело наживное,— решило начальство,— а звание — поправимое». И Куманин стал майором.

После этого он начал лично присутствовать на инструктажах, которые проводил с командирами подразделений куратор от ЦК КПСС. Куратор разъяснил, что на данном этапе следует прекратить аресты монархистов, воздержаться от проведения обысков (по крайне мере, официальных), открытые уголовные дела закрыть, и впредь до особого распоряжения ограничиться профилактическими мероприятиями.

Профилактические беседы для настоящего чекиста — пустое времяпрепровождение.

— Вы будете отрицать,— спросил Куманина один из профилактируемых граждан,— что Петр Александрович Столыпин был величайшим русским государственным деятелем?

— Он был прежде всего не Александровичем, а Аркадьевичем,— поправил Куманин.

Это явилось для профилактируемого таким откровением, что беседу пришлось закончить.

Какое-то время группа Куманина просто ничего не делала, приводила в порядок накопившиеся документы, актируя конфискат. Куманин решил заодно актировать (т.е. списать в кочегарку) и книги, которыми были забиты уже два несгораемых шкафа. «Процессы прекратились, и на

кой ляд все эти книги занимают место?» Он написал соответствующее представление, приложил акт, где, как положено, перечислил все единицы хранения, и пошел визировать эти документы у заместителя начальника отдела «А» полковника Кудрявцева.

— Да ты что, Сережа? Сдурел? — поинтересовался полковник, просмотрев «единицы хранения».— Ни в коем случае. Это тебе не Солженицын с Авторхановым. Это же уникальные вещи. Мы их вскоре в «ленинку» передадим с оркестром и телевидением. Документы он вернул, но один экземпляр акта все же оставил у себя.

Как-то к Куманину в внеурочное время пожаловал инструктор идеологического отдела ЦК. Сергей Степанович, сидя у себя в кабинете, пытался, отчаянно мучаясь, составить очередной ежемесячный отчет о проделанной его подразделением «работе». Приходилось попотеть, придумывая всяческие «подвиги» группы, фактически же все они только фиксировали деятельность различных монархических, промонархических и псевдомонархических неформальных организаций, которые в последнее время плодились, как кролики.

Инструктор ЦК, худощавый, светловолосый, с большими залысинами, мужчина лет пятидесяти, был серьезно сосредоточен.

— Товарищ Куманин,— начал он,— на данном этапе центр борьбы за социализм перемещается.

В разговорах с кураторами и инструкторами ЦК КПСС главное было — не задавать никаких вопросов, а только слушать, всем своим видом демонстрируя и полное одобрение, и полное понимание. Поэтому Куманин не стал выяснять, куда именно переместился «центр борьбы за социализм» а продолжал внимательно слушать. Оказалось, что с началом декларированной Горбачевым эпохи гласности партия стала подвергаться нападкам как слева, так и справа, и обвиняться во всех смертных грехах.

— Все, кому КПСС доверила служить в ее боевых отрядах, прежде всего в КГБ, должны защищать партию,— продолжал инструктор.

С.Куманин всем своим видом дал понять, что на своем участке он никогда не даст своим подопечным монархистам нападать на партию, даже если для этого потребуется круглосуточно проводить с ними профилактические бе-

седы. И тут мысли, которые неотвязно преследовали Куманина, вырвались и он произнес: «Далеко уехать на одних профилактических беседах нельзя, брать надо и сажать!».

— Я с вами полностью согласен, товарищ Куманин,— вытирая лоб платком, сказал инструктор ЦК,— но, к сожалению, решаем не мы, а политбюро. И партийная дисциплина обязывает нас...

Куманин успокоил инструктора, заверив, что он высказал свое мнение исключительно в рамках партийного демократического централизма.

— Есть мнение,— продолжал инструктор,— что на нынешнем этапе партия должна взять под свой контроль многие общественные процессы, начавшиеся в нашей стране после того, как ЦК и Политбюро взяли курс на перестройку и гласность...

При последних словах инструктор поморщился, как от зубной боли.

— И не только взять эти процессы под свой контроль,— развивал свою мысль инструктор,— но и повлиять на них в русле партийной политики. Это касается и того участка работы, за который несете ответственность вы, товарищ Куманин и возглавляемое вами подразделение.

Куманин внимательно слушал. Между КГБ и ЦК КПСС давно уже сложились отношения, которые вполне можно было назвать ритуальными.

Сначала к одному из секретарей ЦК вызывалось руководство органов, генералы знакомились с партийными установками по всем внутриполитическим проблемам. Логично было бы, если бы по возвращении в Управления, они собрали своих подчиненных и дали им директивы к действию. Но ничего подобного не происходило. По Управлению начинали ползти всевозможные слухи, а генералы хранили таинственное молчание. Так проходила неделя, другая. Затем к командирам подразделений приходили инструкторы ЦК и разные кураторы из отдела по руководству «административными органами» при ЦК, которые и проводили с ними индивидуальный инструктаж. Иногда дело спускали в горкомы и даже в райкомы, но это происходило редко. После того, как инструкторы завершали ознакомление командиров подразделений начальников отделов с последними партийными установками, по Управлению проходили партийные собрания, а поскольку членами КПСС

были поголовно все сотрудники, то их вполне можно было считать оперативными совещаниями, с той лишь разницей, что эти совещания вели не начальники управлений, а парторги.

Выступавшие на собраниях ограничивались туманными формулировками, поскольку в КГБ никто не должен был знать, чем занимается соседнее подразделение. Генералы тоже не были более конкретными, даже когда ставили перед подчиненными «боевую»задачу. Младшие по званию должны были понять, чего от них хотят. Поэтому более всего информации можно было почерпнуть из бесед с инструкторами ЦК.

— В последнее время,— продолжал инструктор,— создается нездоровый ажиотаж вокруг личности последнего русского царя Николая II с признаками идеализации его персоны. Особенно это касается известных событий в Екатеринбурге в июле 1918 года, семидесятилетие которых приходится на текущий год. Существует мнение, что и нам следует пересмотреть свою позицию относительно личности последнего царя в положительном аспекте. Своих людей надо будет внедрить в монархические организации, чтобы не дать возникнуть крупным общественно-политическим союзам. Вы меня понимаете, товарищ Куманин?

— Личность царя,— признался Куманин,— меня никогда не интересовала. Хороший он был, плохой — это вопрос чисто идеологический. В своей работе мы исходили исключительно из того, насколько монархическое подполье представляет опасность для партии и государства, которые мы, чекисты, обязаны защищать. Теоретически мы брали за основу работы Владимира Ильича Ленина, заклеймившего, со свойственной ему гениальностью, последнего Романова такими эпитетами, как «злейший враг народа», «кровожадный», «вешатель», «палач», «погромщик», «изверг» и так далее. В последней инструкции из ЦК, насколько мне помнится, говорилось: «Как бы ни пытались обелить его современные доброжелатели с Запада, им никаким гримом не замазать кровавого клейма с царя, душителя народа». Вот та теоретическая база, которой мы до сих пор руководствовались. Какова же новая?

— Вы совершенно правы, товарищ Куманин,— вздохнул инструктор, — но, к сожалению, отныне вам придется руководствоваться в своей работе иными положениями.

Надо признать, что царь был не злым человеком, верил в Россию, хорошо относился к своей семье и не был алкоголиком, как утверждалось ранее. Мнение о том, что он был совершенно бездарным государственным деятелем, остается в силе. Но главное не в этом. Необходимо всячески подчеркивать, что ни Ленин, ни партия не несут никакой ответственности за то, что произошло в Екатеринбурге.

— А кто несет ответственность? — поинтересовался Куманин.

— Евреи,— снова вздохнул инструктор.

— Евреи? — переспросил Куманин.

— То-есть, сионисты,— поправил себя инструктор, хотя было хорошо известно, что инструкторы ЦК — не цеховые агитаторы и никогда ни одного лишнего слова не говорят, а уж тем более не оговариваются.

— Вам хорошо известно,— продолжал инструктор,— что наша партия вела и ведет последовательную борьбу с сионизмом. Могут меняться формы этой борьбы, но суть ее остается неизменной: разоблачение происков и преступлений сионизма всеми доступными способами и их пресечение. Это касается не только настоящего, но и прошлого. На данном этапе даже больше прошлого, чем будущего, поскольку в Политбюро разрабатывается комплекс мер по нормализации отношений с Израилем. Но это ни в коей мере не должно отражаться на принципиальных вопросах идеологии. Поэтому возникло мнение, что товарищи Троицкий, Юровский, Голощекин и даже товарищ Свердлов были не столько большевиками, сколько сионистами, проникшими в большевистские ряды со своими многочисленными соплеменниками-сообщниками, чтобы уничтожить российскую государственность и захватить власть. В настоящее время в научном отделе ЦК идет подбор соответствующих высказываний товарища Ленина по этому вопросу. Поэтому убийство семейства Романовых целесообразно считать не столько политическим, сколько ритуальным. Вы улавливаете мою мысль, товарищ Куманин?

Куманин молча кивнул.

— Затем,— монотонным голосом изрек инструктор,— эти же самые товарищи разожгли в России пожар гражданской войны с целью истребления русского народа, чему всячески противилась наша партия и ее вожди товарищи Ленин и Сталин. В таком ключе, но в более осторожных вы-

ражениях, надо провести работу с монархическими и прочими организациями, которые мы пока назовем «консервативными». Желательно, чтобы через них эти идеи проникли в печать и нашли отклик у творческой интеллигенции, которой не безразлична судьба родины и социализма. Это все, что я могу пока сказать. Но надеюсь, задача вам ясна.

Майор Куманин не был убежденным антисемитом, как, скажем, те его коллеги, что боролись на широком фронте с сионизмом в составе того же 5-го Управления. В жизни он с евреями сталкивался мало, даже можно сказать, вообще не сталкивался. Так уж сложилась судьба. В то время, когда Сережа рос и мужал, среди знакомых и сослуживцев отца евреев не было и быть не могло. В школе был один еврейский мальчик, но где-то еще в классе, кажется, в пятом, уехал с родителями в Америку, и его заклеймили на собрании совета дружины. Математик, старик Фишман, никаких положительных или отрицательных эмоций у него не вызывал. А в МГИМО в те годы, когда Сергей там учился, разумеется, не было ни одного еврея ни среди студентов, ни среди преподавателей. Нельзя сказать, что евреи вообще вызывали у Куманина какие-то эмоции.

И вот теперь это задание...

Куманин был достаточно умен и образован, чтобы понять: партия дрогнула, начала отход с занимаемых позиций и, отвлекая от себя внимание, прикрывается дымовой завесой, избрав для этого евреев, потому что больше некого. Ну что же, он, как офицер КГБ и солдат партии, которая одна может указать ему врага на данном этапе, обязан с этим врагом бороться, нейтрализовать его или уничтожить.

Сонная жизнь группы Куманина снова забурлила. Новые идеи через осведомителей полетели в массы, создавались организации не столько уже монархические, если не считать атрибутики, сколько антисемитские. Для них шилась униформа, выделялись деньги для газет и журналов соответствующего направления, читались лекции. Куманин летал в Екатеринбург, Омск и Новосибирск, где под видом историка прочел несколько лекций о последних днях царской семьи, в которых прозвучали разоблачения участников убийства, были раскрыты и их псевдонимы, которыми они прикрывали свои еврейские имена и фами-

лии. Его былая группа, в составе которой он некогда боролся с монархистами, выросла чуть ли не вдвое. В нее влились офицеры, ранее боровшиеся с сионистской опасностью, привнеся в деятельность подразделения новые знания и свою вулканическую энергию. Сам С.С.Куманин почти не бывал в своем кабинете на Лубянке. Он летал в разные города, пропадал в ЦК, в Союзе писателей СССР и РСФСР, мотался по редакциями всевозможных газет, консультировал историков, поучал режиссеров.

Уже пошли куда-то наверх документы о внеочередном присвоении ему звания подполковников, что в неполные 33 года было совсем неплохо! Коллеги завидовали — вот пруха мужику. Кто бы мог подумать, что на бывшем царе можно сделать такую карьеру!

Если кто и не приветствовал его энтузиазма, так это Куманин-старший, с которым Сергей с детства привык советоваться. Только прослышав про евреев, Степан Агафонович насторожился, не за судьбу последних, конечно, а за судьбу сына.

— Поосторожнее, Сережа,— посоветовал он,— не зарывайся особо. Такое уже было в пятидесятых годах. Повторяются они. Многих работников, которые в те годы эту дымзавесу раздували, потом шлепнули без суда и следствия. А кого не шлепнули, тех без пенсии выгнали из органов. Многих посадили. Ты смотри...

Сергей отмахивался: «Времена ныне не те. Я на этом деле подполковника получу и стану начальником отдела. А это уже полковничья должность. Полковником буду в тридцать пять лет, плохо, что ли? А что этим евреям, которые нашего царя убили, сделается? Мы обстановку контролируем. Никто их пальцем не тронет. Пусть спокойно в свой Израиль уезжают. Мы не такие глупые, как вы, папа. Вы тогда, в пятидесятых, чувство меры потеряли — за что и поплатились».

Степан Агафонович только головой покачивал. «Что с молодежью делать? По минам идут и улыбаются. Мудрости на чужом опыте не набраться. Только — на собственной шкуре. Так, видно, устроен мир».

Но в сердце отца росла тревога.

В калейдоскопе событий дни летели со страшной быст-

ротой. Прошли не очень шумные митинги по случаю семидесятой годовщины со дня расстрела царской семьи, на которых клеймили, как и было задумано, не столько Ленина и его партию, сколько затесавшихся в нее сионистов, которых, уже называли для простоты или иудомасонами, или жидосионистами, а то и просто жидами.

Но кипучая энергия майора Куманина и его подчиненных дала и другие всходы. Начали раздаваться голоса о необходимости перезахоронения останков царской семьи в освященной могиле по христианскому православному обряду. Теперь Куманину приходилось выступать уже перед русскими эмигрантами первой волны, глубокими стариками, и перед их потомками, сидеть в президиумах всевозможных конгрессов соотечественников, славянского и православного братства, наставлять священнослужителей и даже самого патриарха.

Между тем, пришло сообщение, что известный кинодраматург Радий Рябченко нашел останки царя и его семьи и что скоро произойдет захоронение священных останков в присутствии английской королевы, приходящейся Романовым дальней родственницей.

Был конец мая 1989 года.

Куманин хорошо запомнил этот день. Он сидел в спецхране «Ленинки» и штудировал брошюру о ритуальных убийствах евреями христианских младенцев, изданную в Мюнхене в 1935 году (выпускникам МГИМО полагалось знать два иностранных языка). Работа была напечатана готическим шрифтом, поэтому чтение шло медленно, и Куманин находился в состоянии некоторого раздражения. Времени было мало. Ему надо было еще успеть в Академию наук на семинар по славянской письменности и культуре. Многие историки еще яростно сопротивлялись утверждениям, что в упадке того и другого виноваты евреи, а не коммунисты. Убеждать их нужно было тонко, совсем не так, как на митингах. В этот момент Куманина позвали к телефону.

— Куманин,— услышал он в трубке голос полковника Кудрявцева, ставшего к этому времени уже начальником отдела «А»,— ты когда-нибудь на работе вообще появляешься? Ты где работаешь: у нас или в обществе «Память»?

Завтра к девяти ноль-ноль, чтобы был на рабочем месте. Тебя генерал вызывает.— И повесил трубку.

Слова «тебя генерал вызывает» ничего, конечно, не объясняли. Во-первых, какой генерал? В последнее время Куманин докладывал о проделанной работе и генералу Прилукову (начальнику КГБ Москвы и Московской области), и генералу Абрамову (начальнику «куста» идеологических отделов), и даже однажды генералу Бобкову (зампреду КГБ).

Кто из них вызывает? Обычно не вызывал никто. К ним просились на прием, чтобы утрясти те или иные пробуксовывающие вопросы.

Мелькнула мысль о возможном повышении. Бумаги на подполковника ушли более года назад куда-то наверх, да там и потерялись. Может, наконец, вернулись, и его вызывают в связи с очередным повышением в звании? Хотелось, чтобы было так, но опыт подсказывал — к большому начальству вызывают только для дачи фитилей, а о повышении сообщают из управления кадров, причем не генералы, а отставные майоры-инспекторы, окопавшиеся там чуть ли не с ежовских времен.

Сергей перебрал мысленно все свои дела за последний месяц. «Вроде все нормально, все согласовано, все в рамках полученных инструкций и указаний». Никакой отсебятины Куманин себе не позволял. Служба научила его чуждаться импровизации. Разумная инициатива возможна, но только в рамках полученного приказа. Впрочем, начальство всегда найдет, за что вставить фитиль.

IV

Прибыв к девяти утра на Лубянку, Куманин с удивлением узнал, что его вызывает генерал Климов, о котором никто не мог толком сказать, чем он занимается и вообще что это за человек. Ходили слухи, что Климов начинал службу чуть ли не при Абакумове и был офицером спецгруппы, сделав карьеру на том, что мастерски ломал плоскогубцами носы сотрудникам, впавшим в немилость у грозного министра. Но более знающие утверждали, что

Климов появился в центральном аппарате КГБ только при Андропове, а до этого работал где-то на юге. Сам Куманин за всю службу видел Климова не более десяти раз и ни разу ему не докладывал. Видел же, главным образом, на торжественных собраниях, где Климов подремывал в президиуме, а Куманин — в зале. Правда, лет пять назад случайно повстречался он с генералом Климовым в коридоре Управления, и тот огорошил его совершенно неожиданным вопросом: «Куманин! Ты почему до сих пор не женился?». Сергей опешил от такого вопроса, покраснел и не знал, что ответить. Генерал милостиво улыбнулся, изрек: «Женись пока молодой. У нашего брата после сорока уже не . . .» и пошел дальше по коридору. Куманин думал, что все это может означать, уж не звонил ли Климову его отец, недавно допекавший Сергея подобными вопросами — внуков хотел. Но Сергей дал себе слово не жениться до получения звания полковника, да и не тянуло, если честно сказать. Полностью отдавал себя работе, хотя в КГБ холостяцкая жизнь особо не поощрялась. Семья всегда была фактором, уменьшающим вероятность каких-либо взбрыкиваний сотрудников.

Поэтому Куманин с некоторым волнением, но без всякой робости вошел в приемную генерала Климова, как д'Артаньян некогда в приемную Ришелье.

Миловидная прапорщица наклонилась к селектору и проворковала:

— Майор Куманин по вашему вызову, Виктор Иванович,— и, подняв глаза на Куманина, сказала:

— Проходите.

Генерал сидел без пиджака, с развязанным галстуком и читал газету, судя по шрифту и макету,— «Московские новости».

При виде Куманина он жестом предложил ему сесть, но «к руке не допустил», что мысленно отметил Сергей. Когда входишь к какому-нибудь высокому начальству, очень важно, удостоит он тебя рукопожатия или нет.

Хотя Климов С.Куманина рукопожатием не удостоил, но встретил приветливо, снова спросив:

— Ну, что, Сергей, женился? Нет? Правильно! На нашей

работе нечего семьями обзаводится. Только вдов плодить, да сирот»,— и засмеялся.

Начало было многообещающим. Виктор Иванович спросил, как служба, и, получив такой же стереотипный ответ: «все нормально, товарищ генерал», задал Куманину вопрос:

— Так кто же все-таки царя шлепнул: большевики или евреи?

Куманин смешался:

— Указание же было прямое, товарищ генерал, из ЦК.

— Я не про это спрашиваю,— снова засмеялся Климов,— я хочу знать, что ты сам об этом думаешь?

Конечно, можно отшутиться, сказать, мол, мне, думать не положено, мое дело приказы выполнять, но у каждого младшего офицера есть шестое чувство, безошибочно подсказывающее, когда можно шутить при руководстве, а когда нет. Поэтому он сделал попытку уйти от ответа, прикрывшись длинной и туманной фразой, которой в разных вариантах часто пользовались на заре перестройки и гласности.

— Мне кажется, товарищ генерал,— ответил Куманин,— что некоторые политические силы, рвущиеся к власти, хотят использовать судьбу последних Романовых в своих интересах.

Климов оценил ответ майора.

— Куманин,— сказал он,— вам задан конкретный вопрос: кто убил царя? А вместо ответа вы, кажется, собрались прочесть мне лекцию, наподобие тех, что читаете в «Обществе славянского братства». Так кто же убил нашего царя. Наша партия?

— Царь был расстрелян по решению Уральского областного совета,— ушел в глухую оборону Куманин,— без ведома центра в связи с неизбежностью захвата Екатеринбурга белогвардейцами и невозможности эвакуации Романовых в тыл. Об этой акции екатеринбургские товарищи немедленно сообщили Ленину и Свердлову, которые...

— Сразу видно выпускника МГИМО,— прервал его Климов.— У нас на Ставропольщине в сельскохозяйственном техникуме, где я когда-то учился на ветеринара, историю лучше преподавали. Ладно, продолжай.

— Ввиду того,— неуверенно продолжал Сергей,— что

среди екатеринбургских товарищей было много товарищей, т.е. лиц еврейской национальности, возникла историческая гипотеза, что указанные лица наряду с партийными задачами могли решать и свои узконациональные задачи...

— Нет,— снова прервал его Климов,— решительно нельзя позволять оперативным работникам долго общаться с недоумками из ЦК. Это ведет к разжижению мозгов. Если бы подобное вы, Куманин, осмелились нести покойному Юрию Владимировичу, чьим приказом вы приняты к нам на работу, то, уверяю, он бы тут же распорядился отвести вас в подвал и расстрелять. Но почему-то все думают, что я этого приказать не могу. А я могу.

Климов говорил все это с улыбкой, но глаза его становились стеклянными, хотя и оставались лучистыми.

Вместо того, чтобы смертельно испугаться, Куманин разозлился, чего сам не ожидал.

— Я не понимаю,— резко сказал он,— какого ответа вы ждете от меня, товарищ генерал. Люди, убившие семью Романовых, не были поголовно ни евреями, ни большевиками. Но среди них были и евреи, и большевики. — Он помолчал и добавил: — И большевики-евреи.

— Ну, что ты взъерепенился,— миролюбиво проговорил Климов,— шуток не понимаешь. Знаешь, меня сейчас не столько интересует, если говорить серьезно, вопрос, кто и за что убил семью Романовых, сколько совсем другое: где они их похоронили? Ты не знаешь, случайно?

— Так Рябченко же нашел захоронение,— ответил Куманин,— я сам в какой-то газете читал...

— Я бы этому Рябченко,— раздраженно заметил Климов,— яйца оторвал за все его делишки. Аферист!

Генерал протянул Куманину газету, оказавшуюся номером «Московских новостей» от 16 апреля нынешнего года. На последней полосе газеты красовалось изображение черепа со сплошной впадиной вместо рта, как бы вопиющий к небесам. Над фотографией большими синими буквами был набран заголовок: «Обнаружены останки последнего царя!» и чуть ниже подзаголовок: «Вскрыто место захоронения Николая II и его семьи». Под черепом была подпись:

«Череп Николая II. Опознан Радием Рябченко, который обнаружил его недалеко от Свердловска».

Затем следовало интервью самого Рябченко, данное им корреспонденту газеты Александру Кабакову. На вопрос корреспондента, может ли он доказать, что найденные им останки действительно принадлежат царю и его семье, а также открыто место их захоронения, бывший полковник милиции ответил: «Я готов предложить найденные мной останки любой коммисии экспертов. Но только, если получу заверение, что они будут похоронены по христианскому обряду. До этого место их захоронения будет оставаться в тайне». На вопрос, что заставило его, полковника милиции, ранее писавшего восхваляющие МВД сценарии, а затем начавшего разоблачать коррупцию в милиции, заняться этой историей, Рябченко пояснил: «Подобная историческая драма — казнь царской семьи без суда — остается очень таинственной», а потом, он всегда этой драмой интересовался. Далее он рассказал, как приехал в 1976 (а не в 1975) году в Свердловск в качестве «популярного милицейского писателя» для встречи с личным составом местных органов милиции, как внезапно понял, что должен побывать в Ипатьевском доме и найти могилу царя. «Меня что-то толкнуло,— сознался он журналисту.— Это был глас свыше...».

— Я это все читал, товарищ генерал,— сказал Куманин, просмотрев еще раз интервью и положил газету на стол.— Разве трудно этого Рябченко заставить показать место захоронения? Я его вызову завтра к себе, и он у меня отсюда не выйдет, пока все не расскажет и не покажет...

— Не горячись,— прервал его генерал.— Рябченко действовал по нашему заданию. Это мы, а вернее, я, старый дурак, разрешил передать ему сии материалы в печать. Экспертиза проверила череп, который ты видишь на фотографии, и определила, что он женский. Ныне времена такие, что на «туфту» мало кого возьмешь. Наука так двинула вперед — что хочешь определит. Существует генетический анализ костей и многое другое, что и не снилось нашим судмедэкспертам и криминалистам. А что касается находок всяких, то ты знаешь, наша страна такая,

где не копни, обязательно на груду черепов наткнешься с пулевыми дырками в затылке...

Генерал замолчал, что-то обдумывая.

— А как Рябченко все это объясняет? — вставил вопрос Куманин.

— Сначала он в полный отказ ушел,— объяснил Климов,— ничего, мол, не знаю. Могила обнаружена точно. Тогда по пути к шахтам у них машина сломалась, и они всех похоронили чуть ли не прямо на дороге. Наши ребята в Свердловске осмотрели это место, но что они могут сказать? Никто этим вопросом специально не занимался, а этот Радий Рябченко уверяет, что все архивы перерыл, вычисляя, где же их похоронили. Сначала говорил, что эксперты ошиблись. Я с ним беседовал. Женский череп от мужского на глаз отличается, как женщина от мужчины. Бывают, правда, пограничные ситуации, что требуют специального анализа, но в случае с этим черепом все было предельно ясно. Я это и объяснил Рябченко. Лекцию ему прочел по антропологии и пообещал в зоне сгноить. Возможно, он действительно ошибся в своих расчетах, а возможно, что-то темнит. Они же со Щелоковым покойным давно целились загнать царские останки за бугор и получить за это валюту. Может, он ждет удобного случая, потому и место захоронения держит пока в секрете, а нас за нос водит. Думаю, нам самим нужно царскую могилу найти. Как ты думаешь, Куманин?

Зачем все это нужно,— Куманин не понимал,— но, чтобы что-то ответить на вопрос Климова, пробормотал не очень уверенно:

— Так точно, товарищ генерал.

— Замечательно,— обрадовался Климов.— Мне нравится, что ты понимаешь важность проблемы. Поэтому приказом начальника управления ты откомандирован в мое распоряжение. Руководство группой сдай своему заместителю. Тебе поручено разыскать настоящее захоронение. В рамках этого задания тебе даются исключительные полномочия. Докладывать будешь лично мне. Все ясно?

— А срок? — спросил Куманин.

— Молодец,— похвалил Климов.— Службу знаешь. Не более года. И учти, Куманин, дело на контроле у генсека.

Очень важное дело. Твои документы на подполковника у меня в сейфе. Выполнишь задание — они из сейфа выйдут уже утвержденными вместе с приказом, так что старайся. Иди, сдавай дела. Кудрявцев уже в курсе. О сути дела ему знать не обязательно. Когда сдашь дела — постарайся до обеда,— у меня в приемной получишь соответствующие предписания. Все. Желаю успеха. — И генерал показал глазами на дверь.

Глава 2.

I

В предписаниях, которые Куманин получил вечером того же дня в секретариате генерала Климова, говорилось, что «майор Куманин выполняет особо важное правительственное задание», а потому «все партийные и советские органы» обязаны оказывать ему полное содействие. Предписание было отпечатано на бланке Председателя КГБ СССР, а к нему был приложен знаменитый красный вкладыш в удостоверение, способный открыть перед его обладателем любые двери, включая бронированные аппарели правительственных бункеров. Расписавшись в получении, Куманин вернулся к себе в кабинет, чтобы перед уходом домой обдумать создавшееся положение. Принимая у него дела по командованию подразделением, начальник отдела полковник Кудрявцев сделал, как говорится, губы бантиком, почмокал и сказал:

— Смотри, Сергей, я бы отказался. Те, кто с Климовым непосредственно работал, грубо говоря, либо сразу перескакивали через чин, либо до сих пор числятся в каких-то длительных командировках. И я сильно подозреваю, что улетали они в эти командировки через трубу крематория,— посмотрел на Куманина и добавил: — Ладно, шучу.

Куманин опечатал свои несгораемые шкафы с «романовской» библиотекой, повесил на никелированные ручки замков таблички «Не вскрывать!» и поехал домой, продолжая думать о разговоре с Климовым.

«Почему для этого задания выбрали именно меня?»

Это первый вопрос, который оперативный работник, если он уже вышел из возраста юношеского романтизма, должен был задавать себе, коль имел желание спокойно выйти на пенсию, когда положено.

«Какого результата ждет руководство?» — Это второй вопрос, на который еще труднее было дать ответ. Командованию далеко не всегда нужна была объективная картина, и оперативник должен сам догадываться, что от него

ждут, постоянно балансируя при этом над пропастью, ибо руководство порой и само не знает, какого результата оно ждет. К тому же эти «ожидания» могли со временем перемениться. На первый вопрос довольно логичный ответ: он всю службу на Лубянке занимался монархистами, и у руководства могло сложиться впечатление, что он большой специалист в этом деле. На деле же Сергей Степанович глубоко в монархические дела не вникал, а лишь боролся с конкретными проявлениями этого атавизма в советском обществе. С поисками ответа на второй вопрос дело обстояло неважно. Почему Климов не обратился к каким-нибудь ученым: историкам, краеведам и тому подобным. Но, здраво поразмыслив, Куманин пришел к выводу, что, во-первых, генерал Климов, возможно, уже обращался к экспертам и ничего вразумительного от них не получил, а, во-вторых, разве есть сейчас в научном мире специалисты по этому вопросу? Смешно. Куманин последние два года достаточно поварился в их среде, чтобы понять: никто ничего толком не знает, смакуются одни прописные истины, почерпнутые главным образом из популярных брошюр, тексты которых им подсовывал Куманин и его подчиненные. Значит, ему поручено провести первое профессиональное расследование: при каких обстоятельствах и как была убита царская семья, где члены ее были захоронены и что затем случилось с их останками. Видимо, установление точного и доказательного места захоронения императорской фамилии является сутью задания, но зачем это понадобилось начальству?

Из того немного, что Сергею сказал генерал Климов, было очевидно, что тут замешена большая политика — «дело на контроле у самого». «Не собирается ли Горбачев, который нынче стал еще и президентом, объявить себя в итоге императором? А царские останки ему понадобились, скажем, для какой-нибудь ритуальной клятвы при собственной коронации: «Клянусь священным прахом своих предшественников на Всероссийском троне...» или что-то в этом духе».

Действительно, не готовится ли в стране монархический переворот? При всей дикости подобного предположения, ничего невероятного оно в своей основе не содержится. Во-первых, подобные прецеденты в истории уже бывали. Можно вспомнить о Борисе Годунове, можно о более близ-

ком — императоре Наполеоне Третьем, который сначала стал президентом, а потом взял и объявил себя императором. Правда, он был племянником Великого Бонапарта, что как-то его оправдывало. У нас же могут любое родство, тем более дальнее, доказать в шесть минут.

«Тогда,— продолжал размышлять Куманин,— мне придется в лучшем случае удирать куда-нибудь за границу. Обязательно найдутся добрые люди, которые вспомнят, чем я занимался на Лубянке». Как ни смешны были подобные рассуждения, они не столько позабавили Куманина, сколько усилили тот странный дискомфорт, который он ощущал с момента выхода из кабинета генерала Климова.

Но зачем все это нужно именно сейчас? Климов говорил, что Щелоков и Рябченко в свое время вели поиск царских останков с целью продажи их за границу, где многие эмигрантские организации готовы были заплатить любые деньги, чтобы вызволить «из поругания» мощи канонизированных новомучеников. Будь это, скажем, в тридцатых годах, им можно было подсунуть чьи-угодно останки. Сейчас подобный номер не пройдет. Экспертиза сразу же обнаружит любой подлог. Понимали ли это Щелоков с Рябченко? Покойный министр внутренних дел воровал загипнотизированно — не постеснялся даже приказать пристрелить известную актрису Зою Федорову из-за каких-то бриллиантовых «цацек», но умный Рябченко должен был направить на путь истинный. Значит, они должны были искать настоящее захоронение, в противном случае «клиенты» их тут же разоблачат и не постесняются начать вселенский скандал. Весьма вероятно, что не Щелоков был инициатором всего этого дела. Совсем не случайно, что начало поисков, которые вел Рябченко, совпали по времени со сносом Ипатьевского дома. Видимо, где-то было принято решение окончательно закрыть этот вопрос: дом снести, а останки передать за границу. Только зачем просто так передавать, если русские общины, разбросанные по всему свету, вкупе с еще живыми близкими и дальними родственниками покойных, готовы за это заплатить?

А что же хочет сейчас сделать с останками нынешний генсек? Получить под них очередной заем на перестройку? Или, если верить тому, что говорит в своих многочисленных интервью Рябченко, перезахоронить их по христианскому обряду где-нибудь недалеко от мавзолея, чтобы придать

новый стимул туристам, приезжающим в Москву исключительно для того, чтобы поглазеть на московский Кремль с собором Василия Блаженного, сходить в Третьяковку да в Большой театр. А тут будет еще один повод приехать в Москву и потратить валюту на укрепление мира и социализма. Как говорит М.Горбачев: «Больше социализма, больше демократии!».

«Интересно,— продолжал размышлять Куманин, сам удивляясь ходу своих мыслей,— за семьдесят два года Советской власти фактически не создано ничего, что выглядело бы привлекательно или хотя бы занимательно в глазах иностранных туристов, если не считать занимательным натыканные повсюду памятники и бюсты Владимира Ильича. А вот все созданное до революции, включая и русский балет, вызывает жгучий интерес в мире. Даже наши ракетно-космические успехи не столь привлекательны для западного интуриста, как какая-нибудь деревянная церковь, чудом сохранившаяся в огне, которым уничтожали «опиум для народа», или икона. Можно ли все это объяснить одним «биологическим» антикоммунизмом иностранцев или причины кроются гораздо глубже?»

Куманин вспомнил, как, еще будучи лейтенантом, водил под видом экскурсовода делегацию левых депутатов французского парламента по музею В.И.Ленина. Депутатам было откровенно скучно, хотя они из вежливости пытались скрыть это и терпеливо слушали его рассказ о невероятных мытарствах вождя мирового пролетариата по царским тюрьмам и ссылкам, где он был вынужден мастерить из хлеба шахматы, а из молока — симпатические чернила и страшно возмущался, не получив от «махрового реакционера» иркутского генерал-губернатора молочного поросенка за счет казны к очередному православному празднику. Но зато как они загалдели, когда, выйдя на площадь, увидели купола собора Василия Блаженного, как закидали Куманина вопросами (в музее не задали ни одного). Кто и когда построил столь великолепный собор, можно ли осмотреть его убранство изнутри, кто его настоятель, когда в нем служба? Куманин, слегка растерявшись, отвечал, как мог, а потом объявил, что в настоящее время собор находится на реставрации и службы в нем временно отменены. Себя же он поймал на мысли, что не знает создателя этого чуда архитектуры. Дома полез в Большую Со-

ветскую энциклопедию, но там не нашел ничего. Человек он был упорный, поэтому разыскал в библиотеке Советскую историческую энциклопедию и выяснил, что собор был построен в 1555-1560 годы в ознаменование присоединения Казанского ханства к Московскому государству. Строили собор мастера Барма и Постник, которых приказал после завершения строительства ослепить благодарный царь Иоанн Васильевич Грозный. Царь так восхитился шедевром, что испугался, как бы мастера еще где такое чудо не воздвигли, и принял «меры». МГИМО, который в свое время заканчивал Куманин, помимо всего прочего, давал своим питомцам историческое образование в объеме университета. В те же дни Куманин, может быть, впервые задумался, что он знает из истории собственной страны. Он мог назвать даты партийных съездов, партконференций, пленумов, кующих Генеральную линию партии. Период нэпа, героические годы первых пятилеток, Великая Отечественная война, великая ракетно-космическая эпоха, завершение которой должно совпасть по времени с окончательной и полной победой коммунизма во все мире. Все, но это все после 1917-го года? А до? Четыреста лет татаро-монгольского ига, создание государства Московского, реформы Петра, нашествие Наполеона, Бородино, Пушкин, декабристы, Герцен, а дальше сплошная борьба с самодержавием вплоть до победы Великой Октябрьской революции. История России оставалась туманной, в памяти всплывали фразы, как из Устава караульной службы. Восстание Степана Разина, восстание Емельяна Пугачева, суд над Радищевым. Декабристы, Пушкин и Лермонтов, а затем чередой шли народники, народовольцы, эсеры, меньшевики и большевики-триумфаторы. А что он знает, скажем, о царствовании Алексея Михайловича, или Екатерины II, или Николая I? Что он знает о человеке, могилу которого ему приказано отыскать, и от которого странным образом зависит его дальнейшая служба?

Ровным счетом ничего, хотя в его сейфах хранится, наверное, больше фотографий последнего царя, конфискованных при проведение различных обысков, чем в некоторых государственных архивах, если они там вообще сохранились. Николай II еще ребенком на руках у матери, юноша во флотской форме, фотография императора с женой и детьми, с различными государственными деятелями

(в подавляющем большинстве ему неизвестными), с послами, с генералами, в могилевской ставке, в Царском Селе и, наконец, в Тобольске. Сергей никак не мог вспомнить, были ли какие-нибудь фотоснимки екатеринбургского периода или нет?

Итак, он должен был признать, что он ничего не знает ни о личности последнего царя, ни о его судьбе.

Правда, главной задачей их деятельности была компрометация не столько последнего Романова, сколько монархического движения в стране, дезинтеграция его как единого целого, пресечение объединительных тенденций и внутри СССР, и с монархическими организациями Запада.

Без ложной скромности можно сказать, что он, Куманин, и его подразделение блестяще справилось с возложенными задачами.

Во-первых, удалось доказать полную нелегитимность претензий на пост наследника престола главы Российского Императорского Дома в изгнании Владимира Кирилловича Романова, не говоря уже обо всех остальных истинных и ложных претендентах. Среди первых были многочисленные потомки пяти сыновей великого князя Александра Михайловича. Среди вторых самозванцы стихийные и подсадные. Взаимодействуя с коллегами из 1-го Управления (внешняя разведка) и МИДа, удалось взрастить несколько замечательных авантюристов, выдающих себя за внуков царских дочерей. «Внуков» разоблачал «Интерпол», но само появление их вносило дополнительное смятение в монархическое движение внутри страны, тающее на глазах как раз в тот момент, когда по логике событий оно должно было усиленно развиваться. Гениальная идея обвинить евреев в екатеринбургской трагедии, родившаяся в ЦК КПСС, творчески развитая в КГБ и удачно внедренная в разрозненные монархические группы провокаторами, привела к тому, что эти организации быстро превратились в нечто напоминающее бандформирования, от которых с ужасом шарахались не только благородные седовласые старцы из первой волны эмиграции, но и местная милиция.

Благодаря стараниям Куманина монархистов облачили в униформу, которая придавала карикатурный и нелепый вид, хотя должна была вызывать трепет. У обществен-

ности их вид неизбежно вызывал ассоциации с ряжеными скоморохами.

Для общества «Память» Куманин через Главное политуправление вооруженных сил достал флотскую форму старого образца и черные пилотки подводников. В эту форму первым обрядился его лидер Дмитрий Васильев, украсив ее генеральскими погонами и милицейской портупеей. Китель дополняли черные бриджи, заправленные в высокие сапоги. Однажды Куманин лично сделал осмотр нового воинства, считавшего себя местоблюстителями русского трона и авангардом в войне с евреями, и остался доволен. «Пусть еще кто-нибудь заикнется о светлой чистоте монархических идей!»

Форму украсили всевозможными крестами, значками, двуглавыми орлами и прочей атрибутикой, добавляющей нелепости и заставляющей всех держаться от этих молодцов, как от греха, подальше. Более мелкие группы обрядили в форму, которую якобы носили офицеры царской армии и белогвардейских соединений. Началось стихийное производство самих себя в офицеры: есаулы, ротмистры, корнеты, поручики, штабс-капитаны, штабс-ротмистры, хорунжие, сотники. На Лубянке хохотали до слез. Драгуны Его Величества, Уланы Ее Величества, Казаки Его Высочества Наследника Цесаревича, Первый флотский Ее Величества королевы Эллинов экипаж...

Лейб-гвардия, лейб-казаки, лейб-медики, Лейба Троцкий...

В помощь им откомандировали несколько бывших инструкторов горкомов и райкомов, которые в рамках партийной дисциплины безропотно влезли в мешковато сшитую форму царских полковников, неумело крестясь на чудотворные иконы. Более уверенно чувствовали себя прикомандированные к монархистам профессиональные борцы с сионистами из Института марксизма-ленинизма и с различных кафедр истории КПСС, научного коммунизма и марксистско-ленинской философии, где проводилось повальное сокращение. Вчерашние профессора и доценты, используя свой многолетний опыт преподавательской деятельности, лихо организовывали митинги, клеймили сионистов, масонов, евреев и марамоев. Так формировалась «методика» популяризации монархизма.

И над всем этим возвышалась застенчивое, простое и

доброе лицо последнего русского монарха, павшего в неравной борьбе с сионизмом, как будто он был не Всероссийским Императором, а королем Иордании.

«Во Иордане крещающий!»

КГБ долго водил по катакомбам Русскую Церковь, фактически превратив ее в один из своих филиалов, как и церковь официальную. К делу удалось привлечь и некоторых священников из катакомб и из окружения официальных митрополитов, напоминавших, что евреи не только царя зарезали, но и Христа распяли.

Рожденная в недрах ЦК идея была воплощена в жизнь подразделением Куманина, насчитывавшим, смешно сказать, семнадцать человек. Иногда, в порядке содействия, давали временно человек десять из других подразделений. А ведь работать приходилось не только в Москве, но и во всех крупных городах Союза: Ленинграде, Минске, Киеве, Свердловске, Омске, Новосибирске, вплоть до Владивостока. Сколько же энергии и творческого порыва потребовалось, чтобы всю монархическую идею свести к простому жидоборству!

Конечно, имелись и издержки. Как-то Куманина вызвали на Старую площадь и показали газету «Пульс Тушино», одним из тайных учредителей которой был он сам. Газета поместила снимок открытия в Москве памятника Карлу Марксу с такой подписью: «Жид Клебер открывает памятник жиду Марксу на площади жида Свердлова». Товарища Куманина мягко пожурили и предупредили, чтобы его подопечные не импровизировали. Другая куманинская газета «Русское Воскресенье» напечатала подборку материалов, доказывающих жидовское происхождение Ленина. Сергею по телефону объявили выговор, пока без занесения.

Он собрал редакторов и запретил им впредь, до особого распоряжения, упоминать в своих газетах вождей партии и пролетариата, будь то Роза Люксембург или Лазарь Каганович. В заключение беседы он приказал перейти на бытовой антисемитизм и пригрозил разогнать. Затем случился более серьезный прокол. Кто-то умудрился записать на магнитофон одну из его лекций, прочитанную в Академгородке Новосибирска, да еще и сфотографировал его. Фотография сначала появилась в одной русскоязычной израильской газете под заголовком «Новый Эйхман —

полковник КГБ Сергей Куманин — готовит общественное мнение СССР к еще одному окончательному решению еврейского вопроса». Лекции всегда Куманин читал, скрываясь под вымышленной фамилией. Было интересно, кто и как его вычислил, хотя ошибочно и провел в полковники. Возмущало же содержание самой статьи, где утверждалось, что он призывал к массовому истреблению еврейского населения страны в качестве возмездия за убийство царской семьи, хотя ничего подобного никогда не было. Напротив, все руководители монархических организаций, превращенных Куманиным в антисемитские, были строжайше предупреждены: стоит им в своем боевом задоре перейти известные границы, как их немедленно поставят на место в рамках свирепого советского законодательства, и никто даже пальцем не шевельнет ради их спасения. А любое упоминание о КГБ, как бы бездоказательно оно ни было, приведет только к увеличению срока и усилению режима содержания.

Однако израильскую клевету с удовольствием перепечатали несколько влиятельных европейских газет, а радио «Свобода» не без ехидства процитировала статью в своем обзоре печати, присовокупив и запись лекции Куманина, где говорилось об извечной тяге евреев к ритуальным убийствам.

Это называлось «подорваться на собственных минах».

Было очень обидно, что в тени остались отделы, денно и нощно боровшиеся с сионизмом под руководством целого сонма генералов, а в луч прожектора попал он, Куманин, боровшийся с проявлениями русского шовинизма. «Единственное маленькое подразделение, призванное воспитывать именно русских людей в духе морального кодекса строителей коммунизма, втянули в борьбу с евреями и подставили». Выдать фамилию Куманина мог только кто-то из своих. Это было ясно как день. Куманин и сам хорошо знал, как это делается, не первый день работал в конторе. Фамилии оперативных работников секретны, но когда надо, любая уборщица назовет твою фамилию, жалуясь на то, что ты не вытираешь ног при входе в отдел. И тебя уволят с позором.

В тот раз полковник Кудрявцев потребовал от Куманина объяснительную записку. При этом он ругался матом, но не по адресу Куманина, а по адресу «этих пидаров из

ЦК, которые, конечно, и заложили «тебя, Сергей», чтобы самим уйти в тень, а КГБ — подставить». Видимо, у них где-то произошел свой прокол.

Две недели спустя и последовал вызов к генералу Климову. «Получается, Климов фактически отстранил его от дел, взяв в свое личное распоряжение». Другими словами, его сняли с подполковничьей должности, а на какую поставили — неизвестно. Может, вообще вывели за штат (таких случаев было сколько угодно), чтобы удобнее было потом расправиться. «Прав был отец, когда советовал избегать подобных дел».

«С другой стороны, разве можно назвать опалой, когда он выбран руководством для выполнения задания, находящегося на контроле у генсека. Все странно, надо сказать, очень странно».

Столь хаотические мысли и воспоминания одолевали Куманина по дороге в Измайлово, к отцу. С отцом он не виделся, считай, уже больше двух месяцев. За делами редко удавалось навестить старика.

Жил Степан Агафонович в двухкомнатной квартире один. Жена, его Анна Сергеевна, умерла, когда Сергею было четыре года. Сам Сергей жил в однокомнатной квартире, полученной от щедрот Управления, в большом ведомственном доме недалеко от станции метро «Аэропорт». Старший брат, подполковник погранвойск, жил с семьей в Душанбе.

Степан Агафонович поднимал сыновей один. После смерти жены он отказался от нового брака, «чтобы у пацанов не было мачехи», хотя вариантов имелось немало. И хотя нынче он любил поворчать на молодежь вообще и на сыновей в частности, в душе гордился ими: партия оказала ребятам особое доверие — в чекисты абы кого не берут.

Куманин-старший разных там объятий и поцелуев не любил. Пожал сыну руку, сурово осмотрел с головы до ног и буркнул: «Мог бы и позвонить, а то совсем пропал. Думал уж, что ты сам пал жертвой ритуального убийства, как младенец во времена царя Ирода».

— Хуже,— рассмеялся Сергей,— в такое дело влип, что скоро все сионисты в мире начнут на меня охоту, как на Эйхмана.

Отец встревоженным взглядом уколол сына:

— Что случилось?

— Ерунда,— отмахнулся Сергей,— если бы мог рассказать, ты бы посмеялся.

В квартире отца было чисто, но неуютно, как в казарме. Правда, это была обстановка, в которой Сергей вырос, а потому казалась родной.

Старый диван, на котором спал Степан Агафонович, превращался днем в кресло. Старенький сервант украшали бронзовые бюстики Ленина и Дзержинского, оба не покупные, а подаренные Куманину-старшему по случаю каких-то юбилеев. Грамота ЦК ВЛКСМ, окантованная в строгую рамочку, напоминала еще о довоенных временах, когда двадцатилетний Степан Куманин был делегирован от пограничного отряда на съезд комсомола в Москву. Над диваном, тоже в строгой рамке,— фотография Степана Агафоновича с покойной Анной Сергеевной. Степан и Анна молодые, в гимнастерках с лейтенантскими кубиками на петлицах. На лицах — выражение неподдельного счастья — только что поженились.

Сергей понимал, что действительно надо съехаться, но времени заняться обменом не было.

Пошли на кухню, где Степан Агафонович угостил сына чаем с сушками.

— Хочешь сгущенки? — предложил отец,— В «ветеранском» выдавали по две банки на нос. В городе-то ее нет.

— Спасибо,— отказался Сергей.— У нас в буфете эту сгущенку хоть ящиками бери.

— Чем ты сейчас занимаешься? — поинтересовался Степан Агафонович.— Все евреев разоблачаешь?

— Отстранили меня от этого дела,— признался Сергей.— Теперь, папа, перешел на работу непосредственно с руководством. Видно, меня в ЦК приметили. Скоро, наверное, большим человеком стану.

— Что-то ты без особой радости об этом говоришь,— заметил отец.

— Честно тебе скажу,— признался Сергей,— куда-то исчезли все вехи и ориентиры, к которым я привык. Делаю много, а понимаю мало. Даже на своем участке. Скажи, на кой ляд кому-то наверху понадобилась вся эта муть с гласностью и перестройкой? Как говорили в ваши времена, в чем ныне генеральная линия партии? Ты мне можешь ответить?

— Не знаю,— вздохнул Степан Агафонович.— У нас в

стане ветеранов тоже все растеряны. Ничего понять нельзя, что происходит. Все на ЦРУ и сионистов валят. Удалось им пробраться, говорят, в самое сердце нашей партии, и начали они ее развал изнутри. А сигналом была диверсия в Чернобыле.

— Да,— задумался Сергей.— Скажи, папа, а у тебя не складывается впечатление, что кто-то снова хочет заменить нашу власть монархией?

— Что? — не понял отец.— Монархией? А кого в цари?

— Ну,— усмехнулся Сергей,— царя-то всегда найдут. Посмотри, сколько раз было, что удачливые генералы объявляли себя императорами. А у нас? За кого гвардия, тот и царь. Дело не в личности. За кого наша дивизия Дзержинского, тот, считай, не только царь, но и Бог. Но не об этом речь. Царь, там, король, император — это всего лишь персонификация монархического уклада общества. Мне кажется, что сейчас намечаются сдвиги именно в этом направлении.

— Да не говори глупостей,— рассердился Куманин-старший.— Я, хоть с тобой не учился, но тоже кое-что смыслю в таких делах — после войны целых два года в Политической академии обучался. Весь уклад монархии основан на наследственном праве и сословных привилегиях. А большевики с первого же дня стали эту систему ломать. Во-первых, были уничтожены сословия и вместе с ними, естественно, и привилегии. Всем были предоставлены равные возможности, в зависимости от способностей. К чему мы всегда стремились: «Каждому по потребностям, от каждого по способностям».

— А скажи, пап,— спросил Сергей,— почему ты меня в музыкальную школу не определил? Я же в школе здорово на гитаре играл. Многие говорили, что у меня даже талант есть. А стали мы с братом, как ты, чекистами. Не объясняй, и так ясно — связи у тебя, блат в этом мире, когда надо — в меру сил помочь можешь, когда надо — и соломки подстелишь. Вот вам и зачатки наследственного права, сословных привилегий. А был бы ты, скажем, оперным певцом, то стал бы я артистом. Работал бы ты в МИДе, так я после института не в КГБ попал бы, а в какое-нибудь наше консульство, например, где-нибудь в Варну.

— Ты не путай,— улыбнулся Степан Агафонович,— то

не сословные привилегии, а, говоря по-русски, просто блат. Это разные вещи.

— Но в развитии он неизбежно приводит к наследственному праву,— возразил Сергей.— Посмотри на Северную Корею. Там уже должность генсека партии объявлена наследственной. Значит, в самой социалистической системе заложена постепенная трансформация в систему монархическую. Для этого надо лишь принять пару-другую постановлений Политбюро, сперва секретных. А потом все пойдет автоматически. Ленин писал, что в России возможны две системы власти: царская или советская, что в соответствии с марксистской теорией единства противоположностей говорит о возможности плавного, я бы сказал, безреволюционного перехода одной системы в другую.

— Ты заработался,— хмуро сказал отец,— вот тебя и повело на аналогии. А выйди на улицу и спроси о монархизме людей? Они тебя на смех подымут, только и всего.

— Да причем тут это? — возмутился Сергей.— Люди давно забыли разные там термины и формулировки, но в душе они остаются монархистами, хотя считают себя коммунистами или вообще никем, Эта идея — в подсознание народа.

— В подсознании нашего народа,— к большому удивлению Сергея ответил Степан Агафонович,— имеется только одна идея — выживания. Этим все и пользуются, навязывая ему то монархизм, то...— старик запнулся и добавил —... чего похуже.

— Бать, ты чего? — ошалел Сергей.— Ты о чем это?

— Ладно,— махнул рукой отец.— Тут неизвестно до чего можно договориться. Я вспомнил, как до войны пришлось мне присутствовать при допросе одного сумасшедшего старика. Тот нас уверял, что царя Николая II не расстреляли, а держали вроде как тайного консультанта, чтобы он своими знаниями помог большевикам новую империю построить на социалистической основе. И он вроде согласился, признав, что социализм — светское воплощение в жизнь православных идей.

— И что с этим стариком стало? — заинтересовался Сергей.— Что он еще рассказал?

— Знаешь, что сказала мышка, повстречавшись с кошкой,— без тени улыбки спросил в свою очередь Степан Агафонович.

— Знаю эту старую чекистскую присказку,— ответил Сергей,— ничего не сказала. Не успела.

— Вот то-то и оно,— подтвердил отец.— Мало кто успевал что-нибудь сказать в те годы. Не любили, как сейчас, выслушивать... Шлепнули этого старика в тот же день. Разговор тогда со всеми был короткий...

— Слушай, папа,— перебил отца Сергей,— мне очень интересно, скажи, значит, до войны ходили слухи, что царя не расстреляли? Кроме этого старика, ты что-нибудь слышал о подобной версии?

— Много разных слухов ходило,— ответил Степан Агафонович,— и такие ходили, как этот. Что будто бы бывший царь чуть ли ни у самого товарища Сталина в советниках ходит, потому что,— старик рассмеялся,— сам товарищ Сталин — побочный сын Александра III, а потому они как бы братья. Ленин-де хотел с царем расправиться за то, что тот брата его приказал повесить, а Сталин брата своего спас, и держал при себе. Представляешь?

Что-то в последнее время время изменилось в рассуждениях отца, но что именно, Сергей толком понять не мог.

Очередной сюрприз ждал его, когда он, пожелав отцу спокойной ночи, пошел спать в бывшую свою комнату, где стояли две узкие кровати, его и брата. Проходя через маленькую прихожую, где на небольшой тумбочке стоял телефон, Сергей чисто автоматически заметил лежащий рядом с аппаратом конверт, адресованный отцу. Взглянув на обратный адрес, Сергей еще более удивился. Письмо было прислано из Ленинграда каким-то Израилем Лазаревичем Ариманом, проживающим в колыбели трех революций, на Васильевском острове, по адресу: Камская улица, дом 24. Он машинально, по профессиональной привычке, отметил, что на обратном адресе указаны только улица и дом, а номера квартиры нет. Куманин никак не думал, что у отца есть знакомые со столь звучными именами. Отец очень активно работал в совете ветеранов и вел большую переписку чуть ли не со всем Союзом. «Мало ли с кем он когда-то служил». Список ветеранов у него был в большой записной книжке в переплете красного цвета с изображением Спасской башни Кремля. Засыпая, Сергей задумался чем это письмо его так поразило, может, из-за имени отправителя. Впрочем, он вскоре забыл об этом.

Несмотря на то, что в данном майору Куманину предпи-

сании ничего не говорилось о необходимости проведения каких-либо исторических исследований, а поручалось найти, наконец, место захоронения последнего царя и его семьи после расстрела их в 1918 году, сам он понимал свою задачу скорее как исследование, а не как расследование. Хотя какая между этими двумя понятиями разница? И тут, и там приходится копаться в документах, изучать источники, искать доказательства, опрашивать свидетелей, проводить различные экспертизы и тому подобное. Различие состояло в том, что в итоге расследования открывают или закрывают уголовные и прочие дела, а в итоге исследования, если повезет, пишутся рефераты и монографии, защищаются диссертации. Иногда у Куманина возникало неясное желание плюнуть на все и уйти куда-нибудь преподавать историю, все равно какую. Он мог довольно профессионально преподавать в средней школе историю СССР, а в вузе — историю КПСС. На одну из кафедр его даже зазывали, правда, почасовиком. Но это для начала, минимум через год-полтора можно было бы защититься и стать доцентом, а там открывалась дорога в большую науку. Вот и теперь промелькнула мысль: «Не пора ли начать научную карьеру», но все же он решил сначала докопаться до истины. Утром следующего дня Куманин прибыл в Центральный архив КГБ, расположившийся скромно и без вывески в огромном здании в двух кварталах от Лубянки. В архиве, тщательно проверив все пропуска и предписания, Куманина провели к худому, маленькому и сморщенному старичку, сидевшему в крошечной каморке на первом этаже. Вид каморки был непрезентабельным и совершенно не вязался с помпезностью самого здания, выполненного из бетона и стекла в стиле архитектуры позднебрежневского периода. Одет архивариус был в армейскую рубаху без галстука и в форменные, но изрядно помятые брюки.

— Диссертацию пишете? — поинтересовался он, ознакомившись с куманинскими предписаниями.— Если пишете, то должен вас разочаровать. У нас, дорогой мой, хранятся документы только после 1954 года. А все, что было раньше, в другом месте. Вам надо ехать на Калужское шоссе к окружной дороге. Там все документы более раннего периода, хотя там главным образом документы СМЕРШа времен войны собраны. А по интересующему вас вопросу лучше в обычных исторических архивах что-нибудь по-

искать. Недавно вот по телевизору выступал какой-то писатель. Так он все для своей книги накопал в университетской библиотеке.

— У меня несколько другая задача,— пояснил Куманин,— поэтому...

— Я понимаю,— сказал старичок,— но хочу вам сказать честно, здесь вы ничего не найдете. Не у нас надо искать, не в нашем ведомстве. Люди в Екатеринбурге, что занимались царем и его семьей, по большому счету, даже не были чекистами, если подходить к этому вопросу формально. Они представляли местные советы. Потом, многое хранилось в архивах НКВД. Позже, в 1941 году, когда наркомат разделили, все передали в архив МВД. Да и то я в этом сильно сомневаюсь. Повторяю, что те люди в Екатеринбурге не принадлежали к нашему ведомству. Если выражаться современным языком, они были прямыми представителями высшего партийного руководства страны. Скорее, интересующие вас материалы нужно искать в партийных архивах.

По фразе «занимались царем и его семьей» в старичке сразу угадывался бывший прокурор военных трибуналов СМЕРШа, занимавшийся в своей жизни не одной тысячей людей, а ныне направленный доживать в архивную пыль.

Калужское шоссе дрожало от грохота многотонных грузовиков, мчавшихся на фоне каких-то незавершенных строек, и кранов, застывших в различных позах, как окаменевшие доисторические чудовища. Стояла страшная жара, особенно остро ощущаемая из-за поднятой машинами пыли. Филиал архива КГБ размещался в приземистом двухэтажном здании, окруженном высоким (почти вровень с крышей) глухим бетонным забором с железными воротами, украшенными красными звездами военного ведомства. В наглухо закрытую дверь проходной был вмурован звонок, выставивший на свет божий малюсенькую кнопку. Вытирая платком вспотевшее лицо, Куманин на эту кнопочку и нажал. Нажимать пришлось еще раз пять, прежде чем в дверях открылось маленькое окошко, которого Куманин не заметил, а в нем показалось сурово-красное недовольное лицо караульного прапорщика. Он молчал, но его лицо как бы выражало: «Ну, чего трезвонишь? Чего надо?». Куманин показал свое удостоверение. С тем же выражением на лице прапорщик открыл дверь, впустил Сергея в про-

ходную, оттуда ввел в боковую комнатку, где стояли стол и пара стульев-ветеранов, попросил подождать, буркнув: «Вообще-то у нас обед»,— и пошел, видимо, кому-то звонить.

На обшарпанном столе лежало несколько номеров газеты «Правда» и «Красная Звезда» за позапрошлый месяц. Все они были заполнены сообщениями о предстоящем выводе советских войск из Афганистана. Куманин по ассоциации вспомнил, что давно не получал никаких вестей от брата, а у отца вчера не спросил, увлекшись совершенно пустым разговором за вечерним чаем.

Примерно минут через сорок появился какой-то старший лейтенант, извинился: «У нас обед», внимательно просмотрел все документы Куманина.

— Документы оформлены неправильно, товарищ майор,— сказал он.— Сегодня я вас пропущу, но вы в Управлении оформите специальное отношение именно на наш архив с полным указанием перечня интересующих вас проблем. Отношение должны подписать один из зампредов и начальник Управления. К нему должна быть приложена справка о вашем допуске. У нас есть приказ зампреда Глушко об ужесточении допуска к документам государственной важности даже для действующих сотрудников.

Затем офицер повел Куманина в административное здание, где тот должен подняться на второй этаж в комнату 205.

В здании, как и положено в архиве, царила склепная тишина, нарушаемая только отдаленным стрекотанием пишущей машинки.

На дверях комнаты 205 висела табличка «Зам. начальника по науке полковник Науменко М.Т.». Некоторыми архивами управляют директора, а некоторыми — начальники. Системы нет.

Полковник Науменко, несмотря на жару, был одет в хорошо сшитый костюм при галстуке. Чувствовалась выучка середины 70-х годов, когда отсутствие галстука у любого сотрудника рассматривалось как крупное дисциплинарное нарушение.

— Входите, майор,— поприветствовал он Куманина.— Садитесь. Мне уже докладывали с КП. Чем можем быть полезны?

Куманин кратко изложил суть поставленной перед ним задачи.

— У нас ничего нет,— сказал зам. по науке,— и никогда не было, смею вас уверить. К нам уже обращались по этому вопросу несколько человек, правда, не имеющих допуска. Но когда начал возрождаться интерес к этим событиям, я дал указание сотрудникам просмотреть описи дел, поскольку предполагал, что вопросом могут заинтересоваться и в центральном аппарате. Так вот, у нас на хранении оказались только материалы следственного дела по поиску так называемых царских сокровищ. Вы в курсе дела?

Хотя Куманин имел о царских сокровищах смутное представление, он кивнул, а про себя подумал, не подсказать ли Климову перепоручить это задание полковнику Науменко, который мигом все, что нужно, раскопал бы. Он и в этом архиве хозяин и во всех других, наверняка, имеет своих. Но Сергей прекрасно знал, что ему скажет Климов в ответ: «Куманин, если ты откажешься от выполнения задания, то пиши официальный рапорт о переходе в хозчасть. У нас каждый выполняет свою часть работы: ты — свою, полковник Науменко — свою, не говоря уж о том, что он мне, в отличие от тебя, не подчиняется».

— Могу ли я взглянуть на эти документы? — спросил Куманин.

— К сожалению, нет,— в интеллигентной манере ответил полковник Науменко.— Дело в том, что подлинники документов мы никому не выдаем. В настоящее время даже заявки из канцелярии Президента СССР выполняются только в ксерокопиях или микрофильмах. Кассеты с микрофильмами именно этой группы документов была совсем недавно отослана к вам в Управление по заявке, если не ошибаюсь, генерала Климова. Вы, наверное, знаете его?

Куманин молча кивнул.

— Документы старые,— продолжал Науменко.— Если все их будут мусолить, то скоро от них вообще ничего не останется. Вы понимаете?

— Товарищ полковник,— спросил Куманин,— а в каком же архиве можно найти материалы, связанные с расстрелом в Екатеринбурге?

— Полагаю, их надо искать не в Москве, а в Свердловске,— предположил Науменко,— конечно, и в Москве кое-

что может оказаться. Как мне рассказывали, именно с этих документов и началась так называемая «Особая папка Политбюро». Вы, конечно, слышали об этой «папке»?

— Слышал,— подтвердил Куманин,— но считал, что это просто наиболее высокий гриф секретности.

— Совершенно верно,— закивал головой полковник.— Это никакая не «папка». Она занимает места примерно в три раза больше, чем наш архив. Если вы хотите узнать, что произошло в действительности тогда в Екатеринбурге и кто несет за это ответственность, то вам нужны именно правительственные документы. Впрочем, если вы достаточно давно работаете в нашей системе, то должны понять, что далеко не все свои секреты партия доверяет нашим архивам.

В центральный партархив Куманина пропустили без слова. Стоявшие там офицеры милиции при виде его удостоверения лихо взяли под козырек. После чего он предстал перед вальяжной дамой, заметно подкрашенной, но в строгом черном костюме и белой кофточке с изящным галстуком, который производил впечатление не меньшее, чем галстук полковника Науменко.

Дама повертела в руках куманинское удостоверение, мельком просмотрела предписание и сказала низким чеканным голосом, как будто выступала с трибуны перед партактивом:

— Для допуска к документам до 1941 года необходимо разрешение Общего отдела ЦК по отношению вашего руководства. Отношение должно быть подписано начальником Управления политорганом и парторгом.

Справедливо полагая, что в архив МВД его даже на порог не пустят из-за антагонизма между двумя ведомствами (к чему придраться — найдут всегда), Куманин вечером вернулся на Лубянку и доложил обо всем генералу Климову, которого, к счастью, застал еще на месте.

— Не пускают? — спросил Климов.— Думаешь, из-за секретности? Нет. Обленились они все. Просто никто не хочет с тобой возится, в фонды лазить, что-то искать. Дожили! В родной архив оперативного работника не пускают, а вешают ему на уши всякую лапшу. Надежда у них одна, что тебе лень будет все эти бумаги и отношения оформлять и ты плюнешь и оставишь их в покое.

Генерал взялся за телефонную трубку.

— Науменко,— сказал он,— Ты что моего майора гоняешь, как мальчика? Что «товарищ генерал»? У тебя должны быть копии всех докладов по этому делу. Куда взяли? Смотри, я проверю.— Полковник Науменко что-то еще говорил по телефону. Климов слушал морщась, листая настольный календарь и вставляя время от времени свои реплики: «Я приказал? И вы выслали? Микрофильмы... Интересно... Первый раз слышу... Ладно, разберемся».— Он повесил трубку и поднял глаза на Куманина:

— Что ты вообще надеешься в архивах найти? Все, что там можно было найти, давно опубликовано. Читай литературу. У тебя полный сейф ею набит...

— Товарищ генерал,— сказал Куманин,— разрешите вопрос.

— Ну,— Климов устало откинулся в кресле.

— Полковник Науменко сказал, что вы затребовали к себе какие-то микрофильмы по поиску царских сокровищ,— начал он.

— Так что же? — с некоторым недоумением спросил Климов.

— Не мог бы я с ними ознакомиться,— не совсем уверенно попросил Куманин.

— Я тебе что поручил? Царские сокровища искать? — изображая раздраженность, рыкнул генерал.— Я тебе поручил найти место захоронения останков, а ты по архивам лазаешь. Ты там рассчитываешь останки найти?

— Разрешите доложить,— возразил Куманин.— Например, останки Гитлера, как известно, хранятся именно в архиве. Почему бы там не быть и останкам Романовых? Кстати, по одной из версий, Юровский привез головы расстрелянных в заспиртованном виде в Кремль. Может быть, где-нибудь в наиболее запретных фондах они и хранятся.

— Любопытно,— Климов с интересом взглянул на майора,— продолжай.

— Вот что я подумал,— продолжал Куманин,— там, где хранятся останки Гитлера, стоит еще несколько картонных коробок с разными печатями. На некоторых — печати образца двадцатых годов. Что они могут содержать?

— Интересно,— хмыкнул генерал,— а когда это ты успел в этом хранилище побывать?

— Я был еще старшим лейтенантом,— поведал Куманин,— когда меня и еще нескольких младших офицеров

включили в комиссию по какой-то архивной инвентаризации. Мы перетаскивали ящики и коробки с архивными документами. Нас для этого в комиссию и включили, чтобы использовать в качестве грузчиков. Ни под какими актами мы потом не подписывались. Это за нас сделали генерал Мылин и два полковника. Так вот, когда мы эти ящики таскали, один из архивных работников сказал: «Знаете, ребята, что в этом ящике? Череп Гитлера».

— Я бы этих болтунов...— начал Климов, но сдержался и спросил: — Короче. Что ты предлагаешь?

— Для начала,— предложил Куманин,— проверить все остальные ящики в этом хранилище.

— Кто же нас туда пустит? — поинтересовался генерал.— Ты сегодня походил по архивам, видел как нашего брата там встречают.

— Вы сказали,— осмелился напомнить Куманин,— что дело на контроле Политбюро. Если это их задание, пусть они нам откроют доступ во все архивы и хранилища.

— Ты как хочешь,— улыбнулся Климов,— но я в эти хранилища не пошел бы, даже если бы меня туда пустили. Там такое можно узнать, что потом и дня не проживешь. «Особая папка» вся уже компьютеризированна. Из тех, кто этим занимался, я имею в виду библиографов и техников, никто никаких премий не получил, если не считать того, что их похоронами занимался лично Управделами ЦК. Соображаешь? Если бы там — генерал указал пальцем вверх — захотели покопаться у себя за пазухой, они бы в шесть секунд обнаружили, что хранится у них под носом. Значит, или там ничего нет, или они хотят, чтобы мы искали все, что нужно, в Свердловске. Поэтому меня очень удивляет, что ты сегодня утром не вылетел туда, а начал поход по архивам. Ты мне не скажешь, почему?

— Потому что я ничего не найду в Свердловске. Если бы там можно было, что либо отыскать, давно бы нашли. Искали не только Щелоков с Рябченко, искали и группы местных краеведов и разные неформальные группы. Я уже не говорю о наших коллегах, в распоряжение которых все местные архивы. Зачем я туда поеду, товарищ генерал? Копаться в сотый раз в старых шахтах и карьерах? Ключ ко всему лежит не там, а у нас, в Москве. Только здесь можно выяснить о месте захоронения. А уж потом, если понадобится, можно слетать в Свердловск или куда угодно. Вы

мне посоветовали литературу читать. Я, разрешите доложить, почти ничем другим последние десять лет и не занимаюсь. Сколько я начитал по этому вопросу, ни одному академику не снилось...

— Ну, ты и хвастун,— удивился генерал.— «Ни одному академику и не снилось!» Хорошо. Пока поизучай пленки. В архивы без моего приказа не суйся больше...

В этот момент пронзительно затрезвонил один из телефонов, собранных в стадо на боковом столике. Климов взял трубку: — Температура, — спросил он,— какая? Тридцать девять уже третий день. Что же вы сейчас только докладываете? Думали? Вам думать... сами знаете... Где я вам возьму педиатра? Нет у меня их. Скажите капитану Афонину, что я удивлен. Он, кажется, академию закончил... Ну и что, что ребенок?

Климов жестом распрощался с Куманиным. Тот покинул кабинет.

III

«Сов. секретно
12 апреля 1922года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Уншлихту.

Продолжая разработку источника, удалось установить следующее: источник показал, что в 1918 году на первом этапе при подготовке к дальнейшему этапированию, место которого источнику тогда известно не было, были приняты меры по спасению и сохранению некоторых предметов материального значения. Для этого были привлечен ряд лиц, на которых, по мнению источника, можно было положиться, хотя без всякой гарантии. Фамилии этих лиц прилагаются. Их настоящее местонахождение источнику неизвестно.

Старший опер-уполномоченный ОГПУ
Лисицын А.Е.»

«Сов. секретно
23 апреля 1922года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Уншлихту.

В дополнение к предыдущему донесению от 12 апреля с. г.

Источник предлагает для упрощения розыска представить собственноручно написанное требование к указанным лицам, если их удастся отыскать.

Старший опер-уполномоченный ОГПУ Лисицын А.»

«Сов. секретно

Товарищ Лисицыну

Постарайтесь, чтобы источник вспомнил какие-либо дополнительные подробности, касающиеся указанных лиц. Вы можете себе представить, сколько в России Васильевых?

С комприветом, Уншлихт».

«Сов. секретно
3 мая 1922 года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Уншлихту

Источник переболел испанкой. В связи с запрещением допуска медицинского персонала болезнь протекала тяжело. У старшей дочери мало медицинского опыта. Никакой работы не проводилось.

Старший опер-уполномоченный ОГПУ Лисицын А.Е.»

«Сов. секретно
7 декабря 1922года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Уншлихту

С источником постоянно работает тов. Артузов. Учитывая состояние здоровья (источника), мне совершенно невозможно в настоящее время последовательно работать в русле моей задачи. Подавляющую часть времени приходится тратить на нужды хозяйственного обеспечения.

Старший о/уполномоченный ОГПУ Лисицын.»

«Сов. секретно
15 августа 1923года

Председателю ОГПУ
тов. Менжинскому

После известных вам трагических событий источник решительно отказывается разговаривать с товарищем Артузовым и мною, считая, что мы имеем к этим событиям какое-то отношение. Он просит священника, в чем ему было отказано. Нельзя ли подобрать надежного товарища, чтобы тот под видом священника приехал на объект? Это вопрос очень большой важности.

Старший о/уполномоченный ОГПУ Лисицын А.Е.»

«Сов. секретно
4 января 1924года

Ваша инструкция выполнена. Относительно культослужителя Иннокентия (Иваненко С. Д.) поступлено согласно вашим указаниям. Родных у него нет.

Старший о/уполномоченный ОГПУ Лисицын».

«Сов. секретно
5 июня 1924года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Ягоде.

Часть книг нами получена, включая два из пяти альбомов, затребованных источником. Прошу вас принять меры к отысканию оставшихся трех альбомов, которые могут находиться в Петрограде. Необходимо начать заготовку дров на зиму. Предполагаю в ближайшее время снова начать работу с источником.

Старший о/уполномоченный ОГПУ Лисицын».

«Сов. секретно
18 августа 1924 года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Уншлихту (написано от руки).

Мне кажется, что мы не можем требовать от источника более того, что он может знать. Обстоятельства были таковы, что некоторые подробности могли быть ему просто неизвестны. Мое мнение, что источник, несмотря на свою политическую ограничен-

ность, предрассудки и тяжелую болезнь, в настоящее время дает искренние сведения. Мне бы не хотелось переходить известные границы нажима, поскольку в этом случае мы рискуем вообще ничего не узнать.

Старший о/уполномоченный ОГПУ Лисицын».

«Сов. секретно

Товарищу Лисицыну.

Говоря об усилении нажима, мы имели в виду создание некоторых ограничений в режиме содержания (лишение книг, уменьшение пайка, недостаточное протапливание помещения), но ни в коем случае не меры физического воздействия, каковые строжайше запрещены, равно как и грубое обращение. Таковыми мерами можно грозить, но в очень осторожной форме, только по отношению к другим лицам, находящимся на положении источника. И то только в крайнем случае.

С компривотом, Менжинский» (без даты).

«Сов. секретно
7 февраля 1925 года

Председателю ОГПУ по Уралу
тов. Балицкому.

Информируем Вас, что в 1918 году во время нахождения бывшей царской семьи Романовых в Тобольске с помощью епископа Варнавы был допущен в дом бывшей императорской семьи быв. священник тобольской Благовещенской церкви Алексей Васильев, который совершал для царской семьи культовые обряды и на момент их предварительной высылки являлся духовником, имевшим право на вход в арестное помещение. А.Васильев вскоре завоевал доверие и пользовался большим авторитетом у царской семьи. Перед отправкой б.царской семьи из Тобольска, когда последние стали беспокоиться о сохранении своих ценностей, быв.царицей Александрой Федоровной было поручено указанному А.Васильеву вынести чемоданчик с бриллиантами и другими ценностями. При содействии тогдашнего начальника охраны полковника Кобылинского и прислужника Николая Романова Кирпич-

никова Александра Петровича находящиеся ценности в кожаном чемодане были вынесены Васильевым из охраняемого дома. Позднее Кирпичниковым А. П. вынесены также из охраняемого помещения шпага в золотых ножнах с рукояткой червонного золота, которую он также должен был передать А.Васильеву. К указанному делу также имела отношение бывшая прислужница в арестном доме Межанс Паулина (возможно, Гаспаровна или Каспаровна). Примите меры к розыску и аресту указанных лиц, допрос которых не проводить без уполномоченного из Москвы.

С комприветом, Уншлихт».

«Сов. секретно
20 марта 1925 года

Товарищу Лисицыну.

Не могли бы вы установить поточнее: Межанс — Паулина или Полина? Дать, хотя бы в общих чертах, ее словесный портрет, а также словесный портрет Кирпичникова А.П.

Зам. председателя ОГПУ Уншлихт».

Куманин выключил аппарат. Он просмотрел не более пятой части катушки с микрофильмом, но уже болели глаза и тянуло в сон. Генерал Климов отсутствовал второй день, и Климов работал в помещении, смежном с его приемной. Иногда он выходил в приемную, чтобы поболтать с «прапорщицей» Светланой, служившей в должности делопроизводителя-машинистки. Светлана была приветливой, но крайне неразговорчивой, что легко объяснялось: генерал любил загружать своих секретарш работой выше головы. Его предыдущей секретарше, Кате Малининой, стало плохо прямо на работе. Ее увезли в госпиталь, где она в тот же день скончалась от сепсиса из-за запущенного гнойного аппендицита, как говорилось в медицинском заключении. Хоронили ее всем Управлением. Сам Климов в черном плаще и шляпе, которую держал в руках, выглядел очень расстроенным. Куманин слышал, как он сказал стоявшему рядом генералу Абашвили: «Вот она — служба наша! В 32 года люди не выдерживают!». Абашвили только сокрушенно покачал седой головой.

Сидеть в приемной, чтобы слегка отдохнуть от работы и духоты смежного помещения, Куманина быстро отучили час-

то заглядывающие сюда сотрудники разных отделов. Каждый из них при виде Сергея считал своим долгом что-нибудь сказать типа: «Куманин, ты сейчас адъютант его превосходительства?» или «Света, он что, к тебе в помощники назначен?».

Перекусив в буфете булочкой со стаканом кефира, Куманин снова взялся раскручивать бобину с пленкой. Мелькали копии бесконечных документов. В основном, это были донесения старшего оперуполномоченного Лисицына снова о нехватке дров, с требованием прислать том речей адвоката Кони, то докладывающего о нашествии на объект крыс, то делающего запрос о дате открытия Троицкого моста в Петербурге. Ответы ему были подписаны всегда высшими чинами тогдашнего ОГПУ: Уншлихтом, Ягодой, реже самим Менжинским. Иногда они просили Лисицына уточнить какие-то фамилии, даты и пояснить туманные события. Как в калейдоскопе, мелькали даты: 1926, 1927, 1928. Дойдя до 1933 года, Куманин решил снова передохнуть, главным образом, чтобы обдумать прочитанное.

Переписка старшего оперуполномоченного Лисицына с руководством ОГПУ, видимо, касалась поиска так называемых «царских сокровищ», но было непонятно, какое Лисицын имел ко всему этому отношение. Не ясно, где находились Лисицын и его таинственные «источники». Видимо, где-то очень далеко от Москвы. В какой-нибудь глухой, провинциальной тюрьме или зоне. В документах ни разу не было даже намека на местопребывания Лисицына, и, если бы не постоянные напоминания о дровах, можно было подумать, что он находится за границей. Но не снабжало же ОГПУ зарубежные точки еще и дровами. Не исключено, конечно, что под словом «дрова» подразумевалось что-то совсем другое. В этот поток переписки было, правда, вкраплено несколько документов, прямо касающихся царских сокровищ. Направлены они были уже не Лисицыну, а руководству ОГПУ, уральским товарищам, которые должны разыскать кого-то для этой цели и доложить о принятых оперативно-розыскных мероприятиях. Куманин прервал работу на документе без даты и адресата, судя по всему, написанном в середине 1933 года:

«Сов. секретно.

Как удалось выяснить, шпага в золотых ножнах с рукояткой из червонного золота была передана Кир-

пичниковым А.П. на хранение Алексею Васильеву, который прятал ее вначале в дымовой трубе, а затем — под крыльцом Благовещенской церкви. Оперативно-розыскные мероприятия позволили установить, что в 1929 или 30 году Алексей Васильев вместе с женой Лидией Ивановной выехал из Тобольска в город Омск к своему сыну Александру, который покинул Тобольск еще в 1922-23 году. По дороге Алексей Васильев на ст. Тара умер. Оставшиеся ценности хранят жена Васильева Лидия Ивановна и сын Ал. Алексеевич, проживающие в городе Омске. Эти ценности частично ими расходованы. Например: несколько штук бриллиантовых ожерелий, колец и браслетов проданы бывшему крупному торговцу, купцу города Тобольска, Печекосу Константину Ивановичу, который, кроме этого, и у других лиц скупал золотую монету и изделия и который два-три года назад скрылся. Разысканы и взяты под стражу другие участники этого дела: Межанс Паулина и монашка Ивановского монастыря Марфа Ужинцева. Розыск продолжается.

Нач. ЭКО ПП ОГПУ по Уралу Самойлов.
Нач. 8-го отдела ЭКО Шумков».

Таким образом, выстраивалась цепочка: опер Лисицын — Лубянка — Урал. Таинственный треугольник.

Выключив аппарат, Куманин направился в специальное подразделение, состоявшее из бездельников, ведущих летопись органов. Они откапывали в архивах какие-либо дела, «шлифовали» их, порой перелопачивали в «нужном» направлении, чтобы затем передать их жаждущим славы писателям или в печать.

«Историков» к секретным архивным делам тоже не очень подпускали, поэтому они в основном переписывали что-нибудь интересное, на их взгляд, из разных закрытых и полузакрытых журналов, вроде «Вестника ВЧК», выпускаемых под грифом «Для служебного пользования», а то и вовсе без грифа. Действия этого подразделения, которым руководил подполковник Лавров, практически никто не контролировал, и его постоянно грозили разогнать. В итоге этот отдел в мучениях трансформировался в отдел КГБ (а

потом МБ и ФСК) по связи с прессой. Сейчас за валюту они принялись кормить своими сказками запад и, в первую очередь, США. Каждый спасается от разгона как может. Штаты «историков» постоянно расширялись. Контора превратилась в своего рода отстойник, куда переводили всех, кого оставлять на оперативной работе по разным причинам было уже невозможно, а выгнать или посадить негоже. «Историки» работали в соответствии со строжайшей инструкцией, где говорилось, что они проклянут час своего рождения, если в печать или в какую-нибудь бойкую книгу попадет хоть одно слово правды о деятельности органов за все семьдесят лет их героического существования или будет названа хоть одна настоящая фамилия, кроме официально разрешенных. В официально разрешенные входили: Дзержинский, Менжинский, Ягода, Ежов, Берия и Андропов. Всеволода Меркулова иногда разрешали упоминать, иногда — нет. То же самое было с Абакумовым, Серовым, Семичастным, Шелепиным. С фамилиями более нижнего эшелона дело обстояло еще хуже. Лавров постоянно составлял списки и носил их на утверждение, в результате за много лет в историческом отделе появилась уникальная картотека бывших сотрудников ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ. Собственно, памятуя об этой картотеке, Куманин и направился к «историкам», надеясь что-либо узнать о личности таинственного старшего опера Лисицына А.Е. В подразделении, как обычно, было совершенно пусто, если не считать пожилого майора Никитина, постоянно жующего кофейные зерна, дабы замаскировать устойчивый портвейный выхлоп, который уже не зависел от того, пил сегодня Никитин или нет. В свое время он был способным, как уверяли, разведчиком, работал в разных европейских странах под дипломатической крышей. Но пагубная страсть к спиртному привела к тому, что Никитина отозвали в Москву, хотели даже судить, но «мохнатые лапы» прикрыли чекиста и отправили его дослуживать в исторический отдел. Даже высокие начальники большего для него сделать не могли. Над Никитиным многие, особенно молодые спецы, открыто посмеивались, но он не обижался. Никитин не был «дерьмом», если выражаться на рабочем сленге оперативников.

— Привет,— сказал Куманин, входя в помещение «историков»,— Лавров у себя?

Никитин сидел за столом и дремал, положив перед собой какое-то старое дело, на обложке которого теснились большие буквы: НКВД СССР.

— Нет его,— зевнул Никитин,— писателей где-то инструктирует. Остальные по архивам разбежались кто куда.

— А зачем тебе Лавров? — спросил Куманина Никитин.— Выпить можно и со мной, если хочешь.

— Тебе бы все пить,— в тон ему ответил Куманин,— а работать кто будет?

— Работаем, как каторжники,— Никитин захлопнул папку.— Приказано к 91-му году, то бишь к пятидесятилетию вероломного нападения на нас фашистов, подобрать справки на наших людей для посмертного присвоения им звания Героя, тех, что раскрыли план Гитлера и предупредили наше командование. Таких мы уже накопали человек пятьдесят. Круглосуточно в картотеке копаемся. У меня уже от пыли аллергия. Говорят, что до войны архивным работникам выдавали по 100 грамм в день для профилактики.

— По девять граммов им выдавали,— прервал его Куманин,— это я слышал. А насчет профилактики, так с моей точки зрения, эта — самая лучшая. После девяти граммов голова уже никогда болеть не будет.

— Юмор у тебя какой-то черный,— насупился Никитин.— У тебя дело какое к нам или просто пришел поболтать?

— Никитин,— попросил Куманин,— будь другом, найди мне в вашей картотеке одного человека довоенного.

— Давай заявку, как положено,— ответил экс-разведчик,— с подписью начальника отдела, Лавров приказал. Он потом заявки эти начальнику Управления показывает, когда тот нас дармоедами обзывает.

— Что я буду на одного человека заявку писать? — заканючил Куманин, зная, что Никитин очень любит подобный тон обращения.— Будь человеком, дело-то минутное.

— Минутное! — проворчал Никитин.— Знаешь, за день сколько таких, как ты, бегает? Присесть не успеешь. А хоть бы кто когда спасибо сказал. Как твоего фамилия?

— Лисицын,— доложил Куманин,— Лисицын А.Е. Был старшим опером в 20-е — 30-е годы.

— Лисицын? — повторил «историк».— Лисицын, говоришь? Сейчас посмотрим. С тебя бутылка.

— Какие разговоры! — поспешил заверить Куманин.

Никитин подошел к створкам огромного стенного шкафа, закрытым на висячий замок, раздвинул их, как жалюзи, из-за которых показалось такое количество каталожных ящиков, которым могла позавидовать какая-нибудь солидная ведомственная библиотека.

Куманин обратил внимание на то, что ящики помечены всеми буквами русского и латинского алфавитов. Был даже ящик, помеченный твердым знаком. Он хотел полюбопытствовать, что за фамилии, которые начинаются с твердого знака, но промолчал: у каждого подразделения существуют свои маленькие хитрости.

Между тем Никитин, зарывшись в ящик с буквой «Л», бормотал:

— Так, Ливи... Лидман... Лижанин... Липенко... Ага, вот он есть! Лисицын Александр Ефимович, 1897 года рождения.

Он вынул карточку из ящика и с некоторой грустью в голосе сообщил:

— Шлепнули твоего Лисицына в феврале 1941 года как врага трудового народа. На реабилитацию никто не подавал. Числился в центральном аппарате. С 1940 года — капитан госбезопастности. То есть, носил четыре шпалы армейского полковника и был большим человеком. В каком отделе работал — неизвестно, нам не известно. Тут звездочка стоит красная. Это означает, что Лисицын — его ненастоящая фамилия...

— А настоящая? — спросил Куманин.

— Спроси чего полегче,— хмыкнул Никитин,— я свою-то фамилию вспомнил, когда попал в эту нору.

Куманину этого не надо было объяснять. Даже крутясь среди монархистов и прочих представителей общественности, он скрывался под фамилией Коршунова Сергея Ивановича. Настоящая фамилия опера стоит очень дорого!

— А как бы его настоящую фамилию выяснить? — поинтересовался Куманин.

— Это только через Управление кадров,— пояснил Никитин,— и то, если у них сохранились нужные архивные дела. А на кой ляд тебе его настоящая фамилия? Он ее, может, и сам не знал. Раз он в нашу карточку попал как Ли-

сицын, значит, под этой фамилией он и числился. А подлинную, возможно, только один железный Феликс и знал. Этот Лисицын с 1918 года — могучий, видно, был мужик, до 1941 года продержался. Всех, кто в 18-м начал, уже к 1934 году ликвидировали.

«Действительно,— подумал Куманин,— зачем мне его настоящая фамилия? Важнее, чем этот человек занимался в нашей системе?». Он хотел уже было воспользоваться климовскими предписаниями и зайти в Управление кадров, но потом передумал и решил дождаться возвращения Климова. Вернувшись в приемную генерала, Куманин сдал микрофильм Светлане, и решил отправиться домой часа на два раньше официального окончания работы.

IY

Приехав домой, Куманин обнаружил, что тот кусок хлеба, что оставался в хлебнице, уже превратился в покрытый плесенью сухарь. В холодильнике, кроме старой (и полупустой) бутылки с болгарским кетчупом и одной бутылки пива, было пусто. Подумал сходить в магазин, но вспомнил, что у него нет талонов. После введения талонов на основные виды продовольствия, дабы отвадить от московских гастрономов приезжих, магазины совершенно опустели и заявляться туда было абсолютно безнадежно. КГБ, чтобы оградить своих сотрудников от очередных «временных трудностей», в дополнение к уже имеющейся сети спецраспределителей развернул дополнительные продовольственные магазины при Управлении, где сотрудники могли отовариваться обильно и без суеты. Семейные, разумеется, делали это регулярно, а легкомысленные холостяки, к числу которых принадлежал Сергей, постоянно забывали туда заглянуть в течение рабочего дня и, приехав домой, вынуждены иногда были голодать до утра. Хлеб, правда, пока еще продавался без талонов, но поскольку с его подвозом постоянно случались перебои, в булочных выстраивались гигантские очереди, выметая до обеда весь товар. Всю остальную часть дня булочные стояли пустые, как во времена военного коммунизма, коллективизации, Отече-

ственной войны и послевоенной разрухи. Правда, в хлебных очередях еще никого не затаптывали пока насмерть, как в водочных. И хотя горбачевский антиалкогольный террор уже шел на убыль, бутылку водки в Москве было так же трудно достать, как и консервированных омаров.

О бутылке водки Куманин вспомнил в связи с приближающимся днем рождения отца. Для него это большой проблемы не составляло, но все же надо было позаботиться заблаговременно, не сегодня, конечно.

Куманин решил в магазин не идти. Нашел в кухонном шкафу полузабытую пачку печенья и почти полную банку кофе. «Вполне достаточно, чтобы дожить до утра».

Все, что ему удалось узнать об опере Лисицыне, не вызвало у Куманина каких-нибудь сильных эмоций. И то, что этого человека расстреляли в 41-м году, и что Лисицын — рабочий псевдоним, а не фамилия, было в порядке вещей, можно сказать, образом жизни, к которому привыкло уже несколько поколений. Вызвало бы удивление, если бы удалось вдруг установить, что Лисицын в звании генерал-майора, занимая должность начальника КГБ где-нибудь в Архангельске, ушел на заслуженный отдых году в 60-м, умер лет пять назад и с почетом похоронен на комплощадке местного кладбища. Тогда невольно возникла бы масса вопросов, и прежде всего, как ему удалось уцелеть на всех этапах строительства сначала просто социализма, а потом развитого социализма?

Инстинктивно чувствуя, что именно Лисицын — ключ к выполнению задания генерала Климова, Куманин даже немного обрадовался, хотя в судьбе таинственного «старшего опера» пока не обнаружено ничего особо загадочного. Все, как у всех. Возможно, удастся выяснить и остальное: какие вопросы этот Лисицын решал и где работал.

Во всяком случае, после возвращения Климова ему будет что доложить генералу и о чем его попросить.

Размышляя таким образом, Куманин валялся на диване в спортивном костюме, пытаясь решить, чем бы заняться. Далеко не каждый день удавалось добраться до дома так рано. Было только начало седьмого вечера. Подумал, не съездить ли в Лужники, где «Динамо» играло со «Спартаком», но понял — лень. В итоге он решил больше не думать о Лисицыне, а провести вечер вот так, валяясь на диване и смотря телевизор.

Из состояния полной «релаксации» Куманина вывел телефонный звонок. Сергей выругался. Телефонный звонок мог означать срочный вызов в Управление, чего сейчас не хотелось пуще смерти.

Не открывая глаз, Куманин опустил руку и взял трубку стоявшего на полу телефона: — Слушаю...

— Сережа,— услышал он голос отца,— ты не приболел ли? Что дома так рано?

— С работы сбежал, батя,— засмеялся Куманин,— пока начальство все в разъездах. Отдыхаю.

— Доиграешься,— предупредил недовольным голосом Степан Агафонович,— в пожарники переведут...

— Тогда Москва точно еще раз сгорит,— хохотнул Сергей, у которого приподнялось настроение уже от самого факта, что звонит отец, а не кто-нибудь с работы.

— Ладно,— кашлянул в трубку отец.— Звоню вот почему: я тут на некоторое время из Москвы уеду, так ты не волнуйся. Ключи у тебя есть. Почту вынимай, да цветы, хоть раз в недельку, поливай.

— Куда ты уезжаешь? — не понял Сергей.— У тебя ж в субботу день рождения? Люди же придут...

— В другой раз справим,— вздохнул Куманин-старший.— Люди перебьются. Да я почти всех уже предупредил, что уеду. Надо кое-кого повидать.

— Да куда ты уезжаешь, мне можешь сказать? — настаивал Сергей.— Куда и насколько?

— Да, понимаешь,— сказал отец, как показалось Сергею, не совсем уверенным голосом,— не виделись мы давно. Считай, после войны... Я тебе потом расскажу. Целую. Пока.

Это «целую» было уже совершенно неожиданным. Сколько помнил себя Сергей, отец его по телефону никогда не целовал. В жизни-то всего, кажется, два раза. Один раз по поводу окончания института, а второй после внеочередного присвоения звания майора.

Куманин еще некоторое время подержал в руках пиликающую короткими гудками трубку, затем поднял аппарат на живот и набрал номер отца, намереваясь предложить подвезти Степана Агафоновича на вокзал и выведать планы отца поподробнее. Телефон не отвечал. Сергей повесил трубку и снова набрал номер. Длинные гудки, и никого. «Выходит, отец звонил не из дома». Сергей

поставил телефон обратно на пол, полежал еще немного с открытыми глазами. Звонок отца вывел его из расслабленного состояния. «Куда это он намылился? Наверное, какие-нибудь очередные ветеранские дела. Старые чекисты обожают придумывать сами себе очередные секретные задания. Все кого-то ищут, что-то расследуют, шлют друг другу шифрованные письма. Как дети. Отец, видимо, и звонил из Совета ветеранов».

Куманин встал и пошел на кухню, чтобы сварить себе кофе и погрызть печенье. Он дожевывал уже третью печенину, когда в комнате снова зазвонил телефон. Сначала Сергей решил не подходить. «Мало ли где он может находиться?» Но потом подумал, а что, если это снова звонит отец, и решил взять трубку.

— Сережа,— услышал он женский голосок.— Как хорошо, что я тебя застала. Слушай, ничего, что я к тебе через часок ненадолго приеду? Есть у тебя время?

Это была Надя Шестакова, с которой он когда-то учился в одном классе. Не звонила она Сергею, наверно, год. Решив, что сегодня вечер сплошных сюрпризов, Куманин ответил:

— Очень рад тебя слышать, Надюша. Конечно, приезжай. А что случилось?

— Не по телефону,— ответила Надя стандартной советской фразой.— Приеду — расскажу.

Телефоны всех оперативных работников прослушивались (для их собственной безопасности и контроля). Это было известно каждому, кто работал в системе. Наслушались печального фольклора на эту тему.

Но вот прослушиваются ли их квартиры, точно не знал никто. Куманину самому не раз приходилось размещать в разных помещениях системы прослушивания. По тому, с каким трудом их выписывали, какой дефицит существовал на так называемую спецтехнику, создавалась некоторая иллюзия того, что на тебя-то никто не будет расходовать дорогостоящую технику. Однако полной уверенности ни у кого не было. Впрочем, разве можно в наше время вообще быть уверенным в чем-нибудь. Даже страховой полис, на который ссылался Остап Бендер, ныне никакой гарантии дать не может. Потому оставалось уповать на старое правило: «Не болтай по телефону, болтун — находка для шпиона».

У Куманина с Надей Шестаковой еще в школе был роман, который, как и большинство школьных романов, оказался вполне невинным и ничем не завершился.

Позже, когда Сергей поступил в МГИМО, их пути разошлись. Не обошлось и без влияния Куманина-старшего, видимо, возмечтавшего после определения сына в столь престижный ВУЗ, о партии, как у капитана Чурбанова, который, как известно, женился на дочери самого товарища Брежнева, став за неделю генерал-лейтенантом. Впоследствии, печальная судьба брежневского зятя несколько охладила амбиции Степана Агафоновича, и он перестал строить планы насчет вельможных невест, а однажды спросил: «Что-то Надя давно не звонила? Поссорились что ли?».

Они не ссорились. Просто те, кто учится в МГИМО, не крутят романов с девочками из педагогического училища, куда пошла учиться Надя после школы.

Встретились они много позже и при весьма неожиданных обстоятельствах — в одном из столичных детских приютов (именно приютов, а не детдомов), где содержались сироты до семи лет, были отмечены странные пропажи. Следствие по возбужденному прокуратурой уголовному делу выявило картину, которая вполне могла бы стать сценарием добротного фильма «ужасов». Дети по разным причинам переводились в иногородние приюты, но в этих учреждениях ребятишки почему-то быстро умирали по разным причинам: от воспаления легких, несчастного случая, например, в результате падения с лестницы или с физкультурного снаряда. Так говорили документы — учетные карточки и свидетельства о смерти. Выборочные эксгумации позволили обнаружить явный подлог — могилы были либо пустыми, либо там покоились останки давно умерших взрослых людей. Сослаться на кремацию было невозможно, поскольку в большинстве провинциальных городков, где находились приюты, крематориев не было и в помине.

Настырные следователи прокуратуры и уголовного розыска в конце концов установили, что сирот увозили в закрытую клинику, скрывавшуюся под номером почтового ящика, как какой-нибудь ракетный завод или лаборатория для производства химического или биологического оружия. На территорию клиники следователя прокуратуры не пустили, хотя тот прибыл с предписанием Генпроку-

ратуры СССР, да еще в сопровождении двух офицеров милиции. К делу подключился КГБ. Сотрудники 5-го Управления, которых в глубине души даже собственное начальство считало бездельниками, часто привлекались для содействия другим подразделениям. Они мерзли в оцеплениях вместе со служащими 9-го Управления охраны во время каких-нибудь праздников или визитов в столицу важных лиц, вели наружное наблюдение вместе с сотрудниками 7-го Управления, проводили обыски и задержания с коллегами из 3-го Управления.

Куманин, будучи тогда старшим лейтенантом, был придан майору Миронову из 8-го Управления «для содействия следствию». Вместе с ним Сергей отправился в приют, и там-то он вновь встретился с Надей. Она работала воспитательницей и, как выяснилось позднее, первой подняла тревогу по поводу странной пропажи детей.

В итоге прокуратура и милиция были от следствия отстранены, КГБ забрал производство дела полностью в свои руки и через некоторое время прекратил его «за отсутствием состава преступления». Правда, директриса приюта была снята с должности «за упущения в работе», но позднее всплыла на какой-то «непыльной» должности в обкоме ВЦСПС.

Все участие Куманина в этом деле выразилось в том, что он возил на казенной машине майора Миронова и еще несколько старших офицеров раза два в приют и один раз в ту таинственную клинику, куда допустили одного полковника из 9-го Управления, а остальные ждали в машине. Положительным, если так можно выразиться, аспектом этого следственного дела было возобновление романа с Надей Шестаковой.

Роман был уже далеко не таким невинным, как в школе, но ни к каким результатом также не привел.

Надя без памяти любила свою работу, скорее, не работу, а несчастных сирот, отданных на ее попечение. В приюте она проводила дни и ночи.

Куманин всего пару раз прошелся по казенным коридорам, и у него сразу начала трещать голова от детских криков и суетни, от специфического запаха, свойственного всем советским учреждениям общественного призрения, и от какого-то смутного ощущения тревоги. Как можно такую работу любить, ему было совершенно непонятно.

Бурно начавшаяся вторая стадия романа с Надей стала быстро затихать, поскольку ни у Сергея, ни у Надежды не хватало времени для его развития — у обоих был, как говорится, ненормированный рабочий день. Однако Сергей стал замечать, что и редкие свободные часы Надя не рвется проводить с ним. На его призывные звонки она, неизменно в дружеском тоне, отвечала отказом, ссылаясь то на домашние дела, то на каких-то подруг, с которыми она якобы уже договорилась провести сегодня время, и на прочие оборонительные причины, которые все женщины выдвигают в ответ на нежеланные притязания мужчин. Однажды Сергей решил пустить в ход тяжелую артиллерию. Дождавшись Надиного дня рождения, он купил огромный букет цветов, бутылку шампанского, взял в канцелярии Управления два билета в Большой театр (привилегия, которой любой младший офицер мог воспользоваться раз в два месяца, а Куманин до этого никогда не пользовался) и без приглашения нагрянул к Наде домой. Девушку он застал с родителями (очень милые старички) и парой подруг. Они пили домашнюю наливку и над чем-то громко смеялись. Подруги постреливали в него глазками, а сама Надя лишь мило улыбалась. Хорошо знающий ее Куманин видел, что девушка далека от восторга по поводу его внезапного вторжения. Оказалось, что Наде нужно на ночь вернуться в приют, и Куманин взялся ее подвезти. В такси по дороге между ними произошел разговор, который Куманин хотел бы забыть, но не мог. Достаточно раскомплексованный в силу своей профессии, он сразу взял, как говорится, быка за рога:

— Я люблю тебя,— сказал Сергей Наде — и буду счастлив, если ты станешь моей женой.

Надя некоторое время сидела молча. Потом, волнуясь, стала говорить о том, что вряд ли Сергея устроит жена, днями и ночами пропадающая на работе, которую она любит и не желает от нее отказываться. Видимо, она была захвачена врасплох решительной атакой Куманина и выставляла столь неубедительные доводы, чтобы успокоиться. Она даже сказала какую-то казенную фразу о том, что дети — будущее нашей Родины и от их воспитания во многом зависит судьба страны через двадцать-тридцать лет. Тут же напомнила Куманину, что и его отец воспитывался в одном из подобных интернатов. Оказалась

не совсем типичной реакция женщины, которой только что объяснились в любви.

— Из всего этого,— вздохнув, сказал Куманин,— можно сделать только один вывод: я тебя как твой будущей муж не устраиваю. Другими словами, ты меня не любишь. Хорошо, что хоть в этом вопросе достигнута ясность.

— Сережа,— Надя повернулась к нему, и он заметил матовый блеск ее влажных глаз в полумраке машины,— ты мне очень нравишься. Был момент, когда я была в тебя очень влюблена, очень. И сейчас...— Она осеклась и уже более твердым голосом продолжала: — Но твоей женой я не стану. Никогда...

— Почему? — почти зарычал Сергей.— Только, пожалуйста, не надо снова о детях. Дети — не причина.

Объяснение в любви уже переходило в нечто, отдаленно напоминающее допрос.

— Хорошо,— ответила Надя,— я тебе скажу, почему, если ты пообещаешь, что не обидишься на меня. Я к тебе очень хорошо отношусь, и мне не хотелось бы обидеть тебя.

Если Сергей уже переходил на профессиональный язык допроса, то Надя — на методы работы с малышами, когда нужно объяснить им их недостатки и при этом не обидеть.

— Я обижусь,— глухо произнес Куманин,— если единственная причина твоего отказа — необходимость постоянно заботиться о подрастающем поколении будущих строителей коммунизма...

— Я никогда не выйду замуж за офицера КГБ,— както просто, без тени злости или даже раздражения, сказала Надя.— Мне будет стыдно кому-нибудь сказать, где работает мой муж. Сережа, ты всегда был умным, талантливым парнем. Помнишь, как ты играл на гитаре на школьных вечерах? Неужели тебе нравится то, что ты делаешь?

Обсуждать с кем бы то ни было подобные вопросы в КГБ категорически запрещалось. Требовалось также немедленно докладывать о тех, кто подобные вопросы осмеливался задавать или пытался навязать.

Куманин, кстати, совершенно не был уверен в том, что Надежда не работает на какого-нибудь опера, курирующего интернаты в этом районе столицы, и завтра весь их разговор (с пикантными комментариями) не ляжет на стол его начальника.

Ошеломленный, он молчал, не зная что сказать.

— Ты помнишь происшествие у нас в интернате? — продолжала Надя,— то происшествие, благодаря которому мы снова встретились. Прокуратура тогда точно установила, что детей купили за громадные деньги какие-то негодяи, чтобы испробовать, как доноров для пересадки органов. Прокуратура уже вышла на след этих людей, когда вмешались вы и прекратили дело. Вы превратили всех нас в каких-то белых мышей, на которых можно проводить любые опыты, поступать с ними по своему усмотрению, ведь они, то есть мы, постоять за себя не смогут и жаловаться им некуда. Я тогда чуть не сошла с ума, с собой хотела покончить. А у вас? Ни у кого даже бровь не дрогнула. Ходите важные и надутые, как...— она резко повернулась к нему, и Сергей увидел слезы, катящиеся по ее щекам.

— Сергей,— она дышала ему прямо в лицо,— уходи, на это не надо никакого геройства, просто напиши заявление и уходи. Ты же можешь работать и учителем, и кем угодно. У тебя такое образование. Зачем тебе все это? Уходи, и мы будем вместе...

Куманин молчал. Слова нашлись сами, но были совсем не теми, которых ждала Надя и которые он сам хотел сказать:

— Как ты можешь говорить подобные вещи? У детей тех обнаружено опасное инфекционное заболевание, и их перевели в клинику, где есть специальное оборудование для лечения. Кто тебе рассказал эту чушь о донорах? Это все дикие антисоветские сплетни. Знаешь, где их придумывают? Не знаешь? А я знаю. Кто в прокуратуре тебе такое говорил? — Куманин понимал, что это говорит не он, а его инстинкт самосохранения, но его слова, подобно холодному душу, успокоили Надю. Она улыбнулась и сказала: «Сережа, вызови меня к себе повесткой, и мы все эти вопросы с тобой обсудим, а теперь извини, мне пора».

И вышла из машины.

Куманин был уверен, что все услышанные им слова — камуфляж, за которым Надя хотела скрыть наличие более удачливого соперника. Ничего подобного он от нее никогда не слышал и подумал, что она поет с чьего-то «диссидентского» голоса. Все девушки откровенно млели, а мужчины не менее откровенно завидовали, когда узнавали, что он — офицер КГБ. Поэтому все случившееся он посчитал какимто проявлением женской истеричности и желанием скрыть

истинную причину отказа. Куманин умел встречать удары, но в ближайший день 8 марта все-таки не выдержал и позвонил Наде. Они очень мило поговорили, Сергей забросил удочку: «Может быть имеет смысл встретиться?». И получил в ответ: «Зачем? Сережа, мы уже все друг другу сказали...». Потом он как-то поздравил ее с Новым годом. Вскоре он получил звание капитана, а затем досрочно майора. Служба захватила его целиком, и мысли о Надежде отошли куда-то на второй план. Вот потому-то звонок от нее был для Куманина полной неожиданностью, и он уже не мог понять, приятной или нет?

Казалось, что они расстались только вчера. Расцеловались. Надежда, как знала, что у Куманина есть нечего, принесла с собой кучу всякой снеди. Заварили кофе.

— Что случилось? — спросил Сергей, помешивая ложечкой сахар.

Надежда поигрывала ложечкой, морща лоб, как бы собираясь с мыслями.

— Сережа,— сказала она,— ты мне нужен.

— В качестве кого? — поинтересовался он.

— В качестве мужчины,— без улыбки произнесла она,— единственного мужчины, на помощь которого я могу рассчитывать. Так уж сложилась моя жизнь. А учитывая твой статус, думаю, что именно ты можешь мне реально помочь.

— У тебя какие-нибудь неприятности? — спросил Сергей.

— У меня — нет,— усмехнулась Надя.— Какие у меня могут быть неприятности. С работы меня не выгонят, потому что им на мое место все равно никого не найти. Сейчас сироты практически никого не интересуют. А число их растет, будто страна ведет какую-то большую войну.

— Так в чем же дело? — снова спросил Куманин.— В какой помощи ты нуждаешься?

— Понимаешь,— неуверенно начала Надя,— у нас в интернате снова начали происходить какие-то детективные истории. Впрочем, у нас вечно что-нибудь происходит: то крадут продукты, то медикаменты, то гуманитарную помощь, предназначенную для детей, и все это при полном попустительстве директора, РОНО, месткома. Бороться невозможно, да я уже и не пытаюсь. Дело в другом. Меня тут выпихнули в отпуск — я не гуляла два года. Дали путевку

от месткома в Трускавец и все такое. А когда вернулась две недели назад, то обнаружила пропажу еще одного ребенка. Я поинтересовалась у директрисы, у нас сейчас правит Алевтина Шевчук, раньше была инструктором в Краснопресненском райкоме. Она мне сказала, что мальчик переведен в другой интернат в Вологду. Я знаю этот интернат. Он для умственно отсталых детей, у которых официальный диагноз — болезнь Дауна. Знаешь, что это такое?

Куманин кивнул.

— А пропавший мальчик не Даун, напротив, его даже можно считать вундеркиндом. Ему шестой год, а он почти свободно говорит по-французски и по-немецки. Можешь себе это представить? В наше-то время. Я была им просто очарована. И им, и его, как бы это сказать, тайной что ли?

— Действительно,— согласился Куманин,— откуда такое чудо у вас появилось? Кто его родители?

— Его прислали из ростовского распределителя. Я имею в виду не Ростов-на-Дону, а Ростов Великий. Милиция подобрала его на автобусной остановке на шоссе Москва-Ярославль. У него не было никаких документов, вообще ничего. Одет он был чисто и вполне прилично. Сначала думали, что он просто потерялся, отстал от автобуса или от какой-нибудь экскурсии, что в Ростов приезжают. Свое имя он назвал сам, но больше ни на какие вопросы не отвечал. Ничего не удалось узнать и о его родителях. У меня сложилось впечатление, что он вообще не понимает значения этого слова. А между тем, все говорит за то, что он получил не просто замечательное, а небывалое воспитание. Говорит на иностранных языках, да как! Наша преподавательница — бабушка Лора — уверяет: такое произношение невозможно получить вне естественной языковой среды. Короче, нужно жить за границей, чтобы так говорить. Но он прекрасно говорит и по-русски. Кроме того, уже читает, что для детей его возраста в наше время достаточно редко. Очень начитан для своих лет.

— Интересное кино,— пробормотал Куманин,— и что же дальше?

— Я много с ним занималась,— продолжала Надя,— скорее из любопытства. Меня заинтриговала его тайна. Прежде всего я попыталась что-нибудь выяснить о его родителях, где он жил, с кем жил и чем занимался до своего появления на автобусной остановке. И ничего мне выяс-

нить не удалось. Дети в таком возрасте скрывать не умеют. Значит, у него случилась какая-то странная потеря памяти. И в тоже время головка у него отличная. Он читает наизусть стихи Пушкина, Гейне. По-немецки! Ты представляешь! И вот я возвращаюсь из отпуска, а мальчика нет.

— Ты звонила в Вологду? — поинтересовался Куманин.

— Конечно,— ответила Надя,— они сказали, что документы на мальчика к ним прибыли, но самого его нет. По их сведениям, он по дороге заболел воспалением легких и госпитализирован в Переславль-Залесский. Я поехала туда. Два часа ждала автобуса в Загорске, обыскала все больницы города — их всего три, никто там ничего и не слышал об этом мальчике. Я обратилась снова к директрисе, а она мне говорит: «Надежда Николаевна, займитесь своим прямым долгом. Наш интернат переполнен, и мы обязаны его разгружать, особенно от детей со странностями. Ребенок, как вам хорошо известно, страдал острой потерей памяти, не помнил даже собственных родителей. Он требует специального медицинского наблюдения, и мы отослали его в специнтернат в Вологду. Ведь он найден на территории Ярославской, а не Московской области. У нас есть положение заниматься только детьми Москвы, в крайнем случае областными». Я поняла, что мне ничего не добиться. И тут вспомнила о тебе...

— Сережа,— попросила Надя,— ваше ведомство всесильно. Найди мне этого мальчика. Ну, хотя бы поговори с нашей Алевтиной. Она перепугается и, может быть, скажет тебе правду.

— Интересно,— помрачнел Куманин.— Как ты себе это представляешь? На каком основании я буду ее допрашивать?

— Хочешь,— предложила Надя,— я напишу тебе заявление?

— Напиши участковому,— разозлился Сергей.— Нам категорически запрещена какая-либо самодеятельность. К тому же она бывший райкомовский инструктор, так меня и испугалась. Она тут же позвонит моему руководству, и что я скажу? Что выполнял просьбу, как Дон Кихот, своей дамы сердца?

— Фу, какой ты трусишка,— расстроилась Надежда.— Чем выше поднимаешься, тем больше боишься всего.

Ну, не ходи к Алевтине. Выясни, где мальчик. К вам же стекается информация. Что тебе стоит?

— Ладно, попробую,— с явной неохотой в голосе сказал Сергей.— Как фамилия мальчика?

— Алеша Лисицын,— ответила Надя,— он так назвался в распределителе.

Куманин вздрогнул:

— Как ты сказала?

Надя с удивлением поглядела на него:

— Лисицын, Алеша Лисицын. По медицинским показателям около пяти с половиной лет. Волосы светлорусые, глаза, как васильки, синие-синие. Что с тобой? Ты уже что-нибудь о нем слышал?

Куманин провел рукой по лицу:

— Нет, нет. Ничего не слышал. Просто ассоциация одна... У тебя есть его фотография? В учетной карточке?

— Учетную карточку отослали в Вологду,— ответила Надя,— но фотография его у меня есть, и со всей группой и отдельно. Я его очень любила и сама снялась с ним. На цвет Мы иногда приглашаем фотографа, чтобы запечатлеть наших питомцев.

— Она у тебя дома или на работе? — уточнил Куманин.

— Кто? Фотография? — переспросила Надя.— Дома есть и на работе.

— Хорошо,— сказал Куманин.— Завтра во второй половине дня я подъеду к тебе в интернат, попробуем разобраться. Ты, видимо, поклялась сделать все, чтобы меня та ки выгнали из КГБ.

— Наоборот,— воскликнула Надя.— Я очень рада, что среди моих знакомых оказался офицер КГБ. Иначе что бы я делала?

Она вдруг посмотрела на часы и заспешила домой. У Куманина был искус предложить ей остаться, но он пересилил себя. Это выглядело бы как аванс за работу, которую он еще и не начинал. Он подвез Надю до метро и вернулся домой. Невольно всплывали слова генерала Климова, сказанные им кому-то в телефон, перед тем, как выгнать Куманина из кабинета: «Где я вам возьму педиатра?». Значит, Климов на какой-то только ему известной точке держит зачем-то некоего ребенка. Кому же еще ну жен педиатр? Причем в этой «точке» трудно найти этого

педиатра, хотя, возможно, «точка», где он содержится секретная, но зачем ребенка, да еще больного, держать на подобной «точке»?

Почему, как только Надя назвала фамилию мальчика, он сразу вспомнил этот странный телефонный разговор в кабинете генерала Климова? Неужели действительно есть связь между этими событиями? И зачем Климову этот ребенок? Глупости какие-то! Он, наверно, просто заработался.

Тем не менее, Куманин лег спать уже с твердой решимостью разобраться в этом деле. Может быть, только затем, чтобы снова увидеть блеск Надиных глаз, как тогда, во время их последнего разговора в машине? Но тут его как обожгло: «Алеша Лисицын? Старший оперуполномоченный Александр Лисицын расстрелян в феврале 1941 года. Идиотство какое-то! Мало ли Лисицыных в России?» Неожиданно вся эта история взволновала его.

Так и не ответив ни на один из заданных вопросов, Куманин крепко заснул.

Глава 3

I

«Сов. Секретно
20 декабря 1932г.

тов. Лисицыну

Товарищ Лисицын, направляю вам копию допроса арестованной в городе Тобольске гражданки Межанс Паулины Касперовны, проведенного уральскими товарищами из 8 отделения ОГПУ. Пришлите свои соображения по существу показаний, ознакомив с ними ваши источники.

Поздравляю с праздником ВЧК-ОГПУ. Ваше ходатайство вскоре будет решено положительно.

Зам. председателя ОГПУ Г.Ягода»

Приложение:

Из протокола допроса гражданки Межанс Паулины Касперовны. 31 октября 1933 года.

«В тот момент, когда в Тобольске находилась царская семья и была охрана во главе с полковником Кобылинским Евгением Степановичем, мне известно, что у царской семьи было очень много ценностей, не оставленных в Ленинграде (так написано в документе), а вывезенных в Тобольск. Как вскоре сменилась охрана, полковник Кобылинский очень способствовал царской семьи во всех ее делах, в частности, пропускал к ним монашек монастыря. Я хорошо помню Ужинцеву Марфу, которая приносила молоко, яйца и другие продукты и имела связь с фрейлиной Гендриковой. Посещала один раз царскую семью игуменья Ивановского монастыря, и был постоянно вхож священник Тобольской Благовещенской церкви Васильев Алексей, отчества не знаю, который справлял церковные обряды и вел службу. Он был очень любим всей царской семьей, был их духовником. Последний им обещал, что скоро будет переворот и снова будет монархия. Он говорил, что вместе

со своими сыновьями все это устроит. Кроме того, большим доверием пользовался Кирпичников Александр Петрович. Я помню, в конце 1917г.-начале 1918г. царская семья начала беспокоится о своих ценностях. Было поручено царицей Александрой Федоровной и царем Николаем Александровичем вынести и спрятать диадемы (т.е. короны царской семьи, как Александры Федоровны, так и ее дочерей) и ряд других бриллиантовых вещей и украшений. Я хорошо видела корону Александры Федоровны, она была брильянтовая. Часть этих драгоценностей из арестного помещения через Кирпичникова А. выносилась последним и вхожим священником Васильевым. Другая часть золота и брильянтов была поручена полковнику Кобылинскому, который выносил из арестного помещения... Кирпичников Александр Петрович обо всем этом очень хорошо был осведомлен, и он знает, где эти ценности находятся и хранятся сейчас. При мне Кирпичников Александр Петрович выносил с каким-то бельем шпагу в золотой оправе, ручка которой из червонного золота, и дочери царя надели ему на шею жемчуга, которые он также вынес из арестного помещения, а куда девал, я не знаю. В то время фрейлина Гендрикова мне говорила, что они должны отправить в монастырь игуменье на хранение. Впоследствие я узнала, что царская шпага пряталась в Тобольске последним. Сперва она где-то в грунте хранилась, а затем была спрятана под крыльцо Благовещенской церкви, о чем священник Васильев мне лично при нахождении белых в Тобольске рассказывал. Фрейлина Гендрикова мне говорила, что полковнику Кобылинскому передана шкатулка, в которой хранились царские брильянты».

Допросил: Акулов М. В.

«Попробуйте выяснить дополнительные подробности об упомянутых в протоколе лицах. Особенно: Кирпичникове и Уженцевой Марфе».

«Сов. Секретно.
12 января 1933 года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Ягоде Г.Г.

По Вашему запросу от 20 декабря 1932 года удалось установить следующее: Кирпичников А. П.— бывший

личный писец при дворе Николая Романова. В период нахождения царской семьи в ссылке в г. Тобольске выполнял роль особого доверенного лица Николая II. Непосредственно переданный опечатанный пакет с пятью сургучными печатями от Николая II передал на хранение бывшему епископу Гермогену, вынес золотую шпагу наследника Алексея и передал на сохранение бывшему духовнику царской семьи в Тобольске Васильеву Алексею. Дочерью Николая Романова — Ольгой Николаевной — было надето на шею очень крупное ожерелье из жемчуга. После вручения пакета от Николая Романова Гермогену, Кирпичников принес Романову ответ от Гермогена, где тот убеждал Николая не сдаваться большевикам и крепко держаться, не подписывать никаких обязательств, дабы «не закрепостить Россию большевиками».

Кроме того, в конце февраля или в начали марта 1918 года в Тобольск приехали фрейлина двора баронесса Буксгевден и комнатная девушка Николаева (имена которых источник вспомнить не может). В дом, где содержались Романовы, они допущены не были и жили на частных квартирах до отъезда царской семьи в Екатеринбург. Эти женщины через Волкова А. Н. имели связь с Александрой Федоровной и епископом Гермогеном. Через них также передавались ценности, которые, вероятно, ими и хранятся.

Что касается Ужинцевой Марфы, то источник почти ничего о ней не вспомнить не может, кроме того, что отчество у нее было, кажется «Андреевна» и она являлась монахиней Тобольского Ивановского монастыря, служа посредницей между Романовыми и игуменьей монастыря. Насколько мне известно, Ужинцева арестовывалась ГПУ еще в 1924 году. Так что разыскать ее будет несложно.

Ст. о/уполномоченный Лисицын».

«Сов. Секретно
7 февраля 1933 года

Товарищу Лисицыну

Относительно вашего запроса. Товарищ Юровский утверждает, что весь пакет известных вам документов он передал еще летом 1918 года под вашу

собственную расписку. Однако ни документов, ни расписки мы обнаружить не смогли. Постарайтесь вспомнить, кому вы сдали пакет при возвращении в Москву.

Зам. председателя ОГПУ Ягода Г.Г.».

«Сов. секретно
11 февраля 1933 года

Заместителю председателя ОГПУ
тов. Ягоде Г.Г.

Я выехал из Екатеринбурга в ночь с 16 на 17 июля и, как вы понимаете, не имел никакой возможности взять у тов. Юровского указанный пакет, а тем более писать ему расписки. У нас была договоренность, что Юровский, который был должен отправиться в Москву вслед за мной (насколько я помню, примерно через неделю), оформит передачу документов мне по прибытии. Однако после этого я более с Юровским не виделся и документов от него не получил. Поэтому пусть он вспомнит, где они. Возможно, остались в Гохране.

Старший оперуполномоченный Лисицын А.Е.».

«Товарищу Лисицыну
Старшему опер-уполномоченному на объекте 17

Коллегия ОГПУ приняла положительное решение по вашему ходатайству относительно вашего сына, который зачислен в одно из спецучилищ ОГПУ под Москвой. Что касается вашей замены на объекте, то пока об этом не может быть и речи. Я лично докладывал об этом товарищу Сталину, который сказал: «Товарищ Лисицын настоящий чекист-большевик и должен понять, что хотя незаменимых людей не бывает, именно его заменить некем. Я это понял, когда сам побывал на объекте товарища Лисицына». Я думаю, что столь высокая оценка вашей работы вождем нашей партии и народа послужит вам лучшим поздравлением к наступающей 16-й годовщине Октябрьской Революции.

От себя и от имени коллегии ОГПУ желаю Вам успехов в работе и крепкого здоровья.

Заместитель председателя ОГПУ
Ягода Г.Г.» (без даты).

Куманин оторопело смотрел на экран, не веря своим глазам. Он уже как-то привык к тому, что вся переписка Лисицына, всего-навсего старшего опера, каким был и сам Куманин, велась только с двумя-тремя представителями высшего руководства ОГПУ, хотя по «табели о рангах» между Лисицыным и, скажем, тем же Уншлихтом или Ягодой должны были стоять целая армия чиновников и частокол инстанций. Но то, что о Лисицыне докладывали самому Сталину, причем было ясно, что великий вождь знал Лисицына и бывал на его объекте, поразило Куманина. «Партия в долгу у товарища Лисицына». Партия вернула долг товарищу Лисицыну, поставив его к стенке в феврале 1941 года.

Итак, удалось выяснить несколько немаловажных фактов. Объект имел номер 17 и, судя по некоторым датам на документах, находился относительно недалеко от Москвы. 7 февраля 1933 года Ягода отправил Лисицыну письмо о каких-то документах, потерянных то ли им, то ли Юровским. А 11 февраля Лисицын уже отвечал на этот запрос. На документах стояли штампы, свидетельствующие о том, что они направлялись через фельдъегерскую почту сов. секретной переписки. Значит, если Ягода подписал письмо 7 февраля, то отправлено оно было 8-го и получено либо в тот же день, либо 9-го, поскольку 11-го на Лубянке уже читали ответ.

Кроме того, из переписки стало ясно, что Лисицын выехал из Екатеринбурга в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, то есть он присутствовал при расстреле царской семьи, а затем уехал в такой спешке, что не успел даже оформить какие-то документы, полученные от Юровского, или, скорее всего, просто забыл о них в спешке. Что заставило его так срочно уехать? Что он увозил? На эти вопросы можно ответить с большой вероятностью: он увозил какие-то царские ценности. Совершенно очевидно и то, что Лисицын чуть ли не с 1918 года вплотную занимался поиском царских сокровищ. Видимо, объект «номер 17» представлял собой некий филиал Гохрана, где хранились ценности и документы, анализ которых и проводил Лисицын. А кто же были его таинственные «источники»? Почему он считался незаменимым? Из переписки Лисицына с руководством явствует, что на объекте с кем-то работал и знаменитый Артузов — начальник секретно-политического отдела ВЧК-ОГПУ.

Значит, он тоже был подключен к поиску сокровищ или выполнял с помощью Лисицына другие задачи? Может быть, «объект 17» — это знаменитая секретная лаборатория, где изготовлялись фальшивые иностранные банкноты и паспорта? Нет, не похоже. Есть ли где-нибудь расшифровка довоенных секретных «точек» НКВД? Наверняка есть в общей картотеке расшифровки «почтовых ящиков»?

Куманин медленно повернул пленку еще раз. Следующий кадр содержал другой документ:

«Сов. секретно
28 ноября 1933 г.

Старшему опер-уполномоченному ОГПУ
товарищу Лисицыну.

Посылаем вам копии документов, присланных ОГПУ по Уралу, чьи товарищи, благодаря вашей прекрасной работе, вернули народу ценности, столь необходимые для осуществления Сталинского плана индустриализации страны. Вы представлены к высокой правительственной награде.

Заместитель председателя ОГПУ
Ягода Г.Г.».

Далее шли показания из протокола допроса обнаруженной и арестованной монахини Ужинцевой Марфы Андреевны, которая пробовала запираться, но не выдержала даже суток на «стойке» и стала признаваться.

«... признаюсь, что в своих первых показаниях примерное место царских ценностей, что запрятал Чемодуров и показывал мне, я указывала неправильно. В действительности дело было так: перед увозом царской семьи из Тобольска ко мне на монастырское подворье пришел камердинер царя Терентий Иванович Чемодуров и, передав мне большой сверток, попросил, чтобы я передала его игуменье в монастырь. Чемодуров сказал, что в нем находятся ценности царской семьи, о чем я и сама догадывалась. Ценности эти хранились у игуменьи до весны 1923 г., когда закрылся монастырь. При закрытии монастыря игуменья спрятала монастырские ценности и подбила монашек на то, чтобы оказать сопротивление при их изъятии. Узнав, что за это ей грозит арест, игуменья передала мне ценности царской семьи попросила сохранить их до тех пор, когда установится «настоящая власть», как она сказала. Я взя-

ла сверток, крепко обмотала его полотенцем и спустила в колодец на монастырском огороде. Вскоре я была арестована и просидела в тюрьме 18 суток. Сидя в тюрьме, я очень беспокоилась за ценности, боялась, что они испортятся от колодезной воды. Как только меня освободили, я сразу бросилась в монастырь, в огород к колодцу, и вытащила ценности. Вытащив ценности из колодца, я зарыла их в могиле монастырского кладбища. Успокоиться, однако, я не могла, все время боялась, как бы их не украли. От страха я потеряла и сон, и аппетит, и память. Измучавшись совсем, я решила бросить ценности в реку Иртыш. Перед тем, как исполнить это решение, я обратилась за советом к Василию Михайловичу Корнилову — местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем, с которым я была знакома. Когда я сказала о своем решении Василию Михайловичу, он страшно испугался и замахал на меня руками: «Что ты, что ты?! Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя отчет спросят, ведь в Иртыш тебя заставят за ценностями лезть». Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия Михайловича взять ценности на хранение себе. Он сначала отказывался, потом дал согласие временно сохранить их у себя. Через несколько дней после разговора с Корниловым я пришла к нему на квартиру, принесла с собой ценности, две стеклянные банки и два туеска. В эти банки и туески я переложила ценности из свертка, спустилась с Василием Михайловичем в подполье, и там вместе и зарыли их. Это было, кажется, в 1925 году, точно не помню. Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В его квартире поселились новые, незнакомые мне, жильцы. Одно время в ней жили милиционеры. Я все время беспокоилась за ценности, боялась, как бы они не испортились или как бы не были украдены.... В октябре месяца с.г. я была арестована ОГПУ и доставлена в Свердловск... » Затем шла розыскная справка на Корнилова В.М.: «До революции и после революции во время НЭПа Корнилов занимался в городе Тобольске рыбопромышленностью и торговлей, последней в период 1924-25гг. По поручению благочинной Ивановского монастыря принял на хранение царские ценности, заключающиеся в брильянтовых 2-х диадемах (коронах), ряде других крупных брильянтов и золотых крестов. Хранил в гор. Тобольске в собственном доме по ул. Декабристов под

домом в земле, в прятаньи которого принимала участие и его семья. В связи с тем, что в 1928-29гг. был как рыбопромышленник-торговец раскулачен, из города Тобольска вместе с семьей выехал с женой сперва в гор. Свердловск, а затем в Казань. Сын находится в г. Свердловске». Далее шел сводный доклад, подводящий итог данному этапу операции.

«Сов. Секретно

Заместителю председателя ОГПУ т. Ягоде.

Спецзаписка. «Об изъятии царских ценностей в г. Тобольске».

В результате длительного розыска 20 ноября с.г. в городе Тобольске изъяты ценности царской семьи. Эти ценности, во время пребывания царской семьи в г.Тобольске, были переданы на хранение камердинером царской семьи Чемодуровым игуменье Тобольского Ивановского монастыря Дружининой. Последняя незадолго до смерти передала их своей помощнице благочинной Марфе Ужинской... 15 октября с.г. Ужинцева призналась в хранении ею ценностей царской семьи и указала место их нахождения. В указанном первоначально Ужинцевой месте ценностей не оказалось. Тогда был доставлен в Тобольск Корнилов В.М. Он указал действительное место хранения ценностей. По указанию Корнилова ценности были изъяты (ценности в двух стеклянных банках, вставленных в деревянные кадушки, были зарыты в подполье, в квартире Корнилова).

Среди изъятых ценностей имеются:

1) брошь бриллиантовая в 100 карат,

2) три шпильки головные с бриллиантами в 44 и 36 карат,

3) полумесяц с бриллиантами до 70 карат (по некоторым сведеньям, этот полумесяц был подарен царю турецким султаном),

4) диадемы царских дочерей и царицы и др.

Всего изъято ценностей по предварительной оценке наших экспертов на сумму в три миллиона двести семьдесят тысяч шестьсот девяносто три золотых рубля (3.270.693 руб.).

ПП ОГПУ по Уралу Решетов

Нач. ЭКО ПП ОГПУ Самойлов».

После этого доклада следовал перечень изъятых ценностей, содержащий 154 предмета, и их предварительная оценка экспертами. В конце перечня рукой Ягоды было написано: «Т.Лисицыну! Прошу Вас проверьте наличие ценностей по списку. Не пропало ли чего? Можно ли считать этот этап завершенным? Я.Г.Г.».

«Сов. Секретно
17 декабря 1933г.

Заместителю ПП ОГПУ
тов. Ягоде Г.Г.

Мы проверили список. Похоже, что все сходится, если не считать отсутствия нескольких предметов драгоценного оружия: шпага, две сабли, кортик (морской) и два серебряных кинжала.

На ваш дополнительный вопрос даю справку. Большая часть ценностей была поручена бывшему полковнику Кобылинскому Евгению Степановичу, командовавшему в Тобольске охраной царской семьи. Имея свободный доступ к заключенным, а равно право на вход и выход из арестного дома в любое время, Кобылинский Е. С. вынес из арестных помещений большую часть ценностей. В годы гражданской войны Кобылинский Е. С. воевал на стороне белых, а затем ушел за границу и жил в Харбине. Его разработка нами началась еще в 1921 году. Удалось добиться специального письма на его имя, чтобы он вернулся и передал ценности указанному в письме лицу (нашему сотруднику). Целью было выяснение места, где Кобылинский прячет ценности. Кобылинский поверил указанному письму и в 1927 году тайно прибыл в СССР. К сожалению, вскоре после прибытия из-за несогласованности действий местных органов ОГПУ, частично объясняемой большой секретностью операции, Кобылинский был арестован раньше времени, а пытавшийся его прикрыть наш сотрудник убит. Ни на какие вопросы Кобылинский отвечать не пожелал и умер на третьем допросе от паралича сердца. Официально считается расстрелянным за контрреволюционную деятельность. Мы пытались разыскать его жену Кобылинскую Клавдию Михайловну, но в хаосе послевоенном ее найти не удалось. Надо снова принять меры к ее розыску.

Кроме того, мне удалось установить, что часть ценностей хранится в старообрядческом ските св.Дмитрия, что в 200 верстах к северо-востоку от Тобольска, у некоей Меженской Марии Сергеевны, скрывающейся там с 1918 года. До этого скита можно добраться верхом только летом. Я думаю, что дело сейчас пойдет значительно быстрее, поскольку мнение, что ценности и валюта должны принадлежать народу, а не частным лицам, фактически разделяется уже всеми.

Ст. о/уполномоченный Лисицын».

В этот момент в помещение, где работал Куманин вошла «прапорщица» и позвала Сергея к телефону, который стоял в приемной у нее на столе.

Климова все еще не было в Управлении. Мельком Куманин видел его на экране телевизора, стоящим под зонтиком слева от Горбачева. Дождь лил в какой-то европейской столице, то ли в Брюсселе, то ли в Бонне. Вникать не хотелось. Из этого следовало, что генерал не появится в городе раньше возвращения в Москву генсека.

Куманин подошел к телефону.

«Сергей,— услышал он голос своего приятеля капитана Горелова, — тебя приглашает к себе мой шеф. Зайди сейчас к нему в кабинет».

Шефом Горелова был генерал-майор Александр Стебликов, возглавлявший весьма таинственный отдел «Новых экономических связей», целью которого было создание современных рычагов управления экономикой с элементами рыночных отношений. На практике это пока означало арест любого, кто сделает хоть полшага в сторону от государственной экономики без ведома КГБ.

Куманин был весьма удивлен интересом, проявленным к нему Стебликовым, поскольку никогда экономическими проблемами не занимался.

— Сергей Степанович,— сказал генерал, жестом приглашая вошедшего Куманина сесть,— у меня к вам несколько вопросов.

— Слушаю вас, товарищ генерал,— с готовностью ответил Куманин, бросив взгляд на старинные каменные часы, украшавшие генеральский кабинет.

Была уже половина первого, дело двигалось к обеду, после которого Куманин обещал Наде приехать в интернат.

— Сегодня,— прочел что-то в своем рабочем блокноте генерал Стебликов,— в 18 часов вы должны бы прочесть лекцию перед представителями общественности в клубе «Красный Октябрь» на тему «Ритуальное убийство царской семьи». Вы об этом помните?

— Да, конечно,— в смущении проговорил Куманин — он начисто об этом забыл,— но, товарищ генерал...

— Александр Иванович,— дружелюбно поправил его Стебликов.

— Приказом генерала Климова, Александр Иванович,— продолжал Куманин,— я откомандирован в его распоряжение для выполнения задачи, которую трудно совместить с чтением публичных лекций.

— Мне это известно,— сказал Стебликов,— но, согласитесь, не дело вот так, неожиданно, прерывать дело государственной важности, Степан Сергеевич.

— Сергей Степанович,— подсказал Куманин.

— Простите,— улыбнуся Стебликов,— столько имен в голове, что иногда путаюсь. Так вот, я считаю, что нет никакого резона прерывать столь важное и полезное дело.

Куманин всем своим видом показывал полную солидарность с мнением генерала, но ему было не совсем понятно, каким боком все это соприкасается с «Новыми экономическими отношениями», которыми занимался отдел генерала Стебликова.

— Поэтому,— подвел итог генерал,— лекцию, намеченную на сегодня, никак отменить нельзя. — Он жестом руки прервал возражения Куманина и продолжал:

— Я вовсе не желаю, да и не имею права, отменять приказы генерала Климова. Но раз вы не можете более заниматься этим делом, я готов прочесть лекцию вместо вас и вообще взять на себя некоторые ваши обязанности по курированию групп граждан с монархической ориентацией. Прошу вас передать мне конспекты ваших лекций.

— Лично я ничем не могу вам помочь, Александр Иванович,— честно признался Куманин,— когда генерал Климов приказал мне прибыть в его распоряжение, я сдал свое подразделение капитану Осадчему, который по распоряжению полковника Кудрявцева должен временно руководить всеми делами в этом направлении.

— Я говорил с Кудрявцевым,— скривил в улыбке тонкие губы генерал,— он уверяет, что все материалы остались в вашем опечатанном сейфе, ключей от которого у него нет.

Ключи Куманин сдал Кудрявцеву, и раз тот говорит, что ключей у него нет, значит, не хочет ничего давать из своего отдела Стебликову и, конечно, надеется, что Куманин его не подведет.

— Совершенно верно,— подтвердил Куманин,— ключи от сейфа я сдал генералу Климову, который временно приказал приостановить просветительскую деятельность до особого распоряжения.

Куманин был уверен, что Стебликов сто раз подумает, прежде чем решится просить ключ у Климова. К тому же того и на месте нет.

— У Климова? — помрачнел Стебликов.— А где он сейчас?

Куманин развел руками, давая понять, что не посвящен в планы командования.

— Впрочем,— так же мрачно продолжал генерал,— сомневаюсь, что Климов окажет моему отделу содействие. Кажется, он, как и многие другие, не понимает приоритета экономики над политикой.

Куманин почтительно слушал, украдкой поглядывая на часы. Ему совершенно не хотелось дискутировать на тему, «что понимает и чего не понимает генерал Климов». Подобные дискуссии для рядовых сотрудников никогда добром не кончались. Поэтому он решил направить мысли генерала Стебликова в другое русло:

— Разрешите вопрос, Александр Иванович? Я тоже не понимаю, какое влияние могут оказать мои лекции на экономическое положение страны, которое, как известно из материалов последнего пленума, переживает некоторые трудности, вызванные...

— Вы не понимаете? — удивился Стебликов.— Самое прямое отношение. Существует, грубо говоря, два вида экономики. Один вид — его можно назвать иудо-сионистским — предполагает обязательное получение прибыли на всех уровнях экономических структур, ставит богатство над духовностью и соборностью. Второй — я бы назвал истинно славянским — восходит к самым истокам нашей русской цивилизации. Он предусматривает приоритет духов-

ности над материальными благами, а потому отрицает примат прибыли. Весь конечный продукт экономики народ, благодаря своей соборности, отдáет любимой стране, а та в свою очередь, распределяет полученное поровну между всеми. Мне кажется, что иудо-сионисты потому и убили царя — вам, Сергей Степанович, это удалось ярко доказать — чтобы сменить истинно русскую экономику на свою. Это диктовалось, помимо всего прочего, их извечным стремлением к наживе и прибыли. Вы улавливаете мою мысль?

Меньше всего на свете Куманин любил спорить с генералами, а потому с готовностью кивнул, давая понять, что не только улавливает генеральскую мысль, но и полностью ее разделяет. Это мысль была явно с кем-то согласована, иначе бы Стебликов никогда не осмелился высказать ее вслух. Но наверху говорили о чем-то другом, а генерал, пересказывая доверенное ему, скорее всего, все перепутал, поскольку в экономике разбирался так же хорошо, как и во всех прочих сферах человеческих знаний. Даже из курса средней школы было ясно, что экономика, основанная на примате прибыли, была как раз при Николае II, а «соборную экономику», основанную на присвоении государством всего конечного продукта и его дальнейшем распределении по собственному усмотрению, придумали убившие царя иудомасоны.

Генерал обрадовался поддержке со стороны Куманина и попросил уточнить, что тот имеет в виду, говоря о ритуальном убийстве царя, в чем заключается сущность ритуала и где об этом можно прочитать?

Куманин ответил, что подробный разбор ритуалов имеется только в книгах на немецком языке, изданных в годы, предшествующие приходу к власти нацистов, и в первые годы их пребывания у власти, если не считать, конечно, средневековой литературы, с которой он, к сожалению, не знаком. Процедура в Екатеринбурге должна была проходить так: (Куманин специально сказал «должна была проходить», а не «проходила», чтобы застраховаться на тот случай, если Стебликов пишет их беседу на пленку, чтобы потом спросить с него за дезинформацию):

— Юровский и его команда должны были подвесить царя за ноги к потолку и совершить вокруг него древний танец с похлопыванием в ладоши и прискоком в обяза-

тельном присутствии раввина. В это время остальные должны были замешивать священную мацу.

— Раввина? — переспросил Стебликов, слушая Куманина с видимым удовольствием, даже слегка приоткрыв рот,— разве там был раввин?

— Обязательно,— подтвердил Куманин,— причем не местный, а специально прибывший из Москвы с ритуальным ножом верховного резника, присланным из Варшавы.

Генерал быстро конспектировал слова Куманина, кивая головой.

— Именно этим ножом,— продолжал Куманин, изо всех сил сдерживая улыбку,— раввин перерезал горло царю, и августейшая кровь была слита в специальный сосуд, именуемый «халеш», после чего разлита по кубками и выпита всеми присутствующими, а частично слита в тесто для мацы, которой закусили. Затем тело было брошено в бочку с серной кислотой и растворено, что также является частью ритуала. Вот примерно все это, вероятно, происходило.

— А фамилия раввина известна? — поинтересовался Стебликов.

— Он скрывался под псевдонимом,— сообщил Куманин,— и уехал в ту же ночь. В материалах он фигурирует как «черный раввин».

— И все это делалось вопреки приказам Владимира Ильича Ленина и ВЦИК? — продолжал уточнять генерал.

— Разумеется,— подтвердил Куманин, с тревогой глядя на часы.

— И много у вас таких наработок? — спросил Стебликов, закрывая блокнот.

— Согласно указаниям руководства и секретариата ЦК, мы вели подобные разработки исключительно для компромата нашего монархо-националистического движения в глазах общественности как внутри СССР, так и за границей. У меня составлены конспекты пяти-шести лекций на эту тему, но хочу вас честно предупредить, товарищ генерал, никаких исторических доказательств всему этому нет.

— А кому они нужны, эти доказательства? — усмехнулся Стебликов,— необходимо предать ваши наработки широкой гласности. Вы не могли бы попросить генерала Климова, чтобы он передал эти материалы мне?

— Мне кажется,— сказал Куманин,— что вам самому это было бы сделать гораздо проще. Вопросы на уровне генералов всегда решаются значительно легче, чем при посредничестве майоров...

— Мне нравится ваша скромность,— улыбнулся Стебликов,— среди молодых офицеров сейчас это большая редкость. Все майоры мнят себя по меньше мере маршалами. Но тут другой вопрос. Вы все-таки автор этих материалов, которому вдобавок нельзя отказать в таланте и творческом подходе к выполнению порученного приказа. Сейчас курировать русское национальное движение, в частности, вопросы монархизма, партия поручила мне. Думаю, мне будут переподчинены и подразделения, занимающиеся борьбой со всеми проявлениями сионизма. Когда вы решите задачи, связанные с откомандированием в распоряжение генерала Климова, я попрошу подумать о переходе ко мне на должность полковника. Сейчас рассматривается вопрос о преобразовании моего отдела в управление, в котором на посту начальника ведущего отдела я хотел бы видеть вас. Что вы на это скажите?

— Я польщен столь высокой оценкой моей работы,— ответил Куманин, совершенно не ожидавший подобного оборота событий.

— Сейчас от таких молодых патриотов, как вы, майор, — несколько напыщенно сказал Стебликов,— зависит будущее нашей страны, партии. Большое русское спасибо вам за вашу работу.

Надо ли на подобные слова отвечать, как положено: «Служу Советскому Союзу!», Куманин сообразить не мог, но на всякий случай встал и принял некоторое подобие стойки «смирно», что тоже понравилось генералу.

— Если будет время,— подавая ему руку, улыбнулся Стебликов,— приходите сегодня и послушайте мою лекцию, которую я читаю за вас.

Генерал погрозил Сергею пальцем и снова улыбнулся тонкими губами.

II

Было уже около трех часов дня, когда Куманин подъехал к интернату. Прежде чем что-либо предпринимать, ему хотелось еще раз поговорить с Надей. Прямо на вахте дежурная объявила, что Надежды Николаевны на месте нет.

— Уже ушла? — расстроился Куманин.

— И не приходила,— сказала дежурная,— может, когда я обедала...— и она стала крутить диск местного телефона:

— Люба? Надя Шестакова на месте? К ней товарищ из...

— РОНО,— подсказал Куманин.

— Нет ее,— положила трубку дежурная,— с утра не было. Может, заболела, может, в райсобес поехала детишкам выбивать всякое. У нас второй день нет горячей воды. Дошкольное учреждение! Представляете?

— Представляю,— согласился Куманин.— Позвонить от вас можно?

Куманин набрал Надин номер. Долго никто не подходил, затем раздался знакомый голос ее матери.

— Здравствуйте, Лидия Федоровна,— это Сережа Куманин,— представился он.— Надю можно позвать?

— Здравствуй, Сережа,— ответила Лидия Федоровна.— Надя на работе. Будет поздно. Что-нибудь передать?

— А давно она ушла? — спросил Куманин.

— Как обычно, с утра. Сережа извини, у меня на кухне все горит. Я передам, что ты звонил,— и она повесила трубку.

Выяснив, что директриса на месте, Куманин поднялся на третий этаж, с отвращением вдыхая запах подгорелой каши и хлорки.

В приемной директора белобрысая девица стучала на пишущей машинке.

— Мне к директору,— сказал Куманин.

— У Алевтины Ивановны совещание,— вскинув глаза от машинки, объявила девица, но осеклась при виде куманинского удостоверения и бросилась в директорскую дверь: «Алевтина Ивановна, к вам товарищ из органов!».

Алевтина Ивановна, высокая полнеющая дама лет со-

рока пяти, сидя за своим столом, ела пирожное и запивала чаем из большой чашки с нарисованной на ней красной ягодой в орнаменте из зеленых листочков. Второе пирожное лежало на блюдечке. На какое-то мгновение директриса застыла с пирожным в руке, потом положила его обратно на блюдечко, покрыла салфеткой, поставила вместе с чашкой куда-то под столик с телефонами, вытерла губы платком и спросила: — Вы откуда? Из милиции?

У Куманина, как у любого оперативника, была при себе целая коллекция различных удостоверений, включая и милицейское, но он решил не хитрить, а сразу пойти с главного козыря:

— Я из Комитета,— и протянул директрисе удостоверение.

Лицо Алевтины Федоровны пошло пятнами:

— Шестакова уже до комитета добралась. Интересно. Из-за этих вечных склок, товарищ майор, работать некогда, детьми некогда заниматься. Весь день приходится объяснения писать в разные инстанции.

— Сочувствую,— сказал Куманин,— но согласитесь, когда дети исчезают средь бела дня, это ненормально.

— Что значит «средь бела дня»? — вспыхнула директриса.— Ребенок был не совсем нормальным. У нас есть медицинское заключение. Для такой категории детей дошкольного возраста существуют специальные интернаты, которые, как и наш, переполнены. Мы взяли мальчика временно, и, как только освободилось место в Вологде, направили его туда. А что там было до меня, при прежнем директоре, я не в курсе.

— Но ребенок до Вологды почему-то не доехал,— прервал ее Куманин.— Не знаете, почему?

— И знать не хочу,— зло сказала Алевтина Ивановна.— Я отправила, Вологда приняла. У меня у самой дел невпроворот.

Она помолчала, а потом спросила:

— Что вам еще Шестакова наговорила?

— Мне кажется,— подсказал Куманин,— что лучше вызвать Шестакову сюда, выслушать ее и во всем разобраться наконец.

Куманин сказал это в надежде выведать у директрисы, где Надя находится, но ошибся.

Директриса подошла к дверям своего кабинета, приоткрыла их и крикнула в приемную:

— Лена, вызовите ко мне Надежду Николаевну Шестакову. Срочно.

Белобрысая голова очень быстро просунулась в дверь и доложила:

— Алевтина Ивановна, Надежды Николаевны нет на отделении.

— А где она? — спросила директриса.— Куда ушла?

— Говорят, с утра не было,— сказала секретарша,— не приходила вообще. Там только нянечки и санитарка.

— Бегает, наверное, со своими жалобами,— зло проговорила Алевтина Ивановна.— Вот выгоню ее по статье за прогул. Разве можно детей бросать на весь день без педиатра?

— А она разве педиатр? — спросил Куманин.— Я полагал, что она воспитательница.

— Педиатр,— неохотно подтвердила директриса.— Закончила год назад медицинский без отрыва от производства. Но все равно я ее выгоню, если будет продолжать склочничать. И местком меня поддержит.

— Простите,— сказал Куманин.— Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы вмешиваться в ваши трудовые конфликты с подчиненными. Хочу разобраться с пропажей ребенка и поставить на нем точку, не доводя снова до прокуратуры и официального следствия. Возможно, что Надежда Николаевна действительно излишне впечатлительный человек, а потому, может быть, вы ответите мне на несколько вопросов.

— Слушаю вас,— сухо отреагировала Алевтина Ивановна и добавила:

— Только побыстрее, пожалуйста, у меня в четыре часа педсовет.

— Хорошо,— кивнул головой Куманин, взглянув на часы.— У этого мальчика, Алеши Лисицына, если не ошибаюсь, были официально признаны — психические и прочие отклонения. Я думаю, что это делает медкомиссия, которая и составляет по своему решению специальный документ?

— Конечно,— подтвердила директриса,— составляется акт по форме II и соответственно ему, ребенок актируется, как положено.

— Я могу взглянуть на этот акт? — спросил Куманин.

— Ради бога,— директриса встала, подошла к стоявшему в простенке между окнами простому канцелярскому шкафу, вытащила оттуда папку с надписью «Акты» и подала Куманину два листочка, соединенных канцелярской скрепкой, которая держала маленькую, примерно четыре на четыре сантиметра, фотографию.

— Что тут говорить,— сказала Алевтина Ивановна, подавая акты Куманину.— Мальчику почти шесть лет, а он не помнит ни маму, ни папу, ни где жил до того, как его обнаружила милиция на Ярославском шоссе. Вы можете считать такого ребенка нормальным?

Куманин пожал плечами, просматривая акты. Под ними красовалась подпись самой Алевтины Ивановны, фамилия которой была Петухова, интернатского врача и какой-то воспитательницы.

— Это подписи ваших сотрудников? — спросил Куманин, рассматривая фотографию Алеши Лисицына. «Где он мог видеть этого мальчика раньше? Очень знакомое лицо».

— Вы хотите их опросить? — поинтересовалась директриса.

— Кого? — не понял Куманин.

— Тех, кто подписали акт,— подсказала директриса.

— Нет необходимости,— ответил Куманин,— но у меня еще к вам есть вопросы.

— Пожалуйста,— вздохнула Алевтина Ивановна, поджав губы.

В ее глазах не было ни тени тревоги, скорее недоумение взрослого человека, которого заставляют играть в какую-то непонятную игру.

— Каким образом,— спросил Куманин,— вы отправили ребенка в Вологду? Машиной, поездом, самолетом? Кто из ваших сотрудников его сопровождал или, вернее, сопровождает, поскольку ребенок в Вологду не прибыл? И, наконец, кто-то ведь должен был, приняв у вас ребенка, оставить у вас расписку или другой документ? Если вы ответите на все эти вопросы, то полагаю, ни у кого лично к вам и вашему учреждению никаких претензий не будет.

Наступило молчание.

Алевтина Ивановна смотрела на Куманина с непонятным интересом, на ее губах заиграла странная полуулыбка-полугримаса.

— Вы серьезно? — как-то странно спросила она.

— Вы считаете, что я пришел сюда шутить? — начал злиться Куманин.

— Они что, хотят меня сейчас подставить? — В голосе директрисы начала исчезать уверенность.

— Кто они? — не понял Куманин.— О чем вы говорите?

— Не прикидывайтесь, что вам ничего неизвестно,— продолжала Алевтина Ивановна.— Вы меня что, проверяете?..

— Послушайте,— вздохнул Куманин.— Если вы будете говорить со мной намеками, то вам придется проехать в моей машине на Лубянку и там написать официальное объяснение всему случившемуся. А если оно меня не удовлетворит, то я оформлю вам задержание на семьдесят два часа для начала, чтобы у вас было время это объяснение отредактировать. Вы вообще отдаете себе отчет с кем разговариваете? Вы понимаете серьезность ситуации?

— Вы что? Вообще? — побледнела директриса.— Разберитесь сначала у себя! — с визгливыми нотками в голосе продолжала она. — Вы из меня дурочку, что ли, строите? Или думаете, на вас управы нет. Одни забирают мальчика, а другой приходит — ищет. Номера какие! У себя за пазухой поищите ребенка! Задержание он мне оформит на семьдесят два часа! Ты своим оформи что следует.

— Пожалуйста,— поморщился Куманин,— не надо истерик. И на крик меня брать не надо. Спокойнее. Кто увез Алешу Лисицына? Объясните толком.

— Ваши и увезли, будто не знаете? — директриса старалась говорить спокойнее, хотя визгливые нотки все еще прорывались у нее.

— Наши? Что за наши? — переспросил Куманин.

— Ваши. Из комитета,— зло выпалила Алевтина Ивановна.— Втроем приехали с милиционером. Ребенок, оказывается, во всесоюзном розыске. Родители его что-то такое натворили, что и сказать страшно. Вот они ребенка и забрали.

— Документы они какие-нибудь вам предъявили? — поинтересовался Куманин.

— А как же,— в голосе директрисы снова начала появляться некоторая уверенность.— У всех такие же книжечки как, и у вас. И отношение было из прокуратуры города. Они сказали, что в связи с секретностью ребенка надо оформить переводом в какой-нибудь иногородний интернат, и взяли подписку о неразглашении. Зачем же они сей-

час вас посылают, что-то выяснять? Проверяют, усвоила ли я все или нет?

— Фамилии-то вы их знаете? — спросил Куманин.

— Нет, нет,— быстро ответила директриса.— Не помню фамилий никаких. Разволновалась, не прочла в документах.

— Так что же, выходит, кто-то взял ребенка и с концами. Ни записочки, ни расписочки? — Куманин продолжал вертеть в руках фотографию Алеши.

— Ничего не оставили,— подтвердила Алевтина Ивановна.— Да я и перепугалась: мыслимое ли дело, за малолетним ребенком целая бригада чекистов приехала, будто он цэрэушник какой-нибудь. Да еще с меня подписку о неразглашении....

— Хорошо,— сказал Куманин, все еще пытаясь сообра зить, почему ему кажется столь знакомым лицо Алеши Лисицына.— Возьмите лист бумаги. Пишите: «Старшему оперуполномоченному КГБ майору Куманину С.С. От гражданки Петуховой Алевтины Ивановны, директора интерната N 4, проживающей по адресу..». Написали? Дальше: «Объяснение». С новой строки: «Я, Петухова А.И., передала несовершеннолетнего Лисицына Алексея представителям органов КГБ по их требованию такого-то числа». Когда это было. Помните? Это число и поставьте. Подпишитесь и поставьте сегодняшнее число. Это для вашей пользы. Чтобы никто более не предъявлял к вам претензий. Запишите мой телефон, и если в этом деле последует какое-либо продолжение, прошу звонить. Фотографию мальчика я возьму с собой.

Он открыл дипломат и положил туда листок с объяснением директрисы и фотографию Алеши Лисицына.

— Вы так дело поворачиваете,— сказала поникшая Алевтина Ивановна,— вроде я и не должна была им ребенка отдавать? Так что ли?

— Я этого не говорил,— возразил Куманин.— Вы, как и каждый советский человек, обязаны подчиняться требованиям органов. Но специфика вашего случая такова, что вы были обязаны как-то зафиксировать это событие. Скажем, та же Шестакова приведет к вам людей из прокуратуры. Что вы им скажите? Ваша легенда насчет Вологды не проживет и часа. Где доказательства, что вы не продали ребенка какой-нибудь бездетной азербайджанской семьи

тысяч за пять-десять? Вы хоть о последствиях для себя подумали?

Директриса молчала, испуганно глядя на Куманина.

— Нарушение подписки о неразглашение,— продолжал Куманин,— является очень серьезным преступлением, предусматривающим лишение свободы на срок до пяти лет. В разговоре со мной вы имели на это право, но в разговоре с работниками прокуратуры, милиции или другого правоохранительного или надзорного органа вы такого права иметь не будете. Таким образом, вся ответственность будет возложена на вас. Вы меня понимаете?

— Но, товарищ майор,— возразила Алевтина Ивановна,— вы же подтвердите в случае чего...

— Не уверен,— прервал ее Куманин.— Ваше объяснение дает мне основание для проверки этого случая. Если мальчика действительно взяли наши сотрудники, я смогу вас прикрыть. Если вы придумали эту историю, чтобы сбить меня с толку, то будете отвечать по всей строгости существующего закона...

— Клянусь вам,— голос директрисы дрогнул, было видно, что она готова зарыдать от жалости к самой себе.

— Успокойтесь,— сказал Куманин,— и узнайте, не приходила ли Шестакова.

Шестакова не приходила.

Было уже около пяти часов вечера, и Куманин решил вернуться в управление, чтобы узнать, не появился ли генерал Климов, затем пообедать и, если получится (если будет после пяти на месте климовская «прапорщица»), досмотреть микрофильмы. Но странный случай с Алешей Лисицыным не выходил у него из головы. В приютах страны огромное количество маленьких детей, чьи родители осуждены и сидят в бесчисленных зонах и тюрьмах. Но ему лично никогда не приходилось слышать, чтобы дошкольников подвергали каким-то мерам со стороны органов, во всяком случае в послесталинские времена. Напротив, все — и КГБ, и милиция — сразу же отправляли ребенка, чьи родители попали в зону или находились в розыске, в какое-нибудь детское учреждение.

Преступники, торгующие детьми, вряд ли пришли бы к директрисе, размахивая комитетскими удостоверениями. К тому же им нужен был не любой ребенок, а конкретный: Алеша Лисицын. Если же это действительно были ребята

из КГБ, то он, Куманин, влип в довольно неприятную историю, поскольку, не имея полномочий, вмешался в чужую операцию. А у него не было ни полномочий, ни оснований для вмешательства, поскольку просьбу Надежды никак нельзя было считать подобным основанием. Если же говорить честно, то отреагировал он не на просьбу Нади, а на фамилию мальчика и на странный телефонный разговор в кабинете Климова. Интуитивно он почувствовал, что пропажа мальчика и этот разговор как-то связаны между собой, и сейчас убедился — он прав. Ребенок взят из интерната по приказу Климова, это можно считать доказанным. А если так, то он готов утверждать, что между таинственным оперуполномоченным Лисицыным, расстрелянным в 41-м году, и Алешей Лисицыным, увезенным сотрудниками КГБ из интерната N 4 в 1989 году, существует какая-то связь, возможно, не только родственная, но и следственно-причинная.

Итак, он владеет документом за подписью гражданки Петуховой А.И., подтверждающим, что это не фантазия. Судя по тому, как легко ему удалось запугать директрису интерната и вынудить ее написать объяснение, она не имеет выхода на Климова и не сможет пожаловаться тому на куманинский произвол, хотя в этом нельзя быть уверенным до конца. Нужно еще раз переговорить с Надеждой и попытаться уточнить некоторый детали этого дела. Возможно, Надя тоже ему не все рассказала из того, что знала. Кроме того, чтобы обезопасить себя, нужно будет, как только вернется Климов, под тем или иным соусом доложить ему об всем, как бы между прочим, мол любопытные совпадения бывают в жизни.

Вернувшись на Лубянку, Куманин направился в архив управления.

Близился конец рабочего дня. Если у оперативных работников рабочий день считался ненормированным, то многие службы, включая и архивы, секретные библиотеки, магнитофонные картотеки и тому подобное, как правило, в шесть часов вечера уже закрывались до утра.

Отставной полковник Максимов, работавший в оперативном архиве, начинал службу в НКВД еще при Генрихе Ягоде. Теперь было ему под восемьдесят, но он казался бодрым, сохранял в своем облике суровость прошедших времен. Имел и маленькие слабости, о которых знало все уп-

равление, в частности, очень любил, чтобы молодые сотрудники к нему обращались по всей форме.

— Здравия желаю, товарищ полковник,— объявил, входя в архив Куманин, улыбаясь и придавая своей фигуре некоторое подобие стойки «смирно».— Разрешите обратиться. Майор Куманин.

— Не ори. Вольно,— миролюбиво пробурчал Максимов.— Чего тебе, Серега, надо? Давай быстрее, мне надо в медчасть на процедуры.

— Василий Никитич,— попросил Куманин,— мне нужна расшифровка одной довоенной точки. Она у меня в некоторых документах мелькает как «объект 17». Что это был за объект и где находился?

— Сейчас посмотрим,— проворчал Максимов и, подойдя к массивному несгораемому шкафу, открыл его и вытащил толстенную канцелярскую книгу, увешанную старыми сургучными печатями. Старик раскрыл гроссбух и стал водить пальцем по строчкам, шевеля губами. В былые времена Максимов служил заместителем начальника изолятора — знаменитой внутренней тюрьмы на Лубянке,— и многое, наверное, мог порассказать интересного. Поговаривали, что он лично приводил в исполнение приговоры в отношении знаменитых личностей, от Ягоды до Мейерхольда. Начальник его, генерал-майор Опанасенко, в хрущевские времена схлопотал пятнадцать лет тюрьмы, где и умер. А Максимов выкрутился и даже после отставки его убрали «от греха подальше», а то еще сядет мемуары писать, был оставлен в управлении на технической работе. Поведать он мог много, но не рассказывал ничего, как и прочие ветераны НКВД: слов, особенно собственных, боялись пуще пуль. Много на их памяти было примеров, как случайно вырвавшееся слово мгновенно превращалось в пулю, которая, как бумеранг, совершала круг над твоей головой и попадала тебе же в затылок.

«А ведь не исключено,— подумал Куманин,— что именно дядя Вася расстрелял в 41-м Лисицына, или присутствовал при этом. Спросить его или нет?» Решил не спрашивать.

— Нет 17-го объекта,— между тем возвестил Максимов, закрывая книгу и водружая ее на место в несгораемый шкаф.— После 15-го идет сразу 21-й. А 17-го нет.

— Что это означает? — спросил озадаченный Куманин. Старик мрачно взглянул на Куманина:

— Это означает, что объект либо быстро свернули по каким-то причинам, либо он до сих пор действует. А действующие объекты в другом реестре. Не у меня. По нумерации это очень старый объект. Не позднее второй половины 18-го года. Скорее всего, он находился либо в самой Москве, либо в области.

— А вы о нем ничего не слышали? — осмелился спросить Куманин.

— Что я слышал, то уже все забыл,— усмехнулся Максимов,— и тебе, Серега, советую: поменьше запоминай из того, что тебя не касается, и поменьше интересуйся. Наше главное правило: узнал — забыл. А если ничего не узнал, так это еще и лучше. Сказали — сделал, и все. Ну, иди, мне помещение сдавать надо и опечатывать.

Приемная генерала Климова оказалась закрыта. Куманин спустился в столовую. «Самое лучшее — не демонстрировать служебного рвения, а отправиться домой и попытаться снова встретиться с Надей»,— решил он.

III

Выпив на кухне кофе, Сергей снова позвонил Наде. Подошла ее мать и сообщила, что Нади все еще нет дома и что она уже беспокоится, поскольку звонили из интерната, тоже искали Надю, которая, оказывается сегодня на работу не приходила.

— А она никуда не собиралась? — поинтересовался Куманин.— Может быть, куда-нибудь заехала и задержалась.

— Нет, Сережа,— сказала Надина мама.— Ничего она мне не говорила. Вышла, как обычно. У них педсовет сегодня должен быть. Говорила, что задержится на работе. Но ты знаешь, что она вообще никогда раньше десяти вечера из приюта не приходит, а часто ночует там.

Куманин пообещал позвонить позднее и повесил трубку. Было уже около восьми вечера. Он позвонил в интернат и спросил у дежурной, нет ли на месте воспитательницы Ше-

стаковой. Пожилой женский голос ответил, что Шестаковой сегодня вообще не было: «Позвоните завтра».

Чтобы слегка отвлечься, Куманин включил телевизор. С экрана демонстрировали пустые прилавки московского продуктового магазина, разъяренные лица продавщиц и огромную толпу народа, теснящуюся у закрытых дверей в надежде, что что-нибудь подвезут. Голос диктора за кадром вещал: «Очередь за всем, от колбасы до бритвенных лезвий, давно стала составной частью жизни советских людей. Для граждан страны, строящей атомные электростанции и космические «челноки», унизительно выстраиваться за куском мыла. Но люди стоят...» На экране появился упитанного вида товарищ, типичный секретарь райкома, но, судя по появившейся на экране надписи, это был директор ГУМа Станислав Сорокин. Улыбаясь, он говорил в протянутый микрофон: «В дефиците теперь в соответствии со старой шуткой товары на букву«В» — ВСЕ. Я убежден, выход — в импорте...» Его сменил пожилой офицер милиции в погонах подполковника: «Очередь — это поле деятельности и для спекулянтов, и для злоупотребления работников торговли. Достаточно сказать, недавно, в ходе специальной операции, продолжавшейся две недели, милиция обнаружила в магазинах Москвы спрятанные под прилавком товары на шестнадцать миллионов рублей. А за год — пятнадцать тысяч уголовно-наказуемых случаев припрятывания товара. Вот и дефицит!»

Куманин переключил канал. На экране появились старые деревянные постройки, бревенчатые шлюзы, люди, махавшие кирками, столб с большим самодельным плакатом: «Да здравствует руководство ОГПУ!». Затем на экране возникли Сталин и Ягода, что-то оживленно обсуждающие. «Феномен канала имени Сталина,— говорил диктор,— до сих пор наполнен тайнами. Зачем Сталину понадобилось убивать на этой стройке триста восемьдесят тысяч человек, энергия которых так пригодилась бы в скором времени при отражении вероломного нападения гитлеровцев на Советский Союз...» Куманин выключил телевизор.

После того, как Горбачев, по непонятным причинам, объявил курс на перестройку и гласность, страна совершенно отчетливо покатилась под откос. Чернобыльская авария, страшное землетрясение в Армении, сотни других

больших и малых катастроф на суше, на море и в воздухе превратили всю огромную территорию ядерной сверхдержавы в одну зону бедствия. Все это сопровождалось полным исчезновением товаров из магазина, введением карточной системы на продовольствие и основные промышленные товары, ростом преступности и падением нравственности. «Налицо все симптомы грядущего конца света «в отдельно взятой стране»,— вспомнились Куманину циничные слова одного из допрашиваемых.

Еще более поражал паралич всех властных структур, которые были уже не в силах не только помочь стране, но даже самим себе. Все они покорно следовали по тому неясному пути, куда звала волшебная «дудочка».

Даже непоколебимая Лубянка теряла свой гранитно-пролетарский имидж.

Первое Главное Управление (внешняя разведка) — гордость органов — конвульсировало от небывалого в истории секретных служб предательства заграничных резидентов, десятками перебегающих на Запад. В свое время одного случая было достаточно, чтобы начальника этого управления либо расстреляли, либо выгнали с должности на вечный пансион в какой-нибудь не обозначенный на карте уголок. А ныне начальник этого управления генерал Шебаршин получает одни благодарности и повышения. Можно было подумать, что подобное количество изменников, бегущих к противнику — какая-то хитрая разведывательная операция, за выполнение которых полагаются награды и чины.

А в его родном Управлении обстановка была уже близкой к панической. Последовало указание освободить из мест заключения всех, отбывающих срок по 70-й и 190-й «прим» статьям Уголовного кодекса. Еще остались в лагерях осужденных по 64-й статье за измену Родине, но знающие люди говорили, что, видимо, и их придется освобождать. Насмарку шел творческий труд нескольких поколений чекистов в течение последних по меньшей трех десятилетий. Прибывшие из мест лишения свободы антисоветчики и изменники уже открыто требовали крови оперативных работников и следователей, когда-то изъявших их из советского общества, во избежание помех на пути строительства коммунизма. Начальство, как могло, подбадривало подчиненных, но и само, видимо, не замечая то-

го, потеряло былую твердость. Глаза генералов испуганно бегали даже на инструктажах.

Аналитики КГБ — элита нации, как ее любили называть преданные журналисты — куда-то один за другим исчезали. Даже полковник Кудрявцев, бывший начальник Куманина, встретив его в буфете, подсел к нему с чашкой кофе и завел разговор о том, что «служить становится невозможно». «Вся эта лагерная шваль появилась в Москве, и что делать дальше — не знаю». Далее он поведал, что в одной «газетенке» его Кудрявцева, фамилию поставили рядом со словами «душитель свободы и гласности». Газету разогнали, но он уверен, что это только начало.

— Здесь,— пояснил Кудрявцев,— не импровизация какая-то, в нашей стране невозможны подобные импровизации, а чья-то направленная политика по дискредитации органов. Раз фамилия появилась в печати, значит уже намечены козлы отпущения для спасения тех «козлов», что наверху. Сейчас,— продолжал полковник, допивая кофе,— надо куда-нибудь поглубже нырнуть, а когда придет время, вынырнуть в нужном месте. И тебе, Сергей, советую сделать тоже самое. Твоя фамилия совсем не случайно появилась на вражеских голосах. Значит, и тебя наметили заколоть на талмудическом жертвеннике. Евреи таких, как мы с тобой, не прощают.

Куманин не проронил ни слова, жевал какой-то салат, но слушал внимательно. «Действительно, чем он сейчас занимается, когда страна колотится в конвульсиях, очень напоминающих агонию? Ищет могилу последнего русского царя! Может, пойти за теми, кто уже нырнул? Некоторые уже вынырнули в кооперативах, в совместных предприятиях и на каких-то темных биржах. Противно!»

Бывший начальник внешней контрразведки 1-го Управления генерал Белугин, в свое время награжденный орденом Боевого Красного Знамени за организацию убийства в Лондоне болгарского диссидента Маркова отравленным зонтиком (экзотика и полет творческой мысли!), специалист по мокрым делам высочайшего класса, вдруг заявил, что не может более служить в такой преступной организации, как КГБ. Его голос зычно зазвучал на демократических митингах и на телевидении с требованиями наказать «преступников с Лубянки», хотя начинать надо было, конечно, с него самого. Вслед за свои шефом, незаметно исчез-

ли с горизонта его «легендарные» подчиненные: полковник Нечипуренко, некогда курировавший Ли Харви Освальда, полковник Тихой, работавший с Агджой и организовавший покушение на римского папу, полковник Тиусов, направлявший работу самого «Шакала-Ильича». Опытные «крысы» первыми почувствовали неладное на своем «корабле», они и потянулись на заслуженный отдых. За время своей плодотворной и многотрудной деятельности в КГБ все они обзавелись докторскими степенями по истории и экономике, а потому легко могли сменить бурную службу на тихое академическое житие.

Защищать диссертации по истории и экономике на Лубянке было до смешного просто. Тема закрытая, оппоненты закрытые, защита закрытая. Раз-два — и ты уже кандидат или доктор. Куманину тоже предлагали защититься, даже тема была близкая, по профилю работы: «Кризис самодержавия и Великий Октябрь», да он все отмахивался: «Успеется». Хотел прежде подполковником стать. Если так дела пойдут дальше, то, может, уже и не успеет».

Чтобы снова отвлечься от мрачных мыслей, Сергей опять включил телевизор. Шла программа «Время». На экране важно разворачивался авиалайнер. Голос диктора вещал: «На аэродроме Генерального секретаря нашей партии встречали товарищи: Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, Лигачев и другие официальные лица». По трапу вместе с женой спускался широко улыбающийся М. Горбачев.

Куманин прилип к экрану, надеясь увидеть в свите генсека генерала Климова, но его нигде не было видно. Кроме четы Горбачевых, из самолета вышел только начальник личной охраны генсека полковник Медведев из 9-го Управления. А среди встречавших скромно стоял на задворках начальник этого управления генерала Плеханов, которого Горбачев даже не удостоил рукопожатия: «Обслуживающий персонал!».

Было уже начало одиннадцатого, когда Куманин еще раз позвонил Наде. Лидия Федоровна уже перешла на плач.

— Надя не приходила и не звонила. Не знаю, что и подумать. Обзвонила, что могла: больницы, морги, отделы УВД. Никто ничего не знает. В УВД заявку отказались принять, необходимо отсутствие не менее недели, чтобы на-

чать розыск. Дежурный утешил меня: «Загуляла где-нибудь».

— Сережа,— попросила Лидия Федоровна,— может, ты чего можешь узнать? Позвони куда-нибудь, а потом мне.— Она снова заплакала и в трубке раздались короткие гудки.

Куманин позвонил оперативному дежурному по городу от МВД. Его, разумеется, на месте не было, спал, наверное. Но помощником оперативного оказался знакомый Куманина — майор Рагозин. Когда-то, еще в андроповские времена, часть молодых офицеров КГБ перевели в МВД «для укрепления кадров». Таким образом покойный Юрий Владимирович планировал захватить ведомство генерала Щелокова изнутри. Многие, из тех, кому было приказано стать «ментами», считали это концом собственной жизни. Некоторые даже хотели застрелиться, но ничего — прижились. Кое-кому в милиции даже больше нравится, чем в КГБ.

«Работа настоящая, живая, а игры, в которые на Лубянке играют, никому не понятны. Я рад, что ушел»,— сказал как-то при встрече Рагозин Куманину, когда они оба были еще лейтенантами.

— Сережа,— удивился майор Рагозин, когда Куманин назвал себя.— Как дела, старик?

— Все нормально,— ответил Сергей.— Я к тебе, Боря, по делу. Посмотри, среди происшествий по городу сегодня не фигурирует Шестакова Надежда Николаевна, около 30 лет.

— Знакомая? — спросил Рагозин.

— Свидетельница по важному делу,— соврал Куманин,— пропала. Очень нужна.

— Посмотрим,— пробурчал Рагозин.— Я тебе с другого телефона перезвоню. Твой номер у меня высветился.

Перезвонил он быстро и сообщил, что такой нет. Есть два неопознанных женских трупа, но те значительно старше. В больницы такая не поступала.

— Разве что в вытрезвителе,— предположил он.— Но оттуда нам данных не дают, если не случится какое-нибудь ЧП.

— Куда ж она могла пропасть? — вздохнул в трубку Куманин.— Вот ведь беда...

— Куда пропасть? — переспросил Рагозин.— В Москве

каждый месяц пропадает в среднем тысяч десять. С концами. У тебя ее фотография есть? Если уж она так нужна — покажем по московской программе телевидения или сунем в какую-нибудь программу, вроде «Взгляда». Сколько она уже отсутствует? Сегодня пропала? Ну, ты, Серега, даешь! Пропала — это когда месяц нету. Мало ли куда она могла деться. С подругами загуляла или еще чего. Она замужем? Нет? Ну, так у мужика какого-нибудь припухает. Тридцатилетние бабы без мужика дня прожить не могут. Нет, кроме шуток, я ее на заметку взял. Ты и сам поищи. У вас на зеленый канал больше информации поступает, чем к нам. А не появится она — пришли фото и словесный портрет, родинки там всякие, если есть. Для опознания.

Куманину стало не по себе. Все Надины родинки он в свое время перецеловал, и сейчас, представив себе на опознании в морге Надю, лежащую на холодном столе, почувствовал приступ тошноты. По специфике своей службы в КГБ ему редко приходилось сталкиваться с трупами, но никаких эмоций он при этом не испытывал. А тут что-то поплохело от одной мысли.

Под влиянием разговора с Рагозиным Куманин хотел было позвонить некоторым Надиным подругам, телефоны которых он знал, но передумал. Если бы Надя и осталась у какой-нибудь подруги или, скажем, у друга, то обязательно позвонила бы домой. Отношения в ее семье Куманину были хорошо известны. Надя просто обожала своих родителей, и не могла заставить их так волноваться. Раз она не позвонила до сих пор, значит, либо погибла, либо находится без сознания, что мало вероятно. У нее были документы и, попади она в какую-нибудь больницу как жертва несчастного случая или преступного нападения, то оттуда обязательно сообщили бы об этом в ГУВД. Скорее всего, она жива и здорова, но не может позвонить, и это очень странно. Если она, скажем, арестована прямо на улице, то следователи прокуратуры и милиции, даже КГБ, разрешают тут же позвонить домой родным либо звонят сами. Не сразу, но в течение трех-четырех часов обязательно. Бывают, конечно, и исключения, когда факт ареста того или иного лица в интересах следствия следует сохранить в тайне. Так арестовывали на улице Пеньковского, Полякова, Павлова, Третьякова. Но это были матерые шпионы, вывернувшие наизнанку все государственные и военные тайны Со-

ветского Союза. Так арестовывали одного главаря банды убийц, «сняв» его с поезда прямо на вокзале по прибытии в столицу. А Надя? В чем ее могла обвинить директриса? Самое большое — в воровстве детского питания. Даже если бы это было так, даже если бы она украла годовой запас детского питания всей Москвы и Московской области, то ее арестовали бы на работе, обязательно повезли домой на предмет производства обыска, а оттуда доставили бы в изолятор временного задержания. Могла сделать Надежда, такого чтобы ее схватили на улице, как Пеньковского? Непостижимо. Может быть ее заманили по дороге в интернат, а затем убили или похитили? И зачем?

Конечно, статистика столичных преступлений фиксирует всякие случаи, в том числе и «редкие», типа «расчлененки». Например, на остановке к женщине подходит малыш и говорит: «Тетенька, у нас детский садик закрылся. Мама на работе, а мне дверь не открыть. Откройте, пожалуйста. Я живу вон в том доме». Женщина идет, открывает дверь. Тут ее втягивают в квартиру родители малыша, убивают, раздевают, расчленяют, раскладывают останки по сумкам и разносят по автоматическим камерам хранения разных вокзалов. А шмотки продают. Но подобная экзотика случается в Москве не чаще одного раза в пять-семь лет. Нет, никакого логического объяснения исчезновения Надежды найти не удавалось. Надя выходила из дома около половины восьмого утра, когда было уже светло и улицы заполнены спешащими на работу людьми. Остановка троллейбуса, на котором Надя добиралась до станции метро, находилась практически прямо напротив ее дома. До метро было три остановки. Затем еще три остановки надо было проехать на метро без пересадок и немного пройти пешком — от метро до интерната было не более двухсот метров. Дорога шла по бульвару, всегда весьма оживленному.

Куманин вспомнил, что на пути от метро до интерната имеется несколько ларьков. Один — «Союзпечать» — находился примерно метрах в двадцати от станции метро. Чуть дальше стоял табачный киоск, украшенный эмблемой фабрики «Ява-Москва», далее овощной. И почти у самого интерната притулилась будочка «Мосгорсправка». Если что-то с девушкой случилось, то, скорее всего, именно на этом отрезке пути. Завтра нужно будет пройтись по

этим ларькам, показать фотографию Нади и порасспрашивать людей. Может кто-нибудь и видел. В наше время ничего нельзя сделать незаметно, всегда найдется скучающая у окна старушка, иногда даже с биноклем, способная сорвать все планы и преступников и органов.

Если завтра генерал Климов не появится в управлении до обеда, решил Куманин, то во второй половине дня он займется частным расследованием. Звонить еще раз родителям Нади он не решился. Если бы Надя появилась дома или откуда-то позвонила, они бы сами сообщили ему об этом.

Поужинав купленными в буфете сардельками и стаканом ряженки из пакетика, Куманин снова перечитал объяснение директрисы интерната и взглянул на фотографию Алеши Лисицына. Он все еще не мог отделаться от впечатления, что уже где-то видел этого мальчика, но где? «Что же надо было натворить его родителям, чтобы целая бригада КГБ примчалась в интернат и изъяла оттуда этого ребенка, поскольку мальчик в таком возрасте ничего сам натворить не мог». То, что среди побывавших в приюте сотрудников КГБ был милиционер, Куманин во внимание не принимал — у него самого в кабинете висела на всякий случай милицейская форма. В известных обстоятельствах на людях эта форма действует успокаивающе, и это позволяет сотрудникам в штатском спокойно делать свою работу.

И что значит «мальчик не помнит своих родителей»? Ребенок, может быть, не помнит, но милиция-то должна была что-то установить?

«Возможно, придется съездить к коллегам в Ростов Великий, где нашли ребенка, и узнать подробности его появления на Ярославском шоссе».

В начале первого Куманин завалился спать, посчитав, что утра вечера мудрее. Ему приснилась Надя с ребенком на руках. Она стояла спиной к нему, головка ребенка лежала на ее плече. Куманин не видел их лиц, но сообразил, что Надя держит на руках именно Алешу Лисицына. Сергей позвал ее, но она никак не отреагировала, тогда он крикнул: «Надя!», но та медленно прошла сквозь стену и исчезла. Куманин бросился к стене, стараясь найти дверь. Он метался вдоль стены, ощупывая ее руками, но выхода не находил. Им овладела паника. Помещение, казавшееся большим, превратилось в маленькую каморку. Стены на-

ступали на него. Ему почудилось, что они сейчас раздавят его. Он закричал во сне и проснулся.

Светящиеся стрелки будильника показывали половину шестого утра. Куманин лежал на спине, глядя в сереющий прямоугольник окна.

«Блин! Как же он вчера не додумался до этого?» — Надю увезли люди Климова. Им же был нужен педиатр для ребенка!

Но почему именно Надю? Во-первых, она уже работала с Алешей Лисицыным и довольно хорошо его знала как воспитательница и врач. Это позволяло обойтись без новых людей, которых надо было бы вводить в курс дела. То, что Климова не было в Москве, ровным счетом ничего не означало. Он принадлежал к числу тех людей, которые могут даже из могилы отдавать приказы своим подчиненным. Во-вторых, Надя — идеальная «находка». Не замужем, своих детей нет. Есть родители, но они могут неожиданно исчезнуть или скончаться, как это произошло, скажем, с родителями стрелявшего в Брежнева (по личному приказу генерала КГБ Цвигуна) лейтенанта Ильина. Складывается очень интересная картина. Догадки могли бы сделать честь дедуктивным способностям майора Куманина, если бы он мог ответить на вопрос, кто за всем этим стоит? Зачем бригада КГБ арестовывает в интернате пятилетнего малыша, а затем среди белого дня похищает в центре города его воспитательницу?

Без ответа на эти вопросы (а ответов не было) вся построенная Куманиным логическая цепочка выглядела, как занятная сказка, не более того. Расскажи он ее кому-нибудь, любой задал бы ему вопрос: «Зачем им понадобился ребенок?».

Когда-то существовала аббревиатура ДВН — Дети Врагов Народа,— в число которых попадали дети до двенадцати лет. Начиная с двенадцатилетнего возраста, гражданин СССР подлежал полной уголовной ответственности, вплоть до расстрела.

Существовала и другая аббревиатура — ЧСВН — Члены Семьи Врагов Народа.

Так вот, даже ДВНов, если уж они находились в приютах или детприемниках НКВД, не трогали, давая подрасти до возраста полной уголовной ответственности. Правда, иногда там ДВНы в течение одного-двух месяцев

умирали, как мухи в ноябре, но это уже были перегибы начальников на местах.

А сейчас? Неужели у партии есть такие враги, что к его малолетним потомках нужно принимать подобные меры? И потом, зачем тогда для арестованного младенца вызывать персонального педиатра. «Ладно,— вздохнул Куманин,— разберемся. Человек может бесследно исчезнуть в Москве только если его никто не ищет. В противном случае всегда найдутся какие-нибудь следы».

Он встал, принял душ, отжался раз двадцать на полу, затем по привычке, привитой с детства отцом, тщательно заправил кровать, оделся и, прежде чем отправиться на службу, еще раз позвонил Наде. К телефону подошел ее отец, Николай Кузьмич:

— Ночью Лидии Федоровне стало плохо. Вызывали неотложку, сделали укол. Сейчас она спит. Не мог бы Сережа сегодня, если позволит время, заехать к ним? Нужно поговорить.

Куманин пообещал. Потом на скорую руку приготовил кофе, выпил его без особого удовольствия и отправился на службу.

IY

«Совершенно секретно.
20 апреля 1935 года.

По представлению коллегии НКВД за выполнение особо важного государственного задания наградить старшего оперуполномоченного НКВД товарища Лисицына Александра Ефимовича вторым орденом «Красного Знамени». (Указ ВЦИК от 15 апреля 1935 г.)...»

Когда и за что старший опер Лисицын получил первый орден Красного Знамени, было непонятно. Неясно было, за что получен второй орден, но, по крайней мере, точно указана дата получения. Куманин обратил внимание на то, что документы на микрофильме были тщательно прополоты, и это не давало возможности составить полную картину происходившего. Иногда имелись доклады Лисицына,

зато отсутствовали ответы руководства, бывало и наоборот: руководство отвечало на какие-то запросы Лисицына, а сами запросы на микрофильме отсутствовали. Оставалось очень много места для смутных догадок.

«Сов. Секретно.

Опер-уполномоченному НКВД
товарищу Лисицыну.

Специалисты уверяют, что 19-го (дополнительного) тома Русского Биографического Словаря под редакцией проф.Половцева в природе не существует. Тов.Лисицын! Неужели вы думаете, что если бы этот том существовал, мы его вам не прислали? Не было такого тома. И примите меры, чтобы там у вас вообще с ума не сходили.

Нарком ...Ягода».

Хороша переписка наркома с опером! Было очевидно, что нарком настолько разнервничался из-за какого-то тома словаря Половцева, что перешел с казенно-официального стиля служебной переписки на стиль местечкового общения своего детства.

«Сов. Секретно.
22 апреля 1935 года.

Старшему оперуполномоченному НКВД
тов.Лисицыну.

Посылаю вам выдержки из протоколов допросов лиц, имеющих отношение к сокрытию ценностей. Проверьте точность показаний. Относительно вашей просьбы отвечаю: мое личное прибытие на ваш объект совершенно исключено. На это, поверьте, есть достаточно веские причины. Однако я еженедельно докладываю о состоянии дел на политбюро (лично товарищу Сталину). Поэтому вам нечего беспокоиться. Товарищ Сталин обещал, что в ближайшее время примет окончательное решение по затронутому вами вопросу. Будьте бдительны и предельно осторожны. Враги нашего народа, мечтающие о реставрации власти помещиков и капиталистов, вновь начали активную борьбу, используя переродившихся членов партии и троцкистов.

Нарком НКВД Генрих Ягода».

Приложение:

«Из протокола допроса обвиняемой Васильевой Лидии Ивановны 28 августа 1934 года.

Вопрос: Ваши дети упоминают о том, что царские ценности действительно вашему мужу Васильеву Алексею были переданы. После смерти вашего мужа эти ценности, безусловно, должны достаться вам. Скажите, где они скрыты?

Ответ: Я не отрицаю того, что ценности царской семьей действительно переданы моему мужу Алексею, который хранил их от меня скрытно и перед смертью мне их не передал, поэтому я не знаю, где они теперь скрыты.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

К сему, Васильева.

Допросил: подпись».

«Из показаний Кирпичникова Александра Петровича, данных на допросах с ноября 1933 года по декабрь 1934 года. На некоторых допросах к обвиняемому применялись специальные методы следствия.

Вопрос: Гражданин Кирпичников, вы арестованы как бывшее приближенное лицо Николая II и обвиняетесь в сокрытии от народа ценностей, лично переданных вам бывшим царем на хранение. Что вы можете показать по существу предъявленного вам обвинения?

Ответ: Я действительно был писарем при Николае II, когда тот уже содержался под арестом в Тобольске. Никаких ценностей от последнего никогда не получал и никому не передавал. Не могу понять, откуда вам подобное известно?

Вопрос: Нам много что известно. Гражданин Кирпичников, я вам советую не запираться, а честно признать свою вину, что даст вам возможность надеяться на смягчение вашей участи. Вы были не писарем, а приближенным к Николаю Романову лицом. Иначе почему между вами происходили секретные беседы с глазу на глаз?

Ответ: Какие беседы, гражданин уполномоченный? Я царя-то видел раза три на прогулке и то издали. Путаете меня с кем-то, гражданин уполномоченный.

Вопрос: Если у вас такая плохая память, гражданин Кирпичников, то я вам напомню. В конце декабря 1917 года, в канун бывшего религиозного праздника Рождества, вы с Николаем Романовым удалились в комнату на втором этаже бывшего дома губернатора в Тобольске и имели продолжительный разговор. Николай Романов сказал вам, что считает вас настоящим русским человеком, православным, готовым умереть за Россию. Вы поцеловали руку бывшего царя и выразили готовность умереть не только за Россию, но и лично за него, т.е. за Николая Романова. Затем бывший царь сказал вам, что происходящее ныне в России является временным помешательством русского народа, что уже бывало в истории, и приводило русскую государственность к временной погибели. Когда-то государство удавалось временно сокрушить татарам и литовцам, позднее — полякам и шведам, ныне — немцам и евреям. Однако у России всегда хватало сил снова подняться и выйти на уготованный ей исторический путь. Вы подтверждаете, что у вас был такой разговор с бывшим царем Николаем Романовым, гражданин Кирпичников?

Ответ: Как вы узнали? Кто мог вам об этом донести?

Вопрос: Вопросы задаю здесь я, гражданин Кирпичников. От НКВД ничего утаить нельзя. Итак, вы подтверждаете, что такой разговор был?

Ответ: Не помню. Было что-то, конечно. Сколько лет прошло...

Вопрос: Я вам напомню далее. Бывший царь сказал вам, что, коль Россия погибла, то он чувствует уже, что погибнет и он, и его семья. Он сказал вам так дословно: «На все воля Божья. Коль погибло царство, которое Дом наш вел 300 лет, то нам негоже это царство пережить». И далее он сказал вам, гражданин Кирпичников, чтобы вы взяли на хранение царские драгоценности и регалии, пояснив, что род его был не владельцем этих сокровищ, а хранителем, а принадлежат они России. И повелел хранить их до тех пор, пока Русь не возродится, так как все ценности эти являются не украшением, а символом русской государственности. Это у вас, гражданин Кирпичников, был не единственный разговор с бывшим

царем. Если надо, мы вам обо всех этих разговорах напомним. А пока сдайте доверенные ценности народу. Я вам честно скажу, гражданин Кирпичников, что пока мы вас вроде как бы уговариваем по-хорошему, но вскоре... Наше терпение, понимаете ли, не беспредельно. Хочу вам сказать, что уже самим фактом общения с бывшим Николаем Романовым и сокрытием его валюты вы вполне заслужили высшую меру. А к преступникам такого рода, т.е. к врагам народа, мы имеем полное право принять должны меры... Понимаете? Лучше не усугубляйте своего положения и сдайте всю валюту и другие ценности. Или вы будете продолжать утверждать, что ничего не знаете?

Ответ: Я лично знаю, что всеми ценностями заведовала сама Александра Федоровна, которая и прятала. Основное, я предполагаю, находится у полковника Кобылинского, затем у камердинера Волкова, который якобы находится в Ленинграде, ну и, по-моему, у бывшего священника Васильева. Он сам умер, а его семья — матушка и сыновья — находятся в Омске. У последней семьи часть царских ценностей должна быть. Тем более, что при Колчаке, по личному распоряжению последнего, у него искали шпагу наследника Алексея Николаевича, якобы золотую, но я ее не видел, меня тоже колчаковская полиция спрашивала про царские ценности и не оставил ли Николай II бумаг каких. Но я им ответил, что ничего не знаю и не мог он поручать, так как я был только писарь. Я ничего не знаю и не могу больше добавить.

Протокол прочитан, в чем и расписуюсь.

А.Кирпичников.

Допросил: оперуполномоченный 8 отд. ЭКО НКВД

Шилов».

12 ноября 1933г.

Дополнительные показания Кирпичников А. П.:

«Признаю, что в своих первых показаниях скрыл от вас, что принимал участие в сокрытии и выносе бывших царских ценностей. В действительности я сам лично перед тем, как уехать царской семье из Тобольска в Екатеринбург, по поручению гувернера Жильяра Петра Андреевича, который обслуживал царевича Алексея, вынес шпагу. Она была из желто-

го металла, золотая или нет, не знаю, но она блестела. Он меня просил вынести из арестного помещения и передать ее священнику Васильеву Алексею, оную я и вынес, вложив в длинную коробку. Прийдя на квартиру к священнику Васильеву, передал последнему. Где она сейчас — я не знаю. По-моему, она у сыновей... Все подробности о царских брильянтовых ценностях более детально знает некто Иванов Сергей Иванович, который был прислужником при дочерях. Он все прибирал и точно знает, какие именно были ценности и где. Я лично не видел, но слышал из разговора наших служащих, что из Ленинграда была привезена брильянтовая корона, очень дорогая. Но куда он девал, не знаю, я думаю, что или у Волкова-камердинера, или полковника Кобылинского. Об этом должен, мне кажется, знать Иванов Сергей Иванович. Он жил в Тюмени в 1930-1931гг. Что касается жемчужных ожерельев, так я также видел у княжен, но я их не выносил, они мне не поручали, где они — не знаю... Больше я ничего не могу добавить по этому вопросу, в чем и росписуюсь. А.Кирпичников».

22 декабря 1933г.

Дополнительные показания Кирпичникова А. П.:

«Сознаюсь, что на задаваемые мне ранее вопросы относительно какого-то письма, которое я носил Гермогену, сперва я не мог вспомнить, а сейчас вспомнил, что действительно был такой случай. Дело было так: камердинер Чемодуров в марте 1918 года перед увозом романовской семьи в Екатеринбург позвал меня, передал большой пакет с пятью сургучными печатями и велел его передать епископу Гермогену, так как приехавший комиссар предполагал делать какой-то обыск. Я, схватив этот пакет, завернул в газеты и, свободно пройдя через охрану, принес и передал епископу Гермогену. Но последний, когда я ему передавал, сказал мне, что и сам-то находится в таком положении, что вот-вот (его) арестуют... Одновременно передал мне для вручения Николаю Романову письмо на двух листах, которое я принес и вручил Чемодурову, а последний — Николаю Романову. Через несколько дней Чемодуров вернул мне переданное Гермогеном письмо и велел обратно ему передать

и сходить за тем пакетом, который передал Гермоген... Придя, уже не застал Гермогена, потому что он был арестован за тот крестный ход, который устроил по городу. Поэтому мне пришлось обратится к дьякону Демьяну, который мне сказал, что этот пакет находится на горе недалеко от собора, где живет мать с дочерью. Последним и передан на хранение, ибо у этой семьи всегда прятались все секретные документы и даже скрывался сам Гергомен от обысков и арестов. Придя в этот дом к этой семье, которой ни имени, ни фамилии не знаю, и сказав, кто я такой и что мне нужен этот пакет, который хранится, она мне его выдала. Я принес и передал обратно Чемодурову. Больше ничего не знаю...

Вопрос: А что было в том опечатанном пакете?

Ответ: Мне неизвестно.

Вопрос: А царь вам разве об этом не говорил?

Ответ: Может, и говорил. Не помню уже. Бумаги какие-то касательно заграничных банков. И еще чего-то. Не помню уже. Не мучьте больше...

Вопрос: Все в ваших руках. Сами себя не жалеете, гражданин Кирпичников. Вам-то зачем умирать за эти царские короны и деньги? Ваши они что-ли? Сдайте все и идите домой к семье. Мы ее тоже выпустим. Так, что стало с этим пакетом? Куда он делся?

Ответ: Я отдал его Чемодурову. Больше не видел.

Вопрос: А короны? Коронационные короны. Где вы их спрятали?

Ответ: О коронах ничего не знаю.

Вопрос: Разве царь не говорил вам: «Сохрани эти короны и пакет, Александр Петрович. В них вся суть России и его будущее»? Говорил он вам так?

Ответ: Не помню, что он говорил.

Вопрос: Очную ставку хочешь?

Ответ: С кем это?

Вопрос: С Николаем Романовым.

Ответ: Шутите все. Все, что знаю, вам рассказал».

«Не слабо ребята работали с контрой», — подумал Куманин, выключая аппарат, чтобы перевести дух и подумать о прочитанном.

Климова все еще не было, и Куманин крутил пленку

время от времени посматривая на часы, чтобы где-нибудь после часа дня исчезнуть из управления, благо у него сейчас, кроме генерала Климова, никакого начальства не было. Можно было уйти и раньше, но пленка заинтересовывала его с каждым часом все сильнее, заставляя забывать даже об исчезновении Нади.

Куманин ловил себя на мысли, что его интересует не столько сама Надя, сколько факт ее таинственного исчезновения. После того холодного душа, который она вылила на него тогда, в машине, от былого увлечения мало что и осталось. И сейчас он испытывал скорее не беспокойство по поводу пропажи возлюбленной, а возбуждение достаточно опытного оперативника, который понимает, что интуиция его не подведет и что цепь нелепых случайностей вот-вот завершится. Он хотел позвонить Наде домой, прямо из приемной Климова, чтобы узнать последние новости, но передумал. Все внутренние и городские телефоны Лубянки прослушивались спецотделом КГБ. Об этом никогда не говорили, но знали все. Подтверждением тому был тот факт, что начальству становились известными все семейные новости сотрудников, не говоря уже о чем-то другом. Куманин снова включил аппарат.

«Совершенно секретно.
Без даты.

Наркому НКВД
товарищу Ягоде Г.Г.

Кирпичникову А.П. были поручены огромные ценности, которые они должны были скрывать вместе с полковником Кобылинским. Грубая оперативная ошибка, приведшая к расстрелу Кобылинского, в настоящее время, по моему мнению, может быть исправлена только одним способом. Кирпичникова необходимо доставить ко мне, где он, безусловно, скажет все. В противном случае, могу вас уверить, он скорее умрет, чем скажет что-либо определенное. После дачи показаний по совокупности его вины и обстоятельств, целесообразно будет применить к нему высшую меру.

Старший оперуполномоченный НКВД
Лисицын А.Е.».

«Сов. секретно.
7 мая 1935 года.

Коменданту спецобъекта 17 старшему оперуполномоченному НКВД товарищу Лисицыну.

Ваше предложение, конечно, можно принять. Однако, как нам сообщили уральские товарищи, Кирпичников А.П. был три дня назад обнаружен мертвым в камере следственной тюрьмы. Товарищу Самойлову поставлено на вид. Еще надо выяснить, нет ли здесь вредительства.

Генрих Ягода».

Далее следовала, видимо, объяснительная записка перестаравшихся на допросах Кирпичникова уральских товарищей:

«Данные следствия определенно устанавливают злостное укрывательство Кирпичниковым ценностей царской семьи и, если к этому присовокупить, что, будучи в Тобольске во время контрреволюционного восстания местной буржуазии в период 1920-1921гг. и захвата власти, Кирпичников А.П. являлся активным участником этого восстания, боролся против Советской власти с оружием в руках, сражаясь в окопах (с пикой и ружьем), то со всей очевидностью видна цель Кирпичникова не сдавать царских ценностей большевикам, как ненавистной власти...».

«Сов. секретно

Наркому Ягоде Г.Г.

Смерть Кирпичникова, как и смерть Кобылинского, рвет практически все нити следствия. Одной пролетарской ненавистью тут ничего не добиться. Они должны понимать, что речь в данном случае идет о гораздо большем, нежели возвращение государству ценностей на определенную сумму. Последней ниточкой в этом деле является теперь Кобылинская Клавдия Михайловна, которая в прошлом являлась женой Кобылинского — полковника личной охраны семьи бывшего царя Романова. Сама Кобылинская являлась воспитательницей дочерей Романовых.

Будучи в городе Тобольске, Кобылинская К.М. принимала непосредственное участие в сокрытии ценностей, принадлежавших семье Романовых. Кобылинскими лично от Николая Романова была получена шкатулка с драгоценностями, коронационные

регалии и драгоценное оружие бывшего царя и наследника. Кобылинская К.М. вернулась вместе с мужем из Харбина и была арестована, но позднее выпущена. Примите меры к розыску.

Комендант объекта Лисицын А.Е.».

«Народному Комиссару Внутренних Дел
товарищу Ягоде Г.Г.

Я совершенно не могу понять, почему вы не можете разобраться в такой простой схеме и вынуждаете меня оправдываться. В период с 10 по 12 июля 1918 года меня вообще не было в Екатеринбурге. Сколько уже можно об этом писать? Я приехал в Екатеринбург только 14 июля вместе с Филиппом Голощекиным (что он может подтвердить) и уехал в ночь с 16 на 17 июля. Якова Юровского я до этого не знал и никогда ранее не видел, так что предполагать какие-то сложившиеся с ним отношения необосновано. Действительно, он говорил о каком-то пакете, который я по возвращении в Москву должен был передать товарищу Свердлову. Но никакого пакета он мне не передавал, сказав, что привезет его сам. И я вовсе не выдавал себя за немца. Юровский сам заговорил со мной на немецком языке, и я ему на нем отвечал. Я знаю не только немецкий язык, но также французский, итальянский и английский. Кстати, Юровский и Голощекин между собой говорили не на немецком языке, а на идиш, который похож на немецкий. Я и был выбран для поездки в Екатеринбург именно потому, что хорошо владею немецким языком, так как меня сопровождала команда, понимающая только по-немецки. Я не знаю, что сейчас фантазируют на эту тему, но тогда ни у кого это удивления не вызывало. Соберите нас всех вместе у себя, и, я надеюсь, мы разберемся в таком простом вопросе.

Комендант Лисицын».

«Товарищ Лисицын!

Вас никто ни в чем не обвиняет и не подозревает. Я совсем не исключаю возможности, что Юровский передал этот пакет Свердлову, что позволило им перешифровать всю схему, а в конечном итоге привело к гибели самого Свердлова, а вскоре и Ленина. В ре-

волюционном порыве они не поняли опасности той адской машины, к которой прикоснулись. Разумеется, сейфы Ленина и Свердлова давно были проверены. Они были набиты золотыми монетами царской чеканки, брильянтами и паспортами на разные фамилии почти всех европейских и южно-американских стран. Все содержание сейфа Дзержинского было передано специальной комиссией ЦК (без участия наших представителей) лично товарищу Сталину. В связи с этим товарищ Сталин считает, что необходимо начать следствие по персональной ответственности всех без исключения лиц, замешанных в этом деле, независимо от тех постов, которые они ныне занимают. Однако, если бы указанный пакет был найден, то вопрос о нем не был бы поднят так остро и на столь высоком уровне. Без сомнения, что в этом случае Кирпичников говорил правду, что вам удалось подтвердить. У Николая Романова не было другой возможности, как забрать пакет с собой в Екатеринбург. Сначала он хотел его спрятать с помощью Кирпичникова, но, разобравшись в обстановке и поняв, в каком ненадежном положении находится Гермоген и прочие лица, которым он еще в какой-то степени мог доверять, затребовал пакет обратно. Пакет был отобран у Романова Юровским, который вначале уверял, что передал его Голощекину, а затем вам. Я лично придерживаюсь мнения, что один из них передал пакет Свердлову. Но не исключено, что оба будут ссылаться на вас, как они ссылаются на Стояновича, пока считали, что он погиб или бежал за границу. Вас они тоже, кажется, считают погибшим. Поэтому все и будут валить на вас. Видимо, вам предстоит несколько бесед, которых в других условиях желательно было бы избежать. Мы пытаемся доказать, что считать виновными поголовно всех, принимавших участие в событиях тех лет, не правильно. Многие были просто обмануты или «не ведали, что творили». Что бы там ни было, товарищ Сталин хочет решительно с этим разобраться, в первую очередь, с Зиновьевым, Каменевым и некоторыми другими, чтобы они, как и их сообщники, не унесли тайну с собой в могилу. Внезапная смерть товарища Менжинского и самоубийство (так в тексте — И.Б.) Кирова говорит

о том, что начинается новый этап заметания следов и его необходимо пресечь самыми решительными мерами. Относительно ваших оперативных разработок сообщаю следующее: Кобылинская К.М. была обнаружена и арестована. На допросе показала, что ее муж, расстрел которого мне, как и вам, кажется очень подозрительным, передал на сохранение ценности семьи Романова супругам Печекос: Константину Ивановичу и Аниль Викентьевне. Супруги были достаточно быстро арестованы. Поначалу они все отрицали, но на очной ставке с Кобылинской выяснилось, что полковник Кобылинский передавал ему, помимо всего прочего, какой-то пакет, опечатанный пятью сургучными печатями. Вот краткая выдержка из протокола очной ставки:

«Вопрос: Скажите, гражданка Кобылинская, опознаете ли вы Печекоса Константина Ивановича, бывал ли он на квартире у вас в Тобольске, а также вы у него?

Ответ: Представленный на очной ставке Печекос Константин Иванович является именно тем Печекосом К.И., о котором ранее даны показания. Печекос К.И. у нас на квартире в г.Тобольске бывал. Я лично также бывала в доме Печекоса К.И. вместе с моим мужем Кобылинским, а также и одна.

Вопрос: Скажите, гражданин Печекос, почему вы ранее на предварительном следствии скрыли о том, что вы неоднократно бывали на квартире Кобылинской, и о том, что вы знаете хорошо жену Кобылинского Клавдию Михайловну?

Ответ: Я отвергаю показания Кобылинской, т.к. я у них никогда не бывал и Клавдию Михайловну в г.Тобольске совсем не знал.

Вопрос: Скажите, гражданка Кобылинская, подтверждаете ли вы данные ранее показания о передаче ценностей царской семьи вашим мужем Кобылинским Е.С. Печекосу К.И. для сокрытия?

Ответ: Да, подтверждаю полностью.

Вопрос: Почему вы, гражданин Печекос, скрываете эти ценности от Советской власти, или вы не знаете, что за сокрытие их с вами будет суровая расплата и не только с вами, даже с родственниками в целом?

Ответ: Кобылинским мне был передан один пакет который мною был возвращен ему же обратно.

Вопрос: Скажите, когда вы были у Печекоса К.И., как он выражался в сокрытии ценностей у себя в квартире?

Ответ (Кобылинской): Когда я была у него в квартире, то лично от Печекоса К.И. слышала, что он говорил о сокрытии ценностей у себя в доме и добавил, что спрятано хорошо.

Вопрос: Гражданин Печекос, скажите прямо — получали ли вы ценности от Кобылинского и Николаевой?

Ответ: Не помню, брал ли ценности от Кобылинского и Николаевой».

Дальнейшие следственные действия привели к совершенно неожиданном результатам. Когда следователь спросил Печекоса о пакете, данном ему полковником Кобылинским и возвращенном тому обратно, Печекос К.И. неожиданно ответил, что вспомнил, где он хранит ценности семьи бывшего царя Романова, указав дом, когда-то принадлежавший его брату. Он привел следственную бригаду на пятый этаж дома, показал место в стене, где якобы были замурованы сокровища и, воспользовавшись тем, что внимание работников НКВД было отвлечено простукиванием стены, выбросился из окна пятого этажа. Арестованная вместе с ним его жена, Печекос А.В., покончила с собой в камере, съев разломанную на несколько частей алюминевую ложку. Через день в камере от сердечного приступа скончалась Кобылинская К.С.

Что вы скажете о возможности заманить, как и Кобылинского, в СССР бывшего воспитателя царских детей Петра (Пьера) Жильяра, проживающего в настоящее время в Швейцарии? Представьте ваши соображения.

Начальник Секретно-политического отдела НКВД М.Кацнельсон».

Куманин откинулся на стуле. «Сюжетик! Если все это можно было бы опубликовать, какой телесериал получился бы. Никакому Семенову и не снилось!» Записка Канцельсона как бы на секунду приоткрыла перед ним какую-то бездонную, но бурлящую бездну, способную поглотить целые народы и государства.

Болели глаза, и Куманин решил на сегодня с пленкой закончить. Сдавая «прапорщице» микрофильм и расписываясь в журнале, он сказал, что поехал в архив «Октябрьской Революции».

— А если Виктор Иванович появится? — спросила та.

— Если Виктор Иванович появится,— ответил Куманин,— то он меня из-под земли достанет.

Глава 4.

I

Продавец ларька «Союзпечать», украшенный значком участника Великой Отечественной войны и двумя рядами орденских планок, едва взглянув на предъявленное Куманиным милицейское удостоверение, пришел в ярость и стал что-то орать о разгуле хулиганства и бандитизма.

— Два раза уже ларек кто-то поджигал, а стекла бьют, почитай, каждую ночь. И никому нет никакого дела. Когда кончится это безобразие?

— Вы, товарищ, не нервничайте! — подбодрил ветерана Куманин. — Скоро так возьмемся за них, что всем тошно станет. Вы лучше скажите: вот эту женщину вам не приходилось видеть? Может, проходила мимо или спрашивала вас о чем-нибудь?

Примененный Куманиным метод был довольно примитивным, но считался весьма эффектным. Бывали случаи, когда сотни сотрудников КГБ и милиции таким образом прочесывали целые районы, обходя все квартиры в сотнях домов, давая в нем на опознание одну и ту же фотографию или фоторобот.

Ветеран поднял очки на лоб и стал рассматривать фотографию Нади.

— Нет,— наконец изрек он,— не видел такую. Может и была здесь, да столько народа ходит, метро ведь рядом. Все лица примелькались.

Куманин пошел дальше, и, вопреки всем законам подлости, ему очень быстро повезло, если, конечно, это можно назвать везением. Продавец овощного ларька — сравнительно еще не старый человек «кавказской национальности» — поначалу испугался, приняв Куманина за нового участкового, пришедшего за данью. Со старым только наладили сосуществование. Как вдруг появляется новый и дань увеличивается.

Но, разобравшись в чем дело, сказал, что его зовут Алик

Хилиев, и, вытерев руки о передник, с интересом стал рассматривать фотографию Нади.

— Видел ее,— сказал он, наморщив лоб.— Когда видел? Вчера и видел вот тут — он показал на скамейку, стоявшую на бульваре около неказистого тополя. Вот тут она и сидела.

— Сидела? — удивленно спросил Куманин.

— Она, она,— подтвердил Алик.— На скамейке сидела. Я еще подумал: «Ай, какая красивая женщина сидит». Хотел банан ей подарить, да бананов не было. Только картошка да свекла.

— Только не надо фантазировать,— перебил его Куманин.— Значит, говоришь, она сидела вот на той скамейке? А что потом было?

— Потом,— Алик вернул фотографию Куманину,— подъехала машина. Она в нее села и уехала.

— Машина? — переспросил Куманин.— Какая машина? Черная «Волга»?

— Зачем «Волга»? — удивился Алик,— на «Волгах» только начальство ездит, на черных. «Жигуленок» подъехал, «шестерка», кажется. Светлого цвета. Она и уехала. Сидела, видно, эту машину ждала, чтобы куда-то поехать.

— Ты вспомни,— продолжал настаивать Куманин.— Она сама в машину села или ее туда кто-нибудь силой затащил? Кто в машине был, заметил?

— Мужчина был какой-то,— ответил кавказец,— немолодой уже. Он из машины вышел, подошел к этой женщине, взял ее сумку, поднес к машине. А она следом за ним, в машину села рядом с этим мужчиной. Тот сумку в багажник ставил. Потом они ехали. Я все видел точно.

— О какой сумке ты говоришь,— попытался уточнить Куманин,— что за сумка с ней была.

— Обыкновенная сумка,— пожал плечами Алик,— большая, для вещей. Тяжелая. Тот мужик тащил ее, корячился.

— А мужика этого описать можешь? — спросил Куманин.

Кавказец задумался:

— Мужик, как мужик, лет пятидесяти, может, больше. Я на него и не глядел. Седой вроде. С этой, как ее... Он провел пальцем по темени.

— Лысиной,— подсказал Куманин.

— Да, да,— закивал Алик,— с плешиной.

— Высокий, маленький, толстый, худой? — вытягивал из кавказца сведения Куманин.— Во что был одет?

— Не помню я, начальник,— кавказцу явно надоел этот допрос,— не глядел я на него. На женщину глядел. Женщина та, которую ты ищешь. И номер машины не заметил, не спрашивай.

Хотя ларечник мог, конечно, что-нибудь, если не соврать, то спутать, тем не менее его рассказ совершенно сбивал Куманина с толку. Во-первых, родители Нади ничего не говорили, что та ушла на работу с тяжелой дорожной сумкой. Незаметно она этого сделать не могла — мать всегда провожает ее на работу. Кроме того, сумку, если предположить, что в ней были какие-то Надины вещи, нужно было собрать заблаговременно, что также не прошло бы незамеченным. Если бы Надя собиралась куда-нибудь уезжать, то, наверняка, предупредила бы родителей. Сумка была тяжелой — неизвестный мужчина, по словам ларечника, тащил ее к машине с видимым усилием. А как же Надя дотащила ее от дома? Куманин спросил Алика, не видел ли тот, как женщина подошла к скамейке? Одна она была или нет? Кавказец ответил, что заметил ее уже сидящей на скамейке. А сумка стояла на земле у ее ног. Как она тут появилась, он не видел.

Во-вторых, если верить ларечнику, Надю никто не похищал. Она куда-то укатила, судя по всему, совершенно добровольно с человеком, который по описанию, мало походил на какого-нибудь героя-любовника.

При этом все произошло на пути Нади в интернат, а если быть совершенно точным, то в пяти минутах ходьбы от него. Все это было более чем странно. Судя по тяжелой сумке, Надя не собиралась вообще являться на работу, но тем не менее дошла практически полностью до места работы. Если она с кем-то договорилась уехать, то опять же, принимая во внимание тяжелую сумку, она могла попросить этого человека на «Жигулях» подобрать ее где-нибудь поближе к дому, а не переть с тяжелой сумкой до самого интерната.

Стоп! А взяла ли она сумку из дома? Это еще вопрос. Ларечник заметил ее сидящей на скамейке с сумкой у ног. Но сумку мог кто-то привезти или принести из другого места. Откуда? Конечно, из интерната. Что могло находиться в

принесенной из интерната для дошкольников сумке? Разумеется, детские вещи. Детские вещи для Алеши Лисицына. Значит, Надя знала, где он находится? Но ведь только накануне она приходила к нему и просила помочь разыскать ребенка.

Куманин шел по бульвару в направление интерната, продолжая размышлять. Конечно, нельзя было исключать и того что Алик-ларечник все перепутал или просто выдумал, чтобы «пофартить менту». Если все-таки он не соврал и не нафантазировал, то сумку мог принести кто-нибудь из интерната. Какая-нибудь приятельница Надежды, с которой они вместе работают. Но вот набить сумку дефицитными детскими вещами, а то и продуктами и пронести ее через вахту, чтобы передать ее «опальной» воспитательнице, мог решиться далеко не каждый, разве что, какая-нибудь близкая подруга. Вряд ли, особенно зная обстановку в интернате вообще и отношения Нади с директрисой, в частности. Попадись кто-нибудь (и Надя в первую очередь) с этой сумкой, ему конец. Петухова раздует дело и обязательно привлечет следственные органы, дабы выявить моральный облик того, кто пишет на нее жалобы. Им будет не очиститься никогда, какими бы благими намерениями сотрудницы не руководствовались. Значит, сумку могли вынести не иначе, как по разрешению самой Петуховой, не исключено, что это сделала она сама. Тогда и Петухова, хотя и выглядела очень напуганной, рассказала ему далеко не все, что знала. Получается, что и она, и Надя находились в каком-то непонятном сговоре, если не сказать, в союзе, который, правда, не мог скрыть обоюдную неприязнь, временами переходящей в ненависть, как это нередко случается у женщин.

Если это так, то зачем тогда вечером Надежда приходила к нему?

Знала ли она, что утром следующего дня ей предстоит путешествие на «Жигулях» с туго набитой дорожной сумкой? Хотела ли она обеспечить себе какое-то дополнительное прикрытие или просто потрепать еще раз нервы Алевтине Ивановне?

В этот момент идущий по бульвару Куманин оказался как раз напротив интерната. Он хотел было нанести еще один визит директрисе и сразу попыталась взять ее «на понт», задав вопрос о тяжелой сумке, которая та вчера пе-

редала Шестаковой, но, по здравому размышлению, решил этого не делать. Пока не делать. Доказательств у него нет, а факты, основанные на показаниях Алика-ларечника (никак, кстати сказать, не зафиксированные), и фактами-то можно было назвать с большой натяжкой. Решив почему-то, что Петухова никуда не денется, коль у него лежит собственноручно написанное ею объяснение (являющееся одновременно и доказательством нарушения подписки о неразглашении), Куманин развернулся обратно к метро, чтобы съездить к родителям Нади.

Николай Кузьмич и Лидия Федоровна жили недалеко от дома Куманина-старшего, где прошло Сережино детство, на 3-й Парковой улице (Куманины жили на 5-й Парковой). Нужно было доехать на метро до станции Измайлово либо до Первомайской, а затем немного пройти пешком. Можно было заодно зайти и к отцу, вынуть почту и полить цветы, как тот просил перед своим неожиданным отъездом. Спускаясь в метро на станции «Электрозаводская», Куманин усмехнулся, вспомнив, что генерал Климов дал ему вполне конкретное задание: найти место захоронения последнего царя и его семьи, а вместо этого он в служебное время ищет свою пропавшую любовницу, пусть даже бывшую. В старое время, если бы кто-нибудь рассказал ему об этом, он не поверил бы. Следовательно, в какой-то степени правы те, кто утверждают, что во всем советском обществе, включая и КГБ, идет процесс разложения. Впрочем, Куманин знал, что то, чем занимается он, используя служебное время в личных целях, это цветочки по сравнению с занятиями других сотрудников их необъятного ведомства. Скажем, про куратора консерватории, говорили, что он по-тихому вымогает дань у музыкантов. Приятно улыбаясь, он мог предложить: «Или вы, Михаил Аронович, половину своего гонорара за зарубежные концерты будете отдавать мне или больше никогда за границу не поедете. Ну как?» (А если этот самый Михаил Аронович взъерепенится и начнет качать права, то тут же сядет за незаконные валютные операции, за попытку загнать за границу скрипку Страдивари или, в крайнем случае, за мужеложество). Один лихой куратор в Ростовской области собирал дань со всех действующих храмов, угрожая в противном случае закрыть их как «опиум для народа». И кормил таким образом все руководство своего управления. А когда

погорел из-за собственной жадности и стал «колоться» перед московской комиссией, то в тот же день скоропостижно скончался в камере изолятора временного содержания от острой сердечной недостаточности. О таких случаях, которые со временем обрастали подробностями, как снежный ком с горы, на Лубянке рассказывали со смехом и иронией, но без всякого возмущения. «Сами виноваты, что зарвались. Брали бы поменьше, и никто никогда не узнал бы,» — так, по слухам, отреагировал Крючков на очередной региональный скандал. И никто еще не понимал, что КГБ попала уже в черную паутину непробиваемого рэкета, который должен был если не сорвать, то значительно затормозить движение страны «по рыночному пути в сторону общечеловеческих ценностей», как однажды не без гордости выразился Михаил Сергеевич.

На фоне всего этого нарушения, которые позволял себе оставшийся без присмотра майор Куманин, напоминали шалости невинного младенца, притворяющегося, что спит, чтобы без помех позабавиться с погремушкой.

Мысли Куманина снова вернулись к Наде, и он подумал, что, в сущности, ничего о ней толком не знает. Со времени их романа прошло более пяти лет, в течение которых он о ней не слышал практически ничего. Он не знал даже того, что Надя закончила вечерний педиатрический институт. О том, с кем она общается, какие у нее отношения с коллегами по работе, чем она живет — обо всем этом он мог только догадываться. А образ влюбленной в свое дело образцовой воспитательницы дошкольного заведения закрытого типа был, по большому счету, создан им самим со «слов потерпевшей», если выражаться языком официальных протоколов. «Станция Измайловский парк,— проскрежетал динамик в вагоне.— Следующая станция — Измайлово».

Дверь Сергею открыла заплаканная Лидия Федоровна. Николай Кузьмич дымил папиросой на кухне. По их лицам можно было подумать, что они оба вернулись с Надиных похорон. Куманин, как мог, успокоил стариков.

Ни в каких сводках за последние сутки по убийствам и несчастным случаям Надя не проходила. У него есть данные, что Надя жива и здорова, просто была вынуждена срочно уехать и не смогла об этом предупредить родителей. Конечно, это плохо, но переживать так не надо. Я уверен,

что все образуется. Кстати, не брала ли Надя в то утро, уходя на работу, какую-нибудь сумку или чемодан? Оказывается, нет, не брала. Только обычную женскую сумочку и полиэтиленовый мешочек — обязательная принадлежность всех советских женщин, которые никогда не знают, что им подвернется в магазинах в течение дня.

Хотя Куманин говорил одними общими фразами, не будучи сам уверен ни в одном из сказанных утешений, Лидия Федоровна немного успокоилась и сделала предположение, может отъезд Нади как-то связан с ее диссертацией.

— Диссертацией? — удивился Куманин.— Надя пишет диссертацию?

В этом он убедился, когда Николай Кузьмич положил перед ним на стол толстенную папку, в которой оказались вступление и три первые главы диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Патологические изменения детской психологии при воспитании в дошкольных заведениях закрытого типа». Соискатель: врач-педиатр Шестакова Н.Н.; руководитель: профессор Иванько А.Д. Ее руководитель жил где-то за городом.

Помимо отпечатанных на машинке и грубо выправленных страниц, в папке лежали две магнитофонные кассеты. Полистав страницы, Куманин убедился, что основой будущей диссертации должно было стать исследование поведения Алеши Лисицына, русского, пяти с половиной лет, сироты.

Становилась ясной, по крайней мере, одна из причин отчаяния Надежды по поводу пропажи мальчика — у нее отняли возможность завершить диссертацию. Отогнав от себя столь циничные мысли, Куманин попросил разрешения у родителей Нади взять папку с собой буквально на три дня. Возможно, из текста станет ясно, куда и к кому она могла уехать.

— Кстати,— поинтересовался он,— а этому профессору Иванько вы звонили? — Куманин указал пальцем на титульный лист диссертации.— Он значится ее ученым руководителем.— По словам Алика из овощного ларька, Надю сопровождал до машины человек лет пятидесяти с лысиной.

Оказалось, как это часто бывает, что профессор Иванько только числился в ученых руководителях, а общалась

Надя с каким-то доцентом, ведущим работы соискателей в заочной аспирантуре. Родители видели его пару раз, когда он подвозил Надю на машине до дому и поднимался к ним попить чаю. Имя у него странное — Феофил. Лет тридцати пяти. Живет за городом, и телефона у него, кажется, нет.

Куманин хотел спросить, не было ли у Нади с этим Феофилом романа, что могло бы много объяснить, но посчитал неудобным. Разыскать этого доцента будет не очень трудно, и тогда все выясниться само собой.

Николай Кузьмич ушел в другую комнату и вернулся оттуда с фотографией в рамке, видимо, стоявшей на столике или туалете в надиной комнате. На фотографии была изображена Надежда, улыбающаяся, с мальчиком лет пяти на руках, в котором Куманин сразу же узнал Алешу Лисицына. Рядом стоял мужчина высокого роста, с длинными, почти до плеч волосами, русой бородкой и довольно странным выражением лица. Это, по словам родителей, и был Феофил. А где фотографировались, этого они не знали.

Выходит, либо доцент Феофил (хотя он больше напоминал свободного художника из так называемого «культурного подполья») посещал интернат, либо Надя таскала Алешу в заочную аспирантуру, где училась. Фоном на фотоснимке сложил куст с черной смородиной. Таких кустов, насколько помнил Куманин, около интерната не было, да и около института то же. Правда, детей куда-то вывозили на лето, но сейчас и было лето, а дети сидели в городе. Возможно, снимок сделан за городом, там, где живет Феофил? И Надя ездила туда вместе с Алешей Лисицыным? Впрочем, если она изучала поведение Алеши для своей диссертации, в этом не было ничего удивительного. «Надо было поинтересоваться у Петуховой — разрешены подобные вольности с детьми или нет?» Чутье подсказывало Куманину, что нужно разыскать этого Феофила, хотя он никоим образом не соответствовал описанию, данному продавцом овощного ларька.

— Сережа,— прервала его мысли Лидия Федоровна.— Ты думаешь, что все в порядке? Надя жива?

— Думаю, да,— ответил Куманин.— Если бы с ней что-нибудь произошло в городе, даже в области, мне стало бы известно. Думаю, мы ее найдем.

В КГБ всегда говорили «мы», давая понять слушателю, что он имеет дело не с каким-то рыцарем-одиночкой, а с

мощной и разветвленной организацией, от которой не могут укрыться никто и ничто.

Хотя и Куманин сказал «мы», он в данном случае никакой организации не представлял, занимаясь, говоря оперативным языком, «незаконными импровизациями». За эти импровизации, стань они известны начальству, ему могло здорово влететь. Его могли даже выгнать из органов, ибо то, что прощалось желторотому лейтенанту (и то не всегда), майорам уже было непозволительно. «В нашем деле нет ничего хуже самовольных действий с использованием служебного положения»,— поучал седовласый полковник в школе КГБ, где Куманин проходил годичную переподготовку после окончания института. Это было не только устное правило. Структура КГБ — с ее системой подчиненности, распределением обязанностей, строгой отчетностью о проведенной работе, постоянной слежкой друг за другом, системой контроля — совершенно исключала возможность каких-либо импровизаций со стороны сотрудников, независимо от ранга. Уникальность ситуации Куманина заключалась именно в том, что, будучи откомандированным в распоряжение генерала Климова, он выскочил из-под опеки многочисленных инстанций, которые были обязаны контролировать его действия. Так он получил немыслимую для его положения свободу. Никто не знал (и не имел права знать) суть того задания, которое ему поручил генерал. И хотя это задание даже самому Куманину казалось странным, если не сказать нелепо-смешным, оно открывало возможности, о которых всего неделю назад он не мог и мечтать. И произошло это потому, что единственный человек, имеющий право отдать ему, майору Куманину, приказы — генерал Климов — неделями вращался в каких-то заоблачных высотах, откуда такие маленькие люди, как Куманин, попросту не видны. Правда, с этих высот, как с Олимпа, могли ударить громы и молнии начальственного гнева с непредсказуемыми последствиями. Но, если вспомнить, что ему приказал Климов, исчезая куда-то вместе с Горбачевым, то придраться было не к чему. А Климов приказал изучить совершенно секретный микрофильм, полученный из архива. Чем он, хотя и не весь рабочий день, все же добросовестно занимался. Непрокрученной пленки осталось мало, и, даже если генерал неожиданно появится прямо сегодня, в чем Куманин сильно сомневается, ему бу-

дет что доложить. Конечно, «прапорщица» Светлана расскажет генералу об исчезновениях Куманина из управления в разгар рабочего дня. Но и на этот случай Сергей придумал кучу оговорок, свидетельствующих «о его разумной инициативе в рамках полученного приказа».

Но, если говорить серьезно, Куманин хорошо отдавал себе отчет в том, что расслабился он именно благодаря полученному от Климова заданию. Он не мог отделаться от ощущения, что его оторвали от важных дел и заставили заниматься неизвестно чем. «Найти захоронение Николая Второго!» Если бы наверху действительно хотели это узнать, то могли сделать это мгновенно. Те люди, что расстреливали царя и его семью в Екатеринбурге, просто не могли не отметить в своих рапортах место захоронения. Расстреливая любого адвоката или лавочника в так называемые времена красного террора, не говоря уже о более поздних годах Большого террора и совсем близких временах Перманентного террора, исполнители обязаны были фиксировать место захоронения. А тут расстреляли главу государства и не знают, где закопали! Чтобы кто-то в это поверил — «Нема дурных». Пусть это место по каким-то причинам держится в секрете, но не от Горбачева же? Нет таких секретов, которые не могли бы быть доступны ни Крючкову, ни Чебрикову, ставшему ныне членом Политбюро. Один телефонный звонок — и через пятнадцать минут документ, составленный во времена Ивана Калиты, лежал бы у них на столе, причем подлинник. А тут поручают дело какому-то майору, которого, несмотря на все предписания, ни в одном спецархиве фактически не пускают даже на порог. И это дело находится, по словам Климова, на контроле у самого генсека! Смешно. От всего этого веяло такой несерьезностью, что у Куманина пропадало всякое желание проявлять рвение и инициативу. А таинственное же исчезновение Нади вообще отодвинуло проблему царского захоронения куда-то на второй план. Если начальство решило для каких-то своих целей использовать его, как говорится «втемную», то пусть оно руководит его шагами. Идти по минному полю можно, получив приказ, но плутать по нему по собственной инициативе глупо. Появится Климов, он ему доложит свои соображения по этому вопросу. А пока тот отсутствует, он попытается разыскать Надю или хотя бы место, где она скрывается. Глядя на фотографию, с

которой радостно улыбалась Надя и волосатый Феофил (не улыбался только Алеша Лисицын, восседавший на руках у Нади), Куманин почувствовал что-то среднее между завистью и ревностью, хотя и считал, что все чувства к Наде давно растворились во времени.

Он попросил у Надиных родителей разрешения на время взять эту фотографию. Отказавшись от предложенного чая и пообещав им позвонить, как только узнает о Наде что-либо новое, он еще раз попытался успокоить стариков, но те все же заметили, что в его голосе не было достаточной уверенности.

В Управление Куманин решил сегодня не возвращаться и поехал прямо домой. По дороге вспомнил, что хотел зайти к отцу, чтобы вынуть почту и полить цветы. Дав себе слово зайти домой к отцу в самое ближайшее время, Сергей решил не возвращаться обратно. Придя домой, он включил телевизор и, к некоторому удивлению, снова увидел Горбачева, машущего шляпой с трапа самолета в обществе своей супруги и полковника Медведева. Сначала Куманин решил, что идет повтор вчерашнего репортажа о прибытии генсека в Москву, но ошибся. Оказывается, М.С.Горбачев снова куда-то улетал. Диктор давал необходимые пояснения: «Сегодня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР Михаил Сергеевич Горбачев отбыл из Москвы в Бонн с официальным визитом по приглашению федерального президента ФРГ Рихарда Вайцзеккера. Вместе с Михаил Сергеевичем Горбачевым отбыли сопровождающие его в поездке член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев, заместитель Председателя Совета Министров СССР Иван Степанович Силаев. В аэропорту товарища Михаила Сергеевича Горбачева провожали члены Политбюро товарищи Зайков, Лигачев, Медведев, Никонов, Рыжков, Слюньков, Чебриков, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС товарищи Бирюкова, Власов, Лукьянов, Маслюков...»

Куманин выключил телевизор. Из всего увиденного можно было сделать вывод, что генерал Климов в Союз еще не возвращался, а ждет генсека в Германии. Следовательно, у него есть еще, по меньшей мере, пара дней почти полной независимости. За это время нужно попытаться выйти

на след Надежды, который, как убеждал себя Куманин, неизбежно приведет его к Алеше Лисицыну, похищенному, если верить директрисе, из интерната куманинскими коллегами.

Перекусив, Сергей раскрыл папку с Надиной диссертацией. Во вступлении она отмечала, что за последние годы на свет появляется все больше детей с патологическими отклонениями в психике от тех норм, которые годами считались усредненными для нормально развивающегося ребенка. Полюса патологии: от полных идиотов, чей мозг так и не удается подключить к работе, до совершенно непонятных «вундеркиндов», чей мозг работает с гораздо большей интенсивностью, чем у нормальных детей, но крайне избирательно. Ребенок четырех-пяти лет может подробно рассказывать, скажем, о реформах Бисмарка, но при этом не знать имени собственных родителей и много другого, что обычно легко усваивается детьми этого возраста. Подобные случае встречаются значительно реже первых. Проявлений полного идиотизма с отсутствием фактически каких-либо адекватных реакций на окружающую обстановку необходимо рассматривать в том же русле и с применением тех же методик не как исключения, а как частные случаи общего поражения центральной нервной системы. «Поскольку случаи избирательной интенсивной работы мозга редки и практически научно не описаны, исследование одного из них и является предметом предлагаемой диссертации, она ставит своей задачей доказательство того, что те непонятные причины, блокирующие нормальную деятельность мозговых цепей, вместе с тем возбуждают еще непознанные центры головного мозга, аномальные как по объему, так и по сути хранящейся там информации»,— читал Сергей. Он даже потряс головой, как боевой конь. Если бы ему кто-нибудь сказал, что Надежда способна писать столь мудреные вещи, в жизни бы не поверил. Как интересно все получается! Живем рядом, а в сущности, ничего друг о друге не знаем. Ведь не вчера Надя начала интересоваться всеми этими проблемами! Он всегда думал, что ее главное занятие — вытирание соплей малышам и сажание их на горшки, и потому удивлялся, как можно такую работу пламенно любить. Теперь стало немного понятно то странное отношение к нему с ее стороны. Кем он был в ее глазах? Чекистом? А что такое чекист? Возможно, что-то среднее

между дворником и участковым? Так, кажется, Герцен определил понятие «жандарм». Правда, тогда участковых не было, лишь квартальные, но это детали. «Исследование подобных аномалий,— продолжал соискатель Шестакова Н.Н. писать введение к своей диссертации,— дает прежде всего возможность создания рабочей гипотезы о том, что вся или большая часть информации, накопленная человечеством в процессе эволюции и исторического развития, хранится в человеческом мозге с самого рождения, но блокируется в силу пока еще не исследованных причин. И здесь речь идет не о передаче информации от родителей детям и так далее на биологическом или генетическом уровне, а о наличии огромного объема информации в мозгу как данности, заложенной в человеческое существо. Эта информация включает в себя обширные, хотя и не полные сведения из многих (а, возможно, и всех) областей человеческих знаний. Однако то, что вся эта информация, заложенная в человеке при рождении, блокирована и что ему для жизнедеятельности и созидательной работы необходимо заново накапливать объем информации, т.е. начинать с нуля, говорит об общей аномалии развития людей и ставит долгосрочную задачу по выявлению этого феномена. Тщательное исследование блокировочных механизмов головного мозга и их функциональной связи с общим развитием организма может создать надежную методику разблокировки мозговых цепей, что даст возможность возвращения к нормальной и полноценной жизни тысячам больных детей».

Далее шла так называемая закрытая часть, которая должна храниться в первом отделе института. В этой «закрытой» части была представлена статистика рождения детей с отклонениями и патологией умственного развития по РСФСР (данных по СССР не было или они считались совсекретными) за последние пять лет. Правда, конкретные цифры отсутствовали, график говорил о проблеме не менее красноречиво. Кривая, беря свое начало на довольно средних показателях в 1985 году, ракетой уходила вверх, достигнув к 1989 году космических высот, как на диаграмме роста благосостояния трудящихся в ходе выполнения текущей пятилетки.

Далее Надежда, как положено в диссертации, касалась истории вопроса. Однако мировая статистика за истекшие

три века, когда стали формировать научные методики регистрации и описания подобных явлений, вытесняя религиозные интерпретации, содержит достаточное количество фактов, дающих возможность предварительного обобщения». Затем шли многочисленные примеры, начиная от какого-то Каспара Хаузера, обнаруженного под Нюрнбергом в мае 1828 года, который потряс многих ученых своими знаниями, несмотря на свой возраст, и вскоре погиб при таинственных обстоятельствах, и кончая Лючией Эбобер — маленькой девочкой, инициировавшей в 1916-1917 годах так называемое Фатимское чудо. Будучи совершенно неграмотной (она никогда не посещала школы), Лючия не только говорила на нескольких иностранных языках, но и свободно ориентировалась в хитросплетениях тогдашнего международного положения, обостренного полыхающей первой мировой войной.

«Свободно оперируя названиями стран и городов, фамилиями и должностями государственных и военных деятелей, как современных ей, так и ушедших в историю, неграмотная португальская пастушка 10 лет от роду, никогда не покидавшая пределов своей глухой деревушки, произвела настоящий фурор в мире серией политических и экономических прогнозов. К сожалению, католическая церковь поспешила пресечь ее пророчества, заперев Лючию в монастыре. Ее единственным корреспондентом стал римский папа, который получал откровения Лючии в запечатанных конвертах, которые до сих пор хранятся в секретных архивах Ватикана. Меняющие друг друга на ватиканском троне папы и слышать не хотят о рассекречивании указанных документов. Девочка не подвергалась медицинскому обследованию и закончила свою жизнь в монастыре. Ее таинственный дар Церковь интерпретировала со своей точки зрения, исключающей саму возможность научного подхода...»

О подобных явлениях Куманин не только нигде не читал, но даже не слыхал. Он с любопытством пробежал довольно большой перечень детей, родившихся в разных частях мира с непонятными патологиями. Оказывается, в США жила девочка, родившаяся в Калифорнии, которая в пятилетнем возрасте заговорила на древнеиндонезийском наречии. Всего в мире в различных университетах и научных центрах насчитывалось не более

пяти-шести специалистов по древним наречиям Индонезийского архипелага. Все они съехались в Калифорнию, прослышав об этом чуде, чтобы разоблачить мистификацию. Однако, услышав речь пятилетней девочки, которая не только свободно говорила на этом языке, но еще и поправляла их произношение и грамматику, ученые мужья были поражены. При этом малышка, обладавшая столь феноменальным даром, не могла толком запомнить собственное имя и имена своих родителей.

Затем следовало описание бразильского мальчика, который с годовалого возраста перемножал в уме семизначные цифры, извлекая корни любой степени, а в возрасте трех лет решал сложнейшие математические задачи, не зная при этом названия города, в котором живет.

В заключительной части введения указывалось, что соискатель — врач-педиатр Шестакова Н.Н.— в течение ряда лет работала в дошкольных заведениях закрытого типа (интернатах), проводя тщательный научный анализ развития детских патологий. Отмечалось, что представляемая работа основана главным образом на наблюдениях за поведением воспитанника интерната Алеши Лисицына, пяти с половиной лет, обладавшего очень редкими и мало изученными аномалиями психики...»

Далее шел темный лес, по крайней мере для Куманина. какие-то графики, таблицы, непонятные формулы, анализы крови, все эти РОЭ, лейкоциты, гемоглобины, данные о давлении, анализы мочи и прочее, включая рост, вес, объем легких, невропатологический анамнез и многое другое, в чем неспециалисту разобраться было совершенно невозможно. Если бы подобная диссертация по каким-то причинам попала в КГБ официальным путем, то ее немедленно отдали бы на экспертизу в подходящий по профилю НИИ, чтобы получить стандартный ответ на вопросы: представляет настоящая работа научный интерес или нет, использовались ли в работе данные или выводы, противоречащие марксистско-ленинской теории познания, не впал ли автор в формализм или идеализм и сильно ли пострадает наука, если автора придется изъять из общества, скажем, лет на пять-десять? А поскольку ответы экспертов были запрограммированы вопросами, то все внимание было бы обращено на последний вопрос: следует автора посадить, чтобы не умничал, или все же ограничиться увольнением с работы?

Многие молодые ученые, впав в отчаяние от того, что им перекрывают со всех сторон кислород, начинали метаться и доходили до того, что предлагали свои работы для публикации на Западе. При этом они не задумывались, что тем самым они лишают свою страну приоритета в каком-нибудь научном открытии, усиливают научный потенциал противника и по совокупности совершают деяния, вполне подпадающие под 64-ю статью уголовного кодекса, трактующую эти действия как измену Родине. Такова была судьба научных работ, которые попадали в поле зрения КГБ, хотя на Лубянке существовал целый отдел анализа научных разработок. Но там занимались главным образом различными научными исследованиями и разработками, украденными или купленными на Западе. В ходе их анализа следовало прежде всего определить их военно-прикладную ценность, а также и выяснить — являются ли эти работы истинными или подброшены в качестве дезинформации с целью загнать в тупик какую-нибудь соответствующую советскую отрасль.

Ход мыслей Куманина, навеянный Надиной диссертацией, был прерван трелями телефонного звонка. Звонили из другого города.

Сергей поднял трубку и услышал голос брата:

— Привет, братан,— прорывался сквозь треск в трубке Андрей Куманин из далекого Душанбе.— Послушай, я что-то до нашего старика не могу дозвониться. Где он? Что с ним?

— Уехал куда-то,— ответил Сергей, чувствуя себя полным идиотом от того, что не знает, куда уехал отец.

Брат, разумеется, именно этот вопрос и прокричал в трубку.

— Куда-то по своим ветеранским делам,— не очень уверенно пробормотал Куманин.— Обещал скоро вернуться, не беспокойся...

Треск в трубке прекратил и Андрей спокойно сказал:

— Я в общем-то не беспокоюсь. Хотел с днем рождения поздравить, завтра ведь уже....

Сергей совсем забыл, что завтра у отца день рождения.

— Может завтра вернется? — предположил брат.

— Очень даже может быть,— обрадовался Сергей такому повороту разговора.— Ты позвони завтра вечерком, а я постараюсь к нему заехать.

Поговорив еще пару минут о жизни и службе и получив на стереотипные вопросы такие же ответы типа «все вроде нормально», братья распрощались, и Сергей снова подошел к столу, где лежала папка с Надиной диссертацией. Читать дальше, пробираясь сквозь непонятную терминологию и еще более непонятное значение, не имело никакого резона. Оставалось только послушать две небольшие кассеты, которые были приложены к неоконченной рукописи. Куманин включил магнитофон и сразу услышал голос Нади:

«Алеша, как звали твою маму?»

«Не знаю,» — отвечал детский голос.

«А папу?»

«Не знаю».

«Но ты ведь знаешь, как тебя зовут?»

«Меня зовут Алеша Лисицын».

«А кто тебя так называл? Ты помнишь?»

«Меня так называли все».

«Кто такие эти все, Алеша?»

«Я не знаю, кто они. Но они называли меня Алеша Лисицын».

«Но кто это был — дяди, тети? Сколько их было? Где вы жили?»

«Мы жили в комнате. Комната была большой. Я не знаю, кто такие дяди и тети».

«Алеша, как ты меня называешь? Вспомни».

«Я называю тебя тетя Надя».

«Умница. Значит, я — тетя. Есть мальчики, а есть девочки. Ты это понимаешь?»

«Понимаю. Я мальчик, а есть девочки. Девочки становятся женщинами, а мальчики — мужчинами. Но я не знал, что женщин называют у вас «тетями».

«Ты сказал у «нас». Что значит у «нас», Алеша?»

«Здесь, у вас. В этой комнате, где мы сидим. Я раньше не знал этого слова».

«Хорошо, Алеша. А раньше, где жил?»

«В комнате, в большой комнате. Там висела большая картина».

«Картина? На ней было что-то нарисовано?»

«Да. Она мне нравилась».

«Что же было нарисовано на ней, Алеша?»

«Гибель Дантона».

«Что? Дантона? Ты знаешь, кто такой Дантон?»

«Знаю. Это большой французский линкор. У него было пять труб. Его утопила немецкая подводная лодка. Это был самый крупный успех немецких подводников в позапрошлую мировую войну в Средиземном море. Тетя Надя, я больше не буду. Не сердитесь».

«Нет, нет, Алеша. Я вовсе не сержусь на тебя. Мне страшно, но я нисколько не сержусь. Кто повесил эту картину у тебя в комнате?»

«Я не знаю. Она всегда висела».

«А кто рассказал тебе ее содержание?»

«Учитель».

«Учитель? Это был мужчина, а может это была женщина?»

«Я не знаю».

«Но учитель тебе рассказывал о войне или вообще о войнах? В какой мировой войне погиб этот корабль, что ты видел на картине?»

«У вас ее принято называть первой мировой, но это неправильно. Если даже не считать войн в древности и средневековье, то эта война была уже четвертой мировой».

«Четвертой?»

«По мере того, как расширялись представления о мире, мировые войны охватывали все большие территории. Тридцатилетняя война была уже для своего времени мировой и Семилетняя тоже. Мировой была и война с Наполеоном. В этой войне участвовали даже Соединенные Штаты».

«Боже мой! Откуда ты это знаешь?» «Я читал книгу, тетя Надя. Ее написал Джемс Бернес. Она вышла в Лондоне в 1897 году. Она называется «Война в Атлантике в 1812 году».

«Где ты взял эту книгу?»

«Мне дал ее учитель».

«Твой учитель был моряком?»

«Он не был моряком. Он был учителем».

«А ты знаешь, кто такой моряк?»

«Знаю. Это люди, которые управляют кораблями».

«Хорошо, Алеша. Скажи, в той комнате висела только одна эта картина?»

«Да. Только одна. Она была очень красивой: море, взрыв и огромный корабль. Учитель говорил, что так погибнет и весь мир, если не проснется».

«Господи, что ты такое говоришь? А окна в твоей комнате были?»

«Были. С занавесками».

«И ты никогда не покидал комнаты. Ходил ли ты гулять? Ну как здесь?»

«Я ходил гулять каждый день. Я открывал дверь комнаты и выходил в сад. Там были деревья и цветы. Птицы и звери».

«Звери? Какие звери?»

«Я не знаю их. Я спросил учителя, но он сказал, что тоже не знает».

«Посмотри на эту картинку, Алеша. Были ли похожие звери в саду?»

«Я не помню».

«А как ты попал на то место, откуда тебя привезли к нам? Кто привез тебя туда?»

«Я вышел погулять в сад, и оказался там».

«На автобусной остановке? Что с тобой?»

«Я хочу писать, тетя Надя».

Куманин слушал всю эту ахинею, приоткрыв рот. Он даже вздрогнул, когда раздался щелчок, сигнализирующий о том, что кассета закончилась. Он перевернул ее и стал слушать дальше.

«Алеша,— он снова услышал Надин голос,— почему учитель повесил в твоей комнате эту картину? В войнах гибли и другие корабли. Почему он выбрал эту?»

«Потому что самому Дантону отрубили голову, так он говорил. А потом назвали его именем корабль. Что людей сначала убивают, а потом прославляют. Он считал это странным. Дантон никак не мог представить, что его друг Робеспьер отправит его на гильотину. Никто не мог подумать, что линкор «Дантон» потонет от одной торпеды. Учитель считает все эти вещи снами. Он всегда говорил, что кошмары во сне способны душить, если не проснуться».

«Ты убедился, Фил? — спросила Надя,— Что скажешь?»

«Да-а,— протянул мужской голос, видимо принадлежавший Феофилу.— Нарочно не придумаешь. Ты проверяла его щитовидку?»

«Все в пределах нормы,— отвечал Надин голос.— Ты улыбаешься, Фил? Надеюсь. не думаешь, что я заставила его выучить все это наизусть и пересказать в твоем присут-

ствии? Ты что-нибудь сам слышал об этом «Дантоне»? О корабле. Я, например, даже не знаю, в какой войне это произошло. А ты?»

«Понятия не имею,— признался Фил,— откуда мне знать подобные вещи? Такой информацией владеют во всем мире только очень узкие специалисты. Уверен, что во всей Москве найдется человек пять, знающих об этом. Из них половина состоит на учете в психдиспансере. Если человек знает и помнит подобные вещи — он ненормальный. Можешь мне поверить».

«Это произошло,— раздался голос Алеши,— 19 марта 1917 года у побережья Сардинии. Немецкая подводная лодка U-64...»

«Алеша,— сказал Феофил. Ты понимаешь о чем ты говоришь?»

«Понимаю»,— ответил мальчик.

«Что такое подводная лодка?»

«Это боевой корабль, который благодаря прочному водонепроницаемому корпусу и системе цистерн затопления может действовать под водой. Когда-то для этой цели использовались бензиновые и электрические двигатели, затем дизельные, а в настоящее время атомные. Хотя этому виду оружия еще нет и ста лет, именно подводные лодки сегодня в состоянии всего за несколько минут уничтожить планету своими ядерными ракетами, запущенными из океанских глубин. Учитель говорил мне...»

Наступило молчание. Затем Надя спросила:

«Что с тобой, Алеша?»

«Тетя Надя,— сказал мальчик, вы мне обещали конфетку, если я расскажу этому дяде о «Дантоне».

«Алеша,— ответил Надин голос,— нельзя так много есть сладкого. Ты можешь заболеть».

Раздалось хныканье ребенка и голос Феофила:

«Дай ему конфету. Что ты, в самом деле? Возьми, Алеша, не плачь, маленький».

Затем снова голос Нади: «Ну, что ты на все это скажешь, Фил?»

«Да, это все очень интересно,— ответил Феофил,— ты знаешь, Надь, в некоторых деталях это напоминает то, что произошло в Фатиме. Там девочка говорила как бы от имени Божьей Матери, предостерегая людей. А этот мальчик говорит как бы сам от себя, видимо, он еще мал, чтобы осоз-

нать, что служит всего лишь рупором, и, возможно, благодаря каким-то особенностям организма. Ты заметила, что он то включается, то отключается, и при отключениях ведет себя совершенно адекватно своему возрасту. Также вела себя и Лючия Эбобера в Фатиме. Хотя она была немного постарше Алеши. Сколько ей было лет? Ты не помнишь?»

«Кажется 9 или 10,— сказала Надя.— Я постоянно стараюсь понять, что ты хочешь сказать, Фил, но до конца не могу. Если эти дети служили всего лишь чьим-то рупором, то — чьим? Это ведь уже область совершенно далекая от науки. Я бы даже сказала, что это уже область чистой фантастики, даже не очень научной фантастики. Это уже уровень сказок».

«Можно, конечно, все считать сказками,— ответил Феофил,— если бы не одно маленькое обстоятельство. Свидетелями так называемого «Фатимского чуда» были сотни людей, а Алеша Лисицын не сидел бы сейчас рядом с тобой на диване. Верно, Алеша?»

«Верно,— ответил мальчик немного невнятным голосом, видимо, из-за конфеты во рту.— Чудо в Фатиме произошло 13 мая 1917 года, примерно через месяц после вступления в войну Соединенных Штатов и свержения царской династии в России. Учитель говорил, что иначе война продолжалась бы еще лет пятнадцать. А ее было необходимо срочно закончить...»

Снова наступило молчание. Затем голос Фила спросил:

«Если главной миссией Лючии Эбобера было окончание первой мировой войны, то ты, Алеша, зачем появился здесь?»

«Где?» — переспросил ребенок.

«У нас,— продолжал настаивать Фил,— здесь».

«Меня тетя Надя привезла,— ответил Алеша и добавил: — На машине».

Пленка закончилась. Куманин еще несколько мгновений сидел, тупо уставясь в замолчавший магнитофон, потом взял вторую кассету.

Комната заполнилась веселой мелодией: «С небольшего ручейка начинается река, ну, а дружба начинается с улыбки...» Куманин даже вздрогнул от неожиданности, но песенку прослушал до конца с удовольствием, вспомнив, что это мелодия из какого-то детского мультика. Песенка

закончилась, ее сменила другая: «Антошка, Антошка, пошли копать картошку...»

Обе стороны второй кассеты были заполнены детскими песенками и веселыми мелодиями. Видимо, Надя их использовала для занятий с детьми в своей группе. Прокрутив пленку на большой скорости и убедившись, что кроме детских песен, она более ничего не содержит, Куманин выключил магнитофон. Он хотел еще раз прослушать первую кассету, но передумал. Если то, что он услышал — не мистификация, то можно, конечно, сдохнуть от удивления. Впрочем, Надя никогда не отличалась склонностью ни к фантазиям, ни к дешевым эскападам. Она всегда была очень серьезной девочкой, хорошо училась, учителя считали ее очень добросовестной, а подруги — немного не от мира сего. Теперь, по крайней мере, стало понятно, почему Надя прибежала к нему в поисках пропавшего Алеши. Она же говорила ему об удивительных способностях этого ребенка, но он, конечно, ничего подобного не мог представить, пока не прослушал эту пленку. Впрочем и отреагировал-то он больше на фамилию малыша по ассоциации с фамилией таинственного опера. Да тут еще роль сыграл обрывок телефонного разговора генерала Климова, случайным слушателем которого он стал. Конечно, если все это не какая-нибудь липа и в Москве, действительно появился такой пацан, то кое-где наверху вполне мог начаться маленький переполох. А в силу этого обретают некоторую логику и все дальнейшие события, связанные с Алешей Лисицыным, интернатом и Надей Шестаковой. «Фатимское чудо». Где-то он о нем читал, но где — вспомнить не мог. Кажется, в какой-то брошюре рассказывалось об ухищрениях церковных кругов, пытающихся заморочить головы простому народу и нажить побольше денег. Там перечислялись различные махинации церковников в старой России и в других странах. Помниться там говорилось о крупномасштабной мистификации, организованной царской охранкой, якобы обнаружившей мощи Серафима Саровского, чуть ли не по приказу самого Николая II. Среди прочего, было там и упоминание о чем-то подобном в португальском городе Фатима. Но, судя по пленке, Надя и Фил говорили об этом событии совершенно серьезно. А «Дантон»? Что за «Дантон»? И причем тут «Дантон»?

Создавалось впечатление, что Алеша Лисицын просто

издевается над взрослыми. Это характерно для маленьких детей, которые думают будто знают что-то, о чем понятия не имеют взрослые. Обычный рефлекс типа «А я знаю, а я знаю..». Ребенок получает наслаждение, когда убеждается, что взрослые «действительно» понятия не имеют о том, что он им снисходительно поведал. Такие же снисходительные нотки слышались на пленке в Алешином голосе. Интересно было бы посмотреть при этом на выражение его лица и на выражение лица Нади тоже. Кто вбил в ребенка все эти совершенно ненужные знания? Учитель. Что за учитель? Личность бы установить этого, с позволения сказать учителя, и привлечь за эксперименты над несовершеннолетними. Последнее время столько развелось разных магов и — как их? — экстрасенсов. Внушают детям всякую ерунду. Украли, наверное, Алешу Лисицына из какого-нибудь приюта, а может, купили или оформили липовые документы на усыновление, а потом бросили в Ростове на автобусной остановке. Если получить разрешение на официальное расследование, то всю эту историю можно раскрутить за сутки. Учитель! Он мальчику даже имя свое не назвал. Опытный, видимо, аферист! Впрочем, если его коллеги забрали мальчика из интерната, то кто-то следствие уже ведет. Возможно, на Алеше проверяли новые, конечно, секретные, психотропные средства. Пожалуй, этим можно объяснить интерес КГБ к данному ребенку. Мальчика забрали из интерната, конечно, чтобы выйти на учителя и арестовать этого мерзавца. Но тогда причем тут Надя? Как не крути, но пока не удается в этом деле связать все концы с концами.

Куманин вспомнил, как его первый начальник подполковник Волков на все вводные, поступающие сверху, и непонятные рапорты, поступающие снизу от подчиненных, всегда говаривал с улыбкой: «Ничего, разберемся». «Разберемся»,— подумал Куманин, но сразу вспомнил, что разбираться-то в этом деле, его никто не уполномочивал. С этой мыслью он залез под душ, а затем завалился спать.

III

«Совершенно секретно
17 августа 1936 года

Капитану государственной безопастности
товарищу Лисицыну А.Е.

Ваше объяснение было доложено Наркому. Однако он считает, что вы, как и Голощекин с Юровским, что-то не договариваете и не желаете внести окончательную ясность в это дело, являющееся вопросом особой государственной важности, и не задумываетесь о последствиях не только для вас, но и многих других.

Юровский и Голощекин считают совершенно исключенным оставление пакета в Екатеринбурге в 1918 году в чьих бы то ни было руках и продолжают настаивать на том, что пакет в Москву увезли вы. Товарищ Лисицын! Ваша партийная и чекистская дисциплина ни у кого из руководства не вызывает сомнения. Однако, если вы, сдав пакет Свердлову, Дзержинскому или самому товарищу Ленину, дали при этом известную вам «большевистскую клятву» молчать, то ныне вашим долгом является не сохранение этой тайны, а ее разглашение, поскольку таковым является требование вашего руководства. Вы знаете от чего погибли ваши товарищи. Они продолжают гибнуть, и вы своим молчанием можете погубить всех.

Сейчас вы находитесь на особо привилегированном положении, но такое положение не будет длиться вечно. И вы погибнете вместе со всеми. Поймите хотя бы это.

Агранов Я.С.

Впредь всю корреспонденцию направлять на мое имя».

«Совершенно секретно
/Без даты/

Заместителю Наркома Внутренних Дел
тов.Агранову Я.С.

Я совершенно не понимаю, какие сведения вы хотите от меня получить. Я видел Свердлова и Дзер-

жинского один раз в жизни до поездки в Екатеринбург в 1918 году. Товарища Ленина я вообще никогда не видел. Действительно, товарищ Свердлов поручил мне взять у Юровского какой-то пакет. О его содержимом я тогда ничего не знал, и товарищ Свердлов упомянул об этом деле вскользь, никак не подчеркивая важности этого задания. Я ехал в Екатеринбург совсем с другой целью, и когда же сообщил о просьбе товарища Свердлова Юровскому, тот вначале согласился отправить пакет вместе со мной, но потом в спешке, видимо, об этом забыл. Перед самым своим отъездом из Екатеринбурга я напомнил ему о поручении Свердлова, но пакета в тот момент не было в помещении Дома Особого Назначения. Он находился в сейфе товарища Юровского в городе. Мы не могли терять времени, поскольку сильно задержались и так, а мне необходимо было выехать из Екатеринбурга задолго до рассвета, чтобы не поставить всю операцию под угрозу срыва. Юровский сказал, что сам привезет пакет, и я возражать не стал. Вы знаете цели, с которыми появились в России все, начиная с Ленина и кончая мной. Эти цели не только не соответствовали, но являлись почти полной противоположностью тем целям, которые ныне ставят перед страной наша партия и ее вожди. В момент нашего появления в России появились и другие группы движения со своими задачами, что в принципе соответствовало созданию хаоса. Никто не понимал опасности входа в этот туннель.

Все это месяц назад я лично доложил товарищу Сталину во время пребывания вождя нашей партии и народа на моем объекте. Товарищ Сталин согласился с моими доводами и высказал мнение, что пакет, видимо, был передан Голощекиным через Дзержинского Парвусу, после чего последний исчез.

То, что пакет предназначался Парвусу, не вызывает ни малейшего сомнения. Однако показания моих источников дают возможность предположить, что пакет после передачи его полковнику Кобылинскому не был возвращен последним царю, а вывезен за границу. Возможна и еще одна версия: Кобылинский вернул пакет царю, тот передал его Яковлеву (Мячину), а тот передал его Свердлову. Вы понимаете не

хуже меня, что Свердлов вполне мог, не поставив в известность ни Ленина, ни Дзержинского, тут же переправить пакет Парвусу. Это подтверждает и его быстрая гибель. Мне кажется, что затем Свердлов и Голощекин могли просто инсценировать пропажу пакета, стараясь выиграть время. Я прекрасно понимаю важность этого дела, но, к сожалению, ничем помочь не могу, хотя бы в силу собственной изолированности.

Комендант объекта 17, капитан госбезопастности
Лисицын А.Е.».

«Сов. Секретно
26 февраля 1937 г.

Народному Комиссару Внутренних Дел
товарищу Ежову Н.И.

Я никогда не встречался с врагом народа Ягодой и не видел его даже на портретах. Для меня он был моим начальником, которого партия надо мною поставила. Нас связывала только служебная переписка, в чем легко убедиться, читая копии его инструкций и моих докладов. Никакого участия в изменическо-вредительской деятельности врага народа Ягоды я не принимал и принимать не мог.

Майор госбезопасности Лисицын А.Е.»

Оказывается, Лисицын был майором, а не капитаном, как значилось в картотеке у Никитина. Куманин перевел дух и выключил аппарат. Генерал Климов все еще в управлении не появлялся. Прапорщицу Светлану уже осаждали заместители и помощники Климова, у которых накопилось множество проблем, разрешить которые мог только сам генерал. Была суббота, как и любая другая суббота — обычный рабочий день на Лубянке. Правда, многие воспользовались отсутствием Климова и общим падением нравов (следовательно, и дисциплины), а равно прекрасной погодой, и еще в пятницу разъехались по дачам, расположенным в самых живописных местах Подмосковья. Однако такую вольность могли себе позволить только полковники и высшие чины. Рядовые сотрудники вкалывали, как обычно. Даже воскресенье не было для них гарантированным

выходным днем. В любой момент могла поступить вводная, спутывающая все планы на воскресный день. О праздниках и говорить было нечего — они всегда были хуже любых будней. Иногда по праздникам службы на Лубянке переводились чуть ли не на казарменное положение. Уже став майором, Куманин чуть ли не через воскресенье дежурил либо по управлению, либо по городу, либо торчал в каких-нибудь негласных оцеплениях. Начальство хорошо помнило, что он холостяк, и использовало это обстоятельство максимально.

Неожиданный перевод в распоряжение генерала Климова, помимо всего прочего, освободил его от нарядов и прочей мутоты вроде физподготовки, огневой подготовки и политзанятий, что было обязательным для всех офицеров, включая подполковников. Полковники уже могли позволить себе расслабиться во всем, не считая политзанятий, за посещениями которых тщательно следили. Несколько пропусков подряд могло очень больно и весьма неожиданно аукнуться в самый неподходящий момент, например при оформлении загранкомандировки или при аттестации на повышение. Куманин, после того как Климов выдернул его из отдела, уже пропустил одно политзанятие и хорошо это помнил. Здесь, на вершинах, близких к Олимпу, никаких политзанятий не проводилось, что тоже считалось одной из привилегий, к большого начальства.

Куманин рассчитывал до обеда досмотреть пленку, а затем снова незаметно исчезнуть и заняться отслеживанием следов пропавшей Надежды. Он снова включил аппарат.

«Сов. Секретно
20 июля 1937 г.

Товарищу Сталину И.В.

Дорогой товарищ Сталин.

Поскольку я получил приказ обращаться непосредственно к Вам по вопросам, касающимся Объекта 17, минуя мое непосредственное руководство, прошу Вас оказать нам возможное содействие в следующем вопросе. Срочно нужен врач-специалист по удалению аденомы. Это болезнь не редкая. Ею в той или иной форме страдают все мужчины пожилого и преклонного возраста. Будучи запущенной, она вполне мо-

жет представлять угрозу для жизни. Я понимаю, насколько неуместно отнимать у Вас — Великого Вождя нашего народа — время для разрешения подобных вопросов, но по Инструкции 12-А от 10 января текущего года мне предписано по всем вопросам обращаться только к Вам. Еще раз прошу прощения.

Комендант Объекта 17 старший майор госбезопасности Лисицын».

Лисицын уже стал старшим майором, т.е. носил на петлицах два ромба, как армейский комкор! Карьера его пошла в гору после замены Ягоды Ежовым. Это было очевидно.

Следующий документ представлял собой последнюю страницу какого-то изъятого материала. Она, видимо, попала под объектив микрофильматора случайно, по невнимательности архивных работников. На ней значилось. «Итого — 27 миллионов 862 тысячи золотых рублей. Оценка предварительная. И подпись».

Куманин внимательно вгляделся: не подпись ли это, часом самого Сталина? Нет. Не похоже. Значит Инструкция N12-А действовала какой-то короткий период, после чего вождь перестал заниматься Объектом N17 лично.

«Совершенно секретно
20 декабря 1939 г.

Товарищу Лисицыну

Мы уже сообщали, что Юровский умер, так ничего и не сказав. Голощекин также арестован, но с ним уже будут работать не в «кремлевке», а как положено.

Вы, кажется, оказались правы: пакет попал к Свердлову через Мячина, который также арестован. Товарищ Сталин считает, что за преступления против народа и государства все должны нести персональную ответственность, независимо от того, чем они руководствовались и когда это происходило.

Отдельный конверт предназначен не для вас.

Сердечно поздравляю вас с Днем ВЧК — НКВД и с предстоящим 60-летием нашего вождя и учителя Великого Сталина.

Наркомвнутдел Л. П. Берия».

«Сов. Секретно
8 июля 1940 г.

Товарищу Лисицыну.

Руководство считает вполне возможным допуск любых специалистов — медиков на ваш объект с условием соблюдения некоторых мер предосторожности со стороны пациентов. Товарищ Сталин высказал недоумение по поводу того, что такому простому вопросу дали перерасти в проблему.

Замнаркома В.Меркулов».

«Сов. секретно
24 августа 1940 г.

Коменданту объекта 17 товарищу Лисицыну.

Значение последних событий вам должно быть понятно лучше, чем кому-нибудь другому. Благодаря гениальному руководству товарища Сталина, удалось фактически в полном объеме восстановить государство, считавшееся фактически уничтоженным. И не только восстановить его в чисто географическом смысле (хотя и это очень важно), но сделать его даже более могущественным, чем оно когда-либо было, способным решать все поставленные историей задачи.

В связи с этим товарищ Сталин высказал мнение, что это известие должны услышать от него самого. Заключение врача убедило его только в том, что откладывать это мероприятие нецелесообразно. Более того, существует также мнение, что на объекте должно существовать «Положение 7» — общее для всех объектов, посещаемых вождем нашей партии и народа.

А.Н.Поскребышев».

«Сов. секретно
25 декабря 1940 г.

Товарищ Лисицын!

Есть мнение совершить погребение где-нибудь на ближайшем кладбище с соблюдением, если это уж так необходимо, каких угодно обрядов. Никто не собирается вмешиваться в желание скончавшегося, но вполне можно было обойтись без всяких этих старорежимных предрассудков. Все остальные, поднятые вами вопросы, получат скорее всего положительное

решение в самом ближайшем будущем. Разумеется, что статус спецпоселенцев был бы оптимальным. Так, думаю, и произойдет.

Ваш, Лаврентий Берия».

«Ваш, Лаврентий Берия! Здорово! Были люди в наше время!»

«Совершенно секретно
18 февраля 1941 г.
Особая папка.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)

С целью окончательного очищения органов НКВД и НКГБ от ягодо-ежовских вредителей и врагов народа применить высшую меру по списку нижеперечисленным враждебным элементам, проникшим в органы.

Народный комиссар Внутренних Дел Берия Л. П.

Далее следовал список из 142 человек. Лисицын значился в списке пятнадцатым. Напротив его фамилии было написано чьей-то раздраженной рукой:

«Выяснить, куда девал ребенка».

На полях списка размашистым почерком Сталина было начертано: «Считаю целесообразным». И крупная подпись вождя. Ниже следовали подпись Молотова, затем Кагановича, еще ниже — Маленкова и в самом низу — Калинина.

Язычок пленки выскочил из бобины и исчез в приемном барабане. Экран засветился пустотой. Куманин выключил аппарат с чувством какого-то облегчения, какое бывает после просмотра фильма ужасов. Хотя он заранее знал, что Лисицын будет расстрелян, но не предполагал, что все произойдет столь буднично, особенно после того, как под некоторыми документами увидел подпись: «Ваш Берия».

Получалось, что старший майор госбезопастности Лисицын напоследок украл какого-то ребенка.

«Последнее время,— подумал Куманин,— я все время сталкиваюсь с какими-то почти мистическими историями с детьми». Что за ребенка «куда-то девал» опер Лисицын? Не Алешу ли Лисицына? Но тогда Алеше сейчас должно быть по меньшей мере лет пятьдесят. Впрочем, судя по знаниям, его вполне можно было считать пятидесятилетним.

Было уже начало первого. По радио передавали пресс-конференцию Михаила Горбачева и канцлера ФРГ Гельмута Коля. Звучали слова: новое мышление, общечеловеческие ценности и рыночные отношения. Никто ровным счетом не понимал их значения, да и не пытался понимать — начальству виднее.

Куманин сдал пленку и сообщил Светлане, что будет в архиве, где его можно найти, если генерал появится и потребует к себе.

Куманин собирался съездить в Надин институт и выяснить в деканате заочной аспирантуры установочные данные на Феофила или отыскать его самого. В столовой, куда он зашел перекусить перед уходом, было многолюдно для субботнего дня. Взяв, как обычно, стакан кефира с булочкой, Куманин, оглядев зал в поисках знакомых, обнаружил за одним из столиков Олега Морозова — офицера Особого отдела Главного штаба флота. Как и всякий офицер Особого отдела КГБ, Морозов щеголял в полной форме капитана 3-го ранга с тремя золотыми нашивками на рукаве. В свое время он кончил какой-то институт и вместе с Куманиным проходил подготовку в школе КГБ.

— Олег, привет,— поприветствовал Куманин, подсаживаясь к особисту за стол.— Как дела?

— Дела — на Лубянке,— усмехнулся Морозов, поглащая шницель,— а у нас одни делишки. А у тебя как Сережа? Подполковника не получил?

— Сейчас только по затылку получить можно,— в тон ему ответил Куманин,— я вообще слышал, что все повышения в комитете заморожены на неопределенное время.

— Не-е,— не согласился Морозов,— мои документы пошли. Обещали к ноябрьским.— Он отодвинул тарелку и взялся за стакан с ряженкой.

— Мне справочка одна нужна,— попросил Куманин.

Морозов вскинул на него встревоженный взгляд.

— Что за справка?

— Ты не знаешь случайно, был у французов такой корабль «Дантон»?

— «Дантон»? — переспросил Морозов.— Дантон — это деятель был такой во времена их революции. Я фильм смотрел. Ему башку отрубили на гильотине...

— Это я без тебя знаю,— перебил его Куманин,— я о корабле говорю, названном его именем. Был такой во время первой мировой?

— Спроси чего полегче,— засмеялся Морозов.— Откуда я знаю, тем более, в первую мировую. Да я о своих-то, кроме крейсера «Аврора», ничего не знаю.

— Может справочники у вас какие есть в штабе, где можно было бы посмотреть,— продолжал настаивать Куманин,— мне для дела надо, Олег.

— Погоди,— сказал капитан,— сейчас сделаем. У нас в штабе есть один псих из отставников — все знает. При Андропове его чуть не посадили даже. Слишком много знал. Капитана 1-го ранга ему задробили и выперли в запас. Но без его знаний весь штаб был, как без рук. Сам Горшков ходатайствовал. Пришлось оставить на работе. Если тебе срочно, я могу позвонить.

— Позвони, пожалуйста,— попросил Куманин,— мне срочно нужно.

Морозов вытер губы салфеткой, и они отправились на четвертый этаж, где размещались особисты. Их постоянно хотели оттуда выселить, поскольку у них были помещения и при «обслуживаемых» воинских частях, а штаты Лубянки постоянно росли, и хронически не хватало места для новых отделов и управлений, которые начали плодиться еще в андроповские времена. Военное командование со своей стороны пыталось выселить их из занимаемых помещений, ссылаясь на то, что у них есть места на Лубянке. Но особисты, заняв круговую оборону, не уступали, а, напротив, время от времени отхватывали себе помещения там и сям. «Прут, как израильские танки»,— недовольно помянул их как-то сам генерал Чебриков.

В комнате, куда Морозов привел Куманина, стояли два огромных сейфа и два стола с телефонами, висел портрет какого-то адмирала с иезуитским лицом — спартанская обстановка осажденной крепости. Морозов поднял телефонную трубку:

— Сергей Сергеевич у себя? Попросите, пожалуйста. Сергей Сергеевич, здравия желаю. Морозов беспокоит. Как здоровьице? Ну и отлично. Сергей Сергеевич, тут справочка

нужна небольшая. Думаю, вы сможете помочь.— Он прикрыл трубку ладонью и спросил Куманина:

— Как, ты говоришь, этот корабль назывался, «Дантон»? — и уже в трубку:

— Сергей Сергеевич, подскажите, пожалуйста, корабль «Дантон» был у французов в первую мировую войну? — жестом он показал Куманину: «Записывай».

— Так запомню,— отмахнулся Куманин.

— Что? Был? Целых шесть однотипных? Здорово. А что с ним стало? Немцы утопили? Когда? В марте 1917-го? Ну, спасибо вам большое, Сергей Сергеевич. Извините за беспокойство.— Морозов повесил трубку.- Бутылка с тебя,— сказал он Куманину.— Был такой корабль. Его немцы утопили в 1917-м году,— и засмеялся,— в честь Октябрьской Революции.

— Спасибо,— улыбнулся Куманин,— утопили, значит? Но все равно, спасибо,— и вышел из кабинета.

Сергей даже почувствовал облегчение, что прослушанное вчера на пленке получило подтверждение, а не оказалось бредом больного воображения маленького дебила. «С одним вопросом разобрались. Теперь надо узнать, что же произошло в том же году в Фатиме?»

Куманин уже направился к выходу из Управления, но тут неожиданно вспомнил, где ему попадалось описание происшествия в Фатиме в 1917 году. Это было в одной из многочисленных конфискованных книг, хранящихся в сейфах и несгораемых шкафах его кабинета. Книга была издана в Нью-Йорке на английской языке в 1975 году. Называлась она «Дом Особого Назначения» и была составлена по материалам бывшего учителя царских детей Чарльза Сиднея Гиббса. Подготовил к печати его внучатый племянник.

Куманин вернулся и, разыскав Кудрявцева, попросил у него ключи от своего кабинета и сейфа, соврав, что забыл там спортивный костюм и кое-что еще из личных вещей.

В кабине Кудрявцева сидели два длинноволосых молодых священника, которых полковник инструктировал. Поэтому, не задавая никаких вопросов, он, выйдя в коридор, отдал Куманину ключи и только буркнул:

— Носи при себе, или сдай Климову. Твоими ключами, кстати, Стебликов интересовался, хочет все наши разра-

ботки себе присвоить. Дурак будешь, если ему отдашь. Все они горазды на готовенькое...

Куманин поблагодарил своего бывшего начальника и открыл свой кабинет. Вообще-то подобное полагалось делать в присутствии комиссии, назначенной начальником отдела, ведь если Куманин, вскрыв свой кабинет, обнаружит там широко раскрытые пустые сейфы или всего-навсего пропажу телефонного аппарата (случалось и такое), отвечать за все пришлось бы ему, причем строго в соответствии с законодательством наказание могло последовать в диапазоне от денежной компенсации до тюремного заключения.

Справедливо полагая, что воровать у него монархическую литературу не будет даже генерал Стебликов, а за украденный телефонный аппарат он как-нибудь расплатится, Куманин смело сорвал печати и вошел в помещение. Среди книг на иностранных языках — они были собраны в одном месте — он быстро нашел книгу Чарльза Гиббса, сунул ее в дипломат, снова тщательно опечатал сейф и кабинет, и с сознанием выполненного долга исчез из Управления.

IV

Суббота — как раз тот самый день, когда во всех вузах страны кипит жизнь на заочных отделениях, включая заочную аспирантуру. Именно на это рассчитывал Куманин, направляясь в медицинский институт, который Надя закончила заочно и теперь училась в заочной аспирантуре.

Заведующая заочным отделением аспирантуры — молодая миловидная женщина, представившаяся Ириной Сергеевной,— мгновенно сорвала с лица улыбку при виде милицейского удостоверения, предъявленного Куманиным. Улыбка сменилась встревоженным выражением, характерным для любого советского человека, представшего перед представителем славных правоохранительных органов.

Куманин спросил о Наде.

— Шестакова? — пе еспросила Ирина Сергеевна,— давно уже не была. Вы лучше бы к ней на работу зашли.

Работа у нее такая в интернате, что свободного времени не остается. Да еще тут диссертация. Могу дать вам адрес интерната.

— Спасибо, не надо,— поблагодарил Куманин,— адрес интерната я знаю. У меня к вам еще вопрос. Мне нужно найти одного вашего доцента по имени Феофил. Вы такого знаете?

— Феофил Пименович? — спросила заведующая,— он у нас давно не работает.

— Вот как? — удивился Куманин,— а его адрес вы не могли бы подсказать?

— Это в отделе кадров,— сказала Ирина Сергеевна,— я не знаю.

Выяснив, что отдел кадров сегодня работает только до двух часов, Куманин поспешил туда — было уже без четверти два.

Дверь отдела кадров была обита оцинкованным железом, и в ней имелся глазок, как в тюремной камере. Кроме таблички «Отдел кадров», на двери висела еще одна — «Первый отдел», а потому дверь, выставив наружу только кнопку звонка, была наглухо закрыта.

Куманин с силой нажал пальцем на эту кнопку. Глазок приоткрылся, и Куманин поднес к нему свое удостоверение. Дверь бесшумно открылась, как всегда случалось после выполнения подобного ритуала.

Пожилой мужчина в помятом костюме, который традиционно украшали значок участника Великой Отечественной войны и колодки со стандартным набором медалей, оказался начальником первого отдела. Выяснилось, что кадровики по субботам работают чисто символически и к полудню все инспектора разбегаются.

— Ничего,— успокоил его Куманин, испугавшись, что ему сейчас придется выслушать очередную лекцию о падении дисциплины и отсутствии элементарного порядка,— думаю, что вы сможете мне помочь.

— Слушаю вас, товарищ...— начальник первого отдела вопросительно посмотрел на Куманина.

— Майор,— подсказал Куманин, еще раз в раскрытом виде поднося к очкам начальника свое милицейское удостоверение.

— Слушаю вас, товарищ майор. Прошу ко мне в кабинет,— он распахнул обитую дерматином дверь с табличкой «Начальник Первого отдела». Табличка была таких размеров, что уже вполне могла считаться мемориальной доской.

Кабинет начальника первого отдела был небольшим и без претензий на роскошь. Он весь оказался заставлен сейфами и несгораемыми шкафами, как будто находился не в педиатрическом институте, а в разведовательном отделе генерального штаба. В небольшом проеме между забранным толстой решеткой окном и огромных размеров сейфом притулился стол, украшенный настольной лампой казенного образца и парой черных телефонных аппаратов. В другом крошечном проеме между пугающей сталью несгораемых шкафов был втиснут столик с пишущей машинкой секретного делопроизводства.

— Вы по поводу воровства халатов? — спросил начальник первого отдела, представившийся Иваном Никифоровичем.

— Нет-нет,— Куманин даже поднял руку, поскольку Иван Никифорович уже готовился открыть толстенную папку, где, видимо, содержались материалы проведенного им предварительного расследования по факту воровства белых халатов.

— Нет-нет,— снова повторил Куманин, усаживаясь на жесткий табурет, на котором вызванные в первый отдел сотрудники института должны были осознавать свое ничтожество, глядя в очи Ивана Никифоровича.

— Меня интересует один из ваших сотрудников,— продолжал Куманин,— доцент Феофил Пименович...

— А! — оживился Иван Никифорович.— Он, выходит, и по вашей линии проходит.

— Он еще что-нибудь натворил? — в свою очередь поинтересовал Куманин.— По чьей линии?

— Товарищи приходили, интересовались,— уклончиво ответил знавший свое дело начальник первого отдела.

«Товарищи, наверняка, были из комитета, о чем какому-то милицейскому майору знать было необязательно».

— Допросить его надо, засветился в одном деле,— столь же уклончиво сообщил Куманин.— Мне бы устано-

вочные данные на него хотелось получить. И поскольку он у вас работал...

— Уволили мы его,— не без гордости сообщил Иван Никифорович.— С полным несоответствием занимаемой должности. Мы молодежь воспитываем, а тут выясняется, что преподаватель стоит на учете в психдиспансере и несет, понимаете ли, неизвестно чего на занятиях. У нас тут преимущественно женский контингент, сами понимаете...

— Давно уволили-то его? — спросил Куманин.

— Считай, с полгода. Хотели по статье, но сейчас времена — сами знаете какие. Дали уйти по собственному желанию,— с горечью признался Иван Никифорович.— Он по образованию — детский психиатр. Сразу после института защитил диссертацию. Говорили, не без способностей. Но тут начали мы получать сигналы, что он на своих лекциях что-то несет о Боге, о Божественной сущности сознания, и прочую буржуазную чепуху. Я, знаете ли, товарищ майор, сорок календарных лет в органах прослужил и эту публику знаю — тут же дал команду проверить, не псих ли. И что вы думаете? Состоит, как миленький. Копнули — оказалось, еще на старом месте работы его разоблачили и направили на принудительное лечение с помощью органов. Там он тоже какую-то околесицу нес. Вроде, отрицание Бога тормозит развитие науки и искажает само понятие «психиатрия». Было это, аккурат, в 79-м. Выпустили его из психушки, он — к нам, штампов-то в паспорте не ставят, о прошлом скрыл. Я, как узнал, сразу в органы сообщил: мол приезжайте, забирайте тепленького. Получил ответ: нас теперь это не касается, примите административные меры. Я тут же представление ректору и копию в райком. Хорошо еще статья есть, что психам нельзя работать в системе высшего и среднего специального образования. А то бы управы не найти на него...

— А он у вас психиатром работал? — уточнил Куманин.

— Психологом,— поправил начальник первого отдела,— на полставки. Детей, понимаете ли, каких-то на свои лекции таскал, студентам показывал. Где он этих детей брал и что потом с ними делал, выяснить бы не мешало. Вы по этому поводу?

— Примерно,— ушел от ответа Куманин.— Мне бы его адресок получить.

— Сейчас сделаем,— с готовностью вставил Иван Никифорович и, поднявшись со стула, с лязгом открыл мощный сейф, который сделал бы честь любому банку.

В сейфе, насколько мог видеть Куманин, находилась картотека с учетными карточками сотрудников, преподавателей и студентов, видимо, находящихся под особым присмотром первого отдела.

— Хорошо следите за кадрами,— похвалил Куманин ветерана,— полный у вас порядок, приятно смотреть.

— А как же иначе? — Ивану Никифоровичу была явно приятна похвала. Кто еще мог оценить его работу по достоинству, коль она была негласной — только офицеры КГБ, милиция да райкомовские инструкторы.

— Кадры решают все, как говорил товарищ Ленин,— начальник первого отдела подал одну из карточек Куманину, оставив сейф полуоткрытым.— У меня здесь собраны все согласно инструкции райкома. В первую очередь евреи и те, у кого родственники подвергались репрессиям как представляющие повышенную общественную опасность. Важно знать их настроения. Затем злоупотребляющие алкоголем, склонные к хищениям, фарцовке, аморальному поведению...

— А евреев много у вас? — поинтересовался Куманин, исключительно, чтобы поддержать разговор с симпатичным ветераном.

— Раньше дел было невпроворот,— признался Иван Никифорович,— но постепенно разгребли. Кто уехал, кого сократили. Сейчас в пределах пяти процентов, как положено. Новых не берем без указания,— он поднял палец вверх.

— В общем, полный порядок,— констатировал Куманин, списывая с карточки установочные данные на Феофила: «Пименов Феофил Пименович, 1948 года рождения, русский, беспартийный, образование высшее, лейтенант запаса медицинской службы. Временно прописан по адресу: г.Москва, Самаркандский бульвар, д.7, кв.114. Прописан постоянно: пос. Нефедово, Серпуховского р-на Московской

области, проезд Коммунаров, д.5. Холост». На карточке стоял жирный штамп «Уволен».

— А о аспирантах-заочниках у вас есть сведения? — спросил Куманин, закрывая записную книжку.

— Не охвачены,— со вздохом сказал начальник,— только списком. По месту их основной работы надо интересоваться. О вечерниках кое-что можем сообщить, если надо.

Поблагодарив за содействие, Куманин вышел на улицу, обдумывая план дальнейших действий. Решив не терять «оперативного темпа», он тут же погнал своего «жигуленка» на Самаркандский бульвар, находящийся на самой окраине Москвы. За рядами новостроек у кольца 209-го автобуса начались буйно заросшие травой и бурьяном пустыри.

Однако на месте его постигло разочарование. Хозяйка квартиры, где временно был прописан Феофил, сказала, что ее постоялец уже месяца два как выписался и выехал по месту постоянной прописки, то есть в поселок Нефедово Серпуховского района.

Куманин в азарте погони чуть было не развернулся, чтобы взять курс на юг в сторону Серпуховского шоссе. По хорошей дороге до Серпухова можно было добраться менее чем за час. Но передумал — была уже половина пятого. Для выезда на шоссе нужно было исколесить полгорода, а затем еще искать Феофила в самом Нефедово. Ночевать же в машине Куманин не любил. Отложив поездку в Серпухов до утра (назавтра воскресенье), Куманин решил заехать к отцу, у которого сегодня день рождения. Не исключено, что Степан Агафонович именно нынче вернется обратно из своей поездки.

Войдя в подъезд дома, Куманин понял, что Степан Агафонович еще не вернулся — из переполненного почтового ящика торчали газеты. Кроме нескольких номеров «Правды» и «Красной Звезды», были журнал «Коммунист Вооруженных Сил» и квитанция на оплату междугородного телефонного разговора с Ленинградом.

В квартире было пусто и полутемно из-за зашторенных окон. Куманин зажег свет и прошел на кухню. На кухонном столе лежала написанная Степаном Агафоновичем за-

писка: «Дорогой Сережа! Не волнуйся и, пожалуйста, не делай никаких попыток меня разыскать. Я сам дам о себя знать. Обнимаю. Отец».

Сергей, прочитав это послание, забеспокоился. «Что значит: «пожалуйста, не делай никаких попыток меня разыскать». Честно говоря, он и не собирался искать отца, но тут почувствовал страстное желание именно этим и заняться. Куда, зачем и насколько уехал отец? Почему он не хочет, чтобы Сергей начал его искать? Видимо, боится, что сын начнет его искать, используя свое служебное положение. Другими словами, он просит его, чтобы тот не впутывал в отцовские дела свое могучее ведомство. А если нет, тогда вообще ничего не понять. Подобные записки писали в романах XIX века сбежавшие жены: «Прости меня и не ищи», или что-то в этом духе, а а не семидесятитрехлетние ветераны НКВД — МГБ». Прочитав еще раз записку, Куманин пожал плечами. Бросив на кухонный стол газеты и журнал, он увидел, как квитанция об уплате междугородного телефонного разговора выскользнула из пачки и упала на пол. Сергей поднял ее и, подчиняясь настроению, возникшему после чтения записки отца, посмотрел на номер ленинградского телефона, по которому, судя по дате, неделю назад звонил Степан Агафонович: 355-99-93. Появилось желание набрать его и поздравить отца с днем рождения, но пришлось отказаться. Раз отец просил его не искать, значит он так хотел, и нечего лезть в его дела. Кроме того, не было никакой уверенности, что отец находится именно по этому телефону. Мало ли кому можно звонить в Ленинград. Это вовсе не значит, что он поехал именно туда.

Поливая цветы, Сергей вспомнил о странном письме, которое заметил лежащим у телефона во время последней встречи с отцом. Письмо также было отправлено из Ленинграда, причем отправителем был какой-то Израиль Лазаревич, что тогда удивило Куманина. Он подошел к тумбочке, где стоял телефон, и обнаружил, что письмо по-прежнему лежит на своем месте, рядом с последним справочником телефонов АТС Москвы, который распространялся исключительно среди инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны.

Мгновение поколебавшись, Куманин взял письмо, вынул

из конверта лист ученической тетрадки в клеточку, на котором ровным и уверенным почерком было написано:

«Дорогой, Степа! Я понимаю все те вопросы, которыми ты меня засыпал. На твоем месте я бы задал их еще больше и, возможно, в гораздо более резкой форме. Однако многое из того, что я мог бы тебе рассказать, не могу и не хочу доверять бумаге. Мне кажется, что нам имеет смысл встретиться во второй и, наверное, в последний раз. Если надумаешь приехать, предупреди меня по телефону (ленинградскому, разумеется): 355-99-93. Я тебя встречу. И.Л.»

Письмо успокоило Куманина, особенно «дорогой Степа». Столь фамильярно к Степану Агафоновичу мог обращаться только человек его лет или старше. То, что этот человек еврей и что Сергей о нем ничего не слышал, ни о чем не говорило. Каждый чекист носит в себе (и уносит в могилу) много такого, о чем не знают ни жены, ни дети. Это уже Куманин знал по собственному опыту. До войны, во время нее и сразу после ее окончания органы были буквально набиты евреями, так что и в этом нет ничего необычного. Степан Агафонович всегда был не многословен, а уж о службе вообще никогда не говорил и полслова.

Какая-то лень охватила Куманина. Ехать домой не хотелось, и он решил переночевать у отца, утром сгонять на заправку, а затем отправиться на поиски Феофила. Он надеялся, что Надя и Феофил находятся где-то вместе, и, найдя Феофила, он разыщет и ее.

Как ни странно, но никто не звонил, чтобы поздравить Степана Агафоновича с днем рождения, хотя, возможно, отец предупредил о своем отъезде не его одного. Правда, снова позвонил брат из Душанбе. Сергей успокоил его, сказав, что точно выяснил — старик уехал в Ленинград к какому-то старому сослуживцу. Какие там у них дела — неизвестно, наверное, скоро появится.

Посмотрев новости по телевизору, он выяснил, что Горбачев еще находится в Бонне, оттуда собирается в Париж, а с ним — это было особенно приятно — Климов, о чем-то беседующий с Эдуардом Амвросиевичем, в недавнем прошлом тоже генералом КГБ. Впрочем, Куманин знал, что судить о передвижениях столь высокопоставленных лиц по

экрану телевизора по меньшей мере опрометчиво. Могут прокрутить запись, как Горбачев и его свита наблюдают прохождение почетного караула берсальеров где-нибудь в Риме, а они уже давно в Москве и через час или два, взлетев с какого-нибудь никому не известного аэродрома — уже в другом месте.

Выключив телевизор, Куманин позвонил Надиным родителям, чтобы узнать, не выяснили ли они что-либо о дочери. К телефону подошел Николай Кузьмич. Ничего нового они не знали. Надя так и не появлялась и не звонила. Он ездил на опознание в три московских морга, жене ничего не говорил. Слава Богу, Нади среди предъявленных ему на опознание трупов, не было. Лидия Федоровна совсем плоха, как бы не пришлось в больницу класть. Приходил какой-то молодой человек, представился научным работником кафедры, по которой проходит Надина диссертация, и просил папку с диссертацией дать ему, поскольку скоро так называемая кафедральная защита, и научные оппоненты хотят ознакомиться с работой.

— Надеюсь,— похолодел Куманин,— вы не сказали, что диссертация у меня?

— Почему нет,— простодушно ответил Николай Кузьмич,— сказали, что взял посмотреть товарищ Нади, скоро отдаст.

— А фамилию мою называли? — допытывался Куманин, хотя отлично понимал, что если за диссертацией охотятся те же самые люди, что увезли из интерната Алешу Лисицына, то они его и без фамилии высчитают в шесть секунд.

— Нет,— сказал Николай Кузьмич,— сказал просто, что Надин товарищ взял ее на время. Он огорчился и сразу ушел.

— А как он выглядит? — спросил Куманин.— Описать его можете?

— Как выглядел? — переспросил Николай Кузьмич,— не помню точно. Лет тридцати пяти, бородка русая.

— Волосы длинные? — допытывался Куманин.

— Волосы...— напрягал память надин отец,— не помню, вроде нет, нормальные волосы, как у всех...

— Имя свое он не называл?

— Нет. Сразу ушел. Я с балкона видел, что он сел в машину, там еще кто-то сидел за рулем. И уехали.

— А машина какой марки? Не заметили?

— Нет. Не помню,— признался Николай Кузьмич,— не обратил внимания.

На ходу натягивая пиджак, Куманин вылетел из квартиры отца, вскочил в свою машину и помчался по темным улицам московских новостроек к себе домой. Минуя лифт, взлетел на свой этаж. Осмотрел дверь квартиры. Все вроде было в порядке, открыл дверь и зажег свет. Все выглядело так же, как и перед его уходом из дома. Но папки с диссертацией Нади на столе не было.

Глава 5

I

Догадка Куманина о пребывании Михаила Горбачева в ФРГ оказалась правильной. И Горбачев, и Климов прилетели на уикэнд в Москву, хотя об этом, разумеется, не сообщалось, поскольку официальный визит Горбачева в ФРГ продолжался.

По субботам генсек любил ходить в сауну, и даже начало третьей мировой войны, наверное, не заставило бы его отказаться от привычного удовольствия. Впрочем, в его бункере на случай термоядерной катастрофы была тоже была оборудована сауна.

Возможно, в ФРГ, как уверял канцлер Коль, были сауны и получше, но ничто не могло заменить привычной интимной обстановки, когда можно полностью расслабиться и побеседовать с особо приближенными товарищами, не думая о том, что все разговоры пишет какая-нибудь западная спецслужба. Кстати, Гельмута Коля тоже пригласили в Москву попариться и отдохнуть. Канцлер отказался, и упрашивать его не стали — интимность беседы исчезла бы, к тому же он приволок бы с собой кучу всяких секретарей и личных советников. В отличие от Горбачева, Коль не мог бы улизнуть из страны незамеченным — это сразу попало бы в газеты, западные, разумеется, которые месяца через полтора можно было бы прочитать в Москве.

«Столица мира, сердце всей России» — Москва — в середине 1989 года, как, впрочем, и ныне, была таинственным, мало кому известным, наглухо изолированным от внешнего мира городом. Глухие бетонные заборы, здания-монстры, тянущиеся на сотни метров без входных дверей и с плотно зашторенными окнами, целые кварталы построек с запертыми подъездами, стальными воротами и тайными калитками, дома попроще с милицейскими вахтами в парадных. Никто не знал об их назначении, а умело распускаемые слухи говорили что-то невнятное о секретных инс-

титутах, кующих тайное оружие для окончательной победы труда над капиталом.

Многие, видимо, были бы сильно разочарованы, а некоторые даже возмущены, узнай они, что столь строгие меры секретности и средневековой таинственности окружают здания, за стенами которых развернуты шикарные клубы, плавательные бассейны, сауны, площадки для гольфа, теннисные корты, продовольственные и промтоварные спецсклады, спецпарикмахерские, спецхимчистки, спецпошивочные ателье, спецполиклиники и спецбольницы, спецбиблиотеки и спецкнигохранилища, спецавтопарки и даже спецбюро похоронного обслуживания. Все это тщательно скрывалось от посторонних глаз, поскольку принадлежало совсем к другой стране, не имеющей названия и не обозначенной на географических картах, на которую работала вся огромная империя, именуемая Советским Союзом, считавшаяся сверхдержавой. В действительности, последний был всего навсего колонией той маленькой таинственной страны, что отгородилась от сверхдержавы бетонными заборами с калитками, у которых постоянно дежурила вооруженная охрана, которую за забор тоже не пускали. В этой стране не было километровых очередей за предметами первой необходимости, не существовало никакого дефицита товаров и услуг, даже в страшном сне там не снились коммунальные квартиры, загаженные лестничные клетки, неосвещенные и немощеные улицы, грязные толпы на вокзалах, пьяный мат водочных очередей, вонь подворотен, умирающие от недостатка лекарств и врачей дети и старики. До этой страны не докатывались ни антиалкогольные кампании, ни кампании по борьбе с нетрудовыми доходами, ни законы о тунеядцах, валютчиках, фарцовщиках, перерожденцах, отщепенцах и антисоветчиках, поскольку, если говорить прямо, вся эта страна состояла из одних именно тунеядцев, валютчиков, фарцовщиков, перерожденцев, отщепенцев и антисоветчиков, действовавших в масштабах, которые не снились никому за ее пределами. Здесь существовали своя подсудность, свой нравственный кодекс, свой образ жизни (который мог быть высоким, средним и низким, но даже самый низкий на порядок превосходил самый высокий уровень по ту сторону глухой стены), свои привычки и даже своя валюта. Хотя предпочитали тут не придуманные боны и сертифи-

каты, а полноценные доллары и дойчмарки, за одно обладание которыми по ту сторону стены бросали в тюрьму.

Это маленькое государство, на которое за грамоту или латунную медаль фактически бесплатно трудились миллионы рабов, было создано гением Ленина и Сталина, уничтожившим во имя этой великой цели около ста миллионов не вписывающихся в их социальные теории людей. Окончательные формы и кодификацию оно приняло в эпоху Брежнева. Стать гражданином этой «страны», если ты не получил такого права по наследству, было очень сложно. Ни Горбачев, ни Климов наследственного права на это не имели — оба были «переброшены» через бетонный забор стечением обстоятельств. Что-то не так сработало в хитросплетении интриг при дворе четырех предыдущих генсеков, трое из которых были спроважены на тот свет.

К сожалению, роскошная изолированность этой маленькой страны, которую клеветники — завистники в СССР и за рубежом — окрестили «Советским зазеркальем» или «Страной Номенклатурией», последние годы все более стала напоминать изолированность осажденной крепости. Снизу напирало трехсотмиллионное, лишенное элементарных человеческих прав, трижды обворованное и обманутое население последней в мире рабовладельческой империи; сверху не менее мощно давил потенциальный противник — остальной мир, ушедший далеко вперед от этого сермяжного царства, которое вождь мировой революции пытался преобразовать в «депо» этой революции. Жители «Номенклатурии», давно уже убедились в том, что указанный Лениным путь построения первого в новейшей истории рабовладельческого государства на кровавой кровавой замеси перманентного террора и экономического разврата, завел в тупик, где всем им суждено погибнуть, и поэтому с надеждой смотрели на самого молодого из всех генсеков, твердо сказавшего: «Я спасу страну», имея, в виду, конечно, страну «Номенклатурию». Об остальной стране давно уже забыли, и она мало кого интересовала, особенно после Чернобыльского апокалипсиса.

Распаренные и благодушные, после сауны и сеанса спецмассажа, Горбачев и Климов, закутавшись в махровые халаты, полулежали, как древнеримские патриции в глубоких креслах, смакуя зеленовато-огненный франко-немецкий ликер «Вестфалия». И хотя их вкус был сильно

подпорчен ставропольским прошлым, где наиболее изысканным напитком считалась импортируемая с Кавказа «чача», жизнь в «Зазеркалье» научила их многому, в том числе разбираться в сложных букетах зарубежных и отечественных коллекционных вин и ликеров.

— Когда покойный Юрий Владимирович,— мечтательно вспоминал М.С.Горбачев,— на вокзале в Минеральных Водах представил меня Леониду Ильичу, тот посмотрел на меня из-под своих косматых бровей и сказал: «Ты спасешь страну». — Вы путаете, Михаил Сергеевич,— возразил Климов.— Он не сказал, а спросил «Ты спасешь страну?», на что Юрий Владимирович ответил: «Он спасет страну». А вы, насколько мне известно, не сказали тогда ни слова, а потому и не должны ни за что отвечать.

— Нет, нет,— засмеялся Горбачев.— Все было не совсем так. Даже совсем не так. Но как бы то ни было, мне казалось, что стоит только начать, все сформируется, и процесс пойдет. Но все оказалось гораздо сложнее. Стоило только углубить, и вы понимаете...— генсек вздохнул и пригубил ликер.

— Когда я учился в школе,— сказал Климов,— в классе, кажется, пятом или шестом, мне попались морские рассказы Бориса Житкова. Был такой довоенный писатель. У него есть один замечательный рассказ. Название его забыл, но суть такова: корабль в океане, в трюме у него под тяжелым и взрывоопасным грузом начался пожар из-за самовозгорания контрабандной селитры. До источника пожара было не добраться, но замер температуры в трюме ясно говорил капитану и еще одному офицеру, знавшему о пожаре, сколько у них примерно осталось времени до того, как корабль взлетит на воздух. А на борту, помимо груза, было около двухсот пассажиров: женщины, дети, старики и прочие беспомощные люди. Судно было обречено, но капитан решил спасти пассажиров. Прежде всего надо было предотвратить панику. Поэтому сведения о пожаре в трюме долгое время держали в секрете, а одного пассажира, который об этом случайно пронюхал, пришлось выкинуть за борт.

Последнее время я очень часто ощущаю себя членом команды того самого судна. В трюмах бушует страшный пожар, его не погасить, и мы знаем, дорогой Михаил Сергеевич, что вскоре наш величественный белый лайнер

именуемый Советским Союзом, взлетит на воздух, рассыплется на куски, которые быстро или медленно, но обязательно затонут. Дай Бог удержать на плаву Россию и не дать ей развалиться вслед за СССР...

— Да, да,— оживился Михаил Сергеевич,— именно это ложит начало всему. Вы все правильно излагаете, Виктор Иванович, поскольку, если мы упустим время, это будет, знаете ли, чревато. Раз процесс пошел, его следует убыстрить, углубить, понимаете ли. С другой стороны, мы к декабрю соберем второй съезд народных депутатов и начнем постепенно формировать процесс, о котором вы так образно рассказали. Я, к сожалению, многого не читал. Занят, знаете ли, был всегда: комсомольская работа, партучеба, потом ВУЗ. Я там был комсоргом вместе с Лукьяновым. Так вы считаете, что нам удастся спасти пассажиров, прежде чем наш корабль развалится ?

— Если бы было человек двести, как на том пароходе,— задумчиво проговорил генерал, рассматривая на свет изумрудные переливы ликерной рюмки,— то можно было бы спасти всех. Но поскольку у нас их триста миллионов, то спасать придется только пассажиров первого класса, как на «Титанике». Остальные, если выплывут, то выплывут, если нет — то вечная память.

Горбачев рассмеялся:

— Мне очень нравится, как вы преподносите самые серьезные вещи, с чувством, я бы сказал, хорошего юмора. Когда мы с Раисой Максимовной отдыхали в 1972 году в Италии на вилле ЦК КПСС, я был еще, можно сказать, человеком маленьким, и нам на двоих полагалось всего пятнадцать тысяч долларов на месяц. Так вы даже не представляете, какое было к нам отношение, но я не об этом. Нас поместили в номер, откуда в случае пожара выбраться было совершенно невозможно, в то время как в номерах высшего класса предусмотрены меры для быстрой эвакуации в случае любых чрезвычайных обстоятельств: наводнения, землетрясения и даже извержения, хотя ни одного вулкана вблизи не было. В грядущем катаклизме нам очень важно сохранить костяк нашей партии, ее, так сказать, наиболее здоровые и творческие силы. Я имею в виду, сохранить у руководства страной. В этом направлении и надо работать. Если пользоваться вашими аналогиями, то места в шлюпках не хватит и для половины пассажиров, которые

ныне находятся в каютах первого класса. Многими придется пожертвовать, особенно товарищами в Восточной Европе и некоторыми нашими, которые не понимают серьезности момента и так приросли, понимаете ли, к символике и терминологии, что готовы умереть во имя разных несерьезных вещей и погубить вдобавок всех. Мы проведем, конечно, с товарищами необходимую работу, но если... Вы понимаете?

— Да,— кивнул головой Климов,— и уж если Советский Союз обречен, нужно принять меры, чтобы о нем не очень и жалели. Все-таки «Империя зла», как выразился президент Рейган. Мы уже запустили мощную кампанию по дискредитации Сталина — так называемую вторую волну. Пока в рамках вашего тезиса по «деформации социализма», постепенно перейдем на Ильича, поскольку и мавзолею вряд ли найдется место в шлюпке — очень громоздкое сооружение.

Горбачев вздохнул:

— Владимир Ильич, конечно, многие вопросы упрощал и понимал их не совсем верно, как показало время. Но как создатель партии нового типа, как партийный организатор и вождь, умевший спасти партию в любых условиях от давления внешних сил и от внутреннего раскола, никого, заметьте, не расстреливая. Я имею в виду костяк партии, конечно. В этом отношении он всегда будет, несмотря на его общеизвестные недостатки, для меня идеалом вождя, идеалом партийного руководителя.

— Да,— согласился Климов,— гению можно только подражать. Боюсь, что у нас не получится подняться до Ильича не только при решении внутрипартийных вопросов. Очень многие мероприятия нам придется проводить с совершенно противоположным знаком, хотя и похожими методами.

— Что вы имеете в виду? — с некоторой тревогой в голосе спросил Горбачев.

— Владимир Ильич всю энергию своего могучего ума,— пояснил Климов,— направил на уничтожении Российской империи. По большому счету, он мечтал преобразовать по своему усмотрению весь мир, как и Россию. Наши задачи гораздо скромнее. Нам не нужно ничего уничтожать, ибо все умирает само. Необходимо только в меру сил этот процесс контролировать. Контролировать — не значит замед-

лять. Иногда в целях контроля процесс, напротив, необходимо ускорить.

— Да, да,— одобрительно закивал Горбачев,— это очень хорошо. Перестройка и ускорение, даже можно сказать: «Ускорение-90», имея в виду наступающий год. Наш народ любит короткие и понятные лозунги. Даже если лозунги не совсем понятны, важно, чтобы они были краткими.

— Разумеется,— согласился Климов,— краткость — сестра таланта. Наши друзья,— генерал сделал многозначительную паузу,— считают, что после апрельских событий в Тбилиси подобные мероприятия нужно провести даже в несколько большем масштабе, но исключительно на периферии, используя традиционный расовый, религиозный и, разумеется, политический антагонизм. Это позволит России относительно безболезненно отделиться от республик с минимальными шансами крупномасштабной бойни. До этого предстоит масса работы. Главное, думаю, в нашем распоряжении имеется максимум год-два, чтобы успеть вывезти из Европы весь наш взрывоопасный груз. Я имею в виду армию: Западную группу войск, Южную группу и прочее. События, которые грянут в странах Варшавского пакта, могут сдетонировать взрыв в армии. Если она будет дома, то на взрыв гораздо меньше шансов.

— Совершенно с вами согласен,— заметил генсек,— но чтобы ни у кого не возникло сомнений в нашем искреннем желании идти по дороге демократических преобразований, все наши мероприятия должны быть достаточно эффектными шагами именно в этом направлении.

— Они уже достаточно эффективны, просто их как бы замаскировали такие события, как Чернобыльская катастрофа и гибель двух новейших подводных лодок. Особенно последний случай с лодкой, которую, после того как она утонула, стали называть «Комсомолец». Очень символично, но если бы спросили мое мнение, я бы предложил назвать ее «Советский Союз».— Климов продолжать смаковать ликер.

— Вы все шутите,— снова вздохнул генсек,— а мне докладывали, что лодка очень хорошая, даже аналога не было еще ни у кого в мире: титановый корпус и прочее...

— И ядерные торпеды,— добавил Климов.— Когда их разъест морская вода, мы получил еще один Чернобыль. К

счастью, Советского Союза уже, наверное, не будет, и все катастрофы можно будет списать на издержки коммунистической тоталитарной системы. Кстати, вам уже докладывали о взрыве под Уфой? Он вам ни о чем не говорит?

— Не будем об этом,— заметно помрачнел Горбачев.— Это, знаете, типа «заставь дурака Богу молиться». Иногда даже руки опускаются от общей, понимаете ли, глупости. Вот вы упомянули о том, что через пару лет все можно будет свалить на КПСС. Это, по-моему, не совсем правильный подход. Я вам говорил, что именно сейчас надо создать в стране многопартийность с тем, чтобы разделить ответственность за все, что было и будет. Но с этим делом так затянули, что уже явно не успеть. Это понравилось бы и Западу. Сколько они уже кричат о нашей однопартийности. Больше всего они там любят либеральных демократов. Я вам сказал, помнится, что нужно создать собственную либерально-демократическую партию, назначив в состав ее руководства надежных товарищей из вашего ведомства и ЦК, подобрать им помещение, организовать финансирование и все, что нужно, чтобы товарищи нормально работали...

— Для этого,— возразил Климов,— нужно для начала отменить 6-ю статью Конституции о роли КПСС как единственной политической силы в стране. А это уже задача ваша, не моя. Во-вторых, я предлагал кандидатуру в качестве главы этой партии, но он вам почему-то не понравился.

— Этого субъекта вы считаете либеральным демократом? — удивился Горбачев.— Да это, извините, типичный троцкист из числа самых оголтелых. Да ни один уважающий себя западный политик не сядет с ним за один стол, поверьте мне.

— И не надо,— пожал плечами Климов.— Он и его партия предназначены вовсе не для этого. Они для внутреннего пользования. Пусть наш народ увидит, что такое либеральная демократия, и тогда все будут только молиться, чтобы коммунисты вернулись к власти. То есть, я не совсем правильно выразился. Надо было сказать, чтобы коммунисты никогда не лишались бы власти, поскольку все, что мы планируем — повсюду оставить наших людей, и в центре, и на местах, особенно на местах. А разные либеральные демократы и прочие, кто появится на развалинах

Союза, будут иметь право только выражать свое мнение по этому вопросу, которое серьезно никого интересовать не будет. В этом и есть главная задача того, что мы назвали перестройкой. Сохранение власти и всех фондов, которыми владели, даже приумножение их, но все это в другой форме. Без идеологии, которая, увы, уже умерла. Ее нужно отбросить. Власть денег, власть собственности — гораздо сильнее власти, основанной на наших старых лозунгах.

— Если бы вас сейчас слышал Ленин, — с горечью проговорил Горбачев,— чтобы он сказал?

— Он бы со мной полностью согласился,— улыбнулся Климов.— Вспомните, как часто он сам менял лозунги, иногда по три раза на дню. То «Вся власть Советам», то «Долой Советы». Главное качество, сделавшее Ленина великим, это его мгновенное ориентирование в политической обстановке дня. Вы же читали его секретные записки, когда партия готовилась снова переходить на нелегальное положение в 1919 году? Фактически Ильич составил нам всем методику действий на сегодня. Отличие только в деталях. Ленин сам никогда не держался за идеологию. Главное — организация, учил он. Это был образец вождя. Даже прижатый в угол, он видел способы спасения не только себя, но и организации со всеми ее фондами и институтами. Вспомните, когда он привел свою команду к власти в 1917 году, он был в кулаке у немцев. Тот удел, которое ему выделило немецкое оккупационное командование и которое у нас принято называть «молодой Республикой Советов», был фактически немецким полупротекторатом-полуколонией. Тогда немецкие войска уже входили в Тбилиси, а что делал Ильич? Он крепил кадры и составлял планы мировой революции. Тут Германия рухнула, и обстановка самым коренным образом изменилась. Сейчас наша партия переживает трудные времена. Страна рушится, как она рушилась в 1918 году. Но кто даст гарантию, что вскоре что-либо не случится с Соединенными Штатами? Никто. Эта страна сейчас замахнулась на мировую гегемонию, а подобные амбиции чреваты всякими неожиданностями. Баланс мировой системы, как два противовеса, поддерживали весь послевоенный период США и СССР. Сейчас СССР сорвался, упал и вскоре рассыплется. А что будет со вторым противовесом? Если в геополитике действуют законы физики, то произойдет то же самое. И, как только с ними

что-то случится, мы отбросим все глупости, связанные с «новым мышлением» и прочим, и благодаря кадрам, оставленным на нужных местах, создаем режим, скажем, национальной диктатуры и восстанавливаем доминирующее положение в мире. Вы улавливаете мою мысль, Михаил Сергеевич?

— Вашими бы устами,— третий раз вздохнул Горбачев (Климов считал вздохи Генерального секретаря).— В одном вы правы: нужно уберечь организацию, как бы она ни называлась, сохранив в ней ваших и моих людей, хотя название имеет, конечно, значение. Как вам нравится, например, «Партия демократического социализма»?

— Совсем не нравится,— признался Климов.— У вас все еще берет верх старое мышление. Если уж нельзя обойтись без вывески, то она не должна содержать никаких намеков ни на социализм, ни на демократию, потому что оба эти понятия уже достаточно скомпрометированы. Просто далеко не все это понимают до конца. Вывеска должна быть совершенно нейтральной, хотя может при этом быть звучной, вроде: «Всемирный Банк Империал» или «Всероссийский инвестиционный фонд» и даже, если это вас устроит, просто «Фонд Горбачева». Я буду работать в нем скромным бухгалтером, а кабинет у меня будет, например, в Амстердаме. Но об этом знать никто, кроме нас, не должен. Вспомните бессмертного Парвуса. Его скромнейшая «Экспортно-импортная контора» в Стокгольме в итоге уничтожила Российскую империю и сдула с трона Николая II, как пушинку. Вы же знаете, что, если бы не Парвус, Ленина сейчас никто и не помнил бы. Он тихо покоился бы на каком-нибудь заброшенном еврейском кладбище под Цюрихом...

— Кстати, о Николае II,— вспомнил Горбачев.— Как мое поручение относительно его останков? Идет какая-нибудь работа в этом направлении? Поверьте, Виктор Иванович, это очень важно, потому что подобные вещи дают начало очень многому.

— Поначалу эта задача мне казалась очень простой,— сознался Климов,— и, признаюсь вам, Михаил Сергеевич, я не отнесся к ней с должной серьезностью. Затем, как вы помните, я обратился к вам с просьбой посмотреть необходимые документы в «Особой папке» Политбюро. Но наши поездки по миру и та сложная работа, что мы сейчас ведем

с западными друзьями, отодвинула ваше поручение из числа сиюминутных проблем на задний план. Но недалеко. Проблемой занимаются. А вам что-нибудь удалось обнаружить в «Особой папке»?

— Представьте, нет,— ответил Горбачев.— Я дал поручение Болдину подобрать мне нужные документы. Он доложил, что ничего не нашел, кроме предсмертного письма Юровского, в котором тот сознается, что не убивал царя.

— Вот как? — удивился Климов,— значит, царь...

— Вы не поняли,— перебил генерала Горбачев.— Он признается, что не убивал царя лично, как это принято считать. Долгие годы шла полемика между Юровским и неким Медведевым, кто из них лично всадил пулю в голову Николая II. Дело однажды дошло даже до Контрольной комиссии ЦК, пока товарищ Сталин не приказал эти дискуссии прекратить, так как счел несущественным какое-либо личное участие рядовых исполнителей во всенародном деле величайшего исторического значения. Но перебранка, как вы, наверное, знаете, продолжалась чуть ли не до наших дней, кто же убил царя: Юровский или Медведев? Так, из письма Юровского, адресованного из кремлевской больницы лично товарищу Сталину, явствует, что ни Юровский, ни Медведев не только не убивали царя, но даже не присутствовали при казни. Как вам это нравится?

— Очень нравится,— признался Климов.— Так кто же тогда привел приговор в исполнение?

— По словам Юровского, какой-то специальный уполномоченный, прибывший для этой цели из Москвы по личному приказу Ленина и Свердлова,— Горбачев развел руками.— Вот поди и разберись. Его сопровождала команда, среди которых по-русски никто не говорил и не понимал. Сам уполномоченный говорил только по-немецки. Они и привели приговор в исполнение. Затем погрузили трупы на грузовик и куда-то увезли. Куда именно? Юровский говорит, что не знал и не знает. Вот такие интересные дела. В письме сообщалось, будто он, Медведев и Никулин были настолько пьяны, что толком не могут помнить подробностей той ночи. Он пытался сопровождать уполномоченного верхом, но упал с лошади и сильно ушибся. Конечно, как я понял из этого письма, речь там шла главным образом не о царе, а потере каких-то чрезвычайно важных документов,

исчезнувших в ту ночь в Екатеринбурге. Существовало опасение, что Юровский или кто-то из его людей переправил эти документы за границу Парвусу, о котором вы упоминали. Юровский же оправдывается, что уполномоченный, который расстрелял царскую семью, увез эти документы с собой.

— А фамилию этого уполномоченного он называет? — поинтересовался Климов.

— Тоже интересно,— ответил Горбачев.— Судя по содержанию письма, фамилия была известна и Юровскому, и Сталину, но в нем она не называется. Указывается только, что этот человек был немцем. Юровский долгое время жил в Германии и хорошо знал немцев. Он уверяет, что это был типичный немец, судя по произношению. А по выправке-бывший офицер кайзеровской армии, которых было довольно много в тогдашнем ленинском окружении.

— А как же общеизвестный рапорт Юровского, который цитируется всеми историками у нас и за границей? — спросил Климов.

— Юровский в этом письме сознается,— продолжал Горбачев,— что уже гораздо позднее, в году, он точно не помнит, 21-м или 22-м, он, став уже начальником Гохрана, был однажды то ли вызван к Ленину, то ли где-то с ним случайно встретился в Кремле. И Ленин якобы спросил его, он ли расстрелял Николая и его семью. По словам Юровского, он хотел объяснить Ильичу, как было дело, но тот сказал: «Вы, вы расстреляли, батенька. Напишите мне об этом доклад, и чтобы все было правдоподобно». Юровский писал рапорт целую неделю, а потом отдал лично в руки Ленину. Но Ильич был в тот момент чем-то занят, кивнул только головой, а более никак на это не реагировал.

— Вы не могли бы передать мне копию этого письма Юровского? — попросил Климов.

— Нет, что вы! Не могу, конечно,— даже возмутился Горбачев,— это же документ «Особой папки». На его передачу в любое ведомство необходимо решение Политбюро, я даже не имел права вам его пересказывать без согласия товарищей из Политбюро. Надеюсь, что вы меня не выдадите по старой дружбе.

— Значит,— улыбнулся Климов,— я уже имею право привлечь вас к ответственности за разглашение в устной форме документа особой государственной важности.

— Да,— улыбнулся в ответ Горбачев,— но в устной форме и без признаков измены Родине. Я, знаете ли, тоже закончил юридический факультет МГУ, знаю свои права и обязанности.— Генсек засмеялся.— Вот и все, что удалось обнаружить Болдину в архиве.

— Вы уверены, что Болдин так уж старательно выполняет ваши поручения? — полюбопытствовал Климов.

— Уверен-не уверен,— развел руками генсек. Есть вещи, которые проконтролировать практически невозможно. Не идти же мне самому копаться в архиве? Тем более, что они там поставили компьютерную защиту, и чтобы разобраться во всех тонкостях, надо кончить минимум еще два вуза: архивный и радиоэлектронный. Когда нужно откопать что-нибудь действительно очень важное, я туда посылаю Александра Николаевича Яковлева. Он теряет там уйму времени, но что-то иногда находит. Возьмем к примеру секретные протоколы к пакту Молотова-Риббентропа, которые нас просят обнародовать в доказательство нового мышления. Я сначала поинтересовался у самого Громыко. Он мне, не моргнув глазом, ответил: «Никаких протоколов не было. Все это выдумка западных антисоветчиков». И добавил: «Поверьте, Михаил Сергеевич, если бы такие протоколы были, кто-кто, а я бы уж о них знал. Не было никаких протоколов». Я не поверил и дал Болдину поручение, поискать их в «Особой папке». Он мне раза три докладывал, что ничего нет и быть не может. Тогда я послал Яковлева. Александр Яковлевич очень опытный человек сусловской закалки. Что вы думаете? Он потратил целый месяц, там и свет в архиве отключали, и батарея один раз лопнула, все залило, и помещение хотели на месяц закрыть для ремонта. Другой бы на его месте просто плюнул и бросил поиск, а он был упорен и — что вы думаете? — нашел все секретные протоколы, к ним была еще приложена карта раздела сфер влияние между СССР и Германией, подписанная Сталиным и Риббентропом. Более того, разыскивая эти секретные протоколы, товарищ Яковлев нашел постановление Политбюро о расстреле польских офицеров в Катынском лесу. На нем все подписи, начиная от Сталина и Берия до Калинина и Ворошилова. Эти документы сейчас у меня, и мы дадим им ход, когда сочтем целесообразным. Как вам все это нравится?

— Забавно,— прокомментировал Климов, допивая ликер и снова наполняя рюмку изумрудным огнем.

— И что вы думаете? — продолжил Горбачев.— Не успел товарищ Яковлев проработать таким образом в архиве и двух недель, как ко мне является ко мне ваш начальник — Крючков — в сопровождении своего бывшего шефа Чебрикова и в конфиденциальном тоне, так сказать, сообщают мне, что ими получены данные, никогда не угадаете, какие.

— Что Яковлев — еврей,— предположил Климов.

— Круче,— засмеялся Горбачев,— что он кадровый агент ЦРУ, завербованный еще в период обучения в Колумбийском университете. Что его необходимо без лишнего шума освободить от всех должностей, а затем устранить с помощью искусственного инфаркта, которое, насколько я помню, в вашей системе называется «Спецсредство «Вечное Блаженство». Так, кажется?

— Нет,— улыбнулся в ответ генерал,— «Вечный покой», а не «Вечное Блаженство». «Вечным Блаженством» называется подключение к спецраспределителю высшей категории.

— Глупости какие! — раздраженно отреагировал Горбачев.— Так могут рассуждать люди, которые в этом распределителе никогда не бывали, а наслушались разных вздорных слухов. Вы обратили внимание, что в нашем распределителе в самом разгаре лета нет ни свежей малины, ни...

— Ни консервированных омаров,— добавил Климов.— После парижских или мадридских магазинов, я уже не говорю о брюссельских, в наш распределитель противно заходить, настолько все деградировало. Однако, мы отвлеклись, Михаил Сергеевич. Значит, Крючков и Чебриков предъявили вам компромат на Яковлева и потребовали его устранения, и политического, и физического. Я вас правильно понял?

— Нет,— мягко возразил Горбачев.— Они ничего не требовали. Знаете ли, я очень не люблю, когда от меня что-нибудь требуют. Я еще был первым секретарем крайкома, когда Эдуард Амвросиевич, бывший тогда первым секретарем ЦК компартии Грузии, вздумал потребовать выдачи каких-то переселенцев из Грузии, которые осели в Ставропольском крае. Вы хорошо знаете, чем дело кон-

чилось. И эти оба хорошо знают, что завтра я соберу Пленум, и им придется стоять в ветеранской очереди в ГУМе, чтобы получить десяток готовых котлет. Поэтому они ничего не требовали, а просто наушничали, если так можно выразиться.

— И вы думаете,— спросил Климов,— это была реакция на те поиски, которые Яковлев проводил в Особой папке?

— Я не думаю, я знаю,— ответил Горбачев.— Как доказательство того, что Александр Николаевич является агентом ЦРУ, Крючков сообщил о его поисках в архиве Политбюро документов, которые могут значительно подорвать престиж СССР и партии не только в мире, но и в глазах собственного населения. Он просил меня пресечь его деятельность.

— И что вы ответили? — Климову явно нравился рассказ о злоключениях его непосредственного начальника.

— Знаете ли,— признался генсек,— я пока не хочу особенно обострять с ним отношения. Тем более, что при определенном развитии событий Крючков — кандидат на вылет, причем прямо из своего кабинета. Помнится, мы довольно тщательно подбирали кандидатуру из числа ваших коллег, которыми можно было бы при необходимости пожертвовать, чтобы «дать народу от души пожевать кость», как любил выражаться покойный Никита Сергеевич Хрущев. А пока пусть Крючков посидит на своем месте. Я поблагодарил товарищей за бдительность и пообещал во всем разобраться. И что вы думаете? Когда на следующий день Александр Николаевич пришел в архив, ему сообщили, что сгорел электромотор, открывающий стальные жалюзи полок с архивными делами. Знаете, конечно, эту систему? Набирается код, приводящий в действие электродвигатель, который в свою очередь приводит в движение стальные двери, открывающие стеллажи с документами. Александр Николаевич — человек по природе очень сдержанный, но жесткий. Он никогда не повышает голоса, но может отправить в ГУЛАГ все руководство какого-нибудь НИИ за недостатки в наглядной агитации исторической роли партии в достижении всех наших побед. Что он, между нами, и делал в сталинские времена чудовищной деформации социализма. Так вот, товарищ Яковлев вызвал к себе руководство архива и спросил, понимают ли

они свою ответственность, саботируя указания члена Политбюро. По их лицам было видно, что ответственность они понимают, но готовы претерпеть, чтобы, вероятно, не подвергнуться еще большей ответственности перед своими прямыми начальниками с Лубянки.

— Занятно,— хмыкнул генерал.— И на этом дело кончилось?

— Практически, да,— вздохнул Горбачев.— Товарищ Яковлев очень занят на своем участке работы, чтобы терять столько времени в архиве. Тем более, что все необходимое нам сейчас он разыскал. Не посылать же его снова в архив, искать место захоронения последнего царя? Во-первых, он может не понять, зачем это нужно и чему это ложит начало. Если же я пойду искать сам, то все переполошатся, пойдет слух, что Горбачев решил реставрировать монархию. Спасибо Болдину, что он хоть что-то нашел. Я знаю, например, что даже Иосиф Виссарионович был отрезан от архива. Ему представляли только те справки, которые нужны были его окружению. А если не могли их найти, то без зазрения совести фабриковали. Помните, в конце 1952 года все это так надоело товарищу Сталину, что он принял решение полностью обновить партийный аппарат путем физической ликвидации старого, начиная с членов Политбюро...

— Да,— согласился Климов.— Я очень хорошо помню это, но еще лучше запомнил, чем все это дело кончилось. Я имею в виду события, произошедшие в ночь с 27 на 28 февраля 1953 года. Об этом никогда нельзя забывать, поскольку подобное вполне может повториться. Пассажиры 1-го класса, осознавшие тот факт, что их собираются бросить на погибающем судне, могут ворваться в каюту капитана и убить его из чувства ненависти, да и просто от отчаяния.

— Да,— кивнул головой генсек.— Я сам часто размышляю на эту тему. Скорее даже на тему, как это могло произойти тогда, в конце февраля 1953 года. Неужели Иосиф Виссарионович был настолько охвачен манией собственного величия, что не заметил, как принято выражаться, «детского мата» в два хода? Я, наверное, так никогда до конца и не пойму, как это все произошло.

Горбачев встал и с видом гостеприимного хозяина разлил по фужерам вино из длинной бутылки, на этикетке

которой белый аист стремительно пикировал куда-то вниз, зажав в клюве сочную виноградную гроздь.

— Попробуйте,— предложил генсек Климову,— после ликера это вино создает потрясающий букет и освежает. Надо в порядке самокритики признать, что мы совершенно не умели разбираться в подобных вопросах. Пили, как придется, не понимая, что и этот процесс может доставлять наслаждение.— Генсек сделал глоток, пожевал губами с видом заправского дегустатора и обратился к Климову: — Вы упомянули о событиях февраля 1953 года, считая, что они могут повториться? Я вас правильно понял?

— Если они и повторятся,— задумчиво произнес Климов, продолжая потягивать ликер (он не любил виноградных вин),— то, видимо, как водится, в виде фарса. Хотя надо быть чрезвычайно внимательным. Возможно, что их удастся спровоцировать на какую-нибудь глупость на последнем этапе операции. Все-таки согласитесь, что Крючков — не Берия и не Андропов. Даже загнанный в угол, он не видится мне очень опасным. Возможно, порычит, как мышь. На этом дело и кончится.

— Как мышь? — удивился Горбачев.— Разве мышь умеет рычать?

— По-мышиному,— без тени улыбки заметил Климов.— Не удивляйтесь. Рычащая мышь производит на многих сильное впечатление именно потому, что она мышь. Кроме того, она умеет проскользнуть в такое место, куда никакому тигру не добраться без поддержки по меньшей мере двух танковых дивизий. Но даже в этом случае она остается всего лишь мышью, которую легко прихлопнуть. В 1953 году была совершенно другая ситуация. Иосиф Виссарионович был уже слишком стар, благодушен и многого не замечал. К тому же у него имелись некоторые слабости и предрассудки, которые были известны всем в его ближайшем окружении, чем они очень ловко, надо отдать им должное, и воспользовались. Они подобрались к вождю под прикрытием дымовой завесы антисемитизма, и, когда вынырнули из нее, Иосиф Виссарионович не успел и пальцем шевельнуть.

— Вы хотите сказать,— не понял Горбачев,— что товарищ Сталин был доведен до инсульта безответственным поведением лиц из высшего партийного эшелона?

— Да,— вздохнул Климов,— от двух выстрелов в упор может случиться не только инсульт, но кое что и похлеще...

— Что вы такое говорите? — прервал генерала Горбачев.— Какие выстрелы? Я слышал, что они использовали простой...

— Какая разница? — изумился Климов.— Какая разница, каким способом человека отправляют на тот свет? Вы слышали так, я знаю иначе. Это не принципиально. Я только не верю, чтобы кто-нибудь из них мог додуматься до того, о чем вам докладывали. Самое умное, что они смогли придумать тогда, это «дымовую завесу» антисемитизма, о которой я упоминал, что, вы же понимаете, старо, как мир. Если целью является развал государства, ничего лучше просто не придумать.

— Но вы же сами предложили,— возразил Горбачев,— применить эту «завесу» и ныне, уверяя, что она будет даже эффективнее Чернобыля. Вы не боитесь, что ныне под прикрытием этой «завесы» могут произойти процессы, которые нам будет трудно проконтролировать?

— Старое проверенное средство всегда надежнее, чем что-либо новое и еще неопробованное,— мрачно ответил Климов.— Пока все удается контролировать. Конечно, от него можно было отказаться, если знать, что произойдет какая-нибудь катастрофа. «Все, что намечено партией, выполним»,— процитировал он с видимым удовольствием.— Откровенно скажу вам, Михаил Сергеевич, все-таки под завесой антисемитизма действовать надежнее, чем в зареве Чернобыля. Вы знаете, кстати, сколько человек получили облучения 1-й и 2-й степени во время «падения звезды Полынь», как предсказывалось в Библии?

— Что-то мне докладывали,— недовольно буркнул генсек.— Какое это сейчас имеет значение?

— Около пятисот тысяч человек,— продолжал Климов.— В три раза больше, чем в Хиросиме и Нагасаки. Мы подверглись, можно сказать, массированному ядерному удару и практически не заметили этого. Разве не великая страна?

Горбачев молчал.

— Пожарники и солдаты срочной службы в одних гимнастерках,— не ожидая ответа Генерального секретаря, спокойным голосом диктора, читающего сообщение из газет, рассказывал далее генерал,— пытались из шлангов

водой залить радиоактивное свечение, и это в присутствии дюжины академиков. Медики считают, что половина этих людей не проживет и десяти лет, а остальные навсегда останутся инвалидами. Сотни тысяч детей, попавших в полосу заражения, а это, как вам известно, добрая треть европейской территории Союза, также обречены либо на смерть, либо на пожизненную инвалидность...

— Зачем вы мне все это рассказываете? — с некоторым раздражением в голосе поинтересовался Горбачев.— Я все это знаю. Хочу вас уверить, что знаю даже больше, чем вы.

Голос генсека звучал глухо:

— На прогнившем до основания фундаменте, куда бросили миллионы трупов и закачали океан крови, невозможно ничего возвести. Все, что пытались возводить, почти сразу же трескалось, рушилось и рассыпалось. Это все касается и высоких технологий. Они на таком фундаменте становились вдвойне опасны и только способствовали быстрому разрушению всей конструкции. Солдаты в присутствии академиков заливают водой радиоактивное свечение, офицеры на подводной лодке понятия не имеют, что у них есть система автоматического сброса спасательных средств, и гибнут в ледяной воде. Все это мне хорошо известно. Но, славу Богу, к месту гибели нашего социалистического лайнера нам удалось вызвать много спасателей под разными флагами. А поэтому, я надеюсь, глобальной катастрофы с новыми миллионами жертв удастся избежать. Главное во внутренней политике — создать ядро товарищей с новым мышлением, которые правильно понимали бы все тонкости и работали именно в русле спасения. Все-таки совершенно правы были Ленин и Сталин, говоря, что кадры решают все. Я тут присмотрел некоторых молодых товарищей из ЦК и обкомов партии и комсомола, на которых возлагаю большие надежды. Мне кажется, что они все понимают или, по крайней, мере поймут, когда им объяснят. Когда берешь человека с самого низа и ведешь за собой, как, скажем, покойный Юрий Владимирович вел меня, а я — Лукьянова, то можно не сомневаться в надежности и искренности товарищей. Как вы считаете?

— Да,— согласился Климов.— Точно такие надежды, помнится, Сталин возлагал на Кирова, подобрав его в каком-то партийном нужнике и протащив за собой аж до Политбюро. Вы же знаете, кем в итоге оказался наш леген-

дарный Сергей Мироныч? Сталин сам признавался, что после этого случая больше никогда никому не поверит. И правильно, скажу я вам. Чтобы не попасть в такое же положение, я вам от души советую не идеализировать никого, особенно Лукьянова.

— А что, есть какие-нибудь сигналы? — насторожился генсек.

Климов рассмеялся.

— Было бы обидно,— с печалью в голосе проговорил Горбачев.— Мы же с ним, знаете ли, с ВУЗа еще... Я был секретарем комсомольской организации, а Анатолий Иванович — членом бюро. Конечно, все это чревато, но с другой стороны, такова жизнь, как говорят французы. Ну, я думаю, здесь внутри мы как-нибудь разберемся. Важнее нам сейчас доказать Западу необратимость, так сказать, гласности, перестройки и перехода к общечеловеческим ценностям, словом, нового мышления. Вы же знаете Запад и его общественное мнение не хуже меня. Стоит нам заменить первых секретарей — я имею ввиду само название, конечно,— на президентов, спикеров...

— И даже эмиров,— хохотнул Климов.

— Совершенно верно,— радостно согласился генсек,— с вами очень легко работать, Виктор Иванович, потому что вы все понимаете с полуслова. Так вот, стоит нам заменить названия должностей ответственных лиц, как там уже будут довольны. Они там, в Европе, а еще пуще в США, придают слишком большое значение терминам и символике. Верховный Совет — это плохо, а парламент — хорошо, пусть там останутся те же люди и порядки. Обком КПСС — очень плохо, а, скажем, администрация губернатора, которым станет бывший секретарь обкома — хорошо. Главное даже не то, что они считают, а то, что согласны за все это платить, и немало! Заменим «серп и молот», раз уж они их так раздражают, на что-нибудь другое и получим за это миллиардный кредит. Разве плохо?

— Это замечательно,— подтвердил Климов.— Я все прекрасно понимаю и хоть сейчас готов сменить все эти серпы и молоты на двуглавого орла или православный крест, лишь бы нам без особых потерь выбраться из горящего трюма.

— И поэтому,— продолжал Горбачев, перехвативший инициативу в разговоре,— сейчас нет ничего важнее имен-

но чисто символических жестов, вроде возвращения Андрея Дмитриевича Сахарова из ссылки и тому подобного. Затем мы постепенно подойдем к отмене 6-й статьи Конституции, а вскоре просто как бы растворимся, будто нас никогда и не было, при этом все останется на своих местах. Вы улавливаете мою мысль, товарищ Климов?

Опуская в рот сочную черешню, которой полагалось смягчать огонь «Вестфалии», генерал молча кивнул.

— В связи с этим,— после короткой паузы сказал генсек,— мне представляется целесообразным решить быстрее несколько, как я уже отмечал, чисто символических проблем, которым на Западе, тем не менее, придают гораздо большее значение, чем они, на мой взгляд, этого заслуживают. Но им виднее, как говорится. У них шея длиннее.

Горбачев издал короткий смешок и продолжал:

— В числе этих проблем прямо гвоздем стоит проблема захоронения бывшего царя. Как будто не Ленин, а мы с вами, Виктор Иванович, его расстреляли. Это вовсе не моя прихоть, как вы могли бы подумать, и продиктовано вовсе не желанием увидеть английскую королеву или кого-то еще из коронованных особ, а ощущение, что это мероприятие будет ложить начало полному пониманию Западом необратимости происходящих у нас процессов. Если внутри страны нужны разные там «дымовые завесы», как вы выражаетесь, то Западу нужны вот такие жесты. Государственные похороны останков бывшего царя и членов его семьи, конечно, со всеми почестями, с привлечением общественности и религиозных деятелей, вызовет такой резонанс в мире, что все поверят в то, что в задуманной нами перестройке нет никакого обмана или подвоха. А то, как говорит мой пресс-секретарь Грачев, каждый наш шаг они «пробуют на зуб», боятся, крепко в них засела «Империя зла». Видят, что мы гибнем, но все равно не верят, боятся. А ритуал захоронения, да еще с воинскими почестями, оркестром, венками и речами... это, знаете ли, всколыхнет весь мир.

— А где хоронить будем царя? — улыбнулся Климов.— В Кремлевской стене? И все Политбюро на трибуне Мавзолея...

— Найдем, где похоронить,— перебил Климова генсек.— Вы все ударяетесь в какие-то частности и хотите свести дело к шутке. А я говорю совершенно серьезно и хо-

чу, чтобы вы отнеслись к этому вопросу так же, чего пока не замечаю. Я же вам уже объяснил, насколько это важно. Если начать этот процесс и его углубить, то сформируется решение очень сложных проблем по многим направлениям. Не забывайте, что на Западе царя Николая и его семью считают чуть ли не святыми мучениками. Я вам рассказал, что удалось обнаружить Болдину в «Особой папке», а потом вы, как всегда, увели разговор куда-то в сторону, вы же делаете это очень ловко. А я, помнится, спросил вас, что вам удалось выяснить по данному вопросу?

— Признаюсь, очень мало,— ответил Климов.— Во-первых, не было совершенно времени заняться этим вопросом лично. Но я дал задание одному очень способному, с моей точки зрения, офицеру нашего 5-го Управления. Он имеет историческое образование, долгое время контролировал монархические проявления в советском обществе, потом был одним из тех, кто, напротив, возрождал интерес у общественности к этому вопросу и вместе с тем ставил ту самую «дымзавесу», о которой шла речь. Он знаком с проблематикой и, учитывая его энергию, я бы даже сказал, настырность, наверняка что-нибудь обнаружит, если, конечно...

— Если что? — поинтересовался Горбачев.

— Если царь и его семья вообще были где-нибудь похоронены. Я уже начинаю в этом сомневаться.

— Что вы имеете в виду? — не понял генсек.

— То, что никто из тех, кого годами считали причастными к расстрелу царской семьи, понятия не имел, где она захоронена. Все это говорит в пользу письма Юровского, которое Болдин по вашему поручению разыскал в архиве. Я тоже навел кое-какие справки. Когда Ленин в апреле 1917 года прибыл из эмиграции в Петроград (помните всю эту историю с «запломбированным вагоном»), его сопровождали по меньшей мере дюжина кайзеровских офицеров, которые должны были обеспечить будущий переворот. Среди них был некий капитан Ойген Фокс, прекрасно говоривший по-русски, он до этого служил в так называемом бюро полковника Николаи.

— Кто это такой? — спросил Горбачев, слушая Климова, слегка приоткрыв рот.

— Николаи? — переспросил Климов.— Это тогдашний начальник немецкой военной разведки, можно сказать,

прародитель будущего абвера адмирала Канариса. Очень способный разведчик, лично знал товарища Дзержинского, курировал Парвуса и Урицкого и многих других. Так вот, этот самый капитан Фокс был одним из тех офицеров разведки, которые занимались восточным направлением. До войны он года три жил в Петербурге, причем год работал каким-то мелким чиновником в знаменитой компании «Зингер», производящей швейные машины. Чем он занимался во время войны, никто не знает, но есть сведения о его довольно частых поездках в Копенгаген и Стокгольм, где он встречался с Парвусом. Фокс был одним из организаторов проезда Ленина через территорию Германии из Швейцарии в Россию и, как я уже говорил, вместе с Ильичем прибыл в апреле 1917 года в революционный Петроград. История тех дней очень темная, но все-таки можно предположить, что именно капитан Фокс привез необходимые приказы полковнику фон Рупперту по организации боевых отрядов из числа немецких и австро-венгерских военнопленных для военного обеспечения большевистского вооруженного восстания. Затем капитан Фокс уехал вместе с первым советским правительством в Москву и принял участие в организации органов ВЧК, т. е. был фактически одним из отцов-основателей нашего ведомства.

Я вижу, вас это удивляет, но, как ни прискорбно, а факт остается фактом — после подписания Брестского договора Ленин и провозглашенная им Республика Советов являлись марионетками кайзеровской Германии. И прекрасно это понимали. Капитан Фокс, кстати сказать,— убежденнейший монархист, считавший кайзеровскую Германию образцом государства с оптимальным балансом власти и демократии, ярким примером демократического авторитаризма. К большевикам относился, мягко говоря, без особого восторга. Однако те предоставили его родине, Германии, такие возможности, особенно с точки зрения исторической перспективы, что он, судя по тем отрывочным данным, которыми мы обладаем, с одной стороны, делал все, чтобы с большевистским режимом, упаси Бог, ничего не случилось, а с другой — готов был этот режим в любой момент ликвидировать, если будет получен соответствующий приказ из Берлина.

— Как так? — не понял Горбачев, с удивлением глядя на Климова.

— Что же тут непонятного,— с некоторой снисходительностью в голосе заметил Климов.— Немцы пошли на сделку с Лениным, как вам известно, совсем не от хорошей жизни. Чтобы спастись от неминуемого поражения в войне, им нужно было выбить Россию из Антанты. Ленин им не только это твердо гарантировал, но и наобещал много такого, отчего у некоторых в Берлине просто закружилась голова. Когда же практически все обещания Владимира Ильича, как бы фантастически они не звучали, скажем, в 1912 или в 1916 годах, стали реальностью, немцев, особенно кайзера и его кабинет, начали мучить комплексы. Суть этих комплексов заключалась в том, что императорское правительство шло на сделку «с кучкой», или бандой, как некоторые говорили, крайне левых экстремистов, охваченных безумными идеями мирового господства. Вы же знаете, даже находясь под немецким сапогом, Владимир Ильич неустанно работал над тактикой и стратегией мировой революции, и «большевистская бацилла», как ее тогда называли и называют до сих пор, стремительно распространялась в Германии, измученной долгой войной. Извините меня за некоторый цинизм, но немцы в поисках спасения вляпались в зону повышенной инфекционности, но оказались достаточно умны, чтобы это понять. Осознав все, они, естественно, решили уничтожить созданный ими же режим в Москве, что они тогда могли быстро и легко.

— Ну и что же? — спросил Горбачев с каким-то непонятным испугом, как будто на дворе стоял «боевой 18-й год» и ему предстояло ехать к фон Мирбаху за инструкциями.

— По счастью для нас,— продолжал Климов,— немцы были столь же умными, сколь и жадными. У них закружилась голова от того, что им удалось приобрести по Брест-Литовскому договору, и они, находясь уже на краю гибели, начали строить планы создания огромной империи от Парижа до Ташкента с центром, разумеется, в Берлине. Адольф Гитлер, придя к власти, не придумал фактически ничего принципиально нового, чего не было в старых тевтонских имперских грезах. Вы вспомните, чего им удалось тогда достичь. Российская империя рухнула и развалилась. Была оккупирована вся Украина, Прибалтика, Крым, немецкие войска высадились на Кавказе, оккупировали Грузию и шли на соединение со своими турецкими со-

юзниками, чтобы начать поход в Среднюю Азию. И все это с согласия и одобрения Москвы, из которой еженедельно выжимали новые дополнения и протоколы к Брестскому договору. Естественно, немцы постоянно нуждались в подтверждении легитимности Брестского договора и, прежде чем уничтожить большевистское правительство, им надо было сформировать какое-нибудь другое, которое подтвердило бы все существующие и планируемые статьи этого договора. В теории все казалось очень легко сделать. Русская армия перестала существовать, флот был или захвачен немцами, или находился под контролем большевиков, что было в принципе одно и то же. Промышленность и сельское хозяйство пребывали в состоянии полного хаоса. Казалось, в такой обстановке любая политическая партия примет предложение немцев, хотя бы из ненависти к большевикам...

— Никогда не слышал ничего подобного,— даже с некоторой растерянностью в голосе признался Горбачев.— О каких политических партиях вы говорите? Об эсерах что ли?

— Нет,— ответил генерал.— Вы забываете, что немцами были оккупированы крупные города, такие как Киев, Рига, Ревель, и весь Крым. Туда бежали из Советской России представители многих ведущих политических партий России, ведь страна была многопартийной.

— Когда? При Керенском? — спросил удивленный Горбачев.

— И при царе,— пояснил генерал.

— Россия была абсолютной самодержавной монархией, насколько мне известно из курса истории, где никогда не существовало никаких политических свобод,— полез в спор генсек,— именно это помогло большевикам захватить и удержать власть. Виктор Иванович, это же азы истории. Что вы такое говорите?

— Азы нашей истории,— терпеливо разъяснял Климов,— создавались Сталиным, Ждановым и Кировым. Вы зря упрекаете меня в том, что я не читал «Краткого курса». Читал и зачеты сдавал. Но, как говорится, по долгу службы мне пришлось прочесть и многое другое. Я ведь вам сейчас не байки рассказываю, а докладываю по сути того поручения, которое Вы считаете столь важным.

— Хорошо,— сказал Горбачев, усаживаясь поудобнее и

кресле и наливая себе еще бокал вина.— Извините, что перебил. Мне, в отличие от вас, приходилось читать только партийные документы и сельскохозяйственные сводки. Продолжайте, пожалуйста.

— На чем же мы остановились? — Климов приложил руку ко лбу.— Да. Так вот: ни один из самых видных русских политических деятелей, тех, что на одном авторитете могли бы сформировать правительство, хотя бы переходного, до новых выборов в Учредительное собрание, не согласился сделать это под немецким протекторатом. О подтверждении же Брестского договора никто не хотел даже слушать. По общему мнению, Россия не знала большего позора со времен Орды Батыевых походов. Другими словами, ни у кого не оказалось желания получать власть из рук оккупационных властей в обмен на добрую половину России. Для немцев это было неожиданностью, позволившей им еще раз оценить гениальность вождя мирового пролетариата. Все остальные русские политики оказались старомодными, на редкость консервативными и без каких-либо зачатков интернационального мышления.

— Вы как-то это все иронически преподносите,— с некоторой обидой в голосе произнес генсек,— но даже из вашего изложения видно, насколько гениальным политиком и провидцем был Владимир Ильич. Знаете ли, тот, кто способен сделать то, на что не может решиться никто другой — уже человек выдающийся.

— Да никто и не спорит,— согласился Климов.— Вести народ через огонь в пропасть мог вызваться не просто гений, тут нужны какие-то другие определения. Но, я прошу прощения, Михаил Сергеевич, вы вечно меня перебиваете. Я вам докладываю совершенно по другому вопросу, а все время сбиваете меня на тему «Владимир Ильич Ленин — великий организатор и вдохновитель Октябрьской революции».

— Простите,— сказал Горбачев,— но я всегда очень остро воспринимаю любую критику в адрес Владимира Ильича, пусть даже в некоторой степени и справедливую. Все-таки мы с вами члены Ленинской партии. А вас послушать, то получается, что это был маньяк, готовый на все во имя своих навязчивых идей мирового господства. Россию при этом не ставил не в грош, уничтожил в пламени революций и войн русский народ, а остаткам его указал путь,

ведущий в пропасть. Просто Гитлер какой-то получается. Я вас прошу, Виктор Иванович, говоря о Ленине, избегать оскорбляющих его оценок и интонаций, хотя бы из уважения ко мне.

— Я могу продолжить? — вздохнул генерал.

— Конечно, конечно,— ответил Горбачев.— Пожалуйста, продолжайте. Только учтите мои дружеские замечания.

Горбачев знал, что говорил. Та же служба генерала Климова или по его указанию служба любого другого Управления могла записать этот разговор. Кассета с записью, как иногда случалось, неожиданно могла появиться на каком-нибудь внеочередном Пленуме ЦК и послужить поводом для освобождения его от должности «по состоянию здоровья». Причем о собеседнике генсека, которым в данном являлся генерал Климов, никто бы и не вспомнил, поскольку всем было бы ясно, что сотрудник КГБ просто выяснял истинное отношение Горбачева ко всему, что «должно быть свято для любого советского человека». Полностью поверяя Климову почти все о своих намерениях и планах, генсек все же очень настороженно относился, когда в его присутствии тот (или кто другой) пытался называть вещи своими именами, не прибегая к идеологическому двумыслию и новоязу.

Как и положено было в средневеково-клерикальном государстве, да еще и клерикально-языческом, следовало клясться в верности каменным истуканам, которые его сделали таковым. Наступило молчание, во время которого генерал встал, потянулся, подошел к бару и достал оттуда пузатую бутылку коньяка с черной этикеткой, украшенной золотыми коронами, львиными головами, знаменами и алебардами.

— Нет, нет,— поспешно заявил Горбачев,— знаете ли, ликер, коньяк, вино — это я не люблю. Давление начинает прыгать, опять начнутся неприятности с врачами. И вам не советую. Во сколько мы завтра вылетаем обратно?

— Я приказал приготовить вертолет к одиннадцати утра,— сказал Климов, наливая себе, несмотря на предостережение Горбачева, рюмку коньяка.— Успеем выспаться. Ваше здоровье, Михаил Сергеевич!

— И вам не хворать, Виктор Иванович,— ответил генсек, сделав глоток из фужера.— Так продолжайте, прошу

вас. Я очень внимательно слушаю. Не скрою, мне интересно то, о чем вы докладываете.

Закусив черешней, Климов уселся обратно в кресло, собрался с мыслями и продолжал:

— Итак, попытка немцев сформировать какое-либо альтернативное большевикам русское правительство, которое подтвердило бы статьи Брест-Литовского договора, успехом не увенчались. Тогда они вспомнили о российской династии и бывшем царе Николае II, который пребывал вместе со своей семьей в Тобольске. Все они содержались под арестом, который вполне можно было считать мягким и домашним. Некоторые члены дома Романовых находились в это время на оккупированных немцами территориях, в частности, вдовствующая императрица, жена Александра III Мария Федоровна, датчанка по происхождению, великий князь Николай Николаевич, бывший до 1915 года верховным главнокомандующим русскими вооруженными силами, великий князь Александр Михайлович и некоторые другие. Немцы осторожно прозондировали их настроения, обещая прогнать большевиков, восстановить русский трон и посадить на него того, кто признает Брестский договор. Ответы были от вежливо-холодных до откровенно оскорбительных. Не помогли и угрозы, к которым немцы, потеряв терпение, стали прибегать, включая и угрозу выдать всех большевикам. Все сошлись во мнении, что смерть лучше подобного позора.

— Смотрите, какими они были гордыми,— прокомментировал Горбачев,— можно даже сказать, глубоко убежденными людьми. «Лучше смерть, чем позор». Жалко, что сейчас не осталось людей, готовых на смерть ради убеждений.

— Они считали,— продолжал Климов,— что ни одна пядь русской территории не может быть предметом торга. Некоторые, правда, соглашались на мир с немцами, но на условиях статус-кво, существовавшего на август 1914 года. Тогда немцы вспомнили о самом царе. Не то, чтобы они о нем раньше не вспоминали, очень даже вспоминали: Николай II был отмечен в одной из секретных статей договора как подлежащий выдаче вместе с семьей в руки немцев. Надо сказать, что Николай знал об этом и очень подобной возможности опасался, считая такой акт продолжением русского позора. Он даже, говорят, впервые в жизни пуб-

лично заплакал, когда узнал о подписании Брестского мирного договора. Сейчас, спустя семьдесят лет, можно было бы сказать, что он должен был только радоваться: его вырывают из-под ареста и передают «кузену» Вилли, как он называл немецкого императора Вильгельма II. Но такой русский патриот, каким, несомненно, был Николай, на все это смотрел совершенно иначе. Однако немцы не теряли надежды. Ставка делалась на то, что Николай II был очень добрым и мягким человеком...

— А потому и получил прозвище «Кровавый»? — не без ехидства поинтересовался Горбачев.

— Михаил Сергеевич,— раздраженно заметил Климов,— перестаньте, ради Бога, постоянно демонстрировать мне, что у вас в школе была «пятерка» по истории СССР, а в институте — по истории КПСС. Я ведь это знаю и также знаю, как тяжело было нам, ставропольцам, получать эти «пятерки» в московских институтах. Сейчас-то уже общеизвестно, что за все царствование Николая II было казнено меньше людей, чем после него казнили ежедневно. Поэтому его и прозвали «кровавым».

— Я вообще не понимаю,— засмеялся Горбачев,— как вы, Виктор Иванович, умудрились закончить в свое время вуз?

— Я техникум закончил,— признался генерал,— сельскохозяйственный, в котором, если мне не изменяет память, вы тоже учились. Только на агронома, а я — на ветеринарного фельдшера. Будь моя воля, я весь личный состав разведки и контрразведки набирал бы из бывших ветеринаров.

— Это почему же? — удивился Горбачев, которому напоминание о его комбайнерском прошлом явно улучшило настроение.

— Потому,— объяснил генерал,— что ни у лошади, ни у коровы не спросишь, чем она больна или что у нее болит. Надо самому все понять, осмыслить и принять решение. Особенно, если вспомнить времена, когда за смерть коровы давали срок, а за смерть лошади — расстреливали. Помните, как было расстреляно все ветеринарное управление Красной Армии?

— В самом деле,— рассмеялся генсек,— я как-то никогда не рассматривал профессию ветеринара с этой точки зрения. И много у вас на Лубянке ветеринаров?

— К сожалению,— в тон ему буркнул Климов,— больше гинекологов...

— Как вам не стыдно,— одернул генерала целомудренный генсек.— Вечно вы сведете разговор к... Я, знаете ли, даже в молодости... Впрочем, ладно. Продолжайте.

— Вечно вы меня перебиваете,— недовольно пробурчал Климов.— О чем мы говорили?

— О том,— подсказал Горбачев,— что царь Николай II был добрым и мягким человеком...

— Вот именно,— вспомнил Климов.— Он был слишком добрым и мягким, что совершенно не соответствовало роли самодержавного монарха, каким он считался по тогдашним российским законам. Вы знаете, он за всю свою жизнь не повысил ни на кого голоса, ни разу не использовал своей неограниченной власти, а ведь мог, любого вздернуть на виселицу, или отправить за решетку без решения суда.

— Что вы говорите? — снова удивился Горбачев.— Я об этом никогда не слышал. Продолжайте, товарищ Климов. Все это звучит очень интересно и по-новому. Я очень люблю, знаете ли, нестандартное мышление, как у вас.

— Он любил свою семью,— продолжал генерал.— Хотя та далеко не всегда отвечала ему такой же любовью. Прибавьте к этому смертельно больного сына, и перед вами встанет образ очень интересного человека, человека, который, имея за своей спиной 15-миллионную армию, из-за беспокойства о своей жене и больных детях отрекся от престола в тот момент, когда всего лишь несколько решительных, даже не поступков, а слов, было достаточно, чтобы подавить мятеж убоявшихся идти на фронт запасных батальонов и пьяной столичной черни.

Горбачев хотел было снова поправить Климова, назвавшего боевой авангард рабочего класса — петроградский пролетариат — «пьяной черни», но решил этого не делать, а просто спросил:

— Ну и что это доказывает? То, что он был бесхарактерным, это общеизвестно!

— В том-то и дело,— согласился Климов.— Этот человек, я имею в виду царя, в течение всех двадцати трех лет своего царствования демонстрировал, что благо его семьи ему дороже блага государства. Иногда ноша царского бремени, а вы, Михаил Сергеевич, лучше всех других ныне можете оценить, какова эта ноша, была для него совершенно

непосильна. В такие моменты он либо уходил на своей яхте в глухие финские шхеры, либо уезжал охотиться в Беловежскую пущу, подальше от дел. В один из таких моментов душевной слабости его и подловили в Пскове в феврале 1917 года. При тогдашней гласности составить себе представление о том или ином состоянии психического настроя главы государства было достаточно просто. Воспользовавшись положением царя и его семьи в 1918 году, немцы задумали следующую операцию. Они предлагают царю восстановление его престола в обмен на мир на условиях Брестского договора. Большевиков он сможет потом перевешать сам, или они сделают это за него с не меньшим удовольствием. Повторю: когда у немцев возникла подобная мысль, бывший царь со своей семьей находился в Тобольске, где пользовался относительной свободой, принимал гостей, ходил в церковь — он, кстати, был очень религиозным человеком, в общем, по признанию окружающих, в тот период впервые за всю жизнь по-настоящему отдыхал и, как ни парадоксально, чувствовал себя свободным.

В Тобольск доходят первые сообщения о Брестском договоре, затем появляется в конце февраля 1918 года баронесса Буксгевден — бывшая фрейлина двора. Она передает Николаю предложение немцев. Тот категорически эти предложения отвергает. Баронесса советует бывшему императору, чтобы он не принимал каких-либо окончательных решений, а все продумал и готовился к переезду в Москву, затем — в Германию. Другими словами, баронесса дает ему понять, что он будет передан немцам. А те найдут способы давления на него для подтверждения статей злополучного договора. Царь же готов жить в Тобольске или в другом, более глухом, городе сколько угодно в качестве частного лица, но не принимать участия в политике, тем более столь позорного.

Немцы уверены, что он изменит свое мнение, если попадет к ним в руки, а семья останется в Сибири. Тогда, играя на безопасности его семьи, они смогут склонить царя к восстановлению куцего Российского царства в качестве немецкой подмандатной территории, что-то вроде нынешней Намибии. Мечтатели-немцы и не подозревают пока, что их империи осталось существовать чуть больше полугода, но в большой политической игре все почему-то полагают себя бессмертными. Если бы каждый император или вождь

осознавал свою смертность, вся человеческая история пошла бы по другому руслу. Начал бы Гитлер вторую мировую, знай он, что через шесть лет ему придется застрелиться в бункере? Начал бы Ленин все свои глобальные мероприятия, знай он, что всего через пять лет станет какать под себя?

— Ну я же вас просил,— почти простонал Горбачев,— не говорить при мне о Ленине в подобном тоне. Хватит ваших исторических экскурсов в самом деле. Чем вам так Ленин помешал? И вообще, где вы успели такой антисоветчины набраться?

— На службе,— довольно резко ответил Климов.— Итак, немцы требуют у советского правительства доставить Николая II в Москву. Заметьте — одного Николая. Раньше, при подписании договора, они обосновывали свое требование тем, что императрица — немка по происхождению, а потому дочерей ее следует считать немецкими принцессами, сына — курфюрстом Германской империи. Речь о самом Николае не шла. Немцы просто ликовали, когда удалось его сбросить с престола, сорвав намеченное на весну-лето 1917 года мощное, скоординированное с союзниками, наступление русской армии, которое, по всем расчетам специалистов, привело бы к крушению Германии на год раньше, но с неизмеримо худшими для нее последствиями. Более всего немцы боялись, что какая-нибудь неконтролируемая ими сила снова возведет на трон Николая, и он объявит о денонсации Брестского договора, а затем возобновит войну с Берлином. Поэтому теперь они требуют доставки в Москву и дают смутные обещания воссоединить всю семью когда-нибудь в будущем.

— Интересно,— сказал Горбачев.— Неужели Ленину и другим большевикам были неизвестны вполне очевидные планы немецкой стороны?

— Конечно, были известны,— ответил Климов.— Я полагаю, во всех подробностях. Но когда отсутствуют реальные силы, осведомленность о планах противника может доставлять только моральное удовлетворение. Все, что могли себе тогда позволить Ленин и его соратники, это тянуть время и обманывать немцев по мере возможности, иногда до неприличия грубо и примитивно. Каждое утро Влади-

мир Ильич требовал обстоятельного доклада об обстановке на Западном фронте, будто он был не главой Республики, а начальником штаба у маршала Фоша. Дело в том, что накануне всех этих событий в войну на стороне Антанты вступили Соединенные Штаты, и Ленин постоянно успокаивал свре окружение: «Раз Америка вмешалась в войну, значит, немцам уже точно скоро конец, иначе она бы не вмешалась». И ежедневно ждал подтверждения своим словам. Пока же американцы перевозили через океан во Францию свои экспедиционные войска, оставалось только тянуть время. Но большому счету, это напоминало действия воробья, попавшего в лапы кошки и пытающегося своим чириканьем отвлечь внимание этой самой кошки, отсрочив тем самым неминуемый конец. Как только что-либо делалось не так, как им хотелось, немцы грозили оккупировать Москву и Петроград, арестовать Ленина и прочих, предав их суду по обвинению в международном терроризме, хотя в те годы это называлось несколько иначе.

— Подумайте, какие негодяи! — вырвалось у Горбачева,— как они ловко пытались воспользоваться нашими временными трудностями.

— Шла война,— пожал плечами Климов,— и обе стороны это отлично понимали. Военное время несколько отличается от мирного. Вы же пережили оккупацию в Ставрополе, Михаил Сергеевич?

— Да,— вздохнув, мрачно ответил генсек,— только назывался он тогда не Ставрополь, а Ворошиловск. Ставрополь он снова стал по приказу немецкого коменданта. А когда наши отбили город у немцев, то забыли его снова переименовать. Я был тогда еще ребенком, но скажу вам, между нами, конечно, что немцы даже в военное время на чужой территории не совершали и десятой части того, что в нашем крае совершили до войны Шеболдаев, Фриновский и Каганович. Это очень хорошо, что наша партия так откровенно признала, какую чудовищную деформацию социализма допустил Сталин. Я бы сказал, партия даже стала сильнее, отмежевавшись от перегибов, связанных с ультом личности.

— Несомненно,— поддакнул Климов, бросив на генсека изучающий взгляд: серьезно он говорит или нет. Хорошо

зная Горбачева, генерал до конца так и не смог разобраться, когда генсек говорит искренне, а когда специально для записи на пленку, особенно, если не знал точно, ведется она или нет.

— Однако, мы снова отвлеклись,— заметил Климов, взглянув на красивые каминные часы (подарок одного амстердамского банкира),— впрочем, время еще есть. Вы будете слушать дальше, Михаил Сергеевич — или я вас уже утомил? •

— Продолжайте, продолжайте,— попросил Горбачев,— ваш доклад чрезвычайно интересен. Не так уж часто мне приходится слушать столь интересные вещи, да еще связанные с моим собственным поручением. Если бы вы представили мне доклад, как положено, в письменном виде, то, признаюсь, у меня не нашлось бы времени его прочесть, но даже если бы я его прочел, то половина бы до меня не дошла. А тут я уже кое-что начинаю понимать. Так что, прошу вас, продолжайте.

— Так вот,— продолжал Климов.— Под нажимом немцев в Тобольск посылается некий Василий Яковлев с приказом, подписанным Свердловым, доставить царя в Москву. Этот Яковлев — личность исключительно темная, из бывших эсеровских боевиков. Сначала считали, что его фамилия Мячин, но позднее выяснилось, что его фамилия Стоянович, хотя в этом тоже нет полной уверенности. Выбрали его именно потому, что был откровенно пронемецки настроен. Тогда партия, грубо говоря, разделилась на две фракции: пронемецкую и антинемецкую. Амбиций у этого Яковлева было много, но в руках таких людей, как Ленин и Свердлов, он был всего лишь пешкой. А пешкой, как известно, можно ходить только вперед (назад ей уже ходить нельзя) и, в случае необходимости, пожертвовать ею без всякого сожаления, особенно если нужно усилить собственную позицию в каком-нибудь гамбите, который еще неизвестно к чему приведет. Итак, немцам, чтобы они отстали, было доложено: Яковлев во главе довольно сильного отряда особого назначения отправлен в Тобольск за царем.

— Это я слышал,— оживился Горбачев,— одновременно Свердлов дал секретную телеграмму в Екатеринбург Филиппу Голощекину — своему старому приятелю, воз-

главлявшему тогда Екатеринбургский совет, чтобы они ни в коем случае царя не выпускали с Яковлевым и держали у себя под арестом.

— Так принято считать,— возразил Климов,— но дело обстояло несколько иначе. Никаких данных данных о том, что Свердлов одновременно с отправкой отряда Яковлева дал какие-то секретные инструкции в Екатеринбург Голощекину, нет. Напротив, есть сведения, что во время возвращения Яковлева с царем в Москву на них готовилось нападение. Его хотели списать на татарских или башкирских националистов. При этом и Николай, и Яковлев должны были погибнуть. Насколько подготовка подобного мероприятия перешла в практическое русло, трудно сказать, ведь события потекли совсем не так, как предполагали в Москве и Берлине. В середине апреля 1918 года Яковлев-Мячин прибывает в Тобольск и объявляет Николаю, что имеет приказ доставить его в Москву, причем одного. Николай, естественно, интересуется, зачем его отправляют в Москву и почему одного? Он заявляет с несвойственной ему решительностью, что никуда не поедет один. Они с Яковлевым ведут несколько продолжительных бесед с глазу на глаз, о которых Яковлев позднее, после своего повторного ареста в 1937 году, довольно подробно рассказал на допросах. Царь решительно сказал, что никогда не подтвердит статей Брестского договора, даже под страхом смерти. Он имел в виду, разумеется, собственную смерть, а не смерть какого-нибудь из своих близких, за судьбу которых он тогда еще совершенно не беспокоился. Он все-таки привык считать Россию XX века цивилизованной страной.

— Послушайте, Виктор Иванович,— снова не выдержал Горбачев,— у вас все время идет какой-то неконтролируемый подтекст с антисоветским душком. Я уже не первый раз замечаю.

— Я же не доклад делаю на Пленуме,— огрызнулся Климов,— а пытаюсь рисовать обстановку такой, какой она была. Если вам нужен идеологически выдержанный текст, то поройтесь в полном собрании сочинений Ленина или прочитайте книгу Касвинова «Двадцать три ступеньки вниз». И вам не придется ни нервничать, ни пере-

бивать меня через каждые две минуты, так что позвольте продолжить.

Яковлев напомнил царю, что тот находится под арестом и должен подчиняться. Тем более, что он, Яковлев, только выполняет приказ. Царь в смятении. Он совсем не хочет ехать в Москву, где немцы, превратив семью в заложников, продиктуют ему свои позорные условия. Да, не удивляйтесь, но Николай II именно так понимал создавшуюся ситуацию и был во многом прав. Единственное, чего он не понимал, где сходятся и где расходятся планы немцев и большевиков. В данном случае он объективно играл на руку большевикам, которые отлично знали, зачем он понадобился немцам.

В отчаянии царь обращается за помощью к единственному человеку, которому еще мог в какой-то степени доверять — к начальнику стерегущего его в Тобольске конвоя полковнику Евгению Кобылинскому, чтобы тот сделал все возможное, дабы его, Николая, не увозили в Москву. Полковник Кобылинский, имеющий к тому времени обширную агентуру в регионе, начинает распространять слухи, что целью Яковлева является похищение царя без ведома центра, доставка его во Владивосток и далее за границу. Яковлеву, якобы, за это обещали чуть ли не миллион золотых рублей, которыми он обещал поделитъся с Лениным и Свердловым. Уральский облсовет немедленно выставляет требование, чтобы Яковлев передал бывшего царя им, а поскольку тот отказывается, его объявляют вне закона, блокируют железнодорожные пути и предпринимают меры, чтобы он никоим образом не смог увести царя в Европейскую Россию. Совершенно сбитый с толку Яковлев ведет бесконечные переговоры со Свердловым по прямому проводу. При переговорах в Москве рядом со Свердловым находится уже знакомый нам капитан Фокс. Товарищ Свердлов объясняет ему обстановку, делая упор на то, что царь не желает приезжать в Москву, поскольку он не хочет, подобно древним русским князьям, попасть в заложники татарам и умереть в Орде у юрты хана. Тут нужно понимать, что четыре года с немцами шла кровопролитнейшая война на истребление, подобной которой тогдашняя история еще не знала, и отношение к немцам было соответствующее:

варвары, гунны и тому подобное. Кстати, та война называлась в России Второй Отечественной, и царь больше ненавидел немцев, чем большевиков, которых, если не считать его отношения к Брестскому договору, совсем не знал, просто не успел еще узнать. К этому времени советская власть только-только успела докатится до Урала. Поэтому, как бы парадоксально это ни звучало, Николай предпочитает отдаться под покровительство большевиков как единственной тогда существующей власти в стране, нежели быть выданным немцам. Он был слишком русским человеком.

Фокс понимает, что даже если он добьется возвращения царя силой в Москву, то это все равно не даст никакого результата: государь никогда не подтвердит Брестского договора. А что немцы в сущности могут с ним сделать? Пытать? Никогда. Убить? Совершенно невероятно, чтобы Вильгельм II мог дать санкцию на что-нибудь подобное. Единственно, что он мог бы себе позволить — это поместить царя в какой-нибудь особняк в окрестностях Берлина, о чем мгновенно узнал бы весь мир, и убеждать его лично или с помощью своих красноречивых министров. Но это долгая и безнадежная тягомотина. Поэтому у немцев созревает другой, поистине дьявольский, план. Пусть царя перевезут в какой-нибудь местный город, имеющий железнодорожную связь с центром, откуда его всегда можно будет забрать, и ужесточат режим. Тогда представители тех сил, которые мечтают о ликвидации статей Брестского мира и возобновлении войны с Германией, не смогут, захватив царя, поднять знамя реваншизма. В этом позиции немцев и большевиков полностью совпадали.

Царя, как известно, перевезли в Екатеринбург, поместили в так называемом Ипатьевском доме, а командовать охраной назначили некоего Авдеева, пьяницу и хулигана.

Перемена обстановки по сравнению с режимом в Тобольске была разительной. Царь и его семья постоянно наталкиваются на хамство и издевательства, слышат матерную ругань и пьяные угрозы. Императрица и ее четыре дочери отныне обязаны даже, извините за выражение, находясь в туалете, держать дверь открытой, чтобы быть под присмотром часового. Между тем, немецкая агентура в городе, используя богатейший опыт организации беспоряд-

ков в России, будоражит местную чернь, то есть, простите, пролетариат, требованиями казнить «коронованного палача» и тому подобным. Страсти накаляются до того, что власть вынуждена огородить особняк дополнительным забором и выстроить пулеметные вышки из опасения самосуда толпы. Параллельно распространяются и слух о возможной депортации царя в Москву, якобы для открытого суда над ним, где, как вам, наверное, известно, Троцкий должен был выступать в качестве обвинителя. Таким образом, через свою агентуру и своих людей в ВЧК, немцы, говоря современным языком, доводят царя до кондиции. Он, понимая ситуацию, будет сговорчивее. Тем временем поднимают голову и организуются после короткого шока различные силы сопротивления большевикам. Часть этих сил — вооруженные отряды директории — развертывают при поддержке мятежного чехословацкого корпуса, который попал в совершенно идиотское положение после заключения Брестского мира, наступление на Екатеринбург. Существует опасность, что Николай попадет в их руки, а это, по мнению немцев, немедленно приведет к аннулированию мирного договора и возобновлению войны. Многие немецкие ошибки проистекали из неверного понимания сложнейших социальных процессов, происходивших тогда в России. Следует признать, что по сравнению с событиями, происходящими в 1918 году, годы царствования Николая II уже представлялись чем-то средним между Царством Божьим и коммунизмом, который обещал Ленин. Соответственно росла и популярность царя, особенно среди тех слоев, которые традиционно считались антимонархическими. Все это, наряду с постоянно ухудшающейся обстановкой на Западном фронте, побудило немцев к решительным действиям. В Екатеринбурге вечно пьяного Андреева сменяет холодный и выдержанный Юровский — знаменитый комендант Дома Особого Назначения, как в истории теперь его называют. Пьяные издевательства над семьей бывшего царя прекращаются, и наступает некоторая пауза. Кого же все ждут? А ждут нашего знакомого капитана Фокса, который со взводом немецких солдат — ветеранов боев в Петрограде и на Пулковских высотах — едет в Екатеринбург. Мы об этом узнали из захваченных американ-

цами документов германского МИДа после окончания второй мировой войны. Из них (копии мы добыли с большим трудом, поскольку американцы почти ничего не предают гласности) стало ясно, что после убийства немецкого посла фон Мирбаха в Москве советское правительство не могло уже так сопротивляться немецким требованиям, как раньше, хотя и раньше эти возможности были очень ограниченными. Приходилось прибегать к хитростям, даже к грубому обману с единственной целью — выиграть время.

В начале июля принимается решение направить в Екатеринбург капитана Фокса для передачи непосредственно государю ультиматума: или он соглашается на подтверждение Брестского мира и немецкими штыками восстанавливается на престоле, или Фокс при содействии местных властей ликвидирует Николая и всю семью, чтобы у немцев больше не болела голова по этому поводу. Сегодня все немецкие мотивы, возможно, выглядят не слишком убедительными, но тогда для немцев этот вопрос имел чрезвычайную важность.

Что касается большевиков, то они как раз не были в тот момент склонны к крайним мерам. Троцкий и Свердлов мечтали о показательном процессе над царем по образцу процесса над Людовиком XVI, а более практичный Ленин считал, что царскую семью лучше бы сохранить в качестве заложников на случай, как он часто тогда выражался, «если мы слетим, и придется возвращаться в Цюрих».

16 июля 1918 года капитан Фокс со своей командой прибывает в Екатеринбург. В городе — почти осадное положение. Слышна артиллерийская канонада. Армия директории и части чехословацкого корпуса подходят к столице Урала с трех сторон. Всем ясно, что удержать город нет никакой возможности. В этих условиях Фокс проводит совещание с Юровским, Голощекиным и Белобородовым, затем часа два беседует с царем. Что произошло потом, до конца не ясно. Судя по тому письму Юровского, что отыскал Болдин в архиве, приговор привести в исполнение, а затем куда-то увезти трупы, мог только капитан Фокс со своей командой. Юровский и его люди разве что замывали кровь и, возможно, переносили трупы на грузовик, хотя и это выглядит сомнительным.

— Так что же в итоге мы имеем? — спросил Горбачев.— Где захоронены останки этой несчастной семьи?

— В итоге мы имеем очень странную историю,— сказал Климов.— Ни капитана Фокса, ни царя, ни одного из членов его семьи, ни одного человека из его свиты с тех пор никто не видел ни живыми, ни мертвыми. Но, если предположить, что Фокс куда-то увез трупы и где-то их либо сбросил, либо закопал, то куда подевался он сам и его команда? Никаких следов в Москве обнаружить не удалось. Не появился он и в Германии после окончания первой мировой войны.

Все это заставляет думать, что он погиб на обратном пути в Москву. При тогдашнем положение дел в России погибнуть, как Вы понимаете, было очень легко.

Конечно, возможен и другой вариант. Уничтожив царскую семью, Фокс просто скрылся, понимая ту ответственность, которую взял на себя. Знал он и то, что собственный кайзер орденом его за это не наградит. Возможно, он сменил фамилию, покинул Россию, не заезжая в Москву. Впрочем, возвращаться в Германию тоже было не обязательно. Поскольку Фокс дезертировал в военное время, мог осесть и натурализоваться в любой другой стране Европы или Америки. В пользу этой версии говорит тот факт, что вместе с царем пропали и ценности, принадлежавшие его семье, а также ряд очень важных документов. Убив и ограбив царя, Фокс попросту удрал, несмотря на всю любовь к фатерлянду и кайзеру. Такие возможности представляются раз в столетие, а то и реже. Кроме того, исчезнув с трупами, он поставил в идиотское положение весь Екатеринбургский Совет прежде всего перед местными рабочими, которым пришлось рассказывать сказки про бочку с серной кислотой. Мне эксперты говорили: чтобы растворить одиннадцать трупов, потребовалось бы не менее железнодорожной цистерны с кислотой. Но нашему народу, что не ври — во все поверит. В этом его сила. И наша.

— Насколько я понял,— сказал Горбачев,— точное место захоронения царской семьи никому неизвестно и обнаружено оно быть не может?

— Будем искать,— пообещал Климов.— Никто еще этим делом серьезно не занимался. Кое-какие зацепки есть. Попробуем. «Сказать ему про мальчика или нет? — поду-

мал генерал.— Нет, не поймет. или скажет что-нибудь вроде: «Вам уже на пенсию пора, Виктор Иванович, а вы заноситесь в такие сферы. Впрочем, этот вопрос можно обсудить на Пленуме». Или все такие рассказать?»

— Да,— вздохнул Горбачев.— Как у нас в стране все сложно. Я-то думал, что уж в вашем ведомстве знают, где кто похоронен. Оказывается, и у вас такой же порядок, как везде.

Климов хотел что-то ответить, но в этот момент раздалась нежная трель телефонного звонка. Генсек взял трубку и услышал голос жены.

— Ты где,— спросил Горбачев,— в Женеве? — он бросил настороженный взгляд на Климова.— Да. Ну и что? В воскресенье вечером вернусь в Бонн. Что? Без меня обойдутся. Ну, конечно, покупай, если нравится. Дорого? Ну, я не знаю. Решай сама. Что значит дорого, если кредит не ограничен? Что как? Хорошо, я вернусь и все улажу.

Горбачев повесил трубку и, улыбаясь, сказал Климову:

— Вечно женщины со своими проблемами! Такие дела происходят, а они ничего, кроме своих безделушек, знать не хотят.

Глава 6

К чести Куманина, он редко терялся. Неожиданности, какими бы они ни были, никогда не повергали его в состояние растерянности, и даже напротив, заставляли работать более четко и собранно, мобилизуя все скрытые резервы для принятия наиболее оптимального решения.

Обнаружив пропажу папки с диссертацией Нади, которую он столь опрометчиво оставил на столе посреди комнаты, Куманин не застыл в вопросительной позе, не стал рыться в шкафах и ящиках в надежде, что сам куда-то эту папку переложил, а сразу подошел ко входной двери в свою квартиру и внимательно ее осмотрел.

Дом, в котором жил майор Куманин, был ведомственным, заселенным разноликой мелкотой с Лубянки, от старослужащих прапорщиков до молодых полковников. В старые добрые времена во всех подъездах были развернуты милицейские круглосуточные посты, где дежурные сержанты играли роль часового или консьержки. Они останавливали посетителей, вежливо спрашивали к кому кто направляется, проверяли этот факт по внутреннему телефону, а неугодных задерживали и отправляли в ближайшее отделение милиции для установления личности. Наряду с очевидными преимуществами, подобная система причиняла много неудобств, поскольку все посетители дома должны были регистрироваться в специальном журнале, провести к себе домой, скажем, любовницу в отсутствии жены было совершенно невозможно.

Однако еще задолго до того, как Леонид Ильич Брежнев сформулировал свой гениальный тезис о том, что «экономика должна быть экономной», дежурные сержанты при таинственных обстоятельствах постепенно исчезали один за другим. На их месте появились отставники-прапорщики, как правило, проживающие в тех же домах. Отставники, в прошлом служившие либо тюремными надзирателями, либо контролерами и выводными, оказались не лучше своих предшественников, поскольку «стучали» вдохновенно и с большим знанием дела, свидетельствующим об огромном опыте. В силу всего того же брежневского

эпохального экономического открытия оплачивать их «работу» приходилось за счет жильцов, что никого особенно не радовало. Против отставников молча зрела оппозиция. Поскольку они дежурили по месту собственного проживания, то позволяли себе часто отсутствовать на своих постах: то по причине собственного нездоровья, то по причине болезни внучков. Этим воспользовались, и «институт отставных прапорщиков» был упразднен.

Дежурные посты пустовали непродолжительное время. Помещение дежурного в том подъезде, где жил Куманин, то ли купил, то ли арендовал какой-то кооператив, заключивший взаимовыгодный договор с Лубянкой, которая, подобно ледоколу, пробивала своей стране путь в новые рыночные отношения. Появился огромный замок на дверях, а на застекленной стене — решетка, и помещение стало заполнятся коробками и ящиками с надписями на корейском языке. Только международные маркировочные знаки в виде зонтика говорили о том, что содержимое ящиков хрупко и боится сырости. Ликвидация сторожевых постов никак не повлияла на «криминогенную» обстановку в ведомственном доме: и квартирные воры и простые алкаши, ищущие место для распития бутылки, отлично знали, в какие дома и подъезды можно соваться, а в какие — нет. В ведомственный дом КГБ их было не заманить никакими коврижками. Даже легенды о том, что все квартиры дома буквально завалены электронной аудио-видео аппаратурой западного и японского производства, не смущали домушников, хотя в других домах Москвы вырезали целые семьи исключительно для того, чтобы похитить какой-нибудь штампованный «видик» южнокорейского производства.

В результате двери «чекистских» квартир украшали до предела примитивные замки, вставленные еще строителями дома. Единственное, что позволяли себе некоторые съемщики, это обить дверь дерматином с красивыми медными кнопками.

Куманин вовсе не был исключением. На его двери стоял обычный «английский» замок, который можно было при желание открыть канцелярской скрепкой, выбить плечом или отжать отверткой. «Видика» у Куманина не было, хотя он мог купить его в магазинах так называемого конфиската. Как раз в это время два отдела на Лубянке вели во

всесоюзном масштабе беспощадную войну с видеомагнитофонами и видеопродукцией, которая, естественно, была на сто процентов западной (поскольку в СССР эта сфера деятельности находилась в эмбрионально-зачаточном состоянии) и поэтому подпадала под статьи уголовного кодекса или бесчисленных подзаконных секретных инструкций. Любую видеокассету легко можно было классифицировать как откровенно антисоветскую, как пропагандирующую войну и насилие, как порнографическую или просто как идеологически вредную. Поначалу владельцам видеоматериалов давали сроки с обязательной конфискацией аппаратуры и кассет. По мере «либерализации» и распространения «нового мышления» сроки давать перестали, ограничивались предостережениями, но аппаратура и видеоматериалы продолжали изымать. Все это привело к резкому повышению цен на данную продукцию у перекупщиков. Расцвел «черный видеорынок», куда лихие ребята из КГБ сдавали оптом некоторую часть конфиската, насаждая таким образом новые экономические отношения.

Из ценных вещей у Куманина были лишь телевизор и западногерманский магнитофон, купленный с благородной целью возобновить занятия музыкой в свободное время. Поэтому Куманин посчитал, что вряд ли кому-то придет в голову лезть к нему в квартиру в надежде найти там что-либо достойное внимания. Осмотрев дверь, Куманин убедился, что она была отжата автомобильной монтировкой, след от которой остался на косяке. «Грешить» на своих коллег не приходилось. Сергею и самому доводилось приходилось в чужие квартиры, чтобы разместить там подслушивающую аппаратуру или провести негласный обыск (до официального). Как любой оперативник, он знал, как это сделать без использования таких грубых вещей, как монтировка или стамеска. Когда же нужно было имитировать квартирную кражу, использовали особые методы.

Куманин решил продолжить следствие и вышел на улицу. Около дома владельцы машин своими силами оборудовали нечто вроде охраняемой стоянки, хотя «экстерьер» дома пользовался той же славой, что и его интерьер. Даже спортивного вида молодые люди в черных куртках, работавшие в кооперативе, шли к дому осторожно, как в церковь, а, войдя в подъезд, как-то испуганно вертели головами, собираясь, видимо, увидеть нечто страшное.

Стоянку охранял «дядя Паша», в прошлом отстоявший тридцать лет на вахте в центральной проходной на Лубянке. В последнее время он стал подозрительно часто прикладываться к бутылке (поговаривали, с самогоном) и засыпал на вверенном ему посту, в специально сколоченной небольшой будке. Но поскольку с машинами ничего не случалось, на столь злостное нарушение устава караульной службы смотрели сквозь пальцы и с некоторой долей здорового юмора. Дядя Паша оказался на посту. Настроение его по ряде причин было повышенным.

— Слыхал? — спросил он Куманина.— Ветеранам органов теперь водку будут выдавать без талонов?

— Точно,— поддакнул Куманин, не желая портить настроение ветерану.— Ты мне, дядя Паша, скажи: с поста сегодня днем надолго никуда не отлучался?

— Ты что, начальник караула? — обиделся старик,— отлучался — не отлучался, какое тебе дело? Я перед председателем кооператива отчитываюсь...

— Да я не про это,— отмахнулся Куманин.— Что ты сразу в бутылку лезешь? К нашему подъезду какая-нибудь чужая машина не подъезжала? Не заметил? И он указал рукой на подъезд, находящийся от стоянки примерно в сорока метрах.

Перевод разговор в привычное служебно-розыскное русло согнал с лица дяди Паши обиженное выражение. Профессиональный взгляд старого вахтера такие вещи фиксировал автоматически.

— Было,— доложил он, внутренне поднявшись,— только не прямо у вашего подъезда, а как бы между вашим и соседним. Красные «Жигули». Из них гражданин вышел, постоял у подъезда, табличку осмотрел с номерами квартир. Я еще подумал, неплохо бы его задержать да документики проверить...

Дядя Паша вздохнул:

— Власти-то сейчас никакой нет, дежурство по подъездам отменили. Денег, говорят, нет, а дежурки каким-то черным сдали под склады...

— Значит, постоял он, посмотрел,— прервал Куманин лекцию дяди Паши о кризисе власти,— а потом что?

— Что потом? — переспросил сторож.— Потом в подъезд вошел. Я еще подумал, может мастер по телевизорам. Чемоданчик у него был при себе...

— А номер машины, часом, не заметил? — поинтересовался Куманин.

Дядя Паша снова вздохнул:

— Далековато было. Глаза нынче уже не те стали. Не разглядел. А что ты спрашиваешь? Случилось чего? Этот с чемоданчиком через полчасика, чтобы не соврать, вышел, сел в машину и укатил.

— Ничего не случилось,— успокоил ветерана Куманин,— просто я одного приятеля ждал, да поздно приехал. Спасибо, дядя Паша. Счастливо отдежурить.

Вернувшись домой, Куманин внимательно оглядел стол, на котором лежала папка. Как всякий холостяк, Сергей не часто вытирал пыль со стола и прочих предметов домашней обстановки. При косом свете настольной лампы он ясно видел черный прямоугольник на том месте, где лежала папка. «Наверняка остались где-нибудь на столе или на двери отпечатки пальцев, но не вызывать же милицию». Криминалистического чемоданчика, разумеется, у него дома не было, если говорить честно, то и на службе не было. Чтобы его заполучить из отдела криминалистики, пришлось бы потратить минимум полдня. К тому же могли навязать в сопровождение криминалиста, который сейчас оказался бы просто в тягость.

Убеждение, прочно поддерживаемое в обществе, в том, что коль преступник где-то отставил свои «пальчики», его обязательно найдут, было не более чем очередным проявлением соцреализма на этот раз в криминалистике. Обнаруженные отпечатки пальцев, даже если они числились в дактилоскопической картотеке, далеко не всегда удавалось идентифицировать, главным образом из-за первобытного состояния, в котором находилась дактилоскопическая служба. Она была завалена сотнями тысяч карточек, о систематизации которых уже давно никто не мечтал. Поговаривали о компьютеризации картотеки, но дело в этом направлении шло медленно, эффекта же от нее ожидали не ранее 1994 года. Поэтому Куманин «следственные мероприятия по факту исчезновения папки с главами диссертации соискательницы Шестаковой» прекратил и отправился на кухню перекусить. Он подогрел чайник и, доставая из «дипломата» пачку масла и полбатона, увидел книжку Гиббса «Дом Особого Назначения», прихваченную накануне из собст-

венного кабинета, о которой, надо признать, совсем забыл. Запивая свой скудный ужин чаем, Сергей листал книгу, надеясь найти нужное место, которое года три или четыре назад отметил в своей памяти.

Книга начиналась с описания визита английского короля Эдуарда VII в Ревель прекрасным летним днем 9 июня 1908 года. Король прибыл к ревельскому рейду на своей яхте «Виктория и Альберт». Ее прибытия ожидали украшенные флагами расцвечивания, огромными полотнищами императорских и королевских штандартов и поднятыми на стеньгах Андреевскими флагами и флагами Святого Георга, царские яхты: «Штандарт» и «Полярная Звезда». Император Николай II со своей семьей, включая императрицу, четырех дочерей и четырехлетнего наследника престола цесаревича Алексея, ожидал прибытия своего августейшего кузена на борту «Штандарта». Английский король перешел на борт русской яхты под гром артилерийского салюта с кораблей сопровождения императорских яхт. Когда салют прекратился, король, пряча в седой бороде язвительную усмешку, выслушал приветствия на английском языке, с которыми к нему обратились, одна за другой, все четыре царские дочки. Самой старшей — Ольге — было тринадцать, самой младшей — Анастасии — семь. Король Эдуард проходил в наследниках престола до шестидесяти лет, а потому был человеком закомплексованным и язвительным. Выслушав приветствия юных княжен, он напрямик поинтересовался у Александры Федоровны: «На каком постоялом дворе она учила своих девиц английскому языку?».

Гордая императрица вспыхнула от унижения. Она была внучкой той самой английской королевы Виктории, чьим сыном являлся король Эдуард. Английский язык был, можно сказать, родным для русской императрицы, и она сама учила своих дочерей. Вопрос Эдуарда оказался отравленной стрелой, нацеленной в одно из самых больных мест ее самолюбия. После этого визита императрица решила найти педагога для своих детей. Так в царской семье появился англичанин Чарльз Сидней Гиббс, преподаватель английского языка. Впоследствии он стал настолько предан этой несчастной семье, что не покинул ее и после отречения Николая II от престола. Вместе с ними он был помещен под домашний арест в Александровском дворце

Царского села, вместе с ними отправился в далекий сибирский город Тобольск. Гиббс хотел последовать за ними и в Екатеринбург, но его буквально отогнали от своих любимых учеников прикладами и штыками охранники. Перейдя на нелегальное положение, благородный англичанин дождался прихода белых в Екатеринбург и оказал содействие работе Чрезвычайное следственной комиссии, назначенной А.В.Колчаком для выяснения обстоятельств убийства царской семьи. Работал Гиббс вместе со следователем Николаем Соколовым, тщетно пытавшимся отыскать трупы убитых. Затем ему пришлось отступать вместе с белой армией. Вернувшись на родину, он перешел из англиканства в православие, принял монашество под именем отца Николая в память царя-мученика, и до последних дней возглавлял православную общину в Оксфорде. Умер Чарльз Сидней Гиббс, или отец Николай, в 1963 году в возрасте восьмидесяти семи лет.

При жизни Ч.Гиббс не любил рассказывать о том, что ему пришлось пережить в России, а еще меньше о последних днях Николая II и его семьи, свидетелем которых ему было суждено стать. При жизни он не написал никаких мемуаров и редко выступал в печати, хотя его именем часто злоупотребляли, особенно во время известного скандала с самозванкой Андерсон, пытавшийся выдать себя за принцессу Анастасию, младшую дочь царя. Однако после смерти в доме отца Николая был обнаружен обширный архив, касающийся его многолетней жизни и деятельности вблизи царской семьи. В архиве были обнаружены сотни отрывочных записей, дневники, около тысячи фотографий (Гиббс был заядлым фотографом), включая и уникальные снимки, сделанные им по дороге из Тобольска в Екатеринбург, в числе прочих, тринадцатилетнего цесаревича Алексея и его сестры Ольги в каюте речного парохода «Русь», увозившего их в вечность.

Позднее американскому журналисту Джону Тревину с помощью приемного сына Гиббса, тоже православного священника, удалось на основе документов покойного составить и издать книгу, иллюстрированную фотографиями Чарльза Гиббса.

Эту книгу и листал Куманин. Наконец, он наткнулся на место, которое искал. Отодвинув чашку с недопитым чаем, Сергей стал вчитываться в английский текст. Несмотря на

очень редкие упражнения, он еще не потерял способности читать по-английски.

Где-то в середине октября 1917 года, писал Гиббс, до Тобольска дошли газеты с описанием так называемого Фатимского чуда. Государь получал в Тобольске много газет, включая и иностранные, но все они приходили по меньшей мере с месячным опозданием. В середине октября пришли некоторые газеты, вышедшие еще в июне и июле. Его Величество дал мне посмотреть несколько газет, где под разными заголовками давалось описание Фатимского чуда. Суть происшедшего сводилась к следующему: 13 мая нынешнего года у деревушки Кова-да-Ирия, расположенной вблизи португальского города Фатима, Лючия Эбобера десяти лет, Франциско Марто девяти лет и его сестра Джансита Марто семи лет гуляли в поле недалеко от своих домов. Внезапно в ясном небе дети увидели яркую вспышку света. Решив, что это молния, они бросились под укрытия большого дуба, но остановились в изумлении, увидев парящий на высоте не более трех футов светящийся шар светло-зеленого цвета, внутри которого находилось существо в сверкающей белой мантии с лицом, излучающим сияние.

«Не бойтесь, я не причиню вам вреда»,— произнесло существо мягким женским голосом.

Испуганные дети спросили у нее, кто она и откуда.

«Я прибыла с небес,— ответила она,— и прошу вас приходить сюда в течение шести месяцев каждое тринадцатое число в это самое время. Тогда я скажу вам, кто я и чего хочу. После этого я явлюсь на Землю седьмой раз.»

Она попросила детей ежедневно молиться Пречистой Деве и за мир на Земле. Затем шар в полной тишине стал подниматься и исчез. Трое детей вернулись домой и пытались рассказать родителям о ниспосланном им видении, однако взрослые не восприняли эту историю серьезно. Но слух о чуде распространился, и, когда 13 июня дети снова направились к старому дубу, их сопровождала, держась на почтительном расстоянии, небольшая группа паломников. Паломники видели светло-зеленый искрящийся шар, который завис на уровне детских глаз. Тот, кто осмелился подойти ближе, услышал голос. Но это был голос Лючии Эбобера.

«Когда ночь озарится невиданным светом,— говорила девочка, глядя куда-то в даль,— знайте, что это великое

знамение, которое дает вам Господь, желающий покарать мир за его преступления. Чтобы предотвратить грядущее несчастье, я попросила Господа наказать т о л ь к о РОССИЮ. Если моя просьба будет удовлетворена, Россию накажут ПРЕОБРАЗОВАНИЕМ. Молитесь за Россию!»

Все газеты отмечали, что неграмотные крестьянские дети из глухой португальской деревушки имели какое-то представление о России. Это было просто невероятно! — Между тем,— продолжал Гиббс,— после призыва молиться за Россию, которую Господь решил покарать преобразованием, Лючия объявила окончательный приговор Святой Девы. Это произошло 13 июля 1917 года. «Господь твердо решил покарать Россию, и неисчислимы будут ее бедствия и страшны страдания народа. Но милость Господа безгранична, и всем страданиям отпущен срок. Россия узнает о том, что наказание окончено, когда я пришлю отрока, чтобы тот объявил об этом, появившись в сердце России. Его не надо будет искать. Он сам найдет всех и заявит о себе».

Позднее девочка сообщила, что Пресвятая Дева поведала ей немало сведений о будущем человечества, но попросила хранить их в тайне.

Забегая вперед, отмечу, что это были все сведения о Фатимском чуде, которые мы успели получить в Тобольске. После большевисткого переворота газеты просто перестали приходить. Большинство русских газет было закрыто, а иностранные не пропускали в гибнущую страну. Наказание преобразованием началось и быстро набирало силу. Государь, прочтя эти сообщения, был потрясен. «На все воля Божья,— сказал он.— Господь проклял Россию. Но скажите мне, господин Гиббс, за что? Разве Россия хуже других? Разве она виновата в этой войне больше Германии или Франции, которые никак не могли поделить Эльзас и Лотарингию?» «На месте Вашего Величества,— осторожно заметил я,— я не стал бы придавать особого значения этим газетным сообщениям. Вы же знаете газетчиков и их вечную склонность к преувеличениям. В католических странах случаи, подобные Фатимскому чуду, далеко не редкость. За последние двести лет их произошло не менее дюжины во Франции, Италии, Испании и Португалии. И в испанской Америке...» «О, нет! — перебил меня государь.— Ни один португальский газетчик не додумался бы вложить в уста этой девочки пророчества о России. Зачем им

Россия? Я тоже знаю о подобных случаях в прошлом. Но все сводилось к тому, если вообще отрицать Божественную сущность происходящего, чтобы привлечь паломников к определенному месту либо добиться субсидий и пожертвований для какого-нибудь близлежащего монастыря. В Португалии не только эта неграмотная деревенская девочка, но и большинство владельцев газет знают о России столько же, сколько мы о них, даже меньше. Кто же мог вложить в уста девочки, наверняка будущей святой, слова именно о России. Ну, представьте себе, господин Гиббс, чтобы у нас, скажем, Серафим Саровский стал бы пророчествовать о Португалии, Франции или о вашей стране? Кто бы его услышал?

Государь задумался, нервно закурил и продолжал: «Я часто вспоминаю пророчества Святого Серафима императору Александру I. Вы слышали о них? Нет? Существует легенда, что царь Александр I Благословенный посетил старца, и тот сказал ему: «Продлится род твой триста лет и три года. Начался он в доме Ипатьева и кончится в доме Ипатьева. Начался с Михаила и кончится Михаилом».

«Боже милостивый»,— прошептал я.

«Он говорил еще много другого, что мне не совсем понятно,— продолжал государь.— Что на мощах его будет построена кузница дьявола для уничтожения всего рода человеческого, что Россия будет затоплена кровью за грехи ее. Но Господь милостив. Он даст России восстать из руин и пепла, о чем предупредит всех русских людей чудесными знамениями в святой день Преображения Господня. Старец также говорил о чудесном отроке, который, явившись, избавит Русь от скверны черного язычества. Вы видите, Гиббс, как все это совпадает со словами португальской девочки из Фатимы?»

Государь осенил себя крестным знамением.

«Видит Бог,— сказал он после некоторой паузы,— что я любил Россию и ее народ, врученный мне Господом. Я пытался исправить ошибки моих предков, боявшихся дать русскому народу не только свободу, но и волю. Я дал все, и я же был проклят. После смерти отца, когда я воспринял его престол, мне показалось, что я окунулся в какой-то водоворот. Этот водоворот крутил меня, не давая опомниться, все двадцать три года и выкинул сюда, в Тобольск, как в одной из новелл Эдгара По».

Государь печально улыбнулся, и в его добрых глазах не было ни скорби, ни страха, а какое-то мистическое спокойствие понимания невозможности борьбы со всемогущим Роком.

«У нас, в Англии,— заметил я,— многие экономисты отмечали царствование Вашего Величества как совершенно небывалое явление в истории русского государства. Я никогда не поехал бы в Петербург, если бы не знал из газет и от сведущих людей, что в России, благодаря усилиям Вашего Величества, началась светлая эпоха свободы и процветания. Как будто кто-то поднял черный занавес, закрывающий рай...»

«Я родился в день Иова-великомученика,— видимо, не слушая меня, сказал государь.— Все, родившиеся в этот день, живут под каким-то проклятием. И я постоянно чувствовал, что оно висит надо мной, хотел вывести страну из средневекового тупика. Я воспользовался советами таких умных людей, как Бунге и Витте, которые считали, что стоит проложить достаточное количество железных дорог, и страна въедет по ним в европейскую цивилизацию. Мы построили самую большую по протяженности железную дорогу до Владивостока и в итоге получили войну с Японией, закончившуюся катастрофой. Я мечтал о семейном счастье, я безумно любил и люблю свою бедную жену, но у нас неизлечимо больной сын, родившийся в разгар японской войны. Может быть, Господь уже тогда предостерегал меня за мои грехи? Я приложил все усилия, чтобы закончить эту проклятую войну как можно быстрее и на любых условиях, и получил смуту в стране. Разобравшись, что хочет от меня народ, все сословия, я пытался дать им это: интеллигенции полную свободу самовыражения, партий и союзов, купцам — мизерные налоги и протекцию государства, крестьянам — землю». «Деятельность Вашего Величества,— произнес я, сдерживая слезы,— увенчалась бы полным успехом, если бы не эта проклятая война, разразившаяся среди христиан, подобная Божьему гневу, упавшему на Содом и Гоморру. Армия Вашего Величества оказалась не готовой к подобной войне, как, впрочем, и армии других стран. Чудовищные людские потери в этой войне, которые понесла Россия, безусловно, требовали и требуют какого-то искупления, чем ловко воспользовались силы, традиционно ненавидящие Ваше Величество и пытающие-

ся за все возложить ответственность именно на Вас». «Если бы тогда,— со вздохом душевной боли прошептал государь,— не ранили Григория Ефимовича, Царство ему Небесное, он бы сделал все, чтобы Россия не вступила в эту злосчастную войну. Он предостерегал меня. Он говорил фактически то же, что Святой Серафим и эта португальская пастушка. Григорий Ефимович был просветлен Богом и мог бы это сделать. А что мог сделать я? Я был связан договорами, которые не заключал, на мне лежали обязательства, которые принимал не я. Я должен был и хотел остаться порядочным человеком, слово которого хоть что то значит. Я говорил вам о водовороте, который затянул в омут меня и всю страну. Но не я, не я, Гиббс, начал эту войну! Но если виноват я в том, что не был достаточно тверд, то причем тут Россия? Я всегда чувствовал, что проклят. Но за что вместе со мной прокляли и Россию? Я вижу, что это произошло, но не понимаю, почему».

Все это государь говорил без тени истерики, тихим и спокойным голосом. Император умел держать себя в руках при любых обстоятельствах. Это был самый благородный и выдержанный человек, которого мне когда-либо приходилось видеть. Несчастья, обрушившиеся на него со всех сторон, немного состарили его, но не сломили.

Государь подошел к небольшому столику, где лежала Библия, которую он читал ежедневно, открыл ее и вытащил спрятанный между страниц небольшой лист бумаги, сложенный вдвое. Его Величество развернул лист и подал мне.

За годы, проведенные в России, я очень хорошо научился читать и писать по-русски, но бумага, которую мне вручил государь, была исписана каракулями наподобие детских, и я не смог разобрать ни слова. «Простите,— сказал Император,— я понимаю, что вам трудно разобрать этот почерк. Мне самому удалось прочесть письмо с большим трудом, хотя почерк мне знаком. Это последнее письмо, писанное мне Григорием Ефимовичем накануне своего убийства. Послушайте его, господин Гиббс: «Я пишу это письмо, последнее письмо, которое останется после меня в Санкт-Петербурге. Я предчувствую, что умру до 1 января (1917 г.). Я обращаюсь к русскому народу, к Папе, Маме и Детям, ко всей русской земле, что им следует знать и понять. Если я буду убит обычными убийцами, особенно своими братьями

— русскими крестьянами, то ты, Русский Царь, не должен ничего бояться, ты останешься на троне и будешь править, и ты, Русский Царь, не должен бояться за детей своих — они будут править в России еще сотни лет. Но если я буду убит боярами и дворянами, если о н и прольют мою кровь, и она останется на руках их, то двадцать пять лет им будет не отмыть моей крови со своих рук. Им придется бежать из России. Братья будут убивать братьев, все будут убивать друг друга и друг друга ненавидеть, и через двадцать пять лет ни одного дворянина в России не останется. Царь Земли Русской, если услышишь ты звон погребального колокола по убитому Григорию, то знай: если в моей смерти виновен кто-то из твоих родичей, то скажу тебе, что никто из твоей семьи, никто из твоих детей и родных не проживет более двух лет. А если и проживет, то будет о смерти молить Бога, ибо увидит позор и срам Русской земли, пришествие антихриста, мор, нищету, порушенные Храмы Божьи, святыни оплеванные, где каждый станет мертвецом. Русский Царь, убит ты будешь русским народом, а сам народ проклят будет и станет орудием дьявола, убивая друг друга и множа смерть по миру. Три раза по двадцать пять лет будут разбойники черные, слуги антихристовы, истреблять народ русский и веру православную. И погибнет земля Русская. И я гибну, погиб уже, и нет меня более среди живых. Молись, молись, будь сильным, думай о своей Благословенной семье».

Государь закончил читать, сложил письмо и вложил его обратно в Библию. Я сидел, потрясенный до глубины души. В прошлом мне приходилось несколько раз встречаться с Григорием Распутиным, и он не произвел на меня никакого впечатления, хотя я знал, что ему часто удавалось снимать тяжелые приступы гемофилии у царевича, придворные же медики расписывались в бессилии и предрекали мальчику близкую смерть. Не прошло еще и года после смерти Распутина, царь и его семья, лишившись трона, находились в ссылке, а здоровье Его Высочества ухудшалось с каждым днем. Одна нога цесаревича фактически не действовала.

Все эти пророчества, сбывавшиеся на глазах, сильно подействовали на меня, и мне стало казаться, что я присутствую не при обычном катаклизме, порожденном европейской войной и русской революцией, а действительно при

исполнении Воли Божьей. «Возможно,— прервал мои размышления государь,— Господь проклял страну и меня как ее правителя за то, что мы не смогли уберечь Святого человека, которого он ниспослал нам. Евреи были прокляты за то, что не уберегли Христа. Значит, теперь русских ждет та же судьба: рассеивание по миру, общее презрение, сменяемое периодом сострадания, вечные гонения...» «Ваше Величество,— я осмелился прервать государя.— Простите меня, но мне кажется, что вы преувеличиваете. Покойный Распутин — все же не Христос, а русские относительно молодая нация. Мне кажется, она еще не достигла пика своего могущества, который евреи давно уже миновали. Среди подданных Вашего Величества евреев было, пожалуй, больше, чем во всех прочих странах вместе взятых, и вы могли убедиться, что главной трагедией евреев является отсутствие у них своего государства, которым они так опрометчиво пожертвовали ради личной свободы. Думаю, что русские окажутся умнее. Они пожертвуют собой и свободой во имя спасения государства, которое, согласно всем пророчествам, неизбежно возродится». «Через семьдесят пять лет,— прошептал государь.— Прав был Григорий Ефимович. Я уже молю Бога, чтобы он ниспослал быструю смерть всем нам...»

Сергей захлопнул книгу, тяжело вдохнув. «После всего пережитого и передуманного Гиббс, конечно, поступил очень мудро, уйдя в монахи. И вообще, все это интересно, если, конечно, не сфабриковано позднее. Действительно, с чего это португальская пастушка вдруг заговорила о России и ее наказании «преобразованием». Если верить всей этой писанине, срок этого наказания заканчивается года через два. А может, с началом горбачевской перестройки оно уже завершилось?»

Надо сказать, что никакого несчастья со страной за последние семьдесят лет, если, конечно, не считать периода гражданской и Отечественной войн, Куманин не видел. Были в сталинские времена, то есть очень давно, какие-то перегибы в борьбе против остатков эксплуататорских классов, предателей и перерожденцев. Но эти перегибы откровенно и принципиально осуждены партией. Если кто и страдал в этот период, то скорее не народ, а сами органы безопасности, которых партия постоянно делала ответственными за собственные ошибки и карала с чрезмерной су-

ровостью. Поэтому все эти мистические разговоры царя с Гиббсом и их ссылки на происшествие в Фатиме и авантюриста Распутина вызвали у Сергея чувство, которое можно было назвать «ироническим раздражением». Факты, сам разговор вызывали у него иронию, но раздражали своей тенденциозной направленностью. За глянцевой обложкой книги, приписываемой Чарльзу Гиббсу, чувствовалась умелая рука редактора из ЦРУ. Уж очень она современно-антисоветски звучала. Читая весь этот мистический бред, Куманин не мог отделать от мыслей об Алеше Лисицыне и его однофамильце, пропавшем в ходе сталинских мероприятий накануне войны.

II

В воскресные дни Куманин любил отоспаться как следует, но на этот раз он поставил будильник на половину шестого утра, чтобы успеть съездить на заправку, и добраться до поселка Нефедово, разыскать Феофила Пименова и сегодня же вернуться обратно в Москву. В понедельник он планировал появиться на службе, как положено, в девять ноль-ноль на случай возвращение Климова.

Симферопольское шоссе начинало накаляться, хотя машин было еще немного. Прекрасные подмосковные леса то подступали прямо к серой ленте шоссе, то расступались, открывая промышленно-аграрный пейзаж ближнего Подмосковья: поля, засаженные картошкой, дымящие трубы каких-то заводов и ТЭЦ, унылые поселки и дачные городки, поражающие убогостью толевых крыш. Время от времени на Куманина рычали желтые «Икарусы» пригородных маршрутов, обгоняя его машину или несясь навстречу. Собираясь в сегодняшнюю поездку Сергей чуть было не воспользовался одним из них, но отказался от этой затеи. Междугородная автобусная станция находилась слишком далеко от его дома, пока бы он до нее добрался, можно было проехать половину пути до Серпухова. К тому же он любил сидеть за рулем, и сейчас, спустив стекло, наслаждался прохладой раннего утра. Он не думал ни о чем. Приемник был настроен на волну «Маяка», передававшего музыку из оперетт, что способствовало расслаблению. Пя-

тиминутки новостей звучали фоном и до сознания не доходили.

Лес снова придвинулся к дороге, и Куманин с некоторым удивлением увидел впереди себя крытый зеленый фургон, явно армейского типа. В этом он убедился, когда подъехал ближе, на регистрационном номере фургона значилась военная маркировка в виде буквы «Т», заключенной в белый треугольник. Сергей сбросил скорость. Фургон занял почти всю проезжую часть, и объехать его было невозможно. Выехать на полосу встречного движения мешал разъединительный поребрик, так некстати появившейся именно на этом отрезке шоссе. Выругавшись, Куманин тащился вслед за фургоном, надеясь, что дорога, выскочив из этого лесного ущелья, станет где-нибудь пошире, и ему удастся обогнать «вояку». Неожиданно фургон включил правый поворот и стал тяжело поворачивать на открывшуюся среди расступившихся деревьев асфальтированную дорогу, которая отходила под прямым углом от шоссе и вела куда-то в лес. Поворот был украшен внушительных размеров запрещающим «кирпичом», а над дорогой нависала стеклянная будка ГАИ, около которой пара милицейских «газиков» и мотоцикл с коляской.

Куманин притормозил, пропуская фургон. Плечистый «гаишник» в капитанских погонах с мрачным лицом величественным взмахом жезла приказал ему проезжать, что Куманин и сделал. «Но зачем в таком месте развернут пост ГАИ, где даже обочины у дороги нет?» — подумал он,— но, вспомнив «кирпич» на повороте, догадался, что это просто замаскированная под ГАИ охрана какого-то военного объекта. Где-нибудь дальше наверняка развернут еще один пост со шлагбаумом, полосатой будкой и солдатами. Куманину несколько раз приходилось бывать на подобных объектах, которые иногда оказывались целыми городами, не обозначенными на карте. В правоте своей догадки Куманин убедился, когда всего километра через три на шоссе, выскочившем из расступившегося леса, прямо посреди картофельных полей увидел еще один, не менее фундаментальный, пост ГАИ. На асфальтированном отстойнике для машин изнывал под солнцем колесный трактор с прицепом, в кабине которого, положив голову на руль, то ли спал, то ли протрезвлялся водитель.

Одуревший от жары и скуки сержант повелительным

жестом, характерным для провинциального инспектора, велел Куманину остановиться. Сергей хотел по чекистской привычке этот приказ проигнорировать. Молодая поросль КГБ, да и не только она, любила с автоинспекторами устраивать гонки, а когда разъяренным «гаишникам» в этих гонках удавалось победить, совали им под нос удостоверения и обвиняли в срыве особо важного и чрезвычайно секретного задания, грозя выгнать со службы и отдать под суд. После этого лица милиционеров обычно серели или бледнели, что служило призом в подобных состязаниях. Гэбэшники, от караульных прапорщиков до генерал-полковников, таким образом самоутверждались. Однако иногда сотруднику ГАИ хватало духу оформить акт о дорожном хулиганстве и отправить его на Лубянку — такие случаи редко, но бывали. Начальству приходилось сбивать спесь со своих подчиненных, вынося выговоры и грозя увольнением. После того, как подобные шутки привели к серьезным дорожно-транспортным происшествиям с человеческими жертвами, последовал приказ, в соответствии с которым разрешалось «задерживать на общих основаниях сотрудников КГБ, злостно нарушающих дорожное движение». Буквально через неделю «гаишники» задержали на Ленинградском шоссе бригаду КГБ, которая направлялась на обыск, да еще оформили акт о том, что все были в подпитии. Дело чуть не дошло до стрельбы. Пока стороны разбирались, кто прав, а кто виноват, время было упущено, и операция оказалась сорвана. «Гаишники» пригрозили пожаловаться в ЦК, командиры подразделений КГБ призывали подчиненных не связываться с «ментами», а руководство МВД убеждало своих сотрудников не трогать «гебиллов». Обе карательные службы СССР, происходящие, как арабы и евреи, от одного «авраамова» корня, относились друг к другу с недоверием и презрением, перерастающим порой в открытую враждебность. В результате тот приказ пришлось отменить.

На этот раз Сергей остановил машину и вышел, с удовольствием разминая ноги. Сержант хмуро бросил:

— Документы на машину и права!

Куманин протянул свое удостоверение. С тем же хмурым выражением лица сержант приложил руку к козырьку:

— Проезжайте!

— До Нефедово далеко? — спросил Куманин.

— Километра три,— буркнул сержант и, повернувшись, пошел к своему мотоциклу.

Через несколько минут Куманин увидел на обочине шоссе покосившийся столбик, на котором красовалась полинявшая голубая табличка с серыми от грязи буквами названия: «Нефедово».

Нефедово оказалось довольно большим поселком, судя по двух- и одноэтажным домам и парочке обезглавленных церквей, довольно стариных. На центральной площади, как водится, находился гастроном, почта и автобусная остановка. На столбе вместо таблички с номером автобуса красовалось объявление, написанное на куске фанеры, которое извещало местных жителей, что по «техническим причинам» до 1 августа автобусы, следующие из Серпухова в Москву, в Нефедово останавливаться не будут.

У гастронома кучковался народ. Посреди площади, разомлев от жары, спало несколько бездомных собак. Группа молодых парней застыла в мотоциклетных седлах у входа в гастроном в ожидании чего-то. Стояла патриархальная тишина.

Куманин остановил машину. Мимо нее шел мужчина неопределенного возраста, заросший щетиной, в засаленных штанах. Направлялся он явно к гастроному. Сергей приоткрыл дверцу машины и спросил:

— Земляк, подскажи, где тут проезд Коммунаров?

— Чего? — Мужчина ошалело поглядел на Куманина.— Каких коммунаров? Чего надо тебе?

— Улицу Коммунаров мне надо,— терпеливо повторил Куманин,— где она, как проехать?

— Улица? — переспросил мужчина.— Так бы и говорил, что улица тебе нужна. Недалеко. По этой улице поезжай до куманинской богадельни — она в аккурат на углу Коммунаров и стоит.

— Какой богадельни? — Сергей подумал, что ослышался.— Как ты ее назвал?

— Куманинская,— раздраженно повторил мужчина, поглядывая с беспокойством в сторону гастронома — в старину там богадельня была, а сейчас наша «ментовка», вытрезвитель и КПЗ... И пошел дальше.

— Но почему «Куманинская»? — крикнул ему в след Куманин. Тот оглянулся:

— Да у нас тут все куманинское. Деревня была Куманино на этом месте, давно еще, при этом... как его ?

— При царе,— подсказал Куманин.

— Во-во! — согласился прохожий и твердо взял курс на гастроном.

Куманин поехал в указанном направлении и быстро добрался до здания «куманинской богадельни».

Когда-то это был одноэтажный дом со встроенной церковью, которую, естественно разрушили и надстроили еще один этаж. Большие окна первого этажа теперь забраны решетками. На крыльце лениво курили двое милиционеров. Чуть в стороне от официальной вывески «Отделение УВД при Поселковом совете» красовалась небольшая, но ясно видимая мемориальная доска. Не вылезая из машины, Куманин прочел: «В этом здании в декабре 1917 года большевик Нефедов А.М. организовал первое отделение ВЧК Серпуховского уезда». Поэтому, решил Куманин, поселок и называется Нефедово, но почему до этого он назывался Куманино? Надо будет выяснить.

На стене бывшей богадельни белой краской, как раз между милицейской вывеской и мемориальной доской было начертано: «Коммунаров 21». В поисках дома N 5 Куманин поехал по этой улице дальше. Если не считать бывшей богадельни, все остальные дома в проезде Коммунаров были деревянными, разной степени сохранности, все почему-то светло-зеленого цвета, как солдатские палатки. Дом N 5 оказался в самом конце улицы, которая упиралась в лес. Его окружал небольшой палисадник из реек, за которыми виднелись цветочная клумба, несколько грядок и кустов смородины. В глубине двора длинноволосый бородач колол дрова и складывал их в поленницу.

Сергей Степанович развернулся на дороге, подъехал прямо к мосткам, ведущим к калитке через придорожную канаву и остановил машину. Через несколько минут он уже входил в открытую калитку, вызывающе поигрывая ключами от машины.

Бородач перестал колоть дрова, едва увидев остановившуюся у калитки машину, и застыл с топором в руке, глядя настороженно и с любопытством на приближающегося Куманина.

— Чего надо? — не очень любезно приветствовал он Сергея.

— Пименов Феофил Пименович — это вы?

— Допустим,— ответил бородач, постукивая обухом топора по ладони левой руки.

— Тут на углу вашей улицы,— сухо произнес Куманин,— находится отделение милиции. Вашу машину красного цвета мы найдем потом, а пока оформим задержание — вами совершена квартирная кража со взломом вчера вечером в Москве. Собирайтеь.

— А ты не боишься,— поинтересовался Феофил,— что я сейчас тебя благославлю топором по башке? Ворвался ко мне во двор, да еще угрожаешь.

— Не боюсь,— признался Сергей.— Думаю, у вас хватит ума этого не делать. Топор может превратиться в вещественное доказательство, при воспоминании о котором вам всю оставшуюся жизнь будет икаться. Да и отобрать его у вас дело секундное. Продемонстрировать?

— Не надо,— глухо произнес Феофил, всаживая топор в плашку.— Я мать предупрежу, можно?

— Если не возражаете,— улыбнулся Куманин,— я пойду с вами. Мне не хочется гоняться за вами по местным огородам.

Феофил ничего не ответил, и они вместе вошли в дом.

— Мама,— обратился Феофил,— в Москву съезжу ненадолго. Тут товарищ приехал...

Из угловой комнаты, тяжело ступая на больных ногах, вышла старушка лет шестидесяти пяти. Бросив взгляд на Куманина, она спокойно спросила:

— Опять что ли забирают? Собрать теплое белье и харчей?

Говоря честно, Куманин не знал, что ему дальше делать с Феофилом. Везти его в Москву? Но куда и к кому? Фактически Куманин являлся потерпевшим и по закону должен был вызвать милицию по факту квартирной кражи, написать заявление, указать подозреваемого и ждать результатов следствия. Самостоятельно задерживать Пименова он не имел права и отлично понимал, пользуясь, как обычно, полной юридической безграмотностью советского населения, он хотел лишь припугнуть Пименова, чтобы затем вытянуть побольше сведений. Сейчас Куманин решил отвезти Феофила в местное отделение милиции, чтобы тот почувствовал свою вину, побеседовать с ним в кабинете местного начальника, предварительно выпроводив того (если

он на месте) покурить на улицу. На прощание у него была заготовлена сакраментальная фраза: «Пока идите домой. Когда понадобитесь, мы вас вызовем».

Поэтому Сергей продолжал молча стоять в дверях, стараясь не глядеть ни на растерянное лицо Феофила, ни на его мать, собирающую сынку вещи и продукты в рюкзак. Его немного удивило, что женщина не причитала, ни задавала никаких вопросов, будто ее не интересовало, куда и на сколько так неожиданно увозят ее сына, и что он в конце концов, натворил. Только позднее Куманин узнал, что у Клавдии Ивановны — так звали мать Феофила — был в этом отношении большой опыт: пять арестов мужа, арест старшего сына, так и пропавшего в зоне, да два ареста самого Феофила. И это не считая десяти лет, которые она сама провела в лагере. Хорошо, что она тогда не задавала никаких вопросов, поскольку блефующий Куманин не знал бы, что на них ответить.

— Пошли что ли? — сказал Феофил и обернулся к матери.— Ты не волнуйся, мам, это какое-то недоразумение...

Старушка ничего не ответила, только покачала головой и вздохнула. «Ну и сволочь! — подумал Куманин — в чужую квартиру влез с монтировкой и что-то еще говорит о «недоразумении».

— Кстати,— сказал он,— диссертацию Шестаковой захватите, пожалуйста. И поехали.

— С чего вы решили, что она у меня? — пробормотал Феофил.

— Давайте не будем терять времени,— поморщился Куманин,— не принимайте меня за дурака. Вы оставили у меня в квартире столько отпечатков пальцев, что лучше бы сразу выложили паспорт. Берите диссертацию, и поехали! Не обыск же у вас делать с понятыми. Ведь, если мы начнем искать диссертацию, то найдем еще много интересного. Как вы считаете, Феофил Иванович?

— Послушайте,— ответил Феофил,— зачем вам эта диссертация? Надя Шестакова — на пороге фундаментального открытия в области психиатрии. Если она попадет к вам, то исчезнет в ваших подвалах, как десятки тысяч других погубленных авторов вместе со своими работами. Вы же арестовали Шестакову. Так оставьте хотя бы ее работу, чтобы можно было довести ее до конца.

— С чего вы взяли, что мы арестовали Шестакову? — перебил его Куманин.

— А куда же она девалась? — вопросом на вопрос ответил Феофил.

— Хочу выяснить это у вас,— сказал Куманин,— Я надеялся застать здесь и вас, и ее. Ведь она тут бывала?

— Бывала и не раз,— подтвердил Феофил,— но где она сейчас, не знаю, поверьте. Вы же Надин одноклассник, работаете в КГБ. Ваша фамилия Куманев? Надя мне немного о вас рассказывала.

— Куманин,— поправил его майор КГБ.— Куманин. Сергей Степанович.

Он заметил, что мать Феофила посмотрела на него както странно, будь он был не представителем власти, увозящим в тюрьму ее сына, а любопытным экземпляром. Куманину стало не по себе.

— В конце концов,— раздраженно сказал он,— я взял эту диссертацию у Лидии Федоровны, чтобы ознакомится и намеревался вернуть. Если она была вам так нужна, нужно было позвонить мне по телефону, и я, с согласия Надиной мамы, разумеется, передал бы ее вам. Вместо этого вы решили взламывать мою квартиру среди бела дня. Вы подумали, в какое идиотское положение перед Надиными родителями поставили меня? Кстати, почему вы пошли не сами, подослали какого-то своего дружка, который выписывал мой адрес у Лидии Федоровны?

— Я боялся засветиться,— честно признался Феофил.— Посудите сами: сначала целая бригада с Лубянки хватает Алешу Лисицына. Надя говорила, что попытается кое-что выяснить, поскольку у нее есть там знакомые, видимо, она имела в виду вас. Потом исчезла сама. На следующий день появляетесь вы и изымаете ее диссертацию. Я хотел спасти то, что можно — диссертацию. Конечно, я и думать не мог, что вы меня так быстро высчитаете. Считал, что вы меня вообще не знаете...

— Вы можете объяснить мне,— спросил Куманин,— что все это значит? Что это за мальчик такой, из-за которого разгорелся весь сыр-бор? Честно вам скажу, мне совершенно неизвестно, арестована Надя Шестакова или нет. Об этом гадать можно, не более. Подобное предположение может увести очень далеко по ложному пути...

— Вы так и будете стоять в сенях? — вмешалась в раз-

говор Клавдия Ивановна, продолжавшая рассматривать Куманина. Сергей ощущал на себе ее любопытный взгляд и нервничал, сам не зная почему.

— Проходите в комнату,— продолжала она,— и там беседуйте, хоть до утра.

Феофил вопросительно посмотрел на Куманина, тот на мгновение задумался, но потом махнул рукой:

— Хорошо, побеседуем здесь, у вас.

У Феофила оказалась маленькая комнатка, не более десяти квадратных метров. Окна смотрели на кусты с черной смородиной. Видимо, на фоне именно этих кустов Надя, Феофил и Алеша Лисицын когда-то фотографировались. В комнате стоял стол, украшенный настольной лампой с самодельным абажуром. На стене висело несколько книжных полок, на которых сверкали яркими корешками книги на иностранных языках, главным образом, насколько понял Куманин, по психиатрии и физиологии. Висела старинная фотография священника в облачении и с крестом на груди, а чуть дальше — яркая лубочная картина, на которой большой корабль, в результате страшного взрыва задрав корму, уходил в пучину. Маленькие фигурки людей прыгали за борт и беспомощно барахтались в волнах. В центре картины два дюжих ангела, распластав лебединые крылья, несли кого-то в морской форме над волнами, как дикие гуси Иванушку.

— «Дантон»? — спросил Куманин, поймав на себе настороженный взгляд Феофила.

— Нет, не «Дантон»,— вздохнул Феофил,— это «Петропавловск». Дед у меня на нем служил и чудом спасся, после чего стал священником. Семейная реликвия. Он ее сам в Москве купил на базаре.

Подойдя поближе, Куманин увидел, что внизу картины буквами, стилизованными под славянскую вязь, написано: «Коварное потопление японцами броненосца «Петропавловск» и чудесное спасение Великого Князя Кирилла Владимировича». Теперь стало понятно, что ангелы несли именно Великого Князя Кирилла.

— Да, да,— произнес Куманин в некотором смущении,— я слышал об этом. Там еще кто-то из очень известных людей погиб...

— Художник Верещагин,— подсказал Феофил,— и адмирал Макаров.

— Кирилл Владимирович, кажется, потом, в эмиграции, стал главным претендентом на престол, а сейчас его сын, Владимир Кириллович. Столько лет прошло, а они все не желают признать своего поражения, на что-то надеются,— Куманин с неподдельным интересом рассматривал лубок.— Вы говорите, у вас там дед служил. А что потом с ним стало?

— После спасения с «Петропавловска»,— ответил Феофил,— он стал священником. Здесь было большое село с тремя церквями. В 1918 году его убили.

— Кто? — поинтересовался Куманин.

— Ваши,— спокойно произнес Феофил.— ВЧК. Сюда приехал злобный параноик Нефедов, бывший уголовник. Его освободила из тюрьмы Февральская революция. Приехал уже как уполномоченный ВЧК. По его приказу в окрестных селах арестовали всех священников, купцов, учителей, офицеров, вплоть до коллежских регистраторов. Отвезли в Серпухов, погрузили на две баржи и утопили в Оке. Когда-то об этом даже говорить запрещалось, а недавно в местной газете «Знамя Ильича» целая статья об этом была опубликована: «Серпуховская трагедия».

— Время было такое,— вздохнул Куманин.— Революционный пролетариат избавлялся от чуждых классов...

— Значит, вы тот самый полковник Куманин,— неожиданно спросил Феофил,— о котором говорило радио «Свобода» как об организаторе под крышей КГБ антисемитских и националистических организаций?

— Я майор, а не полковник,— поправил его Куманин,— а вы часто «Свободу» слушаете?

— Разве запрещено? — поинтересовался Феофил.

— Нет, конечно,— ответил Куманин,— но свидетельствует о многом. О моральном облике, например, о враждебном отношении ко всем ценностям нашего общества. Вам же известно, что эта радиостанция — рупор ЦРУ.

— Тем не менее,— заметил Феофил,— хочу воспользоваться случаем и предупредить, что вы занимаетесь опасным делом — разваливаете страну. Вы это понимаете?

— Только не надо нас учить,— возмутился Куманин,— и беспокоиться о стране не надо. Вы очень мало похожи на патриота, извините за прямоту. Я вообще не намерен обсуждать с вами подобные вопросы. Если я еще вас не сдал в милиции, то только потому, что так же, как и вы,

хочу найти Надю Шестакову. Поэтому мне хотелось бы поподробнее узнать о ее деятельности и прояснить вопрос с этим мальчиком, Алешей Лисицыным. Вы можете мне более или менее понятно объяснить этот феномен?

Феофил некоторое время молчал.

— Боюсь, что вы ничего не поймете,— наконец произнес он.

— А вы популярно расскажите,— Куманин расположился на жестком табурете.— Расскажите, я послушаю. Пойму или нет — посмотрим.

— Вы в Бога верите? — неожиданно спросил Феофил.— Впрочем, зачем я спрашиваю. Разумеется, нет. Это ведь противоречит моральному облику строителя...

— Не надо паясничать,— перебил его Куманин,— какое имеет значение: верю я в Бога или нет, ведь я задал вопрос о вундеркинде?

— Решающее,— возразил Феофил.— Одно дело рассматривать человека как Божественное создание, другое — смотреть на него как на эволюционировавшее животное, появившееся вследствие мутации кистеперых рыб. Вы Библию, хотя бы по долгу службы, читали когда-нибудь?

— Считал ненужным забивать голову еврейскими мифами,— признался Куманин.— Мифы есть мифы. К ним нельзя относится серьезно. Почти ни одно из положений Библии не подтверждено ни исторической наукой, ни археологией.

— Если рассматривать Библию как историческую хронику, возможно, — согласился Феофил,— но если рассматривать эту Книгу как сборник советов и предостережений, то ее значение трудно переоценить.

— Например,— поинтересовался Куманин.

— Например, возьмем легенду о Вавилонской башне,— продолжал Феофил.— Глупо рассматривать ее с точки зрения ее исторической достоверности. Строили эту башню в действительности или нет? Кому это интересно? Важно другое: эта легенда — предостережение Господа. Он говорит нам: «Не стройте башню до небес, вам ее никогда не построить. Если вы будете упорствовать, то перестанете понимать друг друга, восстанете друг на друга, башня ваша рухнет и погребет всех под своими руинами». Теперь посмотрите, к чему привело строительство вашей башни до

Небес: мы оба русские, почти одного возраста, говорим вроде на одном языке, но уже не понимаем друг друга. А башня уже опасно шатается и вот-вот рухнет.

— Это вы не Библии начитались, а «Свободы» наслушались,— буркнул Сергей, вспомнив, что Феофил состоит на учете в психдиспансере.

— Или,— не слушая его, продолжал Феофил,— возьмите книгу «Эсфирь», где описывается история вавилонского плена евреев. Вы, наверное, знаете ее. Кажется одна из подведомственных вам организаций даже выпустила специальную брошюру, где на основании именно этого библейского текста, доказывается жестокость и вероломство евреев.

— У вас, конечно, есть другая трактовка? — устало спросил Куманин, которому вся эта пустая дискуссия уже порядком надоела.— По-вашему, евреи — невинные жертвы. Они, кстати, вашего Христа распяли, а вы их жалеете.

— Я не их жалею, а нашу страну,— возразил Феофил,— книга «Эсфирь» не делит никого на жертв и палачей. Она предупреждает: не связывайтесь с евреями. Любая борьба с ними кончится тем, что вы станете убивать друг друга и разрушите собственную страну. Уже сколько примеров тому было в истории, от Римской и Испанской империй до России и Германии, а вы вновь стараетесь наступить на те же самые грабли.

— Опять вы о том же,— недовольно сказал Куманин.— Уж не хотите ли вы сказать, что Советский Союз развалится из-за того, что мы последовательно боремся с сионизмом как с формой расовой дискриминации, осужденной решением ООН.

— Я просто в этом уверен,— ответил Феофил,— особенно после того, как Господь ударил в Чернобыльский колокол и звезда упала в Полынь.

— Вы состоите на учете в психдиспансере? — спросил Куманин.

— С вашей подачи,— зло ответил Феофил,— после того, как меня отправили на принудительное лечение в «психушку».

— И правильно сделали,— жестко сказал Куманин.— Ваши рассуждения не столько опасны, сколь безумны. Ну, ладно. Вы опять увели разговор куда-то в сторону...

— А вы никогда не думали,— перебил его Феофил,—

что какая-то вражеская спецслужба проникла в ваши ряды и вашими же руками, загнав нашу страну в средневековье, сейчас ее окончательно уничтожает?

— Послушайте,— оборвал его Куманин,— я вам уже говорил, что не намерен обсуждать подобные вопросы. Думаю, вам снова нужно пройти курс лечения, могу об этом позаботиться. И, пожалуйста, не надо больше касаться глобальных проблем. Я приехал сюда вовсе не для того, чтобы слушать ваши рассуждения о спасении родины. Поверьте, я их наслушался достаточно. Мы говорили об Алеше Лисицыне, и вы хотели мне сообщить, что вам известно по этому факту.

— Я и пытаюсь объяснить,— ответил Феофил,— но вы как-то болезненно реагируете на каждое мое слово. Если хотите разобраться в феномене этого мальчика, то наберитесь терпения, выслушайте меня и постарайтесь хоть что-нибудь понять.

— Хорошо,— согласился Куманин,— говорите.

— Если бы вы прочли Библию,— продолжал Феофил,— то узнали бы, что, когда Господь создал человека, мир уже был населен разумными существами.

«И подобное он нес студентам на лекциях,— подумал Куманин,— ужас какой!». Но сдержался и спросил:

— И что из этого следует?

— А следует то,— ответил Феофил,— что человек не является ни единственным, ни высшим представителем разумной жизни...

— Извините меня,— сказал Куманин,— но это уже чистая фантастика. Конечно, можно предположить, что где-то в космосе, на далеких звездах существуют цивилизации, значительно превосходящие по развитию нашу, человеческую.

— Но я не об этом говорю,— возразил Феофил,— не о космосе. Я говорю о нашей маленькой Земле, на которой человек не является представителем высшей формы разумной жизни...

— А кем же? — Куманин решил выдержать все до конца.

— Он являет собой одну из форм разумной жизни,— с терпением профессионального педагога пояснил Феофил,— одной из форм, причем не единственной и отнюдь не самой высокой.

— А что это за более высокая форма? — поинтересовался Куманин.— Муравьи, рыбы или, может быть, цветы?

— В подлиннике Библии,— продолжать просвящать Феофил Куманина, — есть такое понятие «хоел», что означает на древнееврейском — «невидимый мир вокруг нас», населенный духами, ангелами и демонами. Поскольку ортодоксальная наука никогда подобные вопросы серьезно не рассматривала, приходится пользоваться религиозной или мифологической терминологией. Древние, однако, знали о существовании этого мира и довольно часто контачили с его обитателями, которых условно можно назвать «ультрасуществами». При переводе текстов Библии с древнееврейского и арамейского на греческий и латынь было сделано огромное количество ошибок, главным образом из-за отсутствия в греко-латинском словаре адекватных понятий и, разумеется, из-за некоторой разницы мировоззрения евреев и средневековых христианских философов. В итоге при переводе Библии было допущено множество ошибок, к середине XVI века было обнаружено уже более восьмисот разночтений. В частности, древнееврейское слово «хоел» превратилось «хэлл», что означает «Ад». Первоначальный смысл текстов был утрачен. Постепенно сведения о невидимом мире, который нас окружает, и о его обитателях стали тускнеть, затем исчезать, отдельные факты получали примитивно-церковную трактовку или сугубо материалистическую, что еще хуже. Между тем имеется много данных о том, что наш мир, назовем его «видимым», и другой, «невидимый», мир связан многочисленными каналами, поскольку мы суть они, но на нижней стадии развития. Поэтому «они» внимательно следят за нами и по мере сил пытаются вразумить и предостеречь от ошибок. Однако связь очень сложна и ненадежна.

— Почему же? — удивился Куманин.— Если ультрасущества такие крутые, то что им стоит наш мир уничтожить? Раз они умнее нас.

— У вас, извините, майор,— вставил Феофил,— очень примитивное мышление: раз сильнее, значит надо завоевать и уничтожить? Не все, к счастью, так думают. Вы могли бы, например, уничтожить всех муравьев, но не делаете этого, напротив, охраняете их. Кроме грубого насилия, вы ничего другого с одним муравьем не можете сделать. Разве у нас есть способ передать ему какую-нибудь информацию

и получить от него ответ? Полагаю, что мы все еще больше животные, нежели разумные существа, а «ультрасущества» уже давно разработали процедуры передачи нам информации. Одним из методов является использование так называемых медиумов. Вы, наверное, слышали о спиритических сеансах.

«Какой бред! » — подумал Куманин, но промолчал.

— Чаще всего медиумами,— продолжал Феофил,— становятся дети. Эти «медиумы» делятся на две категории: первые работают как репродукторы, то есть через них передается информация, вторые — более сложны, поскольку хранят всю информацию о прошлом, настоящем и будущем нашей цивилизации. У них задействованы те клетки головного мозга, которые у подавляющего большинства людей спят. Прорыв к этим клеткам и возможность их активизации стали бы научным открытием величайшей важности, способным полностью изменить природу человека. Надя Шестакова, насколько мне известно, стояла уже на пороге подобного открытия. Еще никогда ребенок-медиум не подвергался такому тщательному научному исследованию. Он либо попадал в руки церкви, как Лючия из Фатимы, либо в руки грубых невежд, как Хаузер, либо в руки дельцов шоу-бизнеса, как Джек Ли. Алеша же теперь в КГБ, где наверняка и погибнет.

— Значит, вы считаете, что Алеша Лисицын,— начал Куманин, у которого от всех этих разговоров уже разболелась голова,— этот мальчик, которого вы с Надей исследовали...

— С ним очень сложно,— перебил его Феофил.— Я так и не смог точно определить, к какой категории медиумов он принадлежит и откуда он взялся. Бывает, ребенка похищают в момент рождения, а затем он неожиданно появляется как бы ниоткуда...

— Слушаю вас,— вздохнул Куманин,— и не перестаю удивляться. Взрослый человек, образованный, начитанный, а несете такое. Вы сами-то верите в то, что говорите?

Феофил с грустью покачал головой:

— Я же говорил, что вы ничего не поймете. С вашим мировоззрением такое действительно понять очень трудно, даже невозможно. Но вы же слышали одну из пленок, и Надя вам кое-что рассказывала. Как вы сами это все объясняете?

Куманин пожал плечами: — Гипноз какой-нибудь. Психотронные средства. Не знаю, но уверен, что есть простое объяснение всему, без всякой религиозной чуши и мистики.

— А что же ваши коллеги так переполошились? — спросил Феофил,— зачем они взяли Алешу из интерната и где сейчас прячут?

— Не знаю,— признался Куманин.— Просто ума не приложу, зачем он им понадобился.

— Так я вам скажу,— голос Феофила зазвенел от волнения.— Вы не все пленки прослушали. Он говорил такие вещи, от которых у вас там все просто обязаны были переполошиться.

— Что он такое говорил? — удивился Куманин.— Что мог сказать пятилетний ребенок, чтобы вызвать такой переполох?

— Мне не хочется это повторять,— сказал Феофил,— особенно вам. Вы так болезненно на все реагируете. Скажу только, что он сделал несколько прогнозов, за которые в нашей стране вполне можно получить полновесный лагерный срок. И сделал это в интернате в присутствии персонала. Разумеется, пошел слух, а может, и «стук», после чего все и произошло. Я так считаю.

— А Надя куда исчезла? Она в вашу теорию как-нибудь вписывается? — спросил Куманин.

— Надя была для Алеши, пришедшем ниоткуда, фактически матерью. Он безумно привязался к ней. Когда он попал в руки ваших коллег, то те оказались в дурацком положении, никто не сумел обращаться с ним. Видимо, он потребовал, чтобы рядом с ним продолжала находиться Надя, и его требование было выполнено...

— Потребовал? — удивился Куманин.

— Ну, просил, если хотите,— пожал плечами Феофил.— Хотя мне, кажется, что это было требование. «Не верь, не бойся, не проси» — просить у вас что-либо бессмысленно, а требования вы выполняете быстро.

Феофил процитировал Солженицына, видимо, для того, чтобы вызвать у Куманина очередной приступ ярости. Но ошибся, поскольку тот Солженицына не читал и думал совсем о другом.

— Значит, вы считаете,— сказал он,— что ее просто арестовали на улице?

— Не думаю,— ответил Феофил.— Ей позвонили, наверное, и объяснили обстановку. Другими словами, ей оказали доверие, и она согласилась. Надя ведь такой же советский человек, как и мы все.

— Согласилась? — переспросил Куманин.— Не предупредив родителей? Что-то не верится.

— Тут возможны варианты,— сказал Феофил.— Очень может быть, что ей обещали, что вечером она вернется домой, или попросили привезти какие-нибудь вещи для мальчика, лекарства или что-нибудь в этом духе. А потом или задержали, или Алеша не отпустил, или сама не захотела уезжать без него. Почему не позвонила? Тут тоже возможны разные объяснения. Не исключено, что мальчик, попав в ваши руки, сразу же заболел или имитировал болезнь. После исчезновения Нади прошло всего двое суток. Я уверен, что она так или иначе даст о себе знать, вот увидите.

— Что-то мне все это кажется сказкой,— признался Куманин,— вначале я, признаться, просто считал вас чокнутым с мелкоуголовными наклонностями. Теперь вижу, что вы очень способный психоаналитик, хотя и с завихрениями. Кое-что из того, что вы мне рассказали, совпадает и с моей собственной информацией. Я начинаю думать, что вы правы в том, что касается Нади. Но Алеша Лисицын... Не бывает такого, чтобы люди появлялись ниоткуда. Его обнаружили в Ростове Великом на автобусной остановке. Не поленюсь и съезжу туда и, уверяю вас, многое выясню: откуда он появился, зачем, и кто его на этой остановке оставил.

— Кстати,— спросил Феофил,— вам лицо этого мальчика никого не напоминает?

— Да,— согласился Куманин,— мне все время кажется, что я уже где-то видел это лицо, но я не могу сообразить где.

— Он очень похож на покойного цесаревича Алексея Николаевича,— заметил Феофил.— Не находите?

Лицо цесаревича Алексея, сына Николая II, Куманин видел накануне на обложке книги Чарльза Гиббса, но оно не вызвало у него никаких ассоциаций.

— Нет, не нахожу,— сказал он Феофилу.

Феофил поднялся, подошел к книжным полкам и извлек оттуда фоторепродукцию, изображающую пятилет-

него царевича на руках у дядьки-матроса. Царевич был одет в матроску, на голове бескозырка с надписью на ленте: «Штандарт». Он положил картинку перед Куманиным на стол, а рядом уже знакомую фотографию Нади с Алешей на руках.

— Безусловно, это разные люди,— заявил экс-психиатр таким тоном, как будто цесаревичу Алексею, будь он жив, было бы ныне, в 1989 году, не восемьдесят пять лет, а пять.— Алеша гораздо светлее, у него другой овал лица. Но обратите внимание на нос, очень характерный разрез глаз и главное — губы. Согласитесь, сходство очевидно.

— Прекратите,— болезненно поморщился Куманин.— У меня голова уже болит от ваших фантазий. Теперь понимаю, почему вас при Андропове не посадили, а отправили лечиться. Я бы поступил точно так же...

Но вдруг, то ли под воздействием токов, исходящих от Феофила, то ли от их разговора, Куманин увидел сходство между Алешей Лисицыным на руках у Нади Шестаковой и цесаревичем Алексеем на руках у дядьки. Куманин решил, что с него достаточно. Он посмотрел на часы. Было два часа дня. Надо было возвращаться в Москву.

— Ладно,— сказал он,— пора ехать.

— Мне следовать за вами? — спросил Феофил.

— Пока не надо,— сказал Куманин,— когда вы мне понадобитесь, я найду вас. Запишите мой телефон. Если будет что-нибудь новое о Наде, звоните. Здесь откуда-нибудь можно позвонить?

— С почты,— с чувством облегчения сказал Феофил,— правда, не всегда удается дозвониться.

— Постарайтесь,— Куманин встал и направился к выходу. Уже подходя к машине, он спросил Феофила:

— Кем был мой однофамилец, в честь которого названа здешняя богадельня? Говорят, и село до революции носило то же имя?

— Серпуховский купец,— ответил Феофил,— был очень богат, гонял по Волге пароходы, торговал солью и рыбой. Во многих окрестных селах строил церкви, богадельни и школы. Но жил постоянно в самом Серпухове, где была еще куманинская пристань. Сейчас никакой пристани там уже давно нет. А недалеко отсюда у него была дача — шикарный трехэтажный особняк с колоннами. Я видел фотографию в одном из старых журналов, «Столица и усадь-

ба», кажется. Вы когда сюда ехали из Москвы, обратили, наверное, внимание на идущую вправо дорогу, где пост ГАИ. Это и есть дорога к особняку.

— Он сохранился? — удивился Куманин.

Феофил пожал плечами:

— Не знаю. Там с довоенных еще времен какой-то сверхсекретный институт, и никого туда не пускают. Слух ходил, что там изобретают какие-то невидимые лучи для сбивания самолетов. Возможно, особняк сохранился, но в перестроенном виде.

— А что потом стало с этим Куманиным, известно?

— В Оке утопили вместе с моим дедом,— ответил Феофил.

Садясь в машину, Куманин задал последний вопрос:

— А как этого Куманина звали? Не знаете?

— Не знаю,— признался Феофил.— Мать, может, знает. Я уточню, если вас это интересует. Вдруг родственник?

Куманин, ничего не ответил, газанул и поехал по дороге в сторону куманинской богадельни.

III

Еще на подъезде к дому Пименова Сергей подумал, что надо бы залить воды в радиатор машины. Но псих-психиатр настолько заморочил ему голову своими библейско-мистическими рассуждениями, что он забыл об этом. Куманин уже проехал пост ГАИ на таинственной лесной дороге, ведущей, как удалось узнать, к бывшему особняку купца Куманина, когда тревожно замигала лампочка температуры, оповещая о том, что дальнейшая езда погубит двигатель. Сергей выругался, остановил машину и вышел на дорогу. Натянув грубую рабочую рукавицу, он снял пробку радиатора, и оттуда повалил пар, как из лопнувшей трубы теплоцентрали. Он оглянулся вокруг. С левой стороны дороги сплошной стеной стоял лес. Жара последних дней насухо высушила все придорожные канавы. До ближайшей же речки, где можно было набрать воды, было еще километров семь. Однако справа лес уже отступал метров на пятьсот от дороги, и на пологом косогоре притулился небольшой домик, утонувший в зелени растущих кругом мо-

лодых сосен. Выбора не было. Достав из багажника ведро и заперев машину, Куманин пошел через поле к этому дому. Взобравшись на косогор, он увидел внизу несколько десятков крыш какого-то поселка.

У домика, к которому он подошел, на скамеечке дремала старушка, положив на колени натруженные руки. При появлении Куманина она открыла глаза и без всякого испуга спросила:

— Чего тебе, сынок?

— Извините, мамаша,— обратился Сергей, выставляя перед собой пустое ведро в качестве доказательства мирных намерений.— Воды у вас где-нибудь можно набрать в машину залить?

Старуха тяжело поднялась со скамейки.

— Беда с водой-то,— проговорила она жалобно.— До колонки-то пока дойдешь — замучаешься. Мне же не натаскать, а сын-то из Москвы раз в год по обещанию наезжает, мне ни гряды не полить, ни постирать, ни обед приготовить. Бочка-то вон скоро вообще рассохнется...

— А где колонка? — спросил Куманин.

— Сейчас внучка кликну, он покажет.— Дениска, проводи этого дядю до колонки,— позвала внука бабушка.

Откуда-то появился мальчонка лет десяти, всем своим видом выказывая готовность послужить проводником.

— Сынок,— обратилась старушка к Куманину.— Ты бы и мне воды в бочку натаскал, а? А я тебя молочком попотчую с клубникой. А то совсем пропадаю. Я тебе коромысло дам и два ведра больших. Ходки три сделаешь, и ладно. Мне-то ведь уж скоро восемьдесят. Боюсь, помру, таская.

Куманин взглянул на часы и согласился. По большому счету, в Москве делать было нечего, а садовой клубники он давненько не пробовал.

Колонка оказалась метрах в двухстах от дома. В сопровождении Дениски Куманин совершил три ходки и под благодарственные причитания бабы Дуси (старушку звали Евдокия Никифоровна) наполнил бочку водой почти до краев. После чего старушка пригласила его в дом отведать обещанное молоко с клубникой. Это было весьма кстати, поскольку Сергей, как всегда, утром перехватил стакан кефира, а уже шел четвертый час. Войдя в дом, первое, на что обратил внимание Куманин, был большой фотопортрет

мужчины в гимнастерке с тремя кубиками на петлицах, висевший на стене. Гимнастерка его была украшена значком «Ворошиловский стрелок» и «20 лет НКВД» в виде традиционных щита и мяча. Приглядевшись, Куманин понял, что эта фотография с какого-то маленького оригинала, видимо, сохранившегося на старых документах.

Баба Дуся заметила, с каким любопытством Куманин рассматривает фотографию на стенке и, вздохнув, пояснила:

— Муж мой — Ваня. Как в сороковом году пропал, так ни слуху ни духу.

— На финской войне? — поинтересовался Куманин.

— Какое там на войне! — отмахнулась бабуся.— Кабы на войне, то понятно было бы. А то здесь он служил, неподалеку, в охране. Тут недалече в лесу, где милиция-то сейчас стоит, дорога идет к даче какого-то бывшего буржуя. Там он и служил в охране.

— А что на той даче было,— спросил Куманин,— чего он охранял?

— А шут его знает,— сказала бабка,— никогда не сказывал, да я не особо спрашивала. Секреты какие-то охранял, потом у них, в аккурат перед Новым годом в сороковом, какой-то начальник помер. Его неподалеку тут, на старом монашеском кладбище схоронили, с тех пор я Ваню своего и не видела. Много человек из поселка, что там служили, пропало тогда. Думали, перевели их куда. Я и в Москву ездила, хлопотала, куда мне с детьми деться — ни денег, ни аттестата. Никто ничего не знал. А там война началась. Только после нее пенсию выхлопотала небольшую и справку на Ваню получила: «Погиб при выполнении службы» — так вроде написано.

— А что за начальник умер? — спросил Куманин,— наслаждаясь свежей клубникой.

— А шут его знает,— ответила баба Дуся,— полковник какой-то. Сказывали фамилию, да я позабыла.

— Не Лисицын случайно? — поперхнулся Куманин молоком от своей догадки.

— Не,— сказала старушка,— не Лисицын, Лисицына-то я знала, он майором был. Был там большой начальник, полковник какой-то, пару раз показывался у нас в поселке, после того и Лисицын пропал, и Ваня мой, и все. Меня с детьми выселить отседова хотели, да тут война с немцем началась, и позабыли, а после войны пенсию дали...

Куманин почувствовал, как заколотилось у него сердце. Значит, старая дача давно убитого серпуховского купца Куманина, и есть объект 17! И этот объект существует до сих пор, раз там такая охрана. Он забыл о молоке и клубнике, пытаясь унять дрожь, спросил:

— А кладбище-то это где? Где полковника этого похоронили?

— Километрах в семи отсюда. Там раньше скит стоял и кладбище при нем. Там его и схоронили. Слух был, что расстреляли за что-то. Потому так и похоронили.

— А подъехать туда на машине как-нибудь можно? — поинтересовался Куманин.

— Подъехать-то можно,— сказала старушка.— На Москву еще километра четыре проедешь, а там проселок вправо пойдет. Вот по нему еще километра три, а затем пешком уже недалеко. Только вот не пустят тебя, милок, туда.

— Это почему же? — Куманин допил молоко и вытер платком губы.

— Воинская часть стоит, все колючкой опутали. Бабы-то наши туда по грибы да за клюквой осенью хотят. Когда ничего, а когда ловят и штрафуют. Страсть какие злые бывают... Да и заросло там, поди, все. Часовенка должна стоять, коль не снесли. Красивая такая...

— Вы сами-то бывали там? — спросил Куманин.

— Еще с мужем ходила,— вздохнула бабка,— давно. Он мне часовню показывал. С тех пор не бывала.

Поблагодарив бабу Дусю за угощение, Куманин с ведром воды стал спускаться к шоссе.

Глава 7

Генерал Климов любил водить машину, хотя делать это удавалось очень редко. Беспрекословные инструкции для всей сановно-номенклатурной верхушки СССР категорически запрещали некоторые маленькие вольности, например, появляться где-либо без охраны, пользоваться общественным транспортом, а тем более ходить пешком по городу или другим местам, исключая специальные зоны вокруг охраняемых спецдач и заповедников. Не разрешалось жить, где хочется, кроме специально установленных районов, и, разумеется, водить машину. Даже Брежнев, обожавший сидеть за рулем, должен был в итоге подчиниться этим неукоснительным требованиям.

Раньше, когда Климов был полковником, он чувствовал себя гораздо вольготнее — мог появиться где угодно и с кем угодно, с упоением промчаться на своей личной «Волге» по Москве, съездить на дачу, даже будучи в подпитии. Генеральские погоны, полученные из рук Юрия Андропова, сразу же превратились для него в нечто вроде чугунных оков. Хорошо еще, что со смертью Константина Черненко суровый партийно-номенклатурный протокол стал забываться, правда, не настолько, чтобы можно было окончательно почувствовать себя если не свободным, то хотя бы независимым, и, как говорили остряки, самостоятельно ходить в сортир, не беря с собой порученца или адъютанта для спуска воды. К счастью, Климов все-таки был генералом КГБ, а не секретарем ЦК (даже членом ЦК не был), и потому мог позволить себе маленькие вольности, сославшись на секретность того или иного мероприятия.

Сейчас, ведя по улицам Парижа взятый напрокат «Пежо», генерал испытывал удовольствие и нарочно поехал в объезд, дабы продлить его. Он был уверен, что за ним нет хвоста, по крайне мере, своего. «Если же в него вцепилась французская или любая другая западная спецслужба, пусть знают — он подвержен порокам, как большая часть рода человеческого». В соответствии с западным мышлением (в принципе, вполне логичным), генерал КГБ просто обязан обладать всеми человеческими пороками, от садизма

до содомии. Конечно, за ним могли следить недоумки из так называемой группы «Зет», замкнутой, как считает Горбачев, непосредственно на него. Следят они, в основном, за ближайшим окружением генсека, но получку им приходится получать на Лубянке, хотя их личные дела (в целях конспирации) хранятся в Управлении делами ЦК. А кто платит, тот и музыку заказывает. Поэтому весь их пыл направлен на слежку за членами Политбюро и его аппаратом. Но если же он, Виктор Иванович Климов, заметит слежку за собой, то тогда по сигналу «вакуум» — они знают об этом — любой из них может исчезнуть с лица Земли. «Предположим, кто-то из группы успеет доложить Горбачеву о нем,— тоже не страшно. Во-первых, Горбачев (правда, частично) в курсе дела, во-вторых, узнав, что Климов действительно ездил в третьесортный отель «Адмирал Курбе», а не покупал себе бриллиантовые запонки Людовика XV в антикварном магазине Линье, дождется его собственного доклада».

Отель «Адмирал Курбе» находился в самом непритязательном районе французской столицы вблизи речного порта. В этом обшарпанном трехэтажном здании, построенном во времена Третьей республики, в старые времена находилось управление речной полиции. После окончания второй мировой войны его купил некий Франсуа Гико — личность довольно странная, тяготеющая к марксизму и алкоголизму одновременно. По замыслу Гико, в здании бывшей речной полиции предполагалось создать нечто вроде богадельни для алкоголиков, которыми кишмя кишел район, примыкающий к порту. Однако недостаток средств, как это всегда случается, не позволил ему полностью осуществить замысел. Вместо богадельни здесь были открыты круглосуточная распивочная и подпольный публичный дом, с помощью которых Гико и пытался кое-как свести концы с концами.

После смерти предпринимателя здание на аукционе (оно было пущено с молотка за долги владельца) купили темные личности, пожелавшие остаться неизвестными. Газета «Юманите», которой Гико завещал этот свой дом, подала на анонимов в суд, но процесс проиграла, поскольку завещание покойного было давно опротестовано его кредиторами. С тех пор тут и существует отель «Адмирал Курбе», пользующийся весьма дурной славой как пристанище

алкоголиков и гомосексуалистов. О заведении ходили всякие слухи, однако полиция и префект сохраняли по этому поводу спокойствие. Общественному мнению демократического государства было, видимо, не до него, поскольку в суд на новых владельцев отеля «Адмирал Курбе» никто никогда не обращался. Вид шикарных лимузинов, которые время от времени подъезжали к отелю и отъезжали от него, не прибавлял заведению респектабельности, а лишь окружал его ореолом некоторой таинственности...

В тускло освещенном холле под картиной, на которой адмирал Курбе, зажав подмышкой подзорную трубу, пил из горлышка бутылку рома на фоне вант и прочей романтики парусно-парового флота, сидел за стойкой портье и читал, к удивлению Климова, журнал «Дифенс Ревю» на английском языке. Этот факт, как и короткая стрижка, и также оттопыренные уши, отличали в портье отставного военного в чине старшего сержанта, не ниже. Поэтому Климов решил быть по-военному кратким.

— Меня ждет Поль Жульен из 207-го номера,— сказал он.— Я желал бы подняться туда.

Климов обратился по-английски, рассудив, что если портье читает журнал на английском языке, то, наверное, знаком с ним. К тому же по-французски генерал говорил плохо. В нужных случаях его обслуживала дюжина переводчиков, и собственных, и горбачевских. Возможно, портье и умел читать по-английски, но говорил примерно так же, как Климов по-французски.

— Если вы господин Мартин,— тщательно выговаривая слова, произнес он,— то месье Жульен ждет вас.

Генерал уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, когда портье вновь обратился к нему на некоторой смеси несуществующего англо-французского наречия, вполне, впрочем, понятного.

— Одну минутку, месье. Посетители обязаны заплатить за посещение. Наше заведение особое, и вход в него бесплатно разрешен только полицейским в некоторых конкретных случаях...

— Вот как? — изумился Климов.— И сколько же должен платить посетитель, не являющийся клиентом?

— Сущую безделицу, месье,— вздохнул портье.— Всего пятьдесят долларов.

— Вы рехнулись? — поинтересовался Климов.— Откуда у меня такие деньги?

— Не знаю, месье,— сказал отставной сержант, вставая,— но для бедных людей есть свои заведения. Наше же имеет репутацию, отрицающую бедность и благотворительность. Входящий к нам не может быть обременен этими двумя пороками...

— Думаю,— нашелся Климов,— что господин Жульен внесет эти деньги за меня, поскольку он меня пригласил...

— Это невозможно,— снова вздохнул портье,— даже если бы месье Жульен захотел это сделать, мы не могли бы принять его взнос, ведь он является нашим клиентом. Правила очень строгие и введены не сегодня, поверьте мне.

— Значит,— несколько растерянно сказал генерал,— если я не заплачу пятьдесят долларов, меня вообще сюда не пустят?

— Боюсь, что это именно так,— сделал печальное лицо портье.— По-видимому, вы первый раз имеете честь посещать наше заведение. В противном случае я бы не стал так терпеливо разъяснять наши правила.

— Кредитная карточка подойдет? — потерял терпение Климов, залезая в карман пиджака.

— Только наличные,— гораздо эмоциональнее пояснил портье,— поскольку...

Климов бросил на стойку пятидесятидолларовую купюру:

— Задавитесь,— сказал он по-русски.

— Простите? — не понял портье.

— Я говорю,— перешел на английский Климов,— что у вас порядки, как в хорошем аристократическом клубе.

— Мы и есть клуб,— согласился портье,— с той лишь разницей, что не берем вступительных взносов. У нас только разовые.

Климов решил, что с него хватит и поднялся на второй этаж. На площадке висел устав, написанный большими красными буквами на французском и английском языках, предупреждающий о том, что самоубийство — одно из наиболее тяжких смертных грехов, не подлежащих отпущению.

Устав клуба, о котором говорил портье, запрещал запирать двери номеров, в чем Климов убедился, обнаружив открытой дверь номера 207. Он вошел внутрь.

Пол номера был покрыт цветным линолеумом, мокрые следы босых ног вели, видимо, из ванны. За столом, стоящим посреди комнаты, на фоне забранного решеткой окна сидел человек в махровом халате цвета маренго, опершись подбородком на ладонь левой руки. В правой он держал бутылку, на этикетке которой был изображен адмирал Курбе с такой же бутылкой в левой руке и абордажным тесаком — в правой. Рядом стояла тарелка с цветной капустой, посыпанной какой-то коричневой мерзостью. На стене висел такой же плакат, как и на лестничной площадке, предупреждающий о смертном грехе самоубийства.

— Хелло,— сказал Климов, вешая шляпу на гвоздь под плакатом.

Вместо ответа постоялец номера приложился к горлышку бутылки и сделал молодецкий глоток. Поставив бутылку на стол, но не выпуская ее из руки, мужчина спросил по-русски:

— Какое сегодня число?

— 21-е июля,— ответил Климов, оглядываясь в поисках еще одного стула. Стула не было, и генерал присел на край койки, напоминающей ложе монаха, решившего пробить себе дорогу в рай путем умерщвления плоти.

— 21-е? — переспросил владелец халата,— Как быстро бежит время. Завтра у меня самолет. Хорошо, что ты пришел, а то бы я и не вспомнил.

И он сделал еще глоток из бутылки.

— Где Сашинский? — поинтересовался Климов.

— Умер,— ответил поклонник адмирала Курбе, опустив, наконец, бутылку, чтобы взять тарелку с цветной капустой и понюхать.

— В этом была необходимость? — вздохнул Климов.

— Не знаю,— поморщился его собеседник, с отвращением отодвигая обратно тарелку.— Как говорил ваш Ленин — лучше расстрелять на сто тысяч человек больше, чем на одного меньше.

— Это говорил не Ленин, а Гиммлер,— поправил Климов.

— Какая разница,— икнул неизвестный.— Прошу прощения.— Он посмотрел на Климова совершенно непьяными серыми глазами.

— Ты мне надоел, Климов,— проговорил он,— Ты мне

надоел еще в Москве. Зачем явился сюда, проконтролировать меня? Иди и убедись: труп валяется в соседнем номере, если, конечно, его не увезли. Тогда ищи в Сене. Самоубийство — это тягчайший грех,— пьяно рассмеялся мужчина.

Климов поморщился. Он не любил распущенности. То, что сказал человек, зарегистрированный у портье как Поль Жульен, было, может быть, и остроумно, но смеяться при этом не следовало, тем более над покойником.

— Ладно, Жульен,— сказал генерал,— наша работа требует большого нервного напряжения, и каждый снимает его по-своему. У меня нет принципиальных возражений...

— Что-то ты длинно говоришь,— буркнул тот, которого называли Жульеном,— как на партсобрании,— и повторил: «Самоубийство — грех».

— Я — атеист,— засмеялся Климов,— и в глупости не верю. Подобными сентенциями можно было заморочить голову покойному Андропову, царство ему Небесное. Я уже дважды кончал жизнь самоубийством, после чего меня оба раза повышали в чине...

— Никто не спорит,— согласился Поль,— ты уникальный экземпляр, что-то вроде цветущей липы, торчащей из спусковой трубы унитаза.

— Там столько удобрений,— еще пуще развеселился Климов,— что я сам удивляюсь, почему в унитазах ничего не растет. Но послушай меня внимательно...— Климов запнулся и добавил,— Поль. Я специально решил перехватить тебя по дороге домой, чтобы предупредить — весь наш согласованный график летит к чертям. Начались не очень пока понятные процессы ускорения, похоже, колесо пускают с горы...

— Ничего страшного,— хмыкнул Поль.— Придумаете какой-нибудь новый лозунг, например, «Ускорение-90».

— Уже напридумано,— заметил Климов,— на десять лет вперед, должно сработать. Дело не в нас, а в том, что ускоряются глобальные процессы. Стена может рухнуть уже в конце этого года, где-нибудь в ноябре-декабре. И начнется домино.

Поль с интересом взглянул на Климова и протянул ему бутылку:

— Выпить хочешь?

Климов молча принял бутылку, достал из кармана пид-

жака складной телескопический стаканчик, налил туда рому, выпил и снова налил.

— Курбе совершенно напрасно подался в адмиралы. Он стал бы известнее, если бы догадался запатентовать свой рецепт рома.— И выпил второй стакан.

— На этих развалинах,— продолжал Климов, заедая ром кофейным зернышком, добытом в каком-то другом кармане,— останется мощная западная группировка войск. Тебе не страшно, Поль?

— Страшно должно быть вам,— произнес Поль, доставая из под стола новую бутылку,— потому что эта ваша группировка. А поскольку у нее уже нет пути вперед, она может раскапризничаться, не желая возвращаться назад, домой. Тогда вам придется налаживать там механизмы воздействия, рыночные, наверное. Генералы приватизируют все вооружение, загонят его и наверняка станут не столь свирепыми, как во времена развитого социализма. Богатые люди — не агрессивны. Это прекрасно понимали вожди, потому попытались всех загнать в нищету и превратить в замороженное пушечное мясо...

— Слушай,— перебил его Климов,— хочешь, я испрошу для тебя место зама Горбачева по идеологии?

— Нет,— замотал головой Поль,— не надо. Платят у вас мало. Я, Климов, получаю в неделю больше, чем ты в год, хотя и не генерал.

И он снова приложился к бутылке.

— В этом и заключается вся суть горбачевской перестройки,— философски заметил Климов,— чтобы мы могли получать в день больше, чем ты, Майк, за всю жизнь.

— В высшей степени похвально,— ответил тот, кого Климов на сей раз назвал Майком.— Когда люди ставят перед собой высокие цели, они всегда добиваются успеха, поверь. Но ближайшие пять-десять лет вам придется здорово потеть. Работать не страшно, если труд хорошо оплачивается, не правда ли?

— Святая правда,— подтвердил Климов. Он некоторое время молчал, видимо, раздумывая о чем-то. Поль-Майк, положив подбородок на кисти обеих рук, сидел, глядя куда-то в вечность, как бабушка Федосья в русских народных сказках.

— Послушай,— неожиданно спросил Климов,— А что

бы у вас сказали, если бы Россия стала монархией? Полуконституционной, скажем.

— Ты меня сегодня достал,— ответил Поль, с отвращением переводя взгляд на блюдо с цветной капустой.— Горбачев уже нацелился в императоры?

— Причем тут Горбачев? — недовольно отреагировал Климов.— У меня есть более легитимный претендент.

Поль с некоторым усилием поднял голову.

— Кто такой? — спросил он с откровенным интересом,— не этот, во Франции? Как его? Кирилл...

— Владимир Кириллович,— подсказал Климов.

Поль попытался встать, при этом так тряхнул стол, что бутылка упала на пол, но не разбилась, лишь немного рома вытекло на линолеум.

— Ты чего? — спросил Климов, поднимая бутылку и снова вытаскивая свой стакан.

Поль снова тяжело опустился на стул.

— Хочу заметить,— начал он, недовольно глядя, как Климов наливает ром себе в стакан,— что этот парень не имеет никаких прав на престол. Еще Николай II отнял их у его папаши за аморальное поведение. Я читал совсем недавно в какой-то газете. Послушайте, генерал, почему Вы решили, что я должен поить Вас бесплатно таким дорогим ромом?

— Успокойся,— посоветовал Климов, выпивая стакан и наливая еще один.— Я заплатил на входе пятьдесят долларов.

— Тогда извини,— сказал Поль, протягивая руку за бутылкой.— Так у тебя есть кто-то другой на примете?

— Да,— подтвердил Климов,— прямой потомок.

— Интересно,— Поль даже поставил бутылку на стол.— Помню, когда-то читал один старый отчет о том, как наш агент Фокс прибыл в Екатеринбург и куда-то увез вашего царя...

— Разве Фокс был вашим агентом,— удивился Климов,— а не немецким?

— Немецким? — переспросил Поль с явным пренебрежением в голосе. — Разве немцы что-нибудь умеют, кроме «марш-марш-марширен»? Единственным их разведывательным достижением за две мировые войны была покупка Ленина за относительно скромную сумму, да и та боком им вышла в конечном итоге. У нас действительно была тогда

практика внедрять свою агентуру на восток через Германию, так что у вас вполне могли принять его за немца. В России вообще всегда было просто: кто не русский, тот или немец, или еврей, или татарин.

— У вас в те годы, кажется, вообще никакой разведки не было,— напомнил Климов,— как же вы могли осуществлять такие сложные операции?

— Была,— не согласился Поль, сладко потягиваясь.— Все-таки замечательно, провести два дня в этом благословенном месте, снимаешь напряжение целого года и заряжешься морально еще на год вперед. А ты, Климов, как снимаешь напряжение?

— Стреляю ворон в Завидово,— засмеялся генерал,— из автомата «Узи».

— И подследственных в лубянских подвалах,— дополнил Жульен.

— Преувеличиваешь,— заскромничал Климов,— и путаешь работу с отдыхом.

— В самом деле,— улыбнулся Поль,— я как-то об этом не подумал. Так о чем мы говорили?

— О том,— напомнил Климов,— что разведка у вас была еще до первой мировой войны.

— Да,— кивнул головой Поль.— Была даже лучше, чем сейчас, поскольку оставалась еще совершенно незабюракратизированной, если можно так выразиться. В этом — беда вашей и немецкой разведок, да еще в том, что они всегда были слишком милитаризированы. Это хорошо в военное время при определении сил противника на другом берегу реки, но совершенно не годится в наших операциях, в чем ты, наверное, уже смог убедиться. С моей точки зрения, разведка вообще не должна иметь никакой вывески. ЦРУ, КГБ, ГРУ, Моссад — это все из политических триллеров. Настоящая разведка, если она не может жить без вывески, должна довольствоваться нейтральным, вроде: «Благотворительное общество вдов во имя Христа Спасителя» или «Оптовая торговля консервированными фруктами». Улавливаете мою мысль, Климов?

— Частично,— буркнул генерал.

— Конечно,— продолжал Поль,— если в стране нет демократии и секретная служба тратит все свои силы на войну против собственного народа, то необходимы и пого-

ны, и портупеи и свирепо-громкие вывески типа «Смерть шпионам!».

— Майк,— жалобно произнес Климов,— я уже устал от политических исследований о глупости тоталитаризма, пожалей меня. Я не кончал Йельского университета. Ты знаешь, что такое чека? Это — Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, нечто вроде ваших Комитетов Бдительности времен освоения Дальнего Запада, когда любой начальник почти мог приговорить к немедленному повешению сразу пятьдесят человек. Вы прошли это в XIX веке, а мы проходим сейчас, поотстали из-за татарского ига. Так вот, я — чекист, поэтому не надо мне пересказывать свою магистерскую диссертацию. Я ее прочел, когда ты еще воевал во Вьетнаме. Вернемся к Фоксу. Ты о нем еще что-нибудь знаешь?

— Извините, мой генерал,— ответил Майк-Поль,— когда я с вами разговариваю, мне всегда кажется, что вы меня не поймете, если я предварительно не прочту хотя бы вступление из своего школьного сочинения на тему «Владельцы универсальных магазинов — основа боевой мощи демократии». Особенно о Фоксе. Если перейти на вашу терминологию, то он был кладоискателем. Владел небольшим магазинчиком где-то на Западном побережье, занимался мелкими финансовыми операциями и тому подобным, но всегда интересовался кладами. Не золотыми жилами где-нибудь на Аляске и в Калифорнии, а именно кладами. Начал он, если не ошибаюсь, традиционно: с поиска сокровищ Флинта или Моргана, я уж точно не помню. Увенчалось ли это каким-нибудь успехом, не знаю. Но тут, говорят, ему попалась какая-то брошюрка о том, что по количеству зарытых в землю и замурованных кладов Россия занимает первое место в мире, идя с огромным отрывом от всех остальных стран вместе взятых, как чикагские Рейнджеры в баскетболе. Идея оправиться в Россию на поиски кладов, по сравнению с которыми все легендарные сокровища пиратов выглядели жалкими медяками, настолько захватила его, что он решил отправиться туда в самый разгар первой мировой войны. У него существовала своя особая концепция на этот счет. Мол, нет ничего хуже где-либо спрятанных драгоценностей и золотых монет, поскольку все эти ценности должны работать на экономику человечества, а не лежать веками в дерьме без всякой пользы. Он пришел к

заключению, что ваша страна потому всегда была нищей, что все предпочитали зарывать в землю свои ценности из страха, что их конфискуют, а не пускать в оборот во имя общественного блага. Так вот, он решил отправиться в Россию. Ты, Климов, наверное, знаешь, как это делается у нас, в Штатах, когда какого-нибудь владельца магазина, банковского клерка, биржевого маклера или неудачливого писателя захватывает навязчивая идея стать искателем приключений? Они прежде всего идут в государственный департамент, поскольку не хотят, чтобы их засадили в тюрьму или просто пристрелили при первом же контакте с местными властями в какой-нибудь экзотической стране, вроде вашей.

Климов позволил себе гримасу неудовольствия, но внимательно слушал.

— В госдепе,— продолжал Поль, рассматривая на свет пустую бутылку «Адмирала Курбе»,— им выдают паспорт, который, хотя и не вызывал в те времена такого трепетного к себе отношения, как ныне, все-таки был достаточной страховкой от произвола туземцев. Я слышал, что даже Ленин и Дзержинский с уважением относились к американскому паспорту, поскольку имели подобные в своих сейфах на случай, если бы им пришлось спешно бежать из России.

— Не отвлекайся, пожалуйста,— попросил Климов, посматривая на часы.

— Хорошо,— согласился Жульен,— но прежде, чем выдать паспорт, в госдепе проводили собеседование и ненавязчиво просили новоявленного конкистадора немного поработать на правительство. В обмен тот получал возможность в случае необходимости укрыться в каком-нибудь американском консульстве или в миссии. Иногда эти люди добывали больше информации, чем специально подготовленные агенты. И тогда дядя Сэм ради их благополучия готов был послать через весь белый свет эскадру линкоров и дивизию морской пехоты. Сами того не подозревая, именно они заложили концепцию деятельности разведывательных институтов, но это произошло уже много позже.

Поль еще раз посмотрел на бутылку.

— Всему прекрасному на свете приходит конец,— со вздохом изрек он и спросил:

— Который час?

— Половина восьмого,— не глядя на часы, сообщил Климов.

— Матерь Божия! — воскликнул Поль.— Час назад я должен был быть в посольстве. Меня уволят с работы из-за тебя, Климов. Ты на машине? Подвези меня до ...

— Я еще не сошел с ума,— ответил Климов,— чтобы возить тебя по Парижу. Для моего спасения Вашингтон не пошлет дивизию морской пехоты.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Поль.— Пройдусь пешком, проветрюсь. Но куда подевались эти мерзавцы?

В этот момент открылась дверь номера и огромного роста араб внес поднос с дымящимися чашками кофе и стаканами, наполненными какой-то зеленой жидкостью. На подносе лежала также сигара в упаковке из золоченой бумаги.

Ставя поднос на стол, араб сделал знак Полю. Тот кивнул головой. Араб вышел, прикрыв за собой дверь.

— Что он тебе сообщил? — поинтересовался генерал.

— Он глухонемой,— пояснил Поль,— напомнил, что тебе пора выметаться. Ты уже насидел на свои пятьдесят баксов.

— Какие новости,— обиделся Климов.— Если они меняют правила, то надо об этом предупреждать посетителей. Я могу сидеть еще полтора часа.

— Ни в коем случае,— сказал Поль.— Ты можешь еще выпить кофе и все. А если хочешь остаться, перейди в другой номер, скажем, к Сашинскому. Может, он еще не закончил решать свои вечные треугольники. Выход здесь гораздо дороже входа.

— Ладно,— недовольно буркнул Климов,— выпью кофе и пойду. Жадные вы все какие. Как вообще здесь, на вашем хваленом Западе, жить можно, не понимаю. Но ты так и не рассказал мне о Фоксе. Что дальше-то с ним было?

— Да я никогда особо этим делом не интересовался,— сознался Поль.— Если тебя все это так интересует, то пошли кого-нибудь в наш архив. Все дела, связанные с Фоксом и его временем, давно рассекречены, остался только гриф «Не для публикации». Твои парни совершенно не умеют работать с документами, все норовят украсть у нас какой-нибудь истребитель или танк, а зачем, непонятно...

— Не бухти,— поморщился Климов,— расскажи, что знаешь.

— Насколько я помню,— ответил Поль,— Фокс на шведском пароходе добрался до Стокгольма, оттуда перебрался в Берлин. К этому времени у вас уже произошла очередная революция. Фокс покрутился в Берлине. Говорят, умудрился попасть на прием к самому кайзеру и заинтересовал его своими проектами, предъявив письмо, подписанное чуть ли не самим Вильсоном, тогдашним президентом. Я лично в это не верю, хотя такие письма в те времена можно было купить за пять долларов где угодно. Старик Вильгельм тоже был романтиком, падким на разные фантазии. Словом, Фокс в составе немецкой делегации с липовыми документами прибыл в Петроград, потом в Москву...

— Он знал немецкий язык? — спросил Климов.

— Ты меня удивляешь,— Поль раскурил сигару.— Он же немец, конечно, знал родной язык.

— Ладно, извини. Это, конечно, детали,— согласился Климов.— И что же дальше было?

— Полный туман,— признался Поль.— Вроде, он добрался до места, где держали под арестом вашего последнего царя. То ли он его сам расстрелял, то ли спас — непонятно. Но он много работал по царским драгоценностям. В 20-е и 30-е годы от него в госдеп пришло пять или шесть секретных сообщений. Все они представляли собой реестры найденных драгоценностей, каждый длиной примерно в полмили.

Климов изменился в лице:

— Он присылал донесения в госдеп? Ты не шутишь?

— А куда же он еще мог их посылать? — удивился Поль.— ЦРУ тогда не было, ФБР подобными делами никогда не занималось. Все эта публика была замкнута на госдеп.

Климов не стал анализировать, действительно ли Поль не понял его вопроса и решил прикинуться простаком, и спросил:

— А что он делал с этими ценностями?

— Как что? — еще сильнее изумился Поль.— Отдавал советскому правительству, оставляя себе пять процентов, как предусмотрено контрактом.

— Каким контрактом? — подскочил Климов.— Ты что, рехнулся? Какие пять процентов?

— Ну, может, семь,— пожал плечами Поль,— не знаю.

Может, он приврал, чтобы налогов не платить. Что ты так горячишься, Климов? Он что — твой родственник? Или ты именно его наметил в претенденты на престол?

— Не остри,— раздраженно сказал Климов,— ты правду сейчас говоришь или смеешься надо мной?

— Не знаю, правда это или нет,— засмеялся Поль.— Не задумывался над этим. Так написано в его отчете после возвращения в Штаты. Как говорится, почем купил...

Климов почувствовал тупую боль в затылке.

— Он вернулся в Штаты? — хрипло спросил Климов.

— Да,— кивнул головой Поль,— еще до Перл-Харбора. Кажется, летом 1941-го, а умер году в 69-м. Сын его еще жив. В одной нашей газете лет пять назад была о нем статья. Насколько помню, там говорилось, что он — самый знаменитый кладоискатель в мире, один из немногих, кто сделал себе на этом огромное состояние.

— По контракту,— прошептал Климов.— Он работал по контракту...

— Я же говорил, что ты ничего не поймешь,— развел руками Поль. — Хотел же прочесть тебе вводную лекцию об искусстве разведки, а ты меня прервал.

Он посмотрел на часы:

— Все, Климов, катись. Встретимся в Москве у Натана.

— Когда? — спросил генерал, думая о чем-то о другом.

— Я же не на животе поползу через следственную полосу,— засмеялся Поль,— так что узнаешь о моем возвращении одним из первых. Если, конечно,меня не зашлют куда-нибудь в Рио или еще дальше.

— Почему в Рио? — не понял Климов.

— Да потому, что я не знаю португальского языка,— ответил Поль, — наша бюрократическая машина не хуже вашей. Надо сказать, что за последние пятьдесят лет вы нас сильно испортили.

— Это еще надо посмотреть, кто кого,— Климов снял шляпу с гвоздя.— Ты хорошо запомнил все, что я тебе сказал?

— Запомнил,— ответил Поль,— только не все понял.

— Что, например? — удивился генерал.

— Откуда у тебя взялся наследник престола для твоей будущей монархии? — Поль вопросительно посмотрел на Климова.

— Думаю, что он попал именно в те пять процентов, ко-

торые ваш Фокс слупил с товарища Сталина,— ответил Климов, направляясь к дверям.

— Надо же! — воскликнул ему вслед Поль.— Какой, оказывается, мошенник. Им все удавалось потому, что над ними почти не было бюрократии.

— Рассказывай свои сказки в Вашингтоне,— не оборачиваясь, ответил ему Климов, выходя на лестничную площадку. Остановившись у стойки портье, Климов спросил:

— Вы тоже работаете по контракту?

— О, нет, месье,— ответил экс-сержант.— Я — акционер.

Климов положил на стойку сто долларов. Он хорошо усвоил правила клуба.

II

Утром в понедельник, когда Куманин пришел на службу, его ждал маленький сюрприз.

— Сергей Степанович,— едва увидев его, объявила «прапорщица» Света,— звонил Виктор Иванович. Касательно вас он приказал следующее: «Чтобы рапорт лежал у меня на столе в понедельник».

— В понедельник? — несколько растерянно переспросил Куманин.— Но ведь понедельник сегодня.

Света пожала плечами: «Разбирайтесь, мол, сами. Мое дело — передать».

— Генерал у себя? — поинтересовался Куманин.— Он вернулся?

— В управлении его нет,— сухо ответила «прапорщица», давая понять, что подобные вопросы она обсуждать не намерена.

Для себя Куманин решил, что речь, конечно, идет о следующем понедельнике. Не может же он написать рапорт за несколько часов, тем более, что пока не совсем ясно представлял, о чём, разве что об увольнении.

Искусство составления рапортов начальству родилось не сегодня, а по меньшей мере четыре тысячи лет назад. В наше же время оно достигло если не высшего, то известного совершенства. Не делая ровным счетом ничего, в рапорте

все можно подать таким образом, что начальству ничего не останется, как представить тебя к ордену или повышению.

Можно, конечно, было слетать на пару дней в Свердловск, поболтать с ребятами из местного управления, побродить по урочищам, где Юровский якобы закопал царские кости, растворив их предварительно в кислоте, пообедать за казенный счет в ресторане «Урал», а затем вернуться в Москву и положить перед собой с одной стороны опубликованную часть рапорта Юровского, а с другой — отчет следователя Соколова. И тогда составить рапорт по всем правилам. В заключении можно было бы указать, что задание не удалось выполнить до конца, поскольку его, майора КГБ Куманина, не пустили ни в один архив, несмотря на приказание руководства. И пусть разбираются между собой: кто что приказал и кто приказ саботировал.

Но в Свердловск Куманин лететь не собирался, а планировал съездить в Ростов Великий, чтобы выяснить, каким образом там появился Алеша Лисицын.

Он был доволен собой — оперативное чутье не подвело. Отклонившись, казалось, в сторону, и расследуя загадку исчезновения Нади Шестаковой, он совершенно неожиданно обнаружил местонахождение «Объекта 17», того самого, на котором загадочный опер Лисицын работал чуть ли не с 1918-го года. Выяснилось, что «Объект» является действующим и тщательно охраняемым, более того, расположен в особняке, который по чудесному совпадению, когда-то принадлежал его однофамильцу. Обнаружена баба Дуся, чей муж некогда этот объект охранял, она сама же видела (!) майора НКВД Лисицына.

«Интересно, что сказал бы генерал Климов, если бы Куманин обо всем этом написал в рапорте? Не исключено, что немедленно приказал бы его выгнать или посадить. За что? Найдут за что, если захотят упечь подальше».

Богатая собственная история многому научила работников госбезопасности, и прежде всего — не высовываться. В былые времена, когда в Минске убили Михоэлса, попытались списать это убийство почему-то на «бендеровцев» — украинских националистов. Для этого в столицу Белоруссии прибыла целая следственная бригада во главе с начальником следственного управления генпрокуратуры генералом Шейниным. Опытнейший следователь — Шейнин — быстро обнаружил, что следы убийц ведут прямиком на

Лубянку, но был наивен, написал об этом в рапорте, и, конечно, тут же сел «за злоупотребление служебным положением».

Совсем недавно, когда покончил с собой свояк Брежнева генерал армии Цвигун, заместитель Андропова, какой-то шустрый розыскник сразу определил, что Цвигуна убили и чуть ли не на следующий день розыскник попал под машину.

Если бы между Куманиным и генералом Климовым, как положено, существовала вертикальная цепь инстанций: командир группы — начальник отдела — координатор направления и так далее, то можно было бы устно доложить начальству, посоветоваться, как лучше составить рапорт, и выслушать отеческое наставление, как когда-то от подполковника Волкова: «Знаешь что, Сережа, ты только всю эту херню не вздумай в рапорте писать. Напиши коротко: профилактика проведена, приняты административные меры, возбуждение уголовного дела пока считаем нецелесообразным». Но между ним и генералом Климовым не было никого, и приходилось принимать самостоятельное решение. Требуемый рапорт следовало составить так, чтобы в нем, наряду с некоторыми свежими и оригинальными мыслями, содержалась бы обычная казенная «чернуха», и все вместе взятое могло привести разве что к увольнению из органов. Сергей слишком часто ловил себя на мысли, что хочет уволится, и ждал возвращения отца, надеясь получить его совет.

Размышляя подобным образом, Куманин вошел в собственный кабинет, открыл сейф и вытащил оттуда небольшую югославскую пишущую машинку — на Лубянке их катастрофически не хватало, а те, что имелись в наличии, либо не работали вообще, либо работали из рук вон плохо «Одной рукой печатаю, другой — слезы вытираю». Машинописью, разумеется, не владел никто из сотрудников, и хрупкие современные машинки, попав в их варварские руки, моментально ломались. Получить новую машинку было так же легко, как добится отмены смертного приговора. Начальство же исчиркивало любые документы своими красными карандашами, и почти все приходилось перепечатывать по несколько раз, это приводило подчиненных к состоянию, близкому к помешательству. Конечно, существовали секретное и особо-секретное машбюро, но они были настолько загружены работой, что с трудом успевали об-

служить руководство, у которого, между прочим, имелись собственные секретарши, вроде «прапорщицы» у генерала Климова.

Существовало спецателье по ремонту пищущих машинок, но отправить туда машинку — означало распрощаться с ней минимум на полгода.

По Лубянке гуляла легенда, что некогда сюда приходил еврей по имени Иосиф — мастер по ремонту пищущих машинок. Был он большим специалистом своего дела, но на проверку оказался то ли американским, то ли израильским шпионом — это зависело от того, кто историю рассказывал. Вскоре Иосиф, периодически похищая старые ленты и валики от ремонтируемых машинок, оказался в курсе дел на Лубянке, в чем и признался. Поскольку фамилию этого мастера никто вспомнить не мог, история стала легендой, которую использовали как объяснение того, почему нельзя нанять мастера по ремонту пищущих машинок.

Куманин же умудрился получить машинку из конфиската. Раньше она принадлежала какому-то непризнанному поэту, получившему срок за антисоветскую агитацию, а потому работа на ней способствовала рождению поэтического вдохновения. Хранил ее Куманин в сейфе и никому никогда не одалживал ни под какие гарантии. Нравы на Лубянке были, как во всякой армейской организации: одолжишь машинку кому-нибудь, потом ходи, ищи правду. Скажем, капитану рапорт надо отстучать, и, пока он этим занимается, к нему заходит большой начальник (или даже средний):«Чья машинка такая симпатичная?» — «Из соседнего подразделения».— «Они себе другую найдут, а эту поставь ко мне в кабинет».

Вставив в машинку лист бумаги, Куманин ощутил нечто вроде прилива вдохновения. Поставив в уголке листа привычный гриф «Секретно» (секретно все, а то, что считается несекретным — секретно вдвойне), Сергей застучал двумя пальцами по клавишам.

РАПОРТ МАЙОРА КУМАНИНА

Повышенный интерес к личности и судьбе последнего русского царя Николая Александровича Романова, известного как Николай II, объясняется в большой степени тем, что период нахождения этого человека на троне явился как бы переходным перио-

дом для смены исторического курса России от самодержавной деспотии к конституционной монархии. Этот период, как известно, завершился развалом Российской империи, возрожденной благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, полной сменой общественно-политического строя и даже уклада жизни.

Несмотря на подобное завершение царствования Николая II, необходимо отметить, что в некотором отношении указанный период явился по своим результатам уникальным в истории страны, прочно ставшей на путь европейского развития и экономической интеграции с остальным миром. В стране отмечались бурный рост всех видов промышленности, торговли (как внутренней, так и внешней), расцвет науки, искусства и литературы. В то же время была впервые в стране приведена в полный порядок финансовая система, введена конвертируемая валюта, стремительно развивались банковское дело и система государственного кредитования. Налоги при этом были гораздо ниже европейских, что наряду с резким ростом собственного промышленного производства и конечного валового продукта, привлекло в страну обширные иностранные инвестиции. На иностранных биржах очень высоко котировались и русская валюта, и российские товары.

По мнению многих иностранных специалистов, все это происходило не вопреки, а благодаря усилиям Николая II, пытавшегося перевести Россию на рельсы буржуазной демократии, в то время как многочисленные оппозиционные партии, получившие в царствование Николая II возможность действовать легально, пытались вернуть Россию на феодально-крепостнический путь, хотя и не понимали этого. Этот чрезвычайно короткий период в истории России, фактически ограниченный 1907-1914 гг., остался в народной памяти как некая светлая сказка о свободе и изобилии.

Известные перегибы времен культа личности, временные экономические трудности послекультового периода, признанные и однозначно осужденные нашей партией, как это ни странно, возбудили ностальгию именно по этому периоду, неизбежно привлекая

внимание к личности последнего императора, которая так и не получила объективного освещения в нашей исторической науке и литературе.

Некоторые иностранные источники полагают личность последнего[1] русского царя весьма достойной тщательного изучения, поскольку, по их словам, никогда, ни до, ни после, российское государство не возглавлял человек столь высоких нравственных принципов, столь интеллигентный, образованный и знающий свое дело. Как отмечают те же источники, «ни один человек в российской истории не был так грубо оболган и в личном плане, и в плане государственной деятельности».

Куманин вынул из машинки лист бумаги и вставил следующий.

«Все изложенное привело к известной идеализации личности Николая Второго, кульминацией чего стало приобщение самого царя и членов его семьи, погибших в 1918 году по официальной версии в Екатеринбурге, к лику православных святых Русской Зарубежной Церкви. Это обстоятельство и побудило известные эмиграционные монархические и религиозные круги попытаться получить т.н. «святые мощи» новомучеников, то есть их останки, для дальнейшей популяризации личности последнего монарха, превращая его в своего рода эталон русского правителя.

Однако поиски этих останков, проведенные МВД СССР, Академией наук СССР и прочими организациями союзного подчинения, а также многими энтузиастами, не привели практически ни к каким положительным результатам.

По решению КГБ СССР, поиск останков последнего русского царя и членов его семьи был поручен мне, Куманину С.С. На основании серии оперативно-розыскных мероприятий и работы с документами докладываю Вам следующее ...

«О чем я докладываю? — задумался Куманин, прервав

---

[1] Рапорт написан майором КГБ в 1989 году, а поэтому, постоянно ссылаясь на иностранные источники, он подчеркивал, что высказывает отнюдь не собственное мнение, ограждая тем самым себя от возможного недовольства командования.

работу и откидываясь в кресле.— Мне и докладывать-то не о чем. Сообщить, что с помощью бабы Дуси обнаружил местонахождения «Объекта 17», где опер Лисицын работал по розыску царских драгоценностей. Но мне никто не поручал искать «Объект 17», который наверняка хорошо известен Климову. И вряд ли генерал обрадуется, узнав, что это известно мне».

Уже несколько раз за последнее время Сергей ловил себя на мысли, что полученное задание по розыску останков расстрелянной в Екатеринбурге царской семьи занимает его гораздо меньше, чем история малыша Алеши Лисицына, которая оказалась тесно связанной с судьбой некогда любимой им женщины.

Начав печатать свой рапорт генералу Климову, Куманин решил не очень перетруждаться, а составить небольшую компиляцию тех уникальных материалов, которыми были набиты его шкафы. Климов, конечно, не читал этих книг, и можно было насобирать убийственный документ, способный привести руководство в изумление. А когда руководство приходит в изумление, оно кладет все рапорты под сукно, а исполнителя отправляет в отпуск.

Поскольку стало ясно, что Климов вряд ли появится в Управлении раньше следующего понедельника, у него еще достаточно времени, чтобы слепить более или менее логичный рапорт, съездить в Ростов Великий и попытаться узнать еще что-нибудь о Наде.

Взглянув на часы, Куманин убедился, что на обед идти еще рано, никуда спешить не надо, и решил принести жертву Богу Дисциплины и Порядка, просидев на работе весь день. Приняв подобное волевое решение и израсходовав на первых двух страницах все свое вдохновение, Куманин подумал, что неплохо бы прочесть кое-что из хранящихся у него материалов, чтобы отыскать новый источник вдохновения для составления рапорта.

Сергей вспомнил, что лет пять или шесть назад (точно он уже не помнил) по их отделу гулял интересный слух. Где-то (по одним версиям, в Москве, по другим — в Ленинграде или в Новосибирске) был арестован то ли крупный партийный деятель — то ли историк, работающий чуть ли не в аппарате ЦК. При этом называлось несколько фамилий, но все оказались выдуманными. Обвинялся этот мифический деятель во всех смертных грехах: от шпионажа в

пользу Соединенных Штатов и Израиля до ведения активной подрывной деятельности, главным образом с помощью злобных измышлений, порочащих советский строй. По тем же слухам, какие-то влиятельные покровители спасли этого человека от наказания. Он был признан невменяемым и отправлен в «спецпсихушку», где вскоре умер от какого-то укола или таблетки. Поговаривали, что при обыске у него обнаружили машинописную рукопись книги, которая называлась «Бесконечная война», или «Пятисотлетняя война», а, может, «Полигон сатаны». Полковник Кудрявцев божился, что сам видел эту книгу в кабинете Климова, тогда еще полковника. Как обычно бывает со всякими слухами, об этом поговорили и забыли. Руководство часто само распространяло всевозможные слухи по Управлению, чтобы проверить реакцию сотрудников на те или иные вводные, которые замышлялись наверху.

Но однажды Кудрявцев, уже сменивший к этому времени подполковника Волкова на должности начальника отдела, передал Куманину ксерокопии машинописных листов.

— Ты у нас историк,— сказал он Куманину,— почитай и позабавься.

— А потом? — спросил Сергей.

— Держи у себя, может пригодится. Помнишь, слухи ходили о таинственной книге, что кочевала по генеральским кабинетам? Мне кажется, это отрывок из нее.

— А вы сами читали? — поинтересовался тогда Куманин.

— Просмотрел,— махнул рукой начальник отдела.— Галиматья антисоветская, про последнего царя. Ты, может, и найдешь что-нибудь интересное, для общего развития.

Поскольку по этому материалу не надо было писать никакого заключения, подвергать его экспертизе на предмет установления пишущей машинки, а через нее автора, Куманин просмотрел материал мельком и полностью согласился с мнением Кудрявцева. Папку с этими листками он положил в шкаф с другими конфискованными рукописями. Все руки не доходили их актировать и сжечь.

Сейчас Куманин вспомнил об этих листках и решил их перечесть. В его шкафах и сейфах всегда царил идеальный

порядок, поэтому он быстро нашел папку и положил ее перед собой на стол, отодвинув в сторону пишущую машинку.

На верхнем листе ксерокопии черными чернилами была написана цифра «1», а ниже, где начинался текст, значилось:

Глава IX. Последняя попытка заключить мир.

В самом конце XIX века,— прочел Куманин,— Россия получила уникальный шанс сойти со своего многовекового кровавого пути, и наконец, добиться мира, согласия и процветания. Этот шанс страна получила в лице нового императора — последнего русского царя Николая Александровича Романова, вступившего на престол после неожиданной смерти своего отца в 1894 году.

Новоявленный император — совершенно уникальное явление в русской истории. Другого такого властителя среди князей киевских, царей московских, императоров всероссийских невозможно отыскать. На русском троне оказался тот самый русский интеллигент, чей образ робко моделировали Толстой и Достоевский, Чехов и Куприн, Ключевский и Соловьев, Розанов и Флоренский. Появление подобного человека на русском престоле было полной неожиданностью для современников, но они не успели оценить его по достоинству. Не смогли понять этого человека соотечественники, ни те, что тысячами погибали в большевистских лагерях, ни те, что прозябали в эмиграции. «Во, дает!» — подумал Куманин скорее с чувством восхищения, нежели возмущения.

«Ни один из русских, да, пожалуй, не только русских государственных деятелей не был так оболган, как Николай II. Обливать грязью его начали еще при жизни,— сначала робко: не вырвут ли языка, не посадят ли по 246-й статье на двенадцать лет, потом, поскольку ничего подобного не случалось, все смелее, развязнее, вне рамок приличия. А ведь нападкам и клевете подвергался в собственной стране не кто-нибудь, а самодержец, абсолютный монарх, имеющий право по собственной воле казнить и миловать своих подданных!

За годы коммунистического режима, то есть за последние семьдесят лет, имя Николая II пытались

стереть со страниц российской истории, из него пытались сделать ничтожество и кровопийцу одновременно. Ни один русский царь не вызывал у новых правителей столько ненависти, как Николай II, что уже само по себе было весьма поразительно. Анализируя природу этой ненависти, легко понять, что она основана на желании во что бы то ни стало скрыть сделанное этим замечательным человеком, монархом, который хотел и мог вывести Россию из страшного состояния, в котором она пребывала в течении тысячелетия.

Но историческую правду так же трудно скрыть, как и шило в мешке. За двадцать три года своего царствования Николай II никогда ни на кого не повысил голос, он не орал матом на министров и не бросал согнутые вилки в тарелки иностранных послов, как его отец, не бил тростью камергеров, как его дед, не хлестал по морде извозчиков и городовых, как прадед. Со всеми он был сдержан, любезен и безукоризненно вежлив. Он никогда (до последних минут своей жизни) не терял самообладания и мужества, не устраивал истерик, никому не угрожал крепостью или Сибирью. Он был выше сплетен, грязи, клеветы, обрушившихся на него. Он ни разу не применил закон «Об оскорблении Величества», ни одного человека не лишил свободы в несудебном порядке, то есть своей волей, на что имел право. Он стал первым царем в истории России, который осознавал себя главою государства, а не хозяином огромного нелепого подворья. Он искренне любил свою страну и свой народ, которые, к сожалению оказались не подготовлены к появлению такого государя...

Он не напивался, как его отец, не был ловеласом и сибаритом, как дед, самцом и солдафоном, как прадед. Он нежно любил свою семью, в кругу которой проводил все свободное время. Вместе они ставили семейные пьесы, читали вслух Гаршина, Чехова и Флобера, смеялись над фельетонами Аверченко, увлекались фотографией, играли в крикет и теннис.

Николай любил оперу и балет, часто посещал премьеры, покровительствовал актерам. Он со-

держал за свой счет театры, музеи, академии, лицеи, гимназии, приюты и многое другое. Все эти «Императорские» учереждения содержались за его счет. Он играл на пианино, на гитаре, неплохо пел и рисовал.

Это был застенчивый и очень скромный человек. Отец не успел произвести его в генералы, и Николай на всю жизнь остался полковником — он считал нескромным самого себя повышать в чине. Случай просто невероятный. Товарищ Сталин, который не имел, в отличии от Николая II, вообще никакого образования, не постеснялся, уложив двадцать шесть миллионов солдат, произвести самого себя в генералиссимусы. Николай II был излишне милосерден, он миловал даже тогда, когда казнить было необходимо.

Он искренне верил в Бога и был немного фаталистом («На все воля Божья»), не сомневался в истинности православия, но был веротерпим и воспитывал в других небывалую для такой военно-клерикальной страны, как Россия, веротерпимость. Именно в его царствование в столице империи были воздвигнуты кафедральная мечеть и хоральная синагога, на открытии которых он присутствовал лично. При нем в Петербурге начали возводить огромный католический собор, по размерам больше парижского Нотр-Дам. И это в стране, веками боровшейся с татарами и турками, в обществе, исповедующем ненависть к евреям и испытывающим страх перед Ватиканом. Тихо, с достоинством переживал страшную семейную драму этот человек: его единственный сын Алексей — надежда отца и династии — был неизлечимо болен. Приступы гемофилии могли отправить мальчика в могилу в любой момент. Представьте себе отца, у которого в любую минуту может умереть горячо любимый сын!

«Да,— возражают даже его поклонники,— это был неплохой человек,— порядочный и добрый. Ему бы быть командиром полка, директором гимназии, профессором академии. Но он совершенно не соответствовал своей должности Императора Всероссийского». Их заблуждения понятны, по-

скольку такого царя в истории России не было. Это был Государь. Царь, прекрасно осознавший свою роль в стране, хорошо знающий проблемы, император, который резким поворотом руля вывел Россию с заезженной, заляпанной кровью и грязью колеи на широкую дорогу европейской цивилизации.

Горькая ностальгия по старой России, которая охватила большую часть населения СССР — это ностальгия не по временам Ивана Грозного, Петра Великого или Николая I, это даже не ностальгия по царствованию двух последних Александров, это почти тоска по короткому периоду царствования Николая II, с момента окончания русско-японской войны и до начала первой мировой. Впервые молодой монарх начал действовать самостоятельно, не оглядываясь с испугом на целый взвод своих дядьев — родных братьев почившего родителя...

Историки, особенно советские, с большим удовольствием делают Николая II ответственным за Ходынку, Цусиму, 9 января, что вполне справедливо, поскольку за все отвечает ГЛАВА ГОСУДАРСТВА, независимо от личного участия или неучастия в событиях. Тогда почему же считается, что все положительные перемены в стране в период его правления произошли не по его воле, не благодаря его упорному государственному труду, а вопреки? Николай II был работоспособнее Петра I, но, в отличие от последнего, не проводил время в оргиях и постыдных забавах, не ходил по застенкам, обучая палачей. Он тщательно вникал во все сферы государственной жизни и международных отношений, представляя себе будущее России совсем иначе, нежели все его предшественники. И ему удалось сделать многое.

При Николае II была создана русская финансово-валютная система. Еще совсем недавно, по меткому выражению М.Е.Салтыкова-Щедрина, за русский рубль за границей можно было получить разве что по морде, в царствование последнего императора этот рубль теснил франк и марку, обгонял доллар и стремительно приближался по котировке к фунту стерлингов. Впервые в истории

России доходы превышали расходы: если в 1908 году это превышение составляло 30 миллионов золотых рублей, то 1912 уже 335 миллионов. Происходило это без увеличения налогового бремени. Законом от 1896 года в России была введена золотая валюта, государственному банку было предоставлено право выпустить 300 миллионов рублей кредитными билетами, не обеспеченными золотым запасом. Но правительство не только не воспользовалось этим правом, а наоборот, обеспечило бумажное обращение золотой наличностью более чем на сто процентов.

Бремя прямых налогов при Николае II в России было в четыре раза меньше, чем во Франции и Германии, и в восемь с половиной раз меньше, чем в Англии. Все это привело к небывалому расцвету русской промышленности и притоку капиталов из всех развитых стран. В период с 1894 по 1913 годы молодая русская промышленность увеличила свою производительность в четыре раза. За четыре года, предшествующие первой мировой войне, количество вновь учрежденных акционерных обществ возросло на сто тридцать два процента, а вложенный в них капитал учетверился.

Протяженность железных дорог увеличивались на 1574 километра в год (наивысший показатель коммунистического режима к 1956 году составил 995 километров.)

Накануне национальной катастрофы небывалого уровня достигло сельское хозяйство России. В течение двадцати лет царствования Николая II, то есть за период мирного времени, сбор урожая хлебов удвоился. С 1907 по 1913 годы урожаи основных злаковых культур в России были на треть выше, чем в США, Канаде и Аргентине вместе взятых. Никогда в будущем при большевиках это не повторялось! При Николае II страна стала основны поставщиком продовольствия в Западную Европу, семьдесят процентов мирового экспорта масла и пятьдесят — мирового экспорта яиц приходилось на Россию. Бородатых русских купцов сменили промышленники и финансисты, имевшие за плечами русские и иностранные университеты. По ре-

кам страны дымил самый большой в мире речной флот. Серебряный век в искусстве, золотой век в литературе и книгопечатании, расцвет журналистики, газетного дела, появление тысяч всевозможных журналов, сотен новых музеев и полсотни храмов только в одном Петербурге — все это состоялось в царствование Николая Александровича Романова. Он вводит в стране основы парламентской демократии и свободные выборы, внимательно следит за этими процессами, отлично понимая, что страна еще не совсем готова к подобным преобразованиям. При Николае II вводится невиданная доселе программа народного образования. Расцветают университеты и высшие учебные заведения, пользуясь свободой, которой они никогда не имели и не будут иметь в будущим. О николаевских гимназиях, реальных и коммерческих училищах до сих пор ходят легенды, а уровень полученного в них образования недостижим для нынешних советских университетов. К 1913 году общий бюджет народного образования достигает колоссальной суммы — полмиллиарда золотых рублей, а темп его прироста за двадцать лет — 628 процентов! В самом начале царствования императора начальное образование в России становится бесплатным, а с 1908 года — обязательным. Небывалое развитие переживает русская наука. Имена Павлова, Менделеева, Попова, Бехтерева и многих других всемирно известных ученых зазвучали в это время. Если не считать Ломоносова, что мы имели до этого?

Царствование Николая II — это подлинное РУССКОЕ ЧУДО. Тысячелетняя война затихала. Открывался простор для созидательной и творческой деятельности, он захватил все русское общество. Русский интеллект получил мощный энергетический заряд, возможно, впервые за тысячу лет он смог проявить себя в полном объеме. Мысль работала на созидание, а не на разрушение. Составлялись интереснейшие планы новых экономических реформ и финансовой политики, что неизбежно должно было привести к гегемонии

России на мировом рынке, причем к гегемонии не военной, а экономической.

Разумеется, глупо было отрицать, что в период правления Николая II в России не было проблем, неизбежных при столь стремительном движении из феодального мрака к цивилизации, при рывке из мировых аутсайдеров — в мировые лидеры. Но то, что последний русский царь успел сделать с доставшейся ему по наследству полуказармой-полутюрьмой, вызывает восхищение. Произошло чудо, и другого объяснения этому нет. Возможно, сатана, избравший Россию своим полигоном, буквально на минуту смежил веки.

Затем произошло то, что, неизбежно должно было произойти в России с таким царем, каким был Николай II — его свергли с престола и безжалостно уничтожили вместе с семьей. Рухнула и перестала существовать Российская Империя. Власть на ее обломках захватила террористическая организация во главе с Владимиром Лениным. Страна утонула в кровавой смуте. Число жертв стало исчисляться миллионами...»

Далее текст обрывался.

Куманин обратил внимание на то, что прочитанное не вызвало у него ни возмущения, ни презрительного пренебрежения, как несколько лет назад, когда он впервые просматривал материал.

Он спрятал листки недописанного рапорта вместе с пишущей машинкой в сейф, затем подошел к одному из шкафов и наугад вынул оттуда один из изданных на Западе фотоальбомов, посвященных жизни и царствованию последнего императора.

Прямо на обложке альбома была помещена фотография Николая II. В сюртуке капитана 1-го ранга он стоял, улыбаясь, положив руки на плечи сына, одетого в матроску. Глядя в открытое лицо и добрые глаза человека, чьи таинственно исчезнувшие останки ему было приказано отыскать, Куманин впервые почувствовал непонятное волнение, как будто он и Николай на фотографии оказались связаны какими-то непонятными, невидимыми нитями. Он

быстро поставил альбом обратно на полку и запер несгораемый шкаф.

III

В Ростов Великий Куманин приехал на автобусе Москва-Ярославль, который отправился в половине седьмого утра с площади Рижского вокзала. Вообще-то правила требовали, чтобы Куманин предупредил о своем появлении в городе местный отдел КГБ. Прошли уже те времена, когда чекисты провинциальных российских городов, изнывая от безделья, высасывали из пальца пять-шесть дел в год по фактам антисоветской пропаганды и признакам измены Родине. Сейчас Ростов Великий, отреставрировавший свой знаменитый Кремль, был включен в число городов так называемого «Золотого кольца» и горотдел КГБ работал чуть ли не круглосуточно, выискивая шпионов среди многочисленных зарубежных туристов. Работы было много: приходилось следить за несанкционированными контактами местных жителей с иностранцами и вести бесконечную войну с фарцовщиками в тайной надежде, что кто-нибудь из них засветится в шпионаже. Но поскольку дело, которое привело сюда Сергея, никак не было связано с подвигами местного КГБ, он решил это правило проигнорировать и сразу направился в милицию.

— Слушаю вас,— хмуро сказал пожилой майор — замначальника ростовского горотдела УВД (начальник был вызван на совещание в Ярославль), возвращая Куманину удостоверение, не вызвавшее у него ровным счетом никаких эмоций.— Какие у вас вопросы к нам?

Майор выглядел устало, и весь вид его говорил о том, что ему меньше всего на свете хочется сейчас заниматься делами московского КГБ.

— Около года назад,— начал Куманин,— на остановке автобуса Москва-Ярославль вашими сотрудниками был обнаружен потерявшийся мальчик пяти лет по имени Алеша Лисицын...

— Было такое,— подтвердил майор,— помню. Мы его в Москву этапи.., то есть отправили. Что-нибудь случилось?

— Случилось,— подтвердил Куманин,— многое случи-

лось. Поэтому мне и хотелось побеседовать с товарищами из патрульно-постовой службы, которые к этому делу причастны, почитать, если возможно, протоколы или какие-нибудь другие документы по этому делу.

Майор вздохнул и, подняв трубку видавшего виды телефона, произнес:

— Гришин, зайди ко мне на пару минут.

В кабинет вошел молодой старший лейтенант в голубой форменной рубахе с расстегнутым воротом. Он вопросительно посмотрел на майора, не утруждая себя какими-либо уставными фразами о прибытии по вызову начальства.

— Товарищ из Москвы приехал,— пояснил майор, показывая глазами в сторону Куманина,— из комитета. Интересуется обстоятельствами обнаружения в прошлом году мальчонка. Алеша Лисицын его звали, помнишь?

— Так точно, помню,— ответил старший лейтенант Гришин,— обнаружен младшим сержантом Власовым у остановки автобуса по сигналу граждан.

— Он был один на остановке, когда вы его обнаружили? — спросил Куманин.

— Один,— подтвердил Гришин,— полагаю, ребенок вышел из рейсового автобуса. Он у нас стоит три минуты. Мать заговорилась или заснула, он и вышел из автобуса. А автобус уехал. Забавный малыш, чего только наизусть не знал. В дежурке у нас его хорошо запомнили.

— А вы были там? — поинтересовался Куманин.

— Так точно, был,— кивнул головой Гришин.— Я его и оформлял. И потом им много занимался. Бумаги все на него составлял, когда его в детский дом забирали.

— А вы пытались найти кого-нибудь из его родных, — спросил Куманин,— объявление давали?

— А как же,— ответил вместо Гришина сам майор.— На остановке повесили объявление: «Кто тогда-то потерял мальчика примерно пяти лет, назвавшегося Алешей Лисицыным, обращаться в горотдел милиции», объявление дали и в свою газету и в ярославскую. Транспортную милицию запрашивали. Никто не откликнулся.

— Интересно,— сказал Куманин.— А вы проработали версию, что он мог прибыть в город с кем-нибудь, кто приехал на экскурсию по маршруту «Золотого кольца»?

— Специально не прорабатывали,— ответил старший

лейтенант Гришин,— но объявление повесили и в Кремле. Обратились бы к нам, если бы кто ребенка потерял. Ключи теряют — к нам обращаются. А тут — ребенок. Шутка ли!

— Я хотел бы посмотреть журнал происшествий по городу за этот день,— попросил Куманин.— Вы же зафиксировали там это происшествие, надеюсь?

— Конечно,— подтвердил Гришин, взглянув на майора.

Тот устало кивнул.

Старший лейтенант вышел и вскоре вернулся с канцелярской книгой, оказавшейся журналом происшествий за июль прошлого 1988-го года.

— Так,— сказал он, листая страницы,— вот. «28 июля 13.40. На остановке автобуса обнаружен мальчик примерно пяти лет без сопровождения взрослых. Доставлен в горотдел, назвался Лисицыным Алексеем. О своем появлении в городе ничего определенного сказать не может, заявил, что не помнит с кем, когда и зачем приехал в Ростов...»

— Разрешите, я сам почитаю,— попросил Куманин.

Гришин положил журнал перед ним.

Происшествия 28 июля, наверное, как всегда, начинались с «нуля часов». «Муж устроил пьяный дебош, избил жену. Двое выпивших граждан разбили витрину обувного магазина. Попытка угона частной автомашины. Задержан нигде не работающий. Ранее судимый пытался оказать сопротивление участковому. Подростки подожгли ларек «Союзпечати». Задержаны...»

28 июля выпало в прошлом году на четверг. День был будничным.

Куманин продолжал скользить глазами по странице. «12:20. Гражданка п/в потеряла сознание на территории Кремля. Оказана медицинская помощь».

В одной из своих версий Куманин предположил, что Алеша Лисицын приехал в Ростов на экскурсию с кем-нибудь из родных (с мамой или бабушкой, дедом наконец). Потеряться же он мог по самым разным причинам, например, когда тому, с кем он приехал, стало плохо. Мало ли что могло произойти! Мог упасть знаменитый кирпич, могла сбить машина. В итоге Алеша оказался никем не востребованным.

— Что это значит,— спросил Куманин, показывая

пальцем на строчку в журнале происшествий,— «гражданка п/в».

— Это значит: «преклонного возраста»,— пояснил майор.

— А что это за гражданка преклонного возраста, которой стало плохо на территории Кремля? Кто она такая? — Куманин продолжал держать палец на этой строчке.

— Не помню,— честно признался майор и спросил у Гришина:

— Ты не помнишь, что случилось тогда?

— Не помню, если честно,— ответил Гришин,— у нас там постоянный пикет есть на круглосуточной основе. С двумя офицерами посменно. Если так важно,— обратился он к Куманину,— можно сейчас туда съездить и выяснить подробности, если, конечно, вспомнят. Год ведь уже прошел.

— Поехали,— согласился Сергей.

Куманин, в сопровождении Гришина, вышел на улицу, где стояли три милицейских «уазика». К одному из них Гришин и направился.

— Может, пешком пройдемся,— предложил Куманин,— здесь же недалеко. Что в машине париться по такой жаре?

Гришин пожал плечами. «Можно и пешком пройти, коль того хочет оперативник из Москвы». Москвичи обычно пешком ходить не любили, чаще приезжая сюда на черных «волгах».

Ростов Великий упоминается в летописях еще за 862 год. В свое время он славился своими храмами и ремеслами, главным образом иконописью и производством знаменитой русской финифти. В XVI веке Сисой Великий основал Ростовский Кремль — чудо архитектуры, в которой нашли отражение военная неустрашимость и богобоязненность народа.

За годы Советской власти все здесь пришло в запустение, и прежняя великокняжеская столица превратилась в унылый районный центр, известный только тем, что его льнопрядильная и швейная фабрики постоянно выполняли план на сто один процент. Обветшал и кремль. Только совсем недавно решили привести в порядок наиболее древние города России, вроде Переславля-Залесского, Загорска и Ростова Великого. Вероятно, для привлечения иностран-

ных туристов кое-как отреставрировали и Кремль, назвав его культурно-историческим музеем-заповедником.

У древних стен стояло два туристических автобуса. Пикет милиции находился прямо под аркой входа на территорию кремля. В небольшом помещении пикета, обмахиваясь газетой, сидел дежурный сержант. Он был явно навеселе, что подтверждали довольно устойчивые пары, наполнявшие правоохранительную территорию.

— А где остальные? — поинтересовался Гришин.

— К Михалычу пошли,— признал сержант,— он картошки целую машину привез из Ярославля. Обещал полмешка, если помогут разгрузить...

— Ладно,— прервал откровения подчиненного Гришин,— тут вот товарищ из Москвы приехал. Интересуется гражданкой, которой у вас плохо стало от жары.

— Когда это? — уточнил сержант.— У нас каждый день кому-нибудь плохо становится. Приезжают уже пьяные в хлам, а тут и падают.

— В прошлом году,— пояснил Гришин,— 28 июля прошлого года.

— Ты даешь! — возмутился сержант.— Откуда ж мне помнить, что в прошлом году было. Я уж забыл что было вчера.

— Ты вот что,— посуровел Гришин,— ты мне не пререкайся. Не помнишь, журнал давай происшествий. Сами посмотрим.— И старший лейтенант свирепо указал глазами на Куманина.

Журнал нашли довольно быстро в заставленном пустыми бутылками стенном шкафу.

— На территории собирают,— почел своим долгом объяснить Куманину Гришин,— а сдать некуда. Раз в год перед ленинским субботником машину гоняем в Ярославль.

— Молодцы,— похвалил Куманин.— Давайте журнал посмотрим.

В журнале происшествий на территории «Исторического памятника» было зафиксировано фактически то же самое, что и в горотделе, только с припиской: «Вызвана скорая помощь. Оказана первая помощь т.Лазаренко Н.И.» и подпись: «младший сержант Селезнев».

— Что-то я не пойму,— спросил Куманин,— Лазаренко Н.И.— это фамилия потерпевшей? Как надо читать: оказана первая помощь товарищу Лазаренко Н.И.?

— Не-е,— засмеялся сержант,— тут надо читать так: оказана первая помощь товарищем Лазаренко Н.И. Это Нинка Лазаренко — замдиректора по общим вопросам. Боевая девка, я вам скажу.

В сопровождении сержанта (Гришин, сославшись на дела, вернулся в горотдел) Куманин прошел на территорию Кремля, поднялся на крыльцо, выполненное в старорусском стиле, с пузатыми колоннами, теремной крышей и затейливым петушком на спице. Однако за всей этой экзотикой обнаруживались вполне современный казенный коридор и двери с номерами, как в любом учреждении.

Нина Лазаренко — миловидная девушка лет двадцати пяти — сидела за столом и заполняла какие-то формуляры. Увидев входящего сержанта она, не заметив Куманина, спросила:

— Вась, тебе чего? Занята я.

— Товарищ вот,— указал на Куманина сержант,— из Москвы. Поговорить хочет.

— Вы из Москвы, товарищ,— спросила Нина,— из ЦК комсомола?

— Можете быть свободным, сержант,— сказал Куманин милиционеру, который, казалось не собирался уходить. Когда же он, натужно покраснев, вышел из помещения, Куманин представился:

— Нет, я не из ЦК комсомола. Я из КГБ.

Он успел хорошо рассмотреть Нину и понял, как надо себя с ней вести. На белой кофточке девушки алел комсомольский значок, на столе лежал блокнот делегата какой-то комсомольской конференции, и от всей ее статной фигуры, от энергичного лица и даже от прически веяло такой идеологической убежденностью, что можно было не сомневаться — в университете Нина была комсоргом факультета, как минимум. После того, как Куманин сказал Нине, кто он, выражение ее глаз продемонстрировало готовность выполнить любое задание.

— Мы расследуем,— продолжал Куманин, показав свое удостоверение, на которое девушка посмотрела, как глубоко верующий человек на чудотворную икону,— дело большой государственной важности. Надеемся, что вы, товарищ Лазаренко, сможете нам помочь.

— Конечно, товарищ..,— Нина широко открытыми глазами, как зачарованная, смотрела на Куманина.

— Майор,— подсказал Куманин,— но вы, Нина, можете называть меня Сергеем Степановичем.

— Чем я могу вам помочь, товарищ майор? — прерывающимся от оказанного доверия голосом спросила девушка.

— Примерно год назад,-- сказал Куманин,— вы оказали первую помощь некой старушке, которой стало плохо здесь, на территории ростовского Кремля. Не могли бы вы вспомнить подробности этого случая.

В глазах девушки сначала мелькнула тревога, быстро, однако, подавленная сознанием собственной правоты.

— Я отлично помню тот случай,— сказала она,— и бабушку эту помню. Она меня так достала, товарищ майор, что я дня два ходила, как шальная.

Видя, что Нине Лазаренко доставляет явное удовольствие обращаться к нему со словами «товарищ майор», Куманин не стал напоминать ей о разрешении перейти на имя-отчество и спросил:

— Что за бабушка, расскажите. И вообще, что у вас тут произошло?

— Бабушка вся из себя такая чистенькая, старомодная, очень приятная,— рассказала Нина,— какая-то, как бы это сказать, старорежимная. Сейчас такие уже редко встречаются. На ней даже шляпка была с цветочками. И говорила она, как герои Чехова и Куприна в книгах говорят. Так, мне кажется, у нас уже никто не разговаривает. А может, мне показалось. Не знаю.

— Она была одна? — Куманин затаил дыхание, ожидая ответа.

— С внуком,— ответила Нина,— мальчик лет пяти. Она все его уговаривала: «Алешенька, иди поиграй, маленький. Дай мне поговорить». А он бегал по газону.

У Куманина даже пересохло во рту от волнения.

— Дайте, пожалуйста, попить,— хрипло сказал он Нине.

Та налила ему стакан воды из графина. Вода оказалась теплой и противной.

— Что с вами? — девушка заметила волнение Куманина.

— Все в порядке,— поморщился Куманин, глотая теплую воду,— продолжайте, Нина, пожалуйста. Все, что вы рассказываете, чрезвычайно важно, поверьте.— Куманин помолчал, приводя мысли в порядок, и спросил:

— Она с экскурсией приехала, бабушка эта? Как она здесь вообще появилась?

— С экскурсией,— подтвердила Нина,— на автобусе из Москвы по «Золотому кольцу». Если хотите, товарищ майор, я вам точно установлю номер автобуса и фамилию водителя. У нас хранятся копии путевых листов. Там и фамилии экскурсоводов указаны.

— Да, если это возможно,— кивнул головой Куманин,— и что же произошло дальше в тот день?

— Эта старушка подошла ко мне,— продолжала Нина.— Я, товарищ майор, замдиректора музея-заповедника. И на мне все висит, от фондов до, извините, канализации. Как закончила в 1983 году университет в Ярославле, так здесь и работаю. Директора-то с огнем не сыщешь — он в Москве живет, по всем вопросам идут ко мне. Так вот, эта бабушка тоже ко мне подошла и стала рассказывать историю о том, что в 1913 году, представляете, она подарила собору в кремле какую-то икону. Говорит, чудотворную, Ростовской Божьей матери. И очень хотела бы к ней приложится и помолиться. Я еще тогда подумала, сколько же ей лет? На вид-то семьдесят пять, а она мне говорит:

— Деточка, мне уже за девяносто. «Ничего себе,— я подумала,— как сохранилась хорошо!». А она, значит, все про эту икону говорит: «Мол, оклад у нее золотой с драгоценными камнями должен быть». Я ей пытаюсь объяснить, что все оклады из драгметаллов с икон давно сняты и переданы государству и что у нас такой иконы и быть не может. Подобные вещи на особом хранении состоят в специальных учреждениях. А она мне твердит, что, может, оклад и сняли, но икона-то здесь должна быть. И так меня умоляла, что...— Девушка замолчала и покраснела.

— Продолжайте,— попросил Куманин, удивленно на нее взглянув.

— Признаюсь,— сказала Нина в явном смущении,— я признаюсь, товарищ майор, что нарушила правила. Но уж так она меня просила и такая вся была аккуратненькая, интеллигентная, что я...

Нина снова замолчала, а потом, как бы собравшись духом, выложила все «по сути совершенного ей служебного проступка».

— Я ее в фонды допустила,— сказала девушка, покраснев до слез, ибо уже была уверена, что чекист из Моск-

вы прибыл специально, чтобы расследовать именно это злостное служебное преступление — допущение посторонних лиц в фонды государственных музеев, и теперь ее точно выгонят с любимой работы. Но Нина Лазаренко была мужественным человеком.

— Я знаю, что это запрещено,— чистосердечно призналась она,— и готова нести ответственность за свой проступок. Но эта старушка была настолько необыкновенная, что я просто не могла ей ответить: «Гражданка, возьмите отношение в министерстве культуры, тогда и поговорим». Я знаю, что должна была именно так и поступить. Мне написать объяснение?

— О чем вы говорите, Нина? — Куманин даже потряс головой от изумления.— Какое объяснение? Меня интересует эта старушка, а не вы. Итак, вы ее допустили в фонды, где, если я вас правильно понял, хранятся старые иконы, представляющие культурно-историческую ценность? Видимо, для того, чтобы она она сама нашла ту икону, о которой говорила?

— Да,— кивнула головой Нина, немного успокаиваясь,— так оно и было, как вы говорите, товарищ майор. Зашли мы в хранилище. У нас там иконы висят, некоторые вдоль стен расставлены, некоторые просто кучками лежат. Нам много в последние годы передали из окрестных деревень. Там церкви так разворовываются, что решили — у нас будет надежнее. Значит, я иду, свет зажгла, а она за мной семенит. Я вперед немного прошла, потом оглянулась и вижу: бабушка на коленях стоит, в руках держит одну икону, что у стены стояла, целует ее, шепчет что-то и плачет. Я даже растерялась, хотела ее окликнуть, мол так себя вести нельзя, а она вдруг с этой иконой в руках повалилась на бок и упала на пол. Лежит, глаза закрыты, а икону держит на груди. Я сначала подумала, что сектантка какая-нибудь. Потом поняла — бабушка-то помирает. У меня у самой бабушка недавно умерла почти так же. Телевизор смотрела и со стула повалилась на пол...— Голос Нины прервался от волнения.

— Я растерялась,— продолжала она,— телефона в хранилище нет. Бежать куда-то и оставлять помещение открытым нельзя. У нас медпункт есть, но медсестра там появляется только по особым случаям, когда интуристы приезжают. Я ей голову подняла, зову. Вижу — у нее и гу-

бы вздрагивают и веки шевелятся, живая, значит, еще. Я ей под голову несколько икон положила. Тут, спасибо, кто-то мимо по коридору прошел. Я крикнула, чтобы сюда милиционера позвали из пикета и скорую помощь вызвали из города.

— Приехала «скорая»? — спросил Куманин.

— Да,— Нина тяжело дышала. Тягостные воспоминания, судя по всему, ее здорово разволновали.— Приехала «скорая», и ее увезли в 1-ю горбольницу. Она там умерла вскоре, я слышала.

— Умерла? — переспросил Куманин,— А как ее звали, вы помните?

— Не знаю,— растерянно улыбнулась Нина,— Она не говорила, я не спрашивала. Вы в больницу зайдите. Там должны знать. Тем более, что умерла.

— Так,— сказал Куманин.— Все это очень интересно. А с мальчиком тем, что случилось.

— Я о нем в той суматохе совсем забыла,— созналась Нина.— Потом только узнала, что его милиция подобрала где-то на площади у автобусной остановки. Меня даже вызывали его опознать...

Девушка снова замолчала.

— И что же,— поинтересовался Куманин,— опознали?

— Нет,— твердо сказала Нина Лазаренко,— не опознала. Милиция подобрала совсем другого. Этот рыженький, а тот, что у нас по газонам бегал, черняченький был, как цыганенок. Куда он делся, не знаю.

— Хорошо,— вздохнул Куманин.— Последний вопрос. Что это за икона была, которую старушка искала? Вы не выяснили?

— Да ничего особенного,— пожала плечами Нина.— Икона как икона. Местного ростовского письма начала нынешнего века. Тогда их здесь штамповали по десятку в день. В Ростове целая артель была иконописцев, своя школа. Ростовскую икону сразу можно опознать по письму. Могу показать, если хотите.

— Спасибо,— поблагодарил Куманин.— Я в этих делах плохо разбираюсь. А та икона, о которой эта бабушка говорила, Ростовской Божьей Матери в драгоценном окладе, о ней вы что-нибудь выяснили?

— Да,— ответила Нина,— их было две. Одна большая — она хранится в Третьяковке, правда, уже в муляжном

окладе, вторая малая — действительно когда-то хранилась здесь. Но ее давно у нас изъяли и передали в лавру Загорска.

— А сохранились какие-нибудь сведения о том, как или при каких обстоятельствах эта икона у вас появилась? — спросил Куманин.

— Документов на этот счет нет,— сказала девушка,— но существует легенда, что эту икону преподнесла ростовскому храму императорская семья в 1913 году, когда царь с близкими объезжал русские города. Это было во время трехсотлетнего юбилея династии Романовых.

— Вот как? — удивился Куманин.— Царь бывал в этом городе?

— Конечно,— подтвердила Нина.— Разве вы не знали? — Она подошла к шкафу, немного порывшись там, извлекла довольно потрепанную брошюру и подала ее Куманину.

Брошюру издали в Ростове 1913 году иждивением, как было сказано, купца Ивакина. Называлась она «Осчастливливание уездного города Ростова Великого пребыванием в оном Его Императорского Величества Государя Императора Николая II и всей Его Августейшей Семьи в лето от Рождества Христова 1913-е».

Куманин полистал книжечку и быстро наткнулся на фотографию, под которой стояла подпись:«Их Императорские Высочества Великие княжны Ольга и Татьяна изволят преподнести настоятелю обители Преосвященному Никодиму чудотворную икону Ростовской Божией Матери». Ниже было набрано мелким шрифтом: «фото Корнелиуса». «Молодец Корнелиус! — подумал Куманин.— Ты мне такими штуками мозги выбьешь на стенку». В виске стучало.

Он посмотрел на Нину. Выражение восторженного патриотизма, которое светилось на лице девушки в начале их беседы, исчезло, уступив место печали и усталости.

IV

Главный врач 1-й городской больницы Ростова Анатолий Абрамович Винкель при виде куманинского удостоверения побледнел и тяжело опустился на стул.

— Опять? Письмо от брата привезли?

— Уже привозили? — полюбопытствовал Куманин.— Брат в Израиле, что ли? Это большая ответственность — иметь родственников в сионистском государстве, столь враждебном нашей стране.

Выяснилось, что примерно полгода назад двое сотрудников с Лубянке привозили Анатолию Абрамовичу письмо от брата из Израиля и заставили написать ответ.

— Ладно,— успокоил Куманин.— Я совершенно по другому вопросу. Примерно год назад к вам в больницу была доставлена в тяжелом состоянии женщина преклонного возраста, судя по всему, с сердечным приступом. Мне бы хотелось взглянуть на историю болезни и прочие документы, связанные с ее кончиной. Она же умерла, насколько мне известно?

Главврач побледнел еще пуще, видимо померещилась тень незабвенного «дела врачей» пятидесятых годов. Суетливо набрав номер внутреннего телефона, Анатолий Абрамович с весьма заметными нотками истерики в голосе обратился:

— Кардиология? Татьяну Николаевну ко мне. Срочно. Что значит «на обходе»? Пусть прервет обход, раз я сказал!

Через несколько минут в кабинете появилась высокая женщина в белом халате с традиционным фонендоскопом на груди.

— Что случилось, Анатолий Абрамович? — спросила она недовольным голосом.— Вечно вы меня с обхода срываете?

— Татьяна Николаевна,— нервно произнес главврач.— Товарищ вот из органов приехал, из Москвы...

Доктор Винкель начал протирать очки, а Татьяна Николаевна недружелюбно уставилась на молчавшего Куманина.

— Это по поводу той больной,— справившись с очками, продолжал главврач,— которую примерно год назад нам доставили на «скорой» из Кремля. Она, кажется, приехала с экскурсией, а потом у нас скончалась. Вы помните этот случай, Татьяна Николаевна? Товарищ интересуется, насколько я понял, почему был летальный исход?

— Помню я этот случай,— подтвердила Татьяна Николаевна,— больную доставили с обширным инфарктом. Мы ее поместили в реанимацию, но ничего сделать не смогли.

Слишком обширный инфаркт с поражением... Кстати, вы знаете, сколько ей было лет? — с вызовом обратилась Татьяна Николаевна к Куманину.

— Сколько? — Куманин вопросительно посмотрел на нее.— Почти девяносто два,— заявила заведующая кардиологическим отделением.— А вы спрашиваете, от чего она скончалась! От старости.

Голос женщины звучал резко. Родственников в Израиле у нее не было. Но она отлично знала, как представители властей любят делать врачей крайними при любом удобном случае.

— Успокойтесь, товарищи,— миролюбиво предложил Куманин.— Анатолий Абрамович меня, наверное, не совсем правильно понял. Меня интересует не столько факт смерти этой старушки, сколько ее личность. Как ее фамилия и прочее. У нас, знаете ли, в розыске много людей, в том числе считающихся пропавшими без вести.

— Понятно,— сказал Анатолий Абрамович и спросил у Татьяны Николаевны.— Как фамилия больной?

— Не помню,— пожала плечами заведующая,— я и не знала ее фамилию. Историю болезни заполняла сестра, а свидетельство о смерти, наверное, Богомолов.

— Принесите историю болезни,— приказал Анатолий Абрамович,— и вызовите ко мне Богомолова.

— Я ее давно сдала в архив,— все еще раздраженно ответила Татьяна Николаевна.— Возможно, ее уже актировали.

— Что значит актировали?! — взорвался Анатолий Абрамович.— Пять лет положено хранить историю болезни при летальном исходе. Пять лет, а еще и года не прошло...

Это уже вопрос не ко мне,— откровенно зло выпалила Татьяна Николаевна.— Извините, товарищи, но меня ждут больные.— И женщина сделала попытку выйти из кабинета.

— Простите,— вмешался Куманин,— но вам придется задержаться. Отыщите историю болезни и принесите ее сюда. Возможно, у меня возникнут к вам вопросы. И еще раз прошу успокоиться. Никто против вас лично ничего не имеет.

Несмотря на это, Татьяна Николаевна, полыхая от воз-

мущения, удалилась, весьма солидно хлопнув за собой дверью кабинета главврача.

Извинившись перед Куманиным, выскочил куда-то и сам Анатолий Абрамович. Первой вернулась Татьяна Николаевна, неся найденную в архиве историю болезни. Она молча положила ее на стол перед Куманиным. Сергей взял историю болезни и почувствовал, как кровь ударила ему в голову, а в ногах появилась противная слабость. В графе «Ф.И.О. больной» стояла запись, сделанная, как обычно, быстрым и трудночитаемым медицинским почерком:«Романова Т.Н., 1897 года». Далее было записано: «Доставлена в бессознательном состоянии 28 июля 1988 года «скорой помощью». Диагноз: инфаркт миокарда».

Куманин взял себя в руки.— На основании чего заполнялись установочные данные на эту больную,— спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Не знаю,— ответила заведующая кардиологией.— Полагаю, со слов больной.

— Значит, она приходила в сознание? — попытался уточнить Куманин.

— Товарищ,— ответила Татьяна Николаевна,— у меня двести больных на отделении, у меня нет ни времени, ни возможностей запоминать подобные вещи. К тому же, это случилось год назад. Запись мог сделать лечащий врач или медсестра. Но и та, и другая уже уволились.

Куманин хотел было записать фамилии уволившихся врача и медсестры, чтобы позднее их опросить, но в этот момент в кабинет вернулся доктор Винкель в сопровождении высокого мужчины с широким, добродушным и улыбчивым лицом. Мужчина оказался Николаем Ивановичем Богомоловым, работавшим в больнице по совместительству патологоанатомом и заведующим моргом. Все заведующие моргами, которых приходилось видеть Куманину, были, как правило, добродушными и веселыми здоровяками. Николай Иванович раскрыл перед Куманиным папочку.

— Извольте убедиться,— мягко сказал он,— копия свидетельства о смерти: «Романова Татьяна Николаевна, 1897 года рождения, полных лет 91, причина смерти — инфаркт». Вскрытие не проводилось, поскольку существует положение, что таковое проводится по требованию родственников либо властей, либо по решению медицинских работников в каких-либо сложных случаях. В данном случае

причина смерти была весьма очевидной. Примите во внимание возраст больной...

— На основании чего записаны установочные данные больной? — снова поинтересовался Куманин.

— Здесь же указано,— тем же мягким голосом ответил Николай Иванович.— На основании паспорта почившей. Здесь все записано: номер паспорта, серия, прописан постоянно по адресу: поселок Романово, Асиновского района, Томской области, 5-я Леспромхозная, д.7. Извольте убедиться.

— Я заберу этот документ,— сказал Куманин.

— Ради Бога,— согласился заведующий моргом,— забирайте. Только расписочку извольте написать об изъятии документика. И номер своего документика поставьте.

Куманин написал расписку и, отдавая ее Богомолову, спросил:

— Она умерла тут, у вас, и что дальше вы с ней делали?

— Все как положено,— пояснил Николай Иванович,— уведомили милицию, послали запрос по месту жительства, чтобы родственники приехали. Ответ получили, что родственников никаких нет. Тогда, согласно положению, она была похоронена за счет государства, о чем имеется расписка. Вот, извольте.

— Где вы ее похоронили? — похолодел Куманин.

— Оправили в Ярославль на кремацию,— тихо, как тяжело больному, ответил Богомолов.

— На кремацию в Ярославль,— прошептал Куманин. Он показал справку о смерти Богомолову:

— Значит, это все, что от нее осталось?

— К сожалению,— согласился Николай Иванович,— но не забывайте, молодой человек, что то же самое останется и от любого из нас. В наше время дожить до столь почтенного возраста, сами понимаете. Что вы так расстраиваетесь. Это ваша родственница?

— Нет,— ответил майор пересохшими губами,— но она была мне очень нужна.— Он помолчал и добавил: — Хотя бы мертвой.

Куманин встал, извинился перед врачами, поблагодарил их за содействие и вышел из кабинета. Николай Иванович Богомолов догнал его.

— Минуточку,— сказал он, подходя к Куманину.

Тот вопросительно посмотрел на паталогоанатома.

— Знаете,— улыбнулся Николай Иванович,— когда я выписывал свидетельство о смерти этой старушки, то обнаружил в ее паспорте фотографию. Не знаю почему, но я ее оставил. Не стал сдавать в милицию вместе с паспортом. Может, она вам пригодится. Возьмите.

Куманин взял протянутый ему конверт и вынул небольшую фотографию — на ней изображен... Алеша Лисицын.

Эффект фотография произвела весьма сильный. Куманин не сумел, видимо справится со своими эмоциями, потому что доктор Богомолов спросил:

— С вами все в порядке? Может быть, вам дать чего-нибудь успокоительного?

— Спасибо,— устало поблагодарил Куманин,— у меня есть седуксен. Спасибо, доктор. И еще хочу попросить вас, никому ничего не рассказывайте о моем визите. И всех предупредите. Ради вашего спокойствия. Иначе не только вы сами, но и вся больница, даже весь город могут вляпаться в очень неприятную историю. Вы меня поняли?

— Конечно,— сказал доктор Богомолов, улыбаясь,— я все понимаю.

Куманин вышел на улицу и сел на скамеечку у ворот больницы, чтобы слегка осмыслить все, что ему удалось узнать. Отдельные части большой головоломки постепенно сдвигались, создавая, если не полную, то, по крайней мере, весьма колоритную картину. Интересно, что скажет Климов, когда Куманин доложит ему о своей поездке в Ростов. А, может, ему вообще ничего не докладывать, а тихо помалкивать.

Пока Куманин пытался привести в порядок свои мысли, возле него, взвизгнув плохо отрегулированными тормозами, остановилась серая «Волга». Из нее выскочили трое. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — перед ним весь личный состав местного КГБ, видимо, поднятый по тревоге Ниной Лазаренко.

Демонстрируя неплохую профессиональную подготовку, все трое — один впереди, двое чуть сзади — направились к сидевшему на скамейке Куманину.

— Капитан Фоменко,— представился головной — вы из Москвы? — И он сунул под нос Куманину бордово-гербастое удостоверение.

Без эмоций, как корабль, дающий опознавательный сигнал, Куманин показал свое.

— Почему к нам не обратились? — с претензией в голосе спросил капитан Фоменко.

— На работу надо с утра приходить, а не после обеда,— в тон ему ответил Куманин.

— В горкоме были на совещании,— миролюбиво сообщил Фоменко,— Если вы насчет Винкеля интересуетесь, то у меня на этого жида есть убийственный материал.

Бедняга Винкель, вероятно, «кормил» все местное КГБ.

— Фоменко,— тихим голосом произнес Куманин,— если ты когда-нибудь поинтересуешься, зачем я приходил в больницу, то следующим местом службы у тебя будет Асиновский район Томской области.

— Понял,— без всякой злости и смущения ответил капитан Фоменко. — В каком-нибудь содействии нуждаетесь?

— Довезите меня до железнодорожной станции,— устало попросил Сергей.

Глава 8

I

Утром следующего дня, когда Куманин прибыл на службу, на Лубянке произошло ЧП — лопнула труба в личном туалете генерала Климова, в комнате отдыха, что примыкала к его кабинету... Находившийся ниже этажом компьютерный центр оказался залит водой и вышел из строя.

В приемной у генерала Сергей увидел мокрую с ног до головы прапорщицу Светлану, пытавшуюся в лучших героических традициях закрыть пробоину своим телом. Если возможно верить истории, в годы Отечественной войны это удавалось делать с торпедными пробоинами, но тут не получалось. Вода продолжала хлестать, заливая нижние помещения, распространяясь по ветхим перекрытиям здания дореволюционного страхового общества «Россия».

Дверь в кабинете генерала Климова, чего ранее никогда не случалось, была распахнута настежь, и посреди него в полной форме с разводным ключом в руках стоял комендант Лубянки полковник Спиридонов. Он отдавал команды двум прапорщикам, сражавшимся в туалете с разбушевавшейся стихией. Все это напоминало борьбу за живучесть на тонущем корабле.

Дело в том, что водопроводчиков на Лубянке не было, но вовсе не потому, что ведомство оказалось жадным и не желало содержать их на своем балансе. Дело было гораздо серьезнее.

Еще в конце шестидесятых начале семидесятых годов в недрах ЦРУ был разработан гениальный план проникновения на самые секретные объекты Союза. Само ЦРУ никогда не додумалось до подобного, идея была явно подсказана кем-то из многочисленных перебежчиков, отщепенцев и прочих изменников родины, буквально наводнивших Штаты. Сутью операции, получившей условное наименование «Гаттер», что в переводе с английского означает «водосточная труба», было следующее. Давно замечено, что на

глухих заборах всевозможных секретных объектов, не имеющих ни окон, ни дверей постоянно висят объявления, приглашающие на работу (иногда срочно) водопроводчиков и сантехников. Это было естественно: качество сантехнических систем было абсолютно одинаковым как в доме хрущевской постройки, так и в каком-нибудь совсекретном оборонном НИИ или разведывательном аналитическом центре, построенном еще во времена товарища Сталина. Если верить документам секретной переписки, прорыв канализационной трубы в НИИ разработки лазерного оружия задержал выполнение программы на «неопределенное время». Обычно специалиста, будь то ракетчика, ядерщика, бактериолога, перед приемом на работу проверяют чуть ли не целый год, выясняя фамилии его случайных знакомых, сантехника же порой оформляют мгновенно, не очень интересуясь его прошлым. Принятый на работу водопроводчик-сантехник имеет право входить в любые помещения, куда не пускают даже членов ЦК и министерские комиссии. Они и знать не знают о существовании этих помещений, а сантехник знает, ибо трубы текут и лопаются везде, даже в бункере Генерального секретаря. Во избежание аварий водопроводчики дежурят на совсекретных объектах и по ночам. Таким образом, перед ними открывается необъятный простор для разведывательно-диверсионной деятельности. Вот потому-то в ЦРУ и было принято решение внедрить под видом сантехников на различные секретные объекты Министерства обороны, Комитета госбезопасности и Академии наук специалистов, в чью обязанность входило бы вскрытие направлений работы указанных объектов. «Вскрывать» было не трудно, разгуливая целый день по помещениям, в которых постоянно происходили сантехнические аварии.

Неизвестно, насколько далеко продвинулось ЦРУ в осуществлении этого весьма хитроумного плана, но все вражеские замыслы были надежно сорваны. Завербованный КГБ «крот», сидящий в руководстве ЦРУ, в руки которого попала копия плана операции «Гаттер», немедленно передал эти документы в Москву, где они легли на стол Ю.В.Андропову. Председатель КГБ в это время ломал голову, каким образом документы из его канцелярии сразу попадали в редакции западных газет. Прочтя планы противника, он пришел в ужас. У него в кабинете и в приемной постоянно

текли радиаторы парового отопления, а милейший дядя Вася (отставной майор, участник войны) и двое его подручных никак не могли устранить протечки. Юрий Владимирович даже не пожалел казенных денег и выписал норвежские радиаторы, но они не подходили к нашим трубам. Узнав, насколько коварен враг, Андропов едва подавил в себе желание отдать приказ о массовых арестах водопроводчиков и сантехников, работающих на закрытых предприятиях и почтовых ящиках. Но следовало узнать, как противник передает полученную информацию, и во все концы страны полетела секретная директива, предписывающая организовать слежку за сантехниками, работающими на объектах категории А-1, А-2 и А-3, и раскрыть их связи. Эта акция чуть было не привела органы госбезопасности страны в состояние коллапса. Из-за секретности этой крупнейшей в истории органов контрразведывательной операции ни одного лишнего слова в директиве не говорилось, чтобы не засветить «крота». Провинциальное же руководство никак не могло взять в толк, почему личный состав КГБ вдруг решили переключить с диссидентов на родных водопроводчиков. И требовали у Лубянки разъяснений, нет ли тут какой-нибудь идеологической диверсии? Неизвестно вообще, чем бы это дело закончилось, если бы внешняя разведка не добыла новые данные, неопровержимо доказывающие, что «кроту» подсунули дезинформацию, чтобы отвлечь силы КГБ от борьбы против антисоветчиков и переключить на борьбу против пролетариата. Андропов решил не вникать в тонкости разведывательной игры, предложенной противником. Поди теперь разберись, какое из двух сообщений «крота» истинное, а какое — липа? «Крот» работал за деньги, а потому передавал в Москву все, что проходило через его руки, не утруждая себя анализом. Резидентура КГБ в Америке этого «крота», естественно, в глаза не видела, а лишь получала от него сообщения через систему почтовых ящиков. Но, как бы то ни было, все водопроводчики оказались скомпрометированы. В целях «окончательного решения вопроса», в отделы кадров предприятий указанных категорий полетела инструкция, которая предписывала уволить с работы всех водопроводчиков и сантехников и обходится «собственными силами». Однако это указание было настолько туманным, а сантехнические аварии — столь часты, что на большин-

стве объектов приказ попросту проигнорировали. Наиболее исполнительные начальники, дабы избежать гнева Лубянки, перевели своих сантехников на подпольное положение, замаскировав под разных «механиков по оборудованию» или «инструкторов по пожарной безопасности».

Но если на периферии существовала возможность по саботированию приказа центра, то в самом центре, то есть у себя на Лубянке, Андропов навел полный порядок. Всех водопроводчиков выгнали безжалостно, невзирая ни на какие прошлые заслуги. После этого Лубянка потекла, как «Титаник» после столкновения с айсбергом, и многим казалась уже понятной суть диверсии, задуманной за океаном. Приказом Андропова в водопроводчики были обращены часть личного состава комендантского батальона. Для входа в некоторые помещения, скажем, в приемную генерала Климова (не говоря уже о его кабинете), требовался особый допуск. Солдату срочной службы выдать такой пропуск было совершенно невозможно, поэтому в комендантском батальоне постепенно сформировалось спецподразделение сантехников, состоящее из старшин и прапорщиков сверхсрочной службы. Водопроводчики-сверхсрочники отличались исполнительностью и готовностью к самопожертвованию, что они и демонстрировали сейчас в туалете генерала Климова, но страдали из-за недостаточного знания материальной части и отсутствия необходимого навыка в столь сложной работе.

В момент появления на сцене Куманина заискрила электропроводка компьютерного центра, что привело в действие систему автоматического пожаротушения. В результате было залито находящее под центром помещение канцелярии по учету уголовных дел. Работающие там женщины с визгом выскочили в коридор. Начался полный кавардак. По коридорам бегали солдаты с ведрами. Кто-то решил, что начался пожар и начал разматывать пожарные шланги у гидрантов. Сочно матерились чины комендантского батальона, нарушая привычную академическую тишину Лубянки.

Пока Куманин соображал, что ему делать в создавшейся чрезвычайной обстановке, в проеме открытых дверей приемной генерала Климова внезапно появился генерал армии Крючков в сопровождении генерала Гончаренко.

Генерал Гончаренко был чекистом еще ежовского при-

зыва. В молодые годы он настолько ловко ломал носовые перегородки допрашиваемым с помощью обычных пассатижей, что быстро обратил на себя внимание руководства и к моменту расстрела Берии имел уже полковника. В хрущевские времена его не изгнали из органов, а напротив, произвели в генералы и назначили заместителем начальника хозяйственнотехнического управления. Его очень любил Андропов, который при встречах постоянно повторял: «Вот она, наша живая история!». Со временем генерала перевели в группу генеральных советников Председателя КГБ. В отличие от остальных «генеральных советников», предпочитавших давать советы по телефону с собственных дач, генерал Гончаренко, несмотря на преклонный возраст, ежедневно приезжал в управление, всегда в полной форме. Правда, форма у него была какая-то странная. Она состояла из образцов униформ трех последних десятилетий (он еще носил мундир со стоячим воротником), но зато была украшена антикварными значками. Знавший в этом толк покойный Андропов не раз предсказывал, что генерала Гончаренко когда-нибудь убьют коллекционеры. Хотя Андропов говорил это в шутку, все с тревогой посматривали на смелого старика, поскольку недавно, по заказу каких-то коллекционеров, по Москве прокатилась серия убийств отставных генералов и адмиралов с целью похищения их орденов и знаков. Особую известность приобрело убийство адмирала Холостякова — героя войны и кавалера английского ордена Бани. Но генерала Гончаренко никто не убивал. И сейчас он сопровождал Председателя КГБ в качестве советника по вопросам диверсионно-вредительской деятельности противника внутри органов. Крупная диверсия с выводом из строя нескольких подразделений центрального управления была уже налицо.

Куманин, в элегантном светлосером костюме с белой рубашкой и модным галстуком на фоне перепачканных и мокрых бойцов комендантской службы, напоминал первого секретаря обкома, который приехал лично посмотреть на последствия наводнения в вверенном ему районе. Естественно, взгляд Крючкова сразу же уперся в Куманина. Председатель КГБ решил, что этот элегантный товарищ прислан из ЦК, уже извещенного о «катастрофе». Поскольку взгляд Крючкова, остановившись на нем, никуда

дальше не переходил, Куманин, приняв некоторое подобие стойки смирно, доложил:

— Майор Куманин.

На лице Председателя КГБ мелькнуло удивление.

— Из какого подразделения? — спросил он.

— Прикомандирован в распоряжение генерала Климова,— доложил Куманин.

Между ним и Крючковым протек тоненький ручеек воды. Из климовского туалета доносился комендантский бас: «Да перекрой ты вот этот вентиль, твою мать!» и голос прапорщика: «Это для горячей воды, товарищ полковник. Его нельзя крутить».

— Вредительство,— обнажив в улыбке металлические зубы, проговорил генерал Гончаренко.

Глаза Крючкова продолжали смотреть на Куманина.

— Климова? — переспросил председатель КГБ.— А где сам Климов?

Куманин мгновенно оценил всю ситуацию. Если Председатель КГБ вынужден интересоваться у рядового «опера», куда запропастился один из его первых заместителей, хотя того можно было видеть на экране телевизора, в свите Горбачева на каких-то церемониальных встречах на Западе, Куманин мудро решил, что ему едва ли положено знать больше, чем Председателю КГБ, а потому кратко и строго по уставу ответил:

— Не могу знать!

— Не знаете,— переспросил Крючков, обращаясь при этом скорее к самому себе, чем к Куманину,— откуда вам знать, если даже в канцелярии Горбачева не знают. И в секретариате ЦК. Безобразие какое-то! Все начальники Управлений разбежались. Один диссертацию пишет, другой вообще неизвестно где. Работать некому.

При этом Крючков продолжал смотреть на Куманина, и он решил было, что сейчас тот, как полководец на поле боя, назначающий командира роты за убылью комсостава командиром дивизии, произведет его, Куманина, в генералы и назначит начальником управления вместо дезертировавшего Климова. Но Председатель КГБ неожиданно переменил тему.

— Вы принимаете участие в ликвидации? — спросил он.

— В ликвидации чего? — осмелился спросить Куманин.

— В ликвидации аварии,— монотонным голосом пояснил Крючков.

— Никак нет,— доложил Куманин.

— Тогда идите куда-нибудь,— приказал Крючков,— и не мешайте людям работать.

— Есть! — отчеканил Куманин, направляясь в коридор.

За своей спиной Куманин услышал шамкающий голос советника Гончаренко, посоветовавшего Крючкову:

— Вообще-то надо допросить, как положено.

— Майор Куманин! — позвал Крючков.

Куманин развернулся лицом к начальству.

— Вы когда-нибудь пользовались туалетом генерала Климова? — спросил Председатель КГБ.

Персональный туалет в лубянской иерархии порой значил гораздо больше, чем официальные звания и правительственные награды. У самого Крючкова их было два.

— Нет,— искренне признался Куманин.

Крючков одобрительно кивнул:

— Конечно, не положено ему,— сказал он, обращаясь к генералу Гончаренко,— да и Климов никогда бы не допустил. Тут все не так просто.

Председатель КГБ снова повернулся к Куманину:

— Можете быть свободны.

— Есть! — снова ответил Куманин и пулей вылетел в коридор.

II

Порядок на Лубянке постепенно восстанавливался. Правда, по дальним коридорам еще верещали звонки воздушной тревоги, звеневшие из-за попадания воды в электропроводку. Но на них уже никто не обращал внимания.

Добравшись до своего кабинета, Куманин вновь осознал, что ему впервые хотелось застать на месте генерала Климова и доложить о своей поездке в Ростов. «Хотя, если разобраться, что он, в сущности, узнал, съездив в Ростов? Что там скончалась какая-то старушка по фамилии Рома-

нова, а Романовых в России почти столько же, сколько Ивановых, Петровых и Сидоровых, что ставший беспризорным внук (или даже правнук) Алеша Лисицын направлен в детдом. Интересно, как отреагирует Климов на то, что он знает об Алеше Лисицыне. Жаль, конечно, что старушку не похоронили в Ростове, где-нибудь на местном кладбище. А так у него в руках осталась лишь бумажка — простая справка о смерти, которая ровным счетом ничего не доказывает. И, конечно, надо бы обо всем рассказать этому умнику Феофилу. Что он, с его мистическими бреднями о предопределенности всего сущего, Фатимском чуде и тому подобном, включая святого отрока, посланного на грешную землю в ознаменование окончания срока наказания, наложенного на Россию в 1917 году, запоет? Идиотство какое-то! Что он скажет, когда узнает, что Куманин за два часа разобрался во всех этих чудесах. Приехал малыш в город на экскурсию со своей помешанной и престарелой (что почти одно и то же) бабушкой. Бабка случайно померла прямо на экскурсии, мальчика подобрала милиция, родственников других не нашли и отправили его, как положено, в интернат для детей дошкольного возраста. Куманин и сам понимал, что составленная им упрощенная схема ничего не объясняет в этой истории, а факты несколько подтасованы. Ведь, по показаниям Нины Лазаренко, мальчик, с которым старушка приехала в Кремль, и Алеша Лисицын — совершенно разные дети. В то же самое время покойная гражданка Романова Т.Н. в присутствии Лазаренко называла крутящего вокруг нее малыша «Алешенькой». Нина Лазаренко могла и ошибиться. Скажем, в ее поле зрения в этот момент попал совершенно другой мальчик или, занятая разговором с назойливой старушкой, которая стремилась проникнуть в фонды государственного музея, она вообще мальчика не заметила, а потом отказалась его опознать по каким-то, известным только ей, причинам. В пользу такой версии говорит и фотография Алеши Лисицына в паспорте гражданки Романовой Т.Н., обнаруженная патологоанатомом Богомоловым.

Разумеется, теперь естественным было бы послать запрос ребятам из Томской области об этой старушке».

Чем больше Куманин думал об этом, тем менее доказательными казались ему почти все добытые им факты. Покойная старушка проживала в поселке Романово, все жи-

тели которого поголовно могли быть Романовыми. Среди них вполне могли оказаться и Татьяны Николаевны, и Николаи Александровичи, и Алексеи Николаевичи, словом, вся царская фамилия.

Тем не менее, ниточка, ведущая в дебри Томской области, оставалась единственной, и ею необходимо было воспользоваться.

Кое-что могла рассказать таинственная могила полковника, служившего в довоенные годы вместе с загадочным опером Лисицыным на «Объекте 17», на которую его навела баба Дуся. Она могла все перепутать, и, возможно, это могила самого Лисицына, причем похороненного под собственной фамилией.

Куманин встал и направился в узел спецсвязи, находящийся на пятом этаже восточного крыла огромного здания. Этот узел охраняли офицеры «девятки» в полной форме и при оружии. Офицеров 9-го Главного управления КГБ, так называемого управления охраны, будь они в форме или в штатском, можно было узнать на любом расстоянии и в какой угодно толпе — такой стойкий генотип выработала эта служба. Офицеры «девятки» охраняли сам КГБ и все особо секретные объекты. Наиболее опытным и прошедшим специальную подготовку офицерам доверяли охранять сановных особ из обкомов, ЦК, Совета министров, а также напичканных секретами деятелей науки и работников промышленности. Иногда они изображали ликующую толпу трудящихся, вокруг Генерального секретаря, члена политбюро или секретаря обкома, когда те общались с «народом». Большего от офицеров «девятки» и не требовалось. Вся подготовка была направлена на то, чтобы свести их рефлексы к одному — рефлексу немецких овчарок. Поэтому Куманин всегда проходил мимо них с некоторой опаской: укусят или нет?

Охранник внимательно прочел предписание, выданное генералом Климовым, измерил Куманина взглядом, сравнивая фотографию на удостоверении с личностью. Движением головы он дал понять Куманину, что тот может проходить и нажал сразу несколько кнопок хитрого наборного замка, да так, чтобы Куманин не увидел набора цифр. Ребята знали службу! Сергей осторожно, с напряженностью человека, ожидающего, что кто-нибудь сзади вцепится в фалды его пиджака или брюки, прошел в от-

крывшуюся стальную дверь. Но все обошлось, и Куманин оказался в святая святых КГБ — «узле спецсвязи». Что-что, а спецсвязь была поставлена, как принято выражаться, на уровне лучших мировых стандартов. Из этого помещения, заставленного дорогой заграничной аппаратурой и отечественной, так и не пошедшей в серию, в течение считанных минут можно было связаться с любым уголком мира, не говоря уже о любой дыре необъятного Союза. Дозвониться до уполномоченного КГБ на Сахалине было гораздо легче (и слышимость была на порядок лучше), чем к себе домой, даже если ты жил в самом центре Москвы. Когда Куманину приходилось бывать на «узле спецсвязи», его всегда охватывало некое благоговейное чувство, сравнимое разве что с чувствами ревностного католика, входящего в храм Св. Петра в Ватикане. Правда, сегодня, после известных событий в кабинете генерала Климова, взгляд Куманина с тревогой прошелся по зловещей трубе, бегущей под потолком через все помещения этого святого места. Отогнав мрачные предчувствия, Куманин занялся делом. Томск ответил мгновенно, и всего через три минуты Куманин уже говорил с начальником горотдела Асино подполковником Мкртчаном.

Асиновский горотдел КГБ уходил своими корнями в спецкомендатуру НКВД, а потому должен был содержать сведения о всех жителях контролируемого района. Подполковник некоторое время не мог понять, чего от него хочет Куманин.

— Вы смеетесь надо мной, что ли? — кричал он в трубку (хотя слышимость была отличная).— У нас целый поселок Романовых, есть еще села Романовское и Романовка. Там, считай, одни Романовы живут, и все — близкие и дальние родственники. Приезжайте сами сюда и разбирайтесь. Окажем возможное содействие. У нас в горотделе всего шесть человек, а новое штатное расписание уже два года утвердить не могут.

Подполковник Мкртчан принадлежал явно к числу людей, которые слышат только самих себя. Такие люди незаменимы при фабрикации липовых дел (что считаю, то и напишу), получить от них полезную информацию было чрезвычайно трудно. Куманин, однако, оказался терпелив — он верил в мудрость народной истины о том, что «терпение и труд все перетрут». Сдался и полковник Мкртчан.

— А? — неожиданно врубился он.— Старушка, говоришь? Которая в прошлом году у вас там померла? Как ты ее назвал? Да, точно, Романова Татьяна Николаевна. Ну, так я ее знаю отлично, дорогой! Что тебя интересует? Старушка совершенно чистая была по нашей части. Точно говорю. Я ее лично знал. Она в Романово была прописана, а жила здесь, в Асино. Преподавала французский язык в школе, работала в музыкальном училище. Очень все ее любили. У нас средств не было ее сюда перевезти, чтобы похоронить. А то мы бы обязательно...

— Так,— прервал его Куманин.— Откуда она вообще у вас появилась. Она — уроженец ваш мест?

— Нет, нет,— ответил подполковник,— но живет у нас очень давно. Она из административно высланных. Еще до войны. Тебе точно нужна дата? Подожди секунду, сейчас скажу.

Дело у подполковника Мкртчана было поставлено круто, потому что не прошло и десяти минут, как он снова появился на проводе и доложил:

— Значит, слушай. Она зарегистрирована спецкомендатурой НКВД 23 марта 1941 года. До этого проживала в Московской области, где-то там у вас, точного адреса нет.

— Замечательно,— отреагировал Куманин,— а точная дата рождения есть?

— Та-ак,— протянул Мкртчан, видимо, пробегая глазами учетную карточку,— точной нет. Тут запись: июнь 1897-го года.

— Замужем была? — продолжал вытягивать Куманин.

— Насколько мне известно, нет,— ответил подполковник из Асино.— Одинокая. Родственников за границей не имеет.

— А в СССР? — поинтересовался Куманин.

— И в СССР вроде нет,— медленно произнес Мкртчан, изучая карточку,— во всяком случае, не обозначены. Во время войны временно работала в одном из эвакогоспиталей Томска хирургической медсестрой. Имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Представлялась на звание «Заслуженной учительницы РСФСР», но Москва зарубила в 1954 году. Образование — подполковник прочел по складам,— фи-ло-ло-гическое.

— И все? — спросил Куманин,— а о родителях ее есть какие-нибудь данные? Кто она вообще такая была?

— Нету ничего,— ответил Мкртчан.— Прочерки. Она же из бывших, тех, что перед войной пачками высылали к нам сюда. Вот место рождения: Ленинград.

— Может быть, Петербург? — попытался уточнить Куманин.

— Может, и Петербург,— согласился подполковник,— но записано «Ленинград».

— Она точно из бывших,— продолжал Мкртчан,— французский знала, английский. Кроме того, пережитков у нее была куча.

— Каких именно? — спросил любивший точности Куманин.

— Главным образом, религиозных,— пояснил подполковник.— Совсем была отравлена этим опиумом. Церквей-то у нас тут и в помине нет. Было несколько деревянных, да все еще до войны сломали. Одна маленькая церковь в Томске была, ту при Никите Сергеевиче закрыли. Романова от этого страдала. Дома у нее иконы висели. Одно время даже хотели ее за это с работы турнуть, но обком вступился. Профилактику проводили, чтобы она опиумом этим детей в школе не заразила.

— А где жила? — продолжал выяснять подробности Куманин.

— Сначала полдома снимала в Романово,— сообщил Мкртчан,— а потом мы ей однокомнатную квартиру выдали в Асино, как ветерану труда. Вот еще что. Она же была не спецпоселенцем, а административно высланной. Разницу понимаешь?

— Смутно,— признался Куманин.

— Короче,— пояснил Мкртчан,— она уже в середине пятидесятых имела право выезжать на материк в отпуск. А позднее вообще могла уехать туда, откуда выслали. Почти все административники и спецпоселенцы, кто дожил, выехали. А она ни разу даже в отпуск не съездила. Странно?

— Весьма странно,— подтвердил Куманин.

— Тут еще до меня товарищи проверяли,— засмеялся подполковник, — не служила ли она в какой-нибудь зондеркоманде эсэсовской во время войны. Помнишь, была «ориентировка» — те, кто расстреливал пленных и евреев,

спрятались по тихим углам и боялись даже в отпуск ездить, чтобы кто-нибудь их случайно не опознал. Но старушка-то всю войну здесь прожила.

— Занятно,— пробормотал Куманин.

— В прошлом году,— продолжал Мкртчан,— она вдруг засуетилась и стала собираться на материк. У нас же в Асино железная дорога есть, так что уехать довольно легко, надо сперва до Томска, а там уже пассажирским к вам, в Москву. Я Романову хорошо знал, она мою дочку учила французскому языку и игре на пианино. Спрашиваю: «Куда же вы, Татьяна Николаевна, собрались в ваши-то годы? Сидели бы дома. Жара такая, духота. Что вам на материке делать?». А она мне говорит, что родственница у нее объявилась, в гости зовет. Годы, мол, такие, что больше уже увидеться и не придется. А потом сказала такую вот фразу: «Я молила Господа всю свою жизнь только об одном, чтобы дал мне дожить до 1988 года и стать свидетелем знамения». «Какого знамения?» — спрашиваю я. «Знамения, что Господь простил Россию»,— отвечает она. «Опять вы,— говорю,— со своими предрассудками. Такая умная, образованная женщина, а верите во всякую, извините, чепуху. Знамения, предсказания, попы, иконы. Даже удивляюсь,— говорю.— Поезжайте, конечно. Запретить вам не имею права. Спасибо за все». Она не поняла: «За что вы меня благодарите, полковник?». Она меня все время полковником звала почему-то. «Да за то, что вы дочку мою немного обтесали. Ей в институт скоро поступать, чему-то выучилась». «И вам спасибо,— она говорит,— что дали мне дожить до нынешнего года». А чем этот год особенный, я так и не понял. В общем, поехала она. И видишь, как получилось.

— Она одна поехала? — спросил Куманин,— никто ее не сопровождал?

— Проводил ее один из бывших учеников,— ответил подполковник,— но только до Томска, там посадил на московский поезд.

— Понятно,— сказал Куманин,— ну, а подробности о ее жизни можете сообщить. С кем общалась? Переписывалась ли с кем-нибудь? После ее смерти не обнаружили ли в ее квартире что-нибудь необычное?

— Послушай,— признался Мрктчан,— мы же ею практически не занимались. Квартиру не осматривали.

11 Зак. 211

Может, участковый и осматривал, а мы нет. Если бы чего по нашей части обнаружили, то, конечно, доложили бы. Сейчас уже, наверное, поздно все искать. Если и были какие письма или, скажем, открытки, то уже все сожгли. Год все-таки прошел.

— Да,— вздохнул Куманин,— поздно мы на нее вышли. Чуть бы пораньше, могли еще живой застать. Многое она, наверное, рассказала бы...

— Извини,— сказал подполковник Мкртчан.— Вопросов тебе не имею права задавать. Но, честное слово, не могу понять: вам-то зачем эта старушка понадобилась? Она что, резидентом здесь была каким? Просто интересно.

Подполковник отлично понимал, что могут сделать с ним, если милейшая старушка, обучавшая его дочку французскому языку и музицированию, была резидентом какой-нибудь иностранной разведки, снабжала эту разведку информацией об истинном положении вещей в далеких леспромхозах, о которых Запад до этого не имел ни малейшего понятия. Интересовался ведь сотрудник с Лубянки.

— Нет,— успокоил его Куманин,— не была она никаким резидентом, не волнуйся. Просто у нас в одном деле она пересеклась, возможно, чисто случайно. Я это и выясняю. Ты, часом, мальчика не знал около нее по имени Алеша Лисицын? Рыженький такой.

— Мальчика такого не знал,— ответил подполковник,— но в Томске, в обкоме партии, был Лисицын Василий Александрович. Вторым секретарем работал. Так он ей покровительствовал. Уже умер. Но у него дети и внуки где-то на материке. Кажется, в Риге. Я подробностей не знаю. Это ты уж, если надо, в Томске выясняй.

— А давно он умер? — поинтересовался Куманин.

— Лет десять прошло,— уточнил Мкртчан.— Он еще из старых большевиков. На партийной работе давно, чуть ли не с Владимиром Ильичем начинал. Старушка-то эта по большому счету была очень странной: то с работы ее хотели выгнать, то в психбольницу определить, то выслать куда подальше. А он ее под защиту всегда брал, несколько раз к ней лично приезжал. О чем-то долго беседовали. После этого наши партийцы ее в покое оставили.

— Хорошо,— сказал Куманин.— У меня еще, возможно, возникнут к тебе вопросы, Мкртчан, тогда позвоню. А пока попрошу: узнай, после нее не остались ли какие бума-

ги, документы, письма. Если да, то все перешли спецпочтой на Лубянку. Майору Куманину Сергею Степановичу.

— Постараюсь,— заверил подполковник Мкртчан.

РАПОРТ МАЙОРА КУМАНИНА

«...История человечества знает немало примеров, когда в ходе дворцовых переворотов, политических интриг, мятежей и революций пришедшие к власти представители новых правящих династий или классов избавлялись прежде всего от своих предшественников. В более давние времена это делалось путем банальных внесудебных убийств. Позднее к процессу устранения бывших властителей начали привлекаться судебные органы, находящиеся, как правило, под контролем новых властей. Например, если в позднем средневековье применялись внесудебные убийства, особенно частые в Англии в период так называемой войны Роз, во Франции в период гугенотских войн и в Италии в период правления дома Медичи, то уже начиная с процесса Марии Стюарт наблюдается устойчивая тенденция проводить физическое уничтожение свергнутых правителей в рамках существовавшего или существующего в стране уголовного права. Наиболее характерными и общеизвестными примерами в данной области являются: процесс короля Карла I Стюарта в годы буржуазной революции в Англии и процесс короля Людовика XVI в период Великой Французской Революции. Оба процесса, как известно, закончились вынесением свергнутым королям смертного приговора. Но независимо от метода уничтожения бывших правителей, внесудебного или судебного, подобные акции всегда, в интересах безопасности и спокойствия будущего правления, пытались совершать публично. Так, французский король Генрих III Валуа был заколот кинжалом религиозного фанатика, подосланного заговорщиками, на глазах у всей своей охраны и большого количества придворных. Французский король Генрих IV Бурбон был заколот кинжалом подосланного убийцы сре-

ди бела дня в центре столицы на глазах сопровождающего его конвоя и многочисленных горожан. Что касается приговоренных к смерти монархов, то приведение приговоров в исполнение проводилось публично на городских площадях при стечении огромного количества народа. Подобное поведение новых властей всегда диктовалось не их любовью к эффектным массовым зрелищам, а заботой о государственной безопасности и политической стабильности собственного режима. Публичная казнь свергнутых и судимых монархов как бы символизировала конец старого и начало нового общественного порядка, она пресекала различные слухи, кривотолки и недомолвки как у себя в стране, так и за рубежом.

Характерно, что казнь членов царского дома, как и членов аристократических фамилий, должна была выступать в качестве главной символики победы мирового пролетариата над буржуазно-монархическим строем. Во многих работах основателя нашей партии и государства, прежде всего, написанных до Великой Октябрьской революции, имеются постоянные ссылки на историю Французской революции, в частности, на гильотину, как на главный фактор изменения общественного сознания.

После победы Октября, когда возник вопрос о дальнейшей судьбе бывшего императора Николая II, В.И.Ленин и все его соратники безусловно были убеждены в необходимости открытого судебного процесса над Николаем II. В качестве главного обвинителя должен был выступать Л.Д.Троцкий, отличавшийся наиболее яркими ораторскими способностями. Процесс планировали провести аналогично процессу короля Людовика XVI, и завершить его смертным приговором, а также публичным приведением в исполнение. В данном контексте термин «публичный» не всегда следует понимать как всенародный. По ряду причин В.И.Ленин после прихода к власти вынужден был отказаться от казней на площадях по примеру Французской революции, но при исполнении ряда приговоров (например, в отношении Малиновско-

го, Белецкого, Мануйлова, Андронникова и др.) присутствовала так называемая рабочая контрольная комиссия, составленная из представителей пролетариата, избранных рабочими и солдатскими комитетами, а также оформлялись необходимые протоколы и, по возможности, медицинские заключения. Однако ничего подобного не произошло при ликвидации бывшего императора Николая II и членов его семьи в Екатеринбурге летом 1918 года, напротив, вся эта акция, вернее, ее описание в сохранившихся документах, выглядит надуманной и неправдоподобной. После Февральской революции, приведшей к отречению от престола и аресту Николая II, началась мощная кампания по его полной дискредитации. Бывшего монарха объявили лично ответственным за Ходынку, 9 января, поражение в войне с Японией, подавление с помощью карательных акций и военно-полевых судов революции 1905 года, организацию еврейских погромов, Ленский расстрел, втягивание России в первую империалистическую войну и бездарное, преступное руководство войсками в этой войне, завершившейся Февральской революцией.

В личном плане бывший царь также рисовался как кровавый деспот, пьяница, морально нечистоплотный, способный на бытовое убийство, не говоря уже о прочих преступлениях. Тяжелые поражения русской армии в годы империалистической войны стали возможны, по уверению прессы, вследствие, с одной стороны, преступного поведения императора, с другой — прямого предательства и чуть ли не шпионажа в пользу Германии. Все перечисленные обвинения, выдвинутые и пропагандируемые в период правления Временного правительства (хотя назначенная этим же правительством Чрезвычайная следственная комиссия не нашла ни одного подтверждения указанным обвинениям), были подхвачены и усилены властью после Октябрьской революции. Необходимо признать, что выдвинутые против Николая II многочисленные обвинения нашли горячий отклик в народе, понесшем небывалые для того времени жертвы в войне, обнищавшем в результате воен-

ных реквизиций, мобилизационных поставок и других правительственных мероприятий, неизбежных в военное время. Понесшая огромные потери и униженная поражениями, армия, начиная от генералов и кончая миллионами рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, увидела в царе причину всех своих бед и согласилась с обозначением царя — Кровавым. Рабочие и крестьяне в тылу видели в этом человеке причину своего упавшего жизненного уровня, разорения и обнищания. Немногочисленная интеллигенция не могла простить Николаю военные поражения, министерскую чехарду и Григория Распутина, образ которого был создан прессой еще до Февральской революции, а его значение сильно преувеличено.

Именно эти обвинения и предполагалось предъявить Николаю II на планируемом судебном процессе. По имеющимся данным, в качестве обвинения предполагалось предъявить и многие преступления царского режима, начиная с казни декабристов. По мнению организаторов процесса, Николай II должен был нести за них ответственность как правопреемник системы Самодержавного правления в России.

Разумеется, и малой части перечисленных обвинений было бы достаточно для вынесения Николаю II смертного приговора, как и было задумано организаторами несостоявшегося судебного процесса. После перемещения царя из Тобольска в Екатеринбург, где основную массу населения составляли заводские рабочие, пропаганда против личности Николая II начала приобретать характер истерии. Рабочие на многочисленных митингах требовали «немедленной казни коронованного палача». Причем настрой этих митингов был таким яростным (почерпнуто из тогдашних екатеринбургских газет), что представителям местных властей (Голощекину, Белобородову и пр.) приходилось всевозможными способами, от уговоров до угрозы применения силы, гасить разбушевавшие страсти, постоянно ссылаясь при этом на предстоящий «революционный суд» над бывшим царем.

Подобное поведение властей не только не по-

гасило «антицарской истерии», но, напротив, привело многих к убеждению, что власти просто-напросто оберегают бывшего царя от «справедливого возмездия народа». Все громче стали звучать призывы ворваться в так называемый Дом Особого Назначения (известный как Ипатьевский Дом), где содержались бывший царь и его семья, с тем, чтобы совершить над ними свой суд. Один из подобных митингов, проходивший в непосредственной близости от Дома Особого Назначения, красноармейцы вынуждены были разогнать с применением силы. При этом 2 человека были ранены и 7 арестованы. Власти ответили на это строительством вокруг Дома Особого Назначения дополнительного забора с колючей проволокой, усилением охраны и развертыванием вышек с пулеметами. Позднее это мероприятие пытались объяснить существующей опасностью освобождения царя «монархическими заговорщиками» (от имени которых Юровский сочинял записки и передавал через свою агентуру царю). Более правдоподобно эти мероприятия по усилению охраны выглядят как попытка ограждения царя и его семьи от возможного самосуда толпы. Подобная изоляция Дома Особого Назначения от внешнего мира еще более убедило рабочие комитеты в том, что власти хотят спасти «Николая Кровавого» от заслуженной кары и ждут только удобного момента, чтобы вывезти его из Екатеринбурга в более безопасное место. Комитет рабочих железнодорожников Екатеринбурга официально предупредил власти, что он не позволит это сделать.

Произошедшая в этот период неожиданная смена практически всей охраны Дома Особого Назначения, когда комендант Авдеев был заменен Юровским, добавила напряженности. Новая охрана, по большей части состоявшая из иностранцев, была прислана из Москвы после поездки туда Филиппа Голощекина, совещавшегося с В.И.Лениным и Я.М.Свердловым. К сожалению, трудно определить, на чем конкретно основывалась убежденность рабочих комитетов в том, что царя спасают от заслуженного возмездия и собираются вывезти

из города, но власти уже не могли не считаться с этим фактором. С рабочими велась достаточно широкая разъяснительная работа о «неизбежности возмездия», но в то же самое время рабочие пикеты у Дома Особого Назначения безжалостно разгонялись или арестовывались.

В этих условиях неожиданное объявление властей о том, что в ночь с 16 на 17 июля 1918 года царь, вся его семья и все люди из его свиты были расстреляны, выглядит странным даже сегодня, а в те дни в Екатеринбурге было встречено откровенным недоверием. Зная настроения в городе, власти, что было бы совершенно в духе времени, получив приказ из Москвы или решив самостоятельно вопрос о необходимости уничтожения царской семьи, должны были предупредить о предстоящей казни рабочие комитеты, предложить им выбрать «рабочую контрольную комиссию» для присутствия при указанной акции. Даже если по каким-то непонятным причинам власти считали невозможным присутствие данной комиссии при самом расстреле, им следовало сразу после приведения приговора в исполнение предъявить комиссии (а то и всем желающим) трупы жертв, чтобы избежать дальнейших обвинений в свой адрес, распространения слухов и уменьшения общей напряженности в городе, тем более что к нему приближались войска директории, превращая его в прифронтовой. Однако ничего подобного сделано не было. Более того, для объяснения случившегося была выдвинута не очень правдоподобная версия о растворении трупов в соляной (по другим версиям — в серной) кислоте, в распиливании и сожжении останков, расчленении их топорами и т.п. с последующим захоронением всего, что осталось, в каком-то тайном месте. В доказательство содеянного предъявлялась только бумага — требование на получение товарищем Белобородовым на одном из промышленных предприятий города бочки с серной кислотой. Эксперты-криминалисты, однако, считают, что для растворения 11 трупов необходима была не бочка, а, как минимум, железнодорожная цистерна с кислотой. Все это было

рассказано рабочим комитетам, требовавшим предъявить им трупы расстрелянных, и, естественно, не вызывало совершенно никакого доверия. В Екатеринбурге все были уверены, что царя и сопровождающих его лиц куда-то вывезли из прифронтового города. Именно то обстоятельство, что к Екатеринбургу подходили войска противника, помешало рабочим самостоятельно разобраться со столь грубым и откровенным обманом со стороны властей.

Последние абсолютно ничего не могли ответить на самые простые вопросы, а именно: почему саму казнь необходимо было совершать в обстановке такой секретности, если наутро о ней объявили всенародно? Почему было необходимо так срочно уничтожать трупы казненных, если сам факт их сокрытия приводил к осложнениям между властями и их главной социальной базой — революционными рабочими? Как им удалось столь быстро уничтожить все 11 трупов?

На вопрос о том, как удалось уничтожить 11 трупов с помощью средств, декларированных властями, Войков и Голощекин отвечали: «Может быть, для кого-то это было невозможно, но нам это, представьте, удалось».

На просьбу предъявить то, что осталось от трупов, следовал ответ: «Ничего не осталось, товарищи. Ровным счетом ничего. И показывать нечего, потому что от них не осталось н и ч е г о».

Все это выглядело в высшей степени малоубедительно даже для малограмотных рабочих. Многие вернулись с фронтов мировой войны и могли убедиться, что никакой взрыв или пожар не в состоянии уничтожить человека так, чтобы от него не осталось «ровным счетом ничего».

После того, как в город вошли части белой армии и мятежного чехословацкого корпуса, была назначена следственная комиссия для расследования обстоятельств происшедшего в Доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Руководить следствием назначили следователя по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда Наметкина. Будучи опытнейшим следователем, Намет-

кин, сразу после беглого осмотра места происшествия, заявил, что в Ипатьевском Доме произошла имитация казни и что ни один из членов царской семьи там расстрелян не был. Поскольку подобное мнение Наметкина не разделяли другие члены комиссии, в частности, председатель комиссии полковник Шереховский и председатель Екатеринбургского окружного суда Кутузов, Наметкин подал в отставку, но остался при своем твердом убеждении. Свою точку зрения он официально повторил в Томске, где дал несколько интервью на эту тему иностранным, главным образом, американским, корреспондентам. Наметкин заявил, что будто у него имеются доказательства того, что царская семья не была убита в ночь с 16 на 17 июля; и собирался эти доказательства обнародовать в скором времени. Однако через неделю после этого заявления Наметкина убили, а дом, где он снимал помещение, сожгли, что привело к гибели всего следовательского архива.

После ухода Наметкина, следственную группу возглавил следователь Сергеев, который пришел совершенно к тем же выводам, что и Наметкин. Сергеев также был отстранен от руководства следствием и вскоре погиб при невыясненных до конца обстоятельств. Третьим следователем, возглавившим комиссию по расследованию обстоятельств гибели царской семьи, стал Соколов, назначенный уже режимом адмирала Колчака.

По причинам скорее политическим, адмирал Колчак и возглавлявший следственную комиссию генерал Дитерихс проинструктировали следователя Соколова сконцентрировать свое внимание на факте убийства царской семьи и вести следствие именно в этом русле, то есть отталкиваться от факта убийства как от свершившегося.

Следователь Соколов в течение того недолгого времени, которое было в его распоряжении, проделал гигантскую по объему работу, продемонстрировав свои блестящие способности судебного криминалиста старой русской школы. Подробности о проделанном можно почерпнуть в написанной им позднее книге «Убийство царской семьи».

Однако, несмотря на все усилия, Соколову не удалось найти ни одного трупа.

В настоящее время стало известно, что следователь Соколов, зная о выводах своих предшественников и будучи не менее опытным следователем, чем они, вел два параллельных следствия: одно по факту убийства царской семьи, как было приказано адмиралом Колчаком и генералом Дитерихсом, второе — по факту исчезновения царской семьи из Екатеринбурга, как ему диктовали профессиональный опыт и долг. Позднее, эмигрировав во Францию, следователь Соколов пытался обобщить результаты своего параллельного расследования и обнародовать их в специальной работе. Однако 23 ноября 1924 года он был обнаружен мертвым у себя в доме во французском городке Сальбри. Хотя официальная версия гласит, что Соколов умер от разрыва сердца в возрасте 42 лет, существует мнение, что его убили. При этом многие важные документы, подготовленные Соколовым к публикации, исчезли.

Эти документы были обнаружены совсем недавно в библиотеке рукописей Калифорнийского университета Беркли. Как они туда попали, не ясно. Первичная обработка этих документов американскими историками показала, что следователю Соколову удалось проследить и задокументировать факт эвакуации царской семьи из Екатеринбурга в Пермь, а оттуда в Казань.

Все вышеизложенное, а также ряд других фактов, которыми я не хочу перегружать свой рапорт, привели меня к следующим выводам, положенным в основу моих дальнейших действий:

1. По всем юридическим законам, последний российский император Николай Александрович Романов, его супруга Александра Федоровна Романова, их дети — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей Николаевич Романовы — не могут считаться убитыми, поскольку по факту убийства нет никаких доказательств, кроме заявления лиц, якобы совершивших убийство, что ни в одной стране мира, в том числе и в СССР, доказательством не является. Трупы не найдены, судебно-ме-

дицинская экспертиза их не произведена, независимых свидетелей указанного преступления нет. В соответствии с Уголовным правом царь и его семья могут считаться только пропавшими без вести.

2. Исходя из этого, я выдвинул следственную гипотезу о том, что царская семья не была убита в Екатеринбурге и потому не могла быть там и похоронена.

В своих поисках я исключил Свердловск и Свердловскую область из сферы оперативно-розыскных мероприятий.

III

Майору Куманину, как и большинству оперативных работников КГБ, редко приходилось носить военную форму, разве что выходя на дежурство или собираясь фотографироваться на новое удостоверение. И надо сказать, что Сергей Куманин в отличие, скажем, от того же генерала Климова, от этого не страдал. Напротив, он испытывал напряжение, когда по тем или иным причинам приходилось залезать в униформу. Это были обычные страдания штатского человека, каким, в сущности, и оставался Куманин. Переоденься он в форму в управлении — не избежать бесчисленных шуток сослуживцев: «Сережа, что, война началась!?», «Куманин, ты что, в Кремль за орденом идешь?» или «Сережа, тебя начальником караула в мавзолей назначили?». И в том же духе. Но этот раз форма была необходима. Куманин решил съездить в воинскую часть, на территории которой, по словам бабы Дуси, было старое монашеское кладбище, где похоронен какой-то начальник с «Объекта 17». Появляться на территории воинской части в штатском — значило увязнуть в непонятный и нудный переговор с армейским командованием, на которых штатский костюм действовал так же, как красная тряпка на быка, какие бы документы при этом ни предъявлялись. Те же самые документы в сочетании с военной формой приобретали тройную пробивную способность. Поэтому он сло-

жил форменные брюки и китель, засунул их в дипломат. Места для фуражки не осталось. Пришлось взять полиэтиленовый мешок, в котором обычно все таскали так называемые доппайки и пихать туда боевые доспехи, а фуражку оставить в дипломате. Форма, правда, изрядно смялась, но Куманин решил выгладить ее дома, все в соответствии с задуманным планом.

Надеясь быстро закончить свои дела с военными, Куманин планировал заодно съездить в Нефедово к Феофилу и поделиться с ним сведениями об Алеше Лисицыне и его вероятной бабушке, добытыми в Ростове. Тут, конечно, военная форма только помешала бы, но из двух зол нужно было, как обычно, выбирать меньшее. Поездка в воинскую часть виделась гораздо важнее встречи с Феофилом, которая могла вообще не состояться из-за нехватки времени.

Куманин загодя выяснил, что в указанном месте стоит дивизия ПВО, входящая в систему противоракетной обороны столицы. Правила требовали, чтобы он заранее связался с особым отделом дивизии и действовал в тесном взаимодействии с ними. Но, начав совершенно непонятную самому игру без правил, Куманин решил и сейчас правилами пренебречь. Охотничий азарт, свойственный каждому оперативнику, подсказывал ему, что он, пусть и случайно (хотя, по большому счету, никаких случайностей в мире не бывает), вышел на правильный след, и этот след вел к «Объекту 17». В зависимости от того, что ему удастся обнаружить на старом монашеском кладбище, Куманину предстояло прорываться и на сам объект с помощью разумного сочетания наглости, военной формы и предписаний генерала Климова.

Форма Куманину шла. Фуражка с высокой тульей и синим околышком придавала его широкому лицу элементы благородства. Китель, перехваченный командирским ремнем с портупеей, делал всю фигуру более стройной и внушительной.

Сергей был доволен собой. К понедельнику, когда предполагалась его встреча с генералом Климовым, у него, видимо, будет что доложить и привести того в изумление. Встреча планировалась на понедельник, на дворе был еще четверг, и Куманину казалось, что в его распоряжении уйма времени. Он даже успел более или менее успокоить Надиных родителей, сказав, что Надя жива, но не может с

ними связаться из-за отвратительного состояния телефонной связи в том месте, где она находится. При этом он был крайне удивлен и обрадован, узнав, что накануне практически ту же информацию передал родителям по телефону незнакомый мужской голос, представившийся «товарищем Нади по работе».

В интернате был только один мужчина — вечно пьяный завхоз, который товарищем Нади, естественно, не был. Куманин уже не сомневался, что исчезновение девушки связано с увозом из интерната Алеши Лисицына. Видимо, мальчик не пожелал ни с кем из похитителей иметь дела и требовал «тетю Надю», а те, зная, что отвечают за малыша головой, вынуждены были доставить к нему эту тетю Надю, нарушив при этом по меньшей мере десяток статей существующего в Советском Союзе законодательства.

Размышляя таким образом, Куманин вел машину по Симферопольскому шоссе к повороту, координаты которого он уточнил на Лубянке. Решительно повернув машину влево под «кирпич», Куманин метров через сто, как и ожидал, уперся в глухой забор, украшенный железными раздвижными воротами с несколько полинявшими красными звездами — визитная карточка любой воинской части в системе министерства обороны. К воротам притулилась проходная, дверь которой была открыта. На пороге, привлеченный шумом мотора куманинской машины, появился прапорщик с красной нарукавной повязкой дежурного по КПП (контрольно-пропускному пункту).

Куманин заглушил двигатель, вышел из машины и направился к КПП. Прапорщик приложил руку к пилотке:

— Дежурный по запасному КПП прапорщик Березюк. Цель вашего визита, товарищ майор?

Оказывается, это был запасной КПП. Значит, где-то есть еще и основной.

— Мне бы хотелось побеседовать с командиром части,— козырнул в ответ Куманин.

— С командиром дивизии? — удивился прапорщик.

— Именно,— подтвердил Куманин.

Прапорщик зашел внутрь поста и стал звонить по телефону. Минут через десять появился безликий капитан, представившийся помощником дежурного по части. Он изучил документы Куманина и лениво сказал:

— Следуйте за мной.

Куманин ожидал, что на звонок прапорщика прибежит особист, но, к счастью, этого не произошло. Куманин нарушал правила, но в дивизии их вовсе не блюли.

Пройдя в сопровождении капитана вдоль зданий казарменного типа, украшенных плакатами, призывающими множить число отличников боевой и политической подготовки и дать сокрушительный отпор любому агрессору, Куманин оказался у четырехэтажного здания штаба. Возле него стоял неизменный бюст Ленина и был развернут стенд с фотопортретами членов и кандидатов в члены Политбюро.

Оперативный дежурный по дивизии подполковник Антоненко не скрывал своей встревоженности.

— Генерал приказал мне узнать, по какому вопросу вы прибыли в дивизию, товарищ майор?

— По вопросу, составляющему служебную тайну,— скромно ответил Куманин, давая понять, что не намерен беседовать с оперативным дежурным.

— Если вы насчет лесопилки,— не унимался подполковник,— то у нас есть на это разрешение Министерства обороны.

Дивизию, видимо, уже терзала военная прокуратура за подпольное предприятие, занимающееся, судя по вопросу, производством пиломатериалов.

— Успокойтесь,— улыбнулся Куманин,— я понятия не имел, что на территории вашей части имеется лесопилка.

Но подполковник, вместо того, чтобы успокоиться, встревожился еще больше:

— Может, ребята наши чего набедокурили?

— Это дело ваших особистов,— начал раздражаться Куманин,— Товарищ подполковник, мне показалось, что вы прочли предписание. У меня важное государственное задание, и вы обязаны оказывать мне всяческое содействие, по возможности не задавая вопросов. Я от вас жду указаний, на каком этаже находится кабинет командира дивизии.

Подполковник побагровел, но генетическая память подсказывала, насколько опасно раздражать офицеров КГБ, знал он и о том, что майор КГБ по рангу равен комкору РККА, то есть является лицом, имеющим право отдавать приказы армейским подполковникам. Поэтому оперативный дежурный, пересилив себя, сказал что-то похожее на

«Есть!» и приказал молодому солдатику со штык-ножом на поясе проводить Куманина в приемную комдива.

Генерал-майор Петрунин, если и был старше Куманина, то не более, чем лет на пять-семь. Он оказался подтянут и широкоплеч, с резкими чертами лица, как у киногероев гражданской войны — чапаевские папаха и бурка просились-таки на его голову и плечи. И как Чапаев невзлюбил Фурманова при их первой встрече, так и генерал сразу дал понять Куманину, что недоволен появлением майора КГБ в своем кабинете.

— Неужели вопрос так важен,— спросил он,— что необходимо беспокоить командира дивизии, разве нельзя решить его на уровне «особого отдела»?

— Боюсь, что нельзя,— ответил Куманин, которому генерал не предложил сесть, а военная форма мешала сделать это без приглашения.

— Слушаю вас, майор,— сухо сказал генерал, вкладывая в слово «майор» все свое презрение, в надежде, что Куманин оценит собственное ничтожество.

— На территории вашей части,— доложил Куманин,— имеется полуразрушенная часовня. Когда-то там было кладбище монашеского скита. Мне необходимо осмотреть это место.

Неподдельная тревога промелькнула в глазах командира дивизии, а на его решительном лице появилось выражение некоторой растерянности. Он явно ожидал не этого.

— Зачем? — спросил генерал и добавил.— Что вы стоите? Садитесь.

Куманин присел на стул.

— Мне необходимо осмотреть это место,— ответил он,— в рамках задания, полученного от руководства, оно же не дало мне полномочий раскрыть суть полученного задания.

Сказано было несколько затейливо, но вполне ясно. Этот ответ вконец расстроил генерала. Теперь от напоминал не Чапаева, а завмага, к которому нагрянула комиссия рабочего контроля.

— Товарищ майор,— помолчав, сказал генерал, видимо, желая еще раз подчеркнуть ту бездонную пропасть, которая разделяла его и Куманина,— я официально вам заявляю, что мы действовали в полном соответствии с

указаниями Министерства Обороны и инструкциями Главкома войск ПВО СССР.

Было видно, что генерал говорит чистую правду, хотя Куманин не понял подтекста. Однако он умел играть в подобные игры.

— Товарищ генерал,— с почтительностью в голосе ответил он,— я нисколько не сомневаюсь, что вы действовали в рамках полученного приказа, но я должен в этом лично убедиться и представить рапорт своему руководству о том, что никакой самодеятельности допущено не было. Сами понимаете, от того, что я напишу, зависит очень многое. Если все обстоит именно так, как вы говорите, товарищ генерал, значит...— Куманин смущенно замялся.

— Значит что? — спросил генерал.

— Значит,— пояснил Куманин, продолжая смущенно улыбаться,— вы не будете наказаны, во всяком случае, не будете наказаны строго. Я хочу, чтобы вы все правильно поняли. Я — не командир ракетно-артиллерийского дивизиона, а офицер КГБ майор Куманин, которому вы обязаны оказывать содействие, не задавая вопросов. Еще раз прошу вас, товарищ генерал, обратить внимание на подписи лиц, которые уполномочили меня осмотреть место у старой часовни. Именно этим лицам вы можете на меня пожаловаться, если найдете в моем поведении что-нибудь оскорбительное. А пока дайте мне сопровождающего и машину, чтобы я мог осмотреть место.

— Нам обещали емкости, специальные емкости,— проговорил генерал, покусывая губы,— нам обещали обеспечить вывоз, но не выполнили ничего. Тогда мы вынуждены были...— Генерал замолчал.

— Я вас понял,— успокоил комдива Куманин,— во всем виновато высшее командование, которому вы вынуждены были подчиниться, чтобы обеспечить процесс боевой подготовки вверенной вам дивизии, а вместе с тем и безопасность нашей Родины.

Выпускник МГИМО, которого готовили в дипломаты — это вам не бывший курсант провинциального артиллерийского училища! Весьма заинтригованный беседой с командиром дивизии, из которой он не понял ровным счетом ничего, кроме того, что дивизия является Краснознаменной, Куманин в сопровождении начальника химслужбы и двух солдат поехал к старой часовне.

Площадь, занимаемая дивизией ПВО, на первый взгляд, была равна территории Бельгии, никак не меньше. Действительно, у Симферопольского шоссе стоял запасной КПП, а где находился основной, даже трудно было сориентироваться. Куманин нисколько бы не удивился, если бы с главного КПП выехал на Ленинградское или Ярославское шоссе: через территории частей проходили как минимум две железнодорожные ветки. Солдаты разгружали вагоны и нагружали их. По подъездным путям шныряли военные грузовики, набитые досками и какими-то хитрыми штуками под брезентом. Попадались таинственные постройки неясного назначения, но явно производственного характера. И хотя повсюду висели плакаты типа «Воин-ракетчик! Бдительно охраняй мирный труд советского народа!», самих ракет нигде не было видно. Возможно, они были хорошо замаскированы.

Проехав километров семь, штабной газик свернул на проселок и остановился у щита, на котором были нарисованы череп и скрещенные кости и красовалась надпись: «Внимание! Опасная зона!».

— Дальше нельзя,— вздохнул майор-начхим,— надо пешком и в противогазах.

— Что еще за новости? — возмутился Куманин.— В каких противогазах? Куда вы меня привезли?

— Куда приказано,— сказал начхим,— вы же хотели место у часовни осмотреть. Тут уже недалеко, примерно с полкилометра.

— А противогазы-то зачем? — Куманин последний раз натягивал противогаз на военных сборах в институте и никаких приятных воспоминаний об этом не сохранил. Главное, что запомнилось — в противогазе ничего не видно.

— Я думал, вы в курсе,— неуверенно произнес начхим.— Разве командующий вас не предупредил?

Командир дивизии говорил много, но по существу не сказал ничего, видимо считал, что Куманин в курсе.

— О противогазах он мне ничего не говорил,— ответил Куманин.

— Как же? — возразил начхим.— Должен был предупредить.

И начхим рассказал Куманину следующую историю. Когда дивизию перевооружали на новые ракеты, старые предполагалось вывезти на утилизацию. До этого их при-

казано было сложить на местности, как раз с этой целью и выбрали территорию у заброшенного кладбища, поскольку она находится достаточно далеко от военных городков и боевых позиций дивизии. Кроме того, сюда подходит одна из железнодорожных веток, где оборудован специальный перегрузочный пункт. Однако за старыми ракетами никто транспорт не присылал, и они продолжали лежать под брезентом прямо на земле. Постепенно украли и брезент. Из ракет пошло топливо, содержащее дихлорэтан, прочие высокотоксичные компоненты. Он, начхим, неоднократно писал рапорты на имя командира дивизии, тот обращался в вышестоящие штабы, но вот уже скоро пять лет все остается как было. На этом участке теперь трава не растет и часть деревьев засохла. Идут испарения. Несколько солдат пришлось госпитализировать. Один из них умер. Об этом тоже докладывали наверх, но снова никакого эффекта. А между тем компоненты топлива, разлагаясь, уходят в землю, и скоро с грунтовыми водами они попадут в реку, что всего в нескольких километрах отсюда. Тогда разразится экологическая катастрофа, все попадут под трибунал, а он, начхим, первым. Ему до пенсии еще два года нужно дослужить, а то бы давно ушел.

Куманин, слушая начхима, пытался сообразить, о каких разрешениях министерства обороны говорил ему комдив, но так и не догадался. Он был уверен, что у генерала Петрунина найдется достаточно «отмазок», чтобы в случае чего прикрыть себя и подставить начхима. Все играют в подобные игры по одинаковым правилам, жертвуя майорами и сохраняя на племя генералов.

В это время вернулся из каптерки у дороги солдат, посланный майором. В руках у него были два респиратора (к счастью, не противогазы). Тем самым он давал понять офицерам, что сам туда идти не намерен.

В респираторе было тяжело дышать, и Куманин взбунтовался, предположив, что от одного посещения ничего страшного не произойдет.

— Дождей давно не было, может, обойдется.

— Как хотите,— ответил начхим,— а я пойду в респираторе. В случае чего, у меня вот два свидетеля есть, что вы сами отказались.— И он показал на солдата и водителя.

Куманин хотел ему сказать, что он предпочел бы иметь более надежных свидетелей, но промолчал и сказал:

— Пошли!

Видя, с какой неохотой облаченный в респиратор начхим следует его призыву, Куманин сжалился и, разглядев за высохшими стволами деревьев краснокирпичные руины старинной часовни, сказал:

— Вы можете остаться здесь, я один со всем справлюсь.

Начхим с готовностью согласился, хотя, наверняка, имел приказ генерала Петрунина тщательно наблюдать за всеми действиями Куманина и представить по этому поводу специальный рапорт. Но майору больше хотелось дослужиться до пенсии.

Открывшийся перед Сергеем пейзаж больше напоминал кадры из кинофильма о конце света, где некий кровожадный вирус, занесенный из космоса, уничтожил все человечество в самый разгар его творческой деятельности.

Вокруг сохранившихся развалин небольшой часовни, как гигантские личинки чудовищных насекомых, лежали со вспоротыми животами десятки (если не сотни) зенитных ракет, некоторые с боеголовками. Из вспоротых корпусов и выломанных или открытых лючков свисали, как вывалившиеся кишки, кабели и разноцветные провода, украшенные хитрыми разъемами. Из ракет вытекала на землю какая-то жидкость малинового цвета, весьма напоминающая кровь. Кое-где жидкость была зеленого или зелено-желтого цвета.

За высохшими деревьями и кустарниками угадывалась железнодорожная ветка — виднелась открытая платформа, с которой трое солдат в противогазах сбрасывали гравий. Пахло паленой резиной, и Куманин уже стал жалеть, что отказался от респиратора.

Осторожно шагая, он обошел часовню, стараясь не наступать на то, что осталось от былой противовоздушной мощи СССР. Остатки ракет возвышались небольшими островками среди переливающихся малиново-зеленым цветом лужиц зловещей жидкости, служившей некогда ракетным топливом.

Но во всем этом кошмаре была и положительная сторона — старое отшельническое кладбище за часовней не заросло буйно травой, сорняками и кустами, не было покрыто несколькими слоями сгнивших листьев, и его монашеская простота предстала перед Куманиным во всей своей мистической наготе. На некоторых могилах были да-

же целы покосившиеся кресты, хотя на большинстве они оказались сбиты, видимо, просто из хулиганских побуждений, валялись между могил под грудой проводов, разъемов и остатков печатных схем. На разбитых могильных плитах еще можно было прочесть отдельные буквы славянской вязи, некогда горевшие золотом и увековечивавшие имена схимников и печальников, ныне забытых навсегда.

Кладбище было маленькое — не больше двадцати заброшенных холмиков. Скит, вероятно, успел просуществовать не больше тридцати-сорока лет, прежде чем на него наехало паровым катком колесо истории.

Куманин обвел погост взглядом, пытаясь найти ту могилу, которую искал. Ему стало не по себе от гнетущей тишины вымершего пространства. Он прошел еще несколько шагов вперед и, наконец, скорее даже не увидел, а почувствовал, что нашел именно то, ради чего ему пришлось с утра влезть в военную форму. На одной из могил каким-то чудом сохранилась трава и лежали две красные гвоздики.

Этот небольшой зеленый холмик был зажат между двумя старыми могилами отшельников, чьи покосившиеся кресты как бы склонились над ним. Куманин подошел ближе. В небольшой ложбинке между могил лежала проржавевшая насквозь пирамидка, наподобие тех, что украшают могилы бедных людей, заботы о похоронах которых взяла на себя профсоюзная общественность. Обычно такие пирамидки венчаются звездочками, но на этой не было ничего, а, может, давно истлело. Сама пирамидка сохраняла форму только благодаря четырем угольникам из какого-то прочного материала.

Забыв обо всех предостережениях начхима, Куманин наклонился и поднял пирамидку, чувствуя как она крошится под его пальцами. В этот момент что-то упало к его ногам. Куманин вздрогнул. Маленькая, то ли медная, то ли латунная табличка, потемневшая от грязи и времени, сорвавшись с прогнивших винтов, крепящих ее к пирамидке, издала звук, который показался Куманину до странности резким.

Табличка была небольшая, чуть больше тех, что украшают двери старинных квартир. Достав носовой платок, Куманин поднял ее, пытаясь прочесть фамилию, скорее выбитую, чем выгравированную чьей-то не очень умелой ру-

кой. Затем, завернув табличку в носовой платок, он сунул ее в тужурку под ремень и стал осторожно выбираться обратно.

Начхим дивизии был прав. Не успел Куманин отъехать от шоссе по направлению к Нефедово, как почувствовал странную резь в глазах и легкое головокружение. Потом запершило в горле. Он даже остановился на несколько минут, чтобы немного придти в себя. Жара, стоявшая с утра, стала спадать. Усилился северо-восточный ветер, нагоняя тучи и обещая долгожданный дождь. Вокруг него шумели под ветром верхушки деревьев, обступивших шоссе.

Куманин вышел из машины и подставил разгоряченную голову под освежающую струю ветра, глубоко дыша. Жаль, что негде было ополоснуть лицо. Стало немного легче, и Куманин поехал дальше. Через несколько минут показался милицейский пост у поворота к «Объекту 17». Трое «гаишников» стояли на обочине, дымя сигаретами и о чем-то беседуя. Куманину показалось, что при виде его машины, один из них выплюнул окурок и стал что-то говорить в передатчик, висевший на груди. Видимо, это было простое совпадение. Поскольку Куманин был в форме, дорожно-патрульная служба на него никак не отреагировала, а один инспектор даже отдал честь.

Когда Куманин остановил свою машину у дома Феофила, уже накрапывал дождь, быстро набирая силу. Держа в руке фуражку, Куманин вышел из машины. Под бодрящими струями с небес, которые доставили ему удовольствие, он постучал в дверь.

Феофила дома не оказалось — тот с утра уехал в Москву, предупредив мать, что пробудет там дня два-три. Куманин спросил ее, где можно отыскать Феофила в Москве. Та ответила, что понятия не имеет и вообще делами сына не очень интересуется, хотя знала адрес. «Видимо, я в своей форме напоминаю Клавдии Ивановне участкового, который все время терзает Феофила»,— подумал Куманин. Но ошибался — напоминал он Клавдии Ивановне совсем другого человека.

«Информация, добытая им в расположении дивизии генерала Петрунина, с лихвой перекрывала неудачную поездку к Феофилу,— решил Сергей. — Подумаешь, какие-то лишние двадцать километров туда, двадцать обратно. По-

надобится поговорить с Феофилом, вызову его к себе повесткой».

А потому, нахлобучив фуражку на мокрую от дождя голову, Куманин, извинившись, направился к выходу, радуясь шумящему во дворе ливню. Голова была тяжелая, лицо продолжало гореть, правда, резь в глазах прошла.

— Молодой человек,— неожиданно обратилась Клавдия Ивановна.— Извините. Можно вам задать один вопрос?

— Да, пожалуйста,— ответил Куманин,— в чем дело?

— Скажите,— смущенно проговорила старушка,— у вас в родне не было никого по имени Агафон.

— Агафон? — удивился Куманин.— Дедушку моего по отцовской линии звали Агафон Иванович, а что?

— Похожи Вы на него очень,— еще более смущаясь, продолжала Клавдия Ивановна,— как вылитый.

— О чем вы говорите? — не понял Куманин.— На кого я похож?

— На дедушку своего,— объяснила мать Феофила,— Агафона Ивановича Куманина. Вот на кого.

Прежде чем Сергей успел воспринять сказанное, Клавдия Ивановна скрылась в комнате и быстро вернулась, неся старинную фотографию на паспарту с затейливой виньеткой какого-то доисторического фотоателье.

Первое, что бросилось Куманину в глаза, была поблекшая надпись серебром: «Фотография Шипцера в Серпухове. Золотая медаль Нижегородской ярмарки 1913 года». На снимке был изображен мужчина лет тридцати пяти в сюртуке и сложном галстуке. Его жилет украшала массивная цепочка, на сюртуке был непонятный значок. Мужчина сидел на стуле с высокой резной спинкой, держа на коленях двух малышей, в чем-то белом и воздушном. С величайшим изумлением Куманин узнал в этом мужчине ... себя! Действительно сходство было потрясающим! Если у него и оставались сомнения, то их развеяла Клавдия Ивановна.

— Вот это — я,— указала она на ребенка, сидящего на левом колене,— а это — сыночек Агафона Ивановича, Степочка. Ваш батюшка, наверное.

Сказать, что Куманин был потрясен, это значит ничего не сказать. Он хотел что-то произнести, но никакие слова не приходили в голову. Вид у него был, вероятно, очень рас-

терянный, потому что Клавдия Ивановна участливо спросила:

— Что с вами? Вы этого не знали? Сядьте, пожалуйста. Что вы стоите? — Она боялась, что Куманин сейчас упадет.

Куманин тяжело опустился на табурет, снял фуражку и, не совсем осознавая, что говорит, хрипло спросил: — Кто вы?

Клавдия Ивановна рассказала, что она — дочь Ивана Арсеньева, совладельца Агафона Куманина по пароходной компании, опытного речного капитана, который водил суда по Оке, Каме и Волге аж до Махачкалы. У Агафона Куманина и Ивана Арсеньева в один год родились дети: у первого — сын, у второго — дочь. Компаньоны планировали их в будущем поженить и породниться. Насколько это было серьезно, сейчас трудно сказать. После гибели Куманина — его вместе с другими утопили чекисты в барже — застрявший в Астрахани Иван Арсеньев вернулся в Куманино и попытался найти Степу, но его самого арестовали. Вернулся в 1925 году совершенно больным, в 1934 умер.

— И, слава Богу,— закончила Клавдия Ивановна,— Проживи он еще года два-три, снова взяли бы. Когда нас с матерью арестовали, поначалу главным обвинением было как раз то, что отец является совладельцем пароходной компании.

Куманин молчал, продолжая смотреть на собственное лицо, запечатленное на старинной фотографии почти за полвека до его появления на свет. Ему вдруг стало страшно. Он представил, как его хватают, выворачивая за спину руки, выволакивают из дома, ведут, подгоняя прикладами и штыками на пристань, где бросают в грязный и вонючий трюм старой баржи. Бросают на груду уже лежащих там живых и мертвых людей, стонущих, молящих о пощаде, кричащих от ужаса и непонимания: «За какую вину их подвергают массовому истреблению?! Какая катастрофа произошла в их стране, что за режим захватил в ней власть, почему все лучшее, что было в России, подлежит уничтожению?» Вот со скрежетом и лязгом падают крышки люков, и свет навсегда померкнет для тех, кто в трюме. Только вода журчит за бортом. Это журчание становилось все громче, разрывая сердца и легкие обреченных. Дождь усиливался.

— Вы дадите мне эту фотографию,— очнувшись, попросил Куманин.

— Нет,— сказала она,— не дам. Зачем она вам?

— Я хотел бы показать ее отцу,— сказал Куманин,— ведь он тоже ничего не знает, кроме того, что его отец пропал в самом начале гражданской войны.

— Пусть Степан приедет ко мне и посмотрит,— предложила Клавдия Ивановна.— Эта фотография — единственное, что связывает меня с дорогим прошлым. А вам-то зачем такое прошлое? Оно вам только помешает.

Куманин вспомнил, как в первые годы службы в КГБ он гордился тем, что является чекистом во втором поколении и пытался добыть данные о пропавшем деде. Может, он тоже был чекистом. Но дед Агафон неожиданно заявил о себе в доме полусумасшедшего диссидента, которого ведомство Куманина пыталось сгноить в психушке и который по какому-то странному стечению обстоятельств проник в его квартиру с помощью монтировки.

— Может быть, вы и правы,— согласился Куманин, немного приходя в себя.— Прошлое догоняет нас и иногда больно бьет. Я все-таки прошу у вас разрешения еще раз приехать сюда вместе с отцом.

— А Степан тоже у вас служил? — поинтересовалась Клавдия Ивановна.

— Да,— немного помявшись, признал Куманин.

— Родителей убили, а детей и внуков заставили убивать других,— печально заметила старушка.— Сейчас уже ничего не поправить через столько лет.

Куманин ничего не ответил — отвечать было нечего. Ни он, ни, насколько ему было известно, его отец никого не убивали, в баржах не топили, на фонарях не вешали.

«А ведь я мог быть ее сыном»,— мелькнула у него мысль, когда он поворачивал ключ в зажигании. Ошеломление от неожиданной встречи с дедом прошло, и он стал думать, как сообщить обо всем отцу. «Может, не говорить ничего вообще? Нет, нужно сказать». Куманин решил, что, когда доберется до дома, сразу же попытается связаться со Степаном Агафоновичем по тому ленинградскому телефону, что он обнаружил в квартире отца.

Ливень прошел, оставив на небе всклокоченные рваные облака. Солнце временами появлялось в просветах туч, но уже цеплялось своим огненным диском за верхушки де-

ревьев синевшего на западе леса. За всеми известиями, свалившимися на него, Куманин забыл о рези в глазах и головокружении. Подставив лицо под холодный ветер, бьющий в опущенное стекло, он гнал машину обратно в Москву, держа стрелку спидометра на ста километрах. Ни один гаишник не осмеливался остановить машину, когда за ее рулем в полной форме сидит майор КГБ! Машина приближалась к повороту на «Объект 17». «А ведь там дом моего деда,— подумал Куманин.— Взглянуть бы. Надо попытаться выписать туда пропуск».

Двое «гаишников» стояли возле своей машины, а третий — капитан с рацией, которого заприметил Куманин еще во время прошлой поездки,— неожиданно возник из придорожных кустов. Выйдя на проезжую часть, он повелительным взмахом жезла приказал Куманину остановиться.

Тот резко притормозил и, открыв дверцу, приготовился дать гаишнику достойную отповедь, если тот заикнется о превышении скорости. Если бы капитан не встал прямо на его пути, Куманин вообще проигнорировал бы все его «жезловые» приказы.

Гаишник подошел к машине и приложил руку к козырьку.

— Майор Куманин? — спросил он.

— Да,— в изумлении ответил тот.— В чем дело?

— Проезжайте под кирпич, вас там ждут.

— Кто ждет? — возмутился Куманин.— Вы что — рехнулись?

— Очень ждут,— повторил капитан,— подвиньтесь. Я сяду за руль.

Отодвинув в сторону пассажирского сидения совершенно ошалевшего Куманина, капитан сел за руль, развернул машину через разъединительную полосу и поехал на запрещающий «кирпич» по уходящей в сторону дороге.

— Вы мне можете объяснить, в чем дело? — свирепо спросил Куманин,— Что все это значит? Вы мне срываете...

— Вам все объяснят,— буркнул капитан,— сидите спокойно.

В это время за поворотом дороги открылся шлагбаум, возле которого стояли лейтенант и двое солдат войск КГБ с короткоствольными автоматами. Один из них держал на коротком поводке огромную немецкую овчарку в строгом наморднике.

Шлагбаум поднялся, и машина, не останавливаясь, пое-

хала дальше. Внезапно лес как бы раздвинулся, и перед Куманиным во всей красе открылся особняк его деда Агафона. Уютный трехэтажный дом с колоннами и галереями на первый взгляд совершенно не пострадал от времени. Правда, Куманин был в несколько нервозном состоянии, чтобы по достоинству оценить вкус своего деда.

В былые времена особняк, видимо, стоял на искусственном островке посреди декоративного пруда. Ныне пруд высох, и создавалось впечатление, что дом окружен высохшими рвами, как средневековый замок. К нему был переброшен мостик более поздней постройки, нисколько не гармонировавший с архитектурой самого здания.

Машина переехала мост и остановилась между колоннами подъездной галереи, прямо у массивных дверей, где некогда останавливалась бричка (а, может, автомобиль?) Агафона Ивановича.

«А ведь он погиб, когда ему было чуть больше, чем мне»,— мелькнула мысль у Куманина.

Массивная дверь открылась, и навстречу им вышел мужчина лет пятидесяти в жилетке без пиджака и в галстуке-бабочке.

— Выходите,— приказал капитан Куманину.

Ничего не соображая, Куманин вылез из машины.

— Сдайте оружие,— сказал человек в жилетке.

— У меня нет оружия,— ответил Куманин.

— Вот как? — удивился встречающий.— Тогда приведите форму в порядок и следуйте за мной.

Куманин подтянул галстук, поправил фуражку и застегнул китель на все пуговицы. Между тем, «гаишник» развернулся и поехал на машине Куманина через мост в обратном направлении.

— Моя машина! — пришел в себя Куманин.— Куда он поехал?

— Не задавайте вопросов,— строго произнес человек в жилетке.— Следуйте за мной.

Первое, что увидел Куманин, войдя в дверь, был пожарный щит, рядом с которым висела табличка: «Ответственный за противопожарную безопасность объекта тов....», но фамилия отсутствовала. Они поднялись на второй этаж. Интерьер был «стилизован» под общий казенный образец: оштукатуренные стены с остатками лепнины, красные дорожки на полу, как на Лубянке, портрет Дзержинского в холле второго этажа, какие-то дополнительные перегородки, разделяющие некогда обширные помещения.

— Откройте дипломат,— потребовал тот, что в жилетке, когда они поднялись в холл.

Куманин повиновался.

— Что это? — тем же ровным голосом спросил неизвестный, указывая на завернутую в платок латунную табличку, которую Куманин изъял с ракетной свалки Краснознаменной дивизии ПВО.

— Не ваше дело,— внезапно окрысился Куманин, захлопывая дипломат.

— Не надо хамить,— спокойно проговорил человек в жилетке,— не забывайте, где находитесь.

— А я не знаю, где нахожусь и что все это вообще значит,— зло продолжал Куманин.— На каком основании я задержан в момент проведения оперативно-разыскного...

— Достаточно,— прервал его мужчина в галстуке бабочкой,— не пререкайтесь. Я спрашиваю, что у вас в дипломате?

— Личные вещи,— сдерживаясь, ответил Куманин.

— Хорошо,— после некоторой паузы проговорил мужчина в жилете.— Следуйте за мной.

Шагая друг за другом (Куманин сзади), они прошли по ковровой дороже к двустворчатым дверям, за которыми оказалось обширное помещение, уставленное низкими столиками и мягкими креслами — что-то вроде курительной. На стене висели портреты Горбачева и Андропова.

Жестом руки приказав Куманину подождать, человек в жилетке прошел в обитую кожей дверь, находящуюся в глубине помещения. Вскоре он вернулся и кивком головы разрешил Куманину войти. Пропустив его мимо себя, он бесшумно прикрыл дверь.

Куманин очутился в кабинете с тщательно зашторенными окнами. В комнате было полутемно, и ее размеры скрадывались тенями. За массивным письменным столом, освещенном настольной лампой со старомодным зеленым абажуром казенного образца, сидел человек в военной форме с погонами генерал-лейтенанта. Он перебирал пожелтевшие документы в толстенной папке с тесемками. Какое-то мгновение Куманин не мог понять, кто сидит перед ним. Генерал-лейтенант поднял голову от бумаг и посмотрел на Куманина, и только тогда до него дошло, что за столом сидит генерал Климов.

Глава 9

I

Казалось, оба были удивлены одинаково.

Повидимому, Климову раньше не приходилось видеть Куманина в военной форме, поскольку генерал, закрыв лежащую перед ним папку и откинувшись в кресле, рассматривал того с изумлением.

Сам Куманин, как, впрочем, и все на Лубянке, также никогда не видел Климова в форме. Кроме того, он считал Климова генерал-майором, и несколько опешил, заметив на нем погоны генерал-лейтенанта.

Все это стало причиной несколько затянувшейся паузы, которую прервал Климов:

— Хорош! На войну собрался?

Куманин, которому пауза позволила более или менее оценить ситуацию, решил потянуть время:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

— Ты что рыскаешь, как волк, по Симферопольскому шоссе? — игнорируя приветствие подчиненного, поинтересовался Климов.— Ты чем должен был заниматься в мое отсутствие?

Куманин обратил внимание, что орденских колодок на мундире генерала Климова было поменьше, чем у маршалов Брежнева и Жукова, но вполне достаточно, чтобы создать впечатление, будто генерал две мировые войны подряд командовал какой-нибудь ударной армией прорыва.

— Ты оглох? — переспросил генерал.— Я, кажется, спросил, майор Куманин, чем занимаетесь, гоняя по дорогам с недопустимой скоростью?

— Выполняю ваше приказание, товарищ генерал,— скромно ответил Куманин.

— Мое приказание? — деланно удивился Климов.— Я тебе давал приказ создавать дорожно-транспортные происшествия или понижать боеготовность краснознаменных дивизий?

— Никак нет,— рапортовал Куманин.— Вы мне дали

приказ, товарищ генерал, отыскать место захоронения последнего императора Николая II.

— Ах, вот как?! — оживился Климов.— И что же? Император у вас захоронен на обочине Симферопольского шоссе, где-нибудь между Москвой и Серпуховым? Возможно, в огороде у этого психически ненормального психиатора, как его?

— Пименова,— почтительно подсказал Куманин.— Если вы мне разрешите доложить...

— Докладывай,— разрешил генерал, всем своим видом демонстрируя крайнее недовольство подчиненным, которому было доверено выполнение особо важного государственного задания.

Куманин открыл дипломат и положил перед Климовым латунную табличку, завернутую в носовой платок. Табличка от времени покрыта патиной, но грубо вырезанный на ней текст читался без особых усилий. ПОЛКОВНИК РОМАНОВ Н.А. 1867 — 1940

Климов оторопело смотрел на этот текст, то поднимая глаза на Куманина, то снова опуская их на табличку, беззвучно шевеля губами. Наконец, он достал из ящика огромную лупу и стал изучать надпись на табличке.

— Да-а! — проговорил он, клада лупу на стол.— Интересное кино! Где ты ее добыл?

— На территории дивизии генерала Петрунина,— доложил Куманин.— Для этого и форму одел.

Климов посмотрел на Куманина так, будто увидел его впервые в жизни. Так герои мультфильмов смотрят на любимых собак, когда те неожиданно начинают говорить человеческим голосом.

— Садись,— после очередной паузы произнес Климов и снова стал рассматривать пластинку в лупу, как бы подозревая, что Куманин изготовил ее сам, чтобы отчитаться о выполнении задания.

— А совпадения никакого тут быть не может? — спрашивая скорее самого себя, чем Куманина, проговорил Климов.

— Исключено,— ответил Куманин.— Все сходится.

— Исключено? — переспросил Климов.— Ничего нельзя исключать. До войны в системе работали такие хитрованы, которые только и мечтали, чтобы будущие поколения посчитали их дураками. Кто там рядом с ним похоронен?

— Какие-то монахи-отшельники,— доложил Куманин.— Последнее захоронение — в конце 1918 года.

— Как ты вышел на это кладбище? — спросил генерал.

— Здесь в ближайших деревнях полно вдов, чьи мужья некогда охраняли шлагбаумы на пути к этому особняку,— ответил Куманин.— Эти вдовы, несмотря на преклонный возраст, помнят гораздо больше, чем вы себе представляете. Они помнят даже старшего майора Лисицына.

— Интересно,— проговорил Климов в некотором недоумении.— Я пытался найти это кладбище, но в дивизии сказали, что оно давно, чуть ли не сразу после войны, уничтожено. А как тебе удалось туда пробраться?

— Меня приняли за кого-то другого,— улыбнулся Куманин,— за инспектора по экологии, кажется. Они там отравили огромную площадь ракетным топливом. В самом центре этой территории и находится кладбище, весьма прилично сохранилось. Я вам скажу даже больше — на могиле полковника Романова, кем бы он ни был, я обнаружил свежие гвоздики. Совершено потрясающе! Кругом картина грядущего апокалипсиса, а тут... Туда даже запрещен вход без противогазов.

— И тебе выдали противогаз? — поинтересовался Климов.

— Хотели, но я отказался.

— Напрасно,— покачал головой генерал.— Пары разлагающегося ракетного топлива провоцируют галлюцинации. Тебе померещилось. Гвоздики были красными?

— Красными — подтвердил Куманин.

— Одни принимают это за гвоздики, другие за маки. Это не ракетное топливо. Это гораздо хуже. Я бы на твоем месте лег в госпиталь на обследование,— почему-то улыбаясь, сказал Климов.

— Это были гвоздики, красные гвоздики,— настаивал на своем Куманин.

— Если это так,— Климов согнал с лица улыбку,— то вообще получается какая-то чертовщина. Хочется думать, что только гвоздики тебе померещились.

— Мне померещились не только гвоздики, товарищ генерал,— ответил Куманин.— Мне много чего померещилось, пока вы отсутствовали.

— Например? — генерал Климов продолжал смотреть на своего подчиненного с неослабевающим интересом.

Куманин снова открыл свой дипломат и вынул прозрачную папочку, в которой лежало свидетельство о смерти старушки, приехавшей из сибирской глухомани на экскурсию в ростовский Кремль.

— Вот как? — удивился Климов.— Куда ни кинь — везде Романовы. Надо бы вообще всех Романовых в Союзе арестовать и собрать в специальный лагерь, а комендантом назначить майора Куманина, чтобы он заставил всех признаться, какое они имеют отношение к царской фамилии.

— Все это так,— согласился Куманин,— но вы упустили из внимания одну маленькую подробность. Вы не обратили внимания на дату смерти этой гражданки.

— Почему не обратил,— возразил Климов.— Вот она, дата — 28 июля 1988 года. Ну и что?

— Именно в этот день,— подсказал Куманин,— милиция города Ростова подобрала на автобусной остановке мальчика по имени Алеша Лисицын.

Климов вздрогнул, как от неожиданного удара. Он даже сжался в кресле, хотя, возможно, это Куманину тоже померещилось, как гвоздики на могиле полковника Романова.

— Шестакова...— прошептал генерал.— Я слишком поздно узнал, что вы с ней учились в одном классе, а позднее были любовниками. Думал, что ты порвал с этой диссиденткой все отношения...

Куманин молчал. Когда начальство признается в собственных ошибках, лучше всего помалкивать и всем своим видом показывать, что ты скорбишь по этому поводу не меньше самого начальства.

— Конечно,— продолжал Климов,— о мальчике знает и этот псих из Нефедово?

— В общих чертах,— соврал Куманин, которому стало неожиданно жалко Феофила.— Разрешите напомнить, товарищ генерал, что об этом мальчике знает и целый интернат, где директором Петухова.

— Знание знанию рознь.— возразил Климов.— Одно дело слышать, другое дело — знать. И уж совсем плохо, когда знаешь слишком много. Или предполагаешь, что много знаешь и начинаешь писать разные диссертации. Есть вещи, которые вообще никто не имеет права знать, даже мы с тобой. Если бы я не был в командировке, никогда бы

не позволил тебе доехать до Нефедово. Ты меня понимаешь?

— В Нефедово я искал не могилу царя, а Надю Шестакову,— попытался оправдаться Куманин.

— Мог бы и догадаться, что она у нас. Кроме нее, никто не может хоть как-то управлять этим мальчиком,— недовольно пробурчал Климов.— И не лезь не в свои дела. Ты уже узнал в интернате, что Алешу увезли мы. И нечего было дальше этим вопросом интересоваться. Уедешь на два дня, а потом расхлебывай, что подчиненные натворят!

Однако то, как выговаривал Климов Сергею, говорило скорее о некоторой растерянности генерала, нежели о сильном гневе. Если вначале репликами типа «Здравия желаю, товарищ генерал!» время пытался выиграть Куманин, то сейчас, поругивая Куманина за его безответственные импровизации, Климов явно пытался выиграть время, чтобы собраться с мыслями. А потому наступила еще одна пауза.

— Так ты говоришь,— нарушил молчание Климов,— что она приехала в Ростов с Алешей Лисицынным?

— Я этого не говорил,— быстро ответил Куманин,— даже совсем наоборот. Мне удалось выяснить, что она выехала из Томска одна.

— Значит,— предположил генерал,— они встретились где-то по дороге в Ростов?

— Думаю,— возразил Куманин,— что все было не совсем так. Она приехала в Ростов Великий, поскольку знала точную дату появления там Алеши Лисицына, убедилась в этом и ...— Куманин замолчал.

— И...— повторил Климов,— и что же дальше?

— И умерла, как вы знаете,— пожал плечами Куманин.

— Веселые дела! — проговорил Климов.— А откуда она знала точную дату появления мальчика?

— Говорят,— не совсем уверенно сказал Куманин,— что эта дата была в свое время точно предсказана.

— Кем? — поинтересовался Климов.

— Мне бы тоже хотелось понять,— честно признался Куманин.

— Как ты считаешь? — спросил Климов.— Этот мальчик, Алеша, имеет какое-либо отношение к коменданту «Объекта 17» Александру Лисицыну?

— И к Василию Александровичу Лисицыну, секретарю Томского обкома партии,— добавил Куманин,— который «курировал» Татьяну Николаевну в поселке Асино Томской области. Все очень странно, если вспомнить, что человек, известный на объекте как Лисицын, в действительности носил совершенно другую фамилию. Лисицын — это оперативный псевдоним.

— А ты откуда знаешь? — изумился Климов.

— Он числится в нашей ветеранской картотеке среди работников, подлежащих реабилитации. Там указано, что «Лисицын» — не настоящая фамилия,— доложил Куманин.

— Ты подумай,— осерчал Климов.— Какой в нашей системе бардак! То что считается сверхсекретным в одном подразделении, можно найти в открытом доступе другого. Это ты у «историков» узнал?

— Так точно,— подтвердил Куманин,— у Никитина.

— А настоящая его фамилия была указана? — поинтересовался генерал.

— Нет,— успокоил Куманин,— стоял только красный значок в виде звездочки. Никитин объяснил, что подобные значки стоят на псевдонимах.

— Ты по-английски читаешь? — неожиданно перешел Климов.

— Да, немного,— с несколько виноватым видом ответил Куманин. Начальство никогда не любило «шибко грамотных».

Климов тяжело поднялся с кресла и удалился в полутемный угол кабинета, где, видимо, был вделанный в стену сейф, и вернулся с небольшой канцелярской папкой с обычными тесемками. Генерал вытащил из нее пожелтевший листок бумаги и протянул Куманину:

— Прочти.

Выцветшими от времени чернилами на листке было написано по-английски:

« My Dear Fox, I need not tell you how I feel indebted for all that you have done toward consummating my escape. I feel that you will do all you can to maintain my State Secret.

Believe me sincerely.

Nicholas, 14.08.1919.»

— Все понял? — спросил Климов.

— Нет,— медленно ответил Куманин,— пока еще ничего не понял. Фокс. Лисицын — это Фокс?

— В том-то и дело,— сказал Климов,— что так до конца и не понять, одно это лицо или нет. В ЧК и ГПУ сидели такие «мудрецы», что запутали и сами себя, и Ленина со Сталиным. В НКВД уже сидели ребята попроще, можно сказать, одни костоломы. Прежних они почти всех без исключения перестреляли. С одной стороны, это можно только приветствовать. В конце концов, что за секретная служба, в действиях которой уже вообще никто не может разобраться. Возьми знаменитую операцию «Трест». Никто уже не понимал, включая Артузова, чем они занимаются? Фильтруют эмиграцию или готовят государственный переворот в СССР? Но после Ежова вся система, от НКВД до КГБ включительно, стала до противного прямоугольной. Ее действия уже мог просчитывать любой секретарь райкома. Это тоже недопустимо.— Климов вздохнул.

— Сначала я тоже считал, что Фокс и Лисицын одно лицо. Потом понял, что нет. Фокс ведь смылся, а Лисицына расстреляли. В самом этом факте, конечно, ничего особенного нет. Лисицына могли включить в списки на расстрел только для того, чтобы дать возможность Фоксу спокойно уйти в тень. Дело курировал лично товарищ Сталин. А это был не простой человек. Мы о нем тоже ровным счетом ничего не знаем. Я говорю, конечно, о довоенном Сталине. Война его окромсала, превратив гения в солдафона, что-то среднее между Гинденбургом и Троцким.

Еще никогда Климов не говорил с ним, как равный с равным, и Куманин слушал, приоткрыв рот.

— А этот Фокс,— спросил он, почему-то понизив голос,— кто он? Немец, еврей?

Климов засмеялся:

— Ты даже не представляешь, Сергей, какая тут смесь. Немецкий еврей с корнями в Витебске, натурализовавшийся в США, но тем не менее сохранивший гражданство Германии. Эта бумага, которую ты сейчас прочел, добыта в Америке. Мне кажется, что тот чекист, который сопровождал Николая II в Екатеринбург, носил фамилию Фокс, а впоследствии он укрылся под псевдонимом Лисицын. Как бы удивительно это ни звучало, но Фокс вернулся в США. Сейчас он уже умер, правда жив его сын, который о папашиных делах не имеет понятия, весь в каком-то бизнесе. Но

и у Лисицына здесь остались дети — сын и дочь. Сын умер, а дочь жива, проживает в Риге. Внук же того Лисицына, Алексей Лисицын, пошел добровольцем воевать в Афганистан и там пропал без вести. Другими словами, был ли это один человек, который в Штатах плодил Фоксов, а в России Лисицыных, или это были два прохиндея, к нашему мальчику они, судя по всему, отношения не имеют.

Климов промолчал и продолжал:

— Американцы давно рассекретили все документы, связанные с деятельностью Фокса. В них утверждается, что его предки еще в середине прошлого века обосновались на Дальнем Западе. Если кому-то посчастливится пережить несколько глобальных мировых катастроф, то замести следы совсем не сложно. А вот обратно пройти по этим следам, чтобы попытаться представить себе реальную картину происходившего тогда, практически невозможно. Как бы ты детали ни уточнял, это всегда будет не более чем очередная версия с той или иной долей правдоподобности. Ты меня понимаешь, Куманин?

— Да, конечно,— поспешно согласился Куманин, он хотел услышать продолжение.

— Представь себе,— рассуждал генерал,— что тебе удалось застать ту старушку из Сибири живой. Допустим, она подтвердила, что является второй, если я не ошибаюсь, дочерью царя. Что дальше? Пришлось бы запротоколировать эти слова, как говорится, «со слов потерпевшей». Доказательств не добыть никаких. Кому хочется в это поверить, тот поверит, кому не хочется, тот не поверит. На этом и стоит вся история человечества. Оглядываясь в прошлое, каждый видит в нем то, что хочет.

— Но существуют документы,— робко возразил Куманин,— которые принято считать неопровержимыми...

— Документы? — засмеялся Климов.— Будто ты сам не знаешь, как они составляются. Попробуй по сохранившимся документам воссоздать лет через пятьдесят хотя бы атмосферу того счастья, равенства и братства народов, что царила в нашей стране эти семьдесят лет. Посмотрю, что получится. Впрочем, посмотреть уже не удастся, разве с того света.

Куманина уже начала пугать такая откровенность генерала Климова. Он вспомнил о слухах, гуляющих по Лубянке, как куда-то пропадали с концами сотрудники, при-

командированные к генералу. Сейчас они находятся на одной из «секретных точек», Куманина искать здесь никому не придет в голову — допуска сюда он не имел, а потому просто не мог тут оказаться. Сергей представил, как будет работать следователь по факту «пропажи без вести старшего оперуполномоченного майора Куманина». Ему придется повторить весь путь от дома по Симферопольскому шоссе, включая и воинскую часть, посетит дом Феофила и Клавдии Ивановны, арестует их по подозрению в убийстве. Может быть, так все и было задумано?

— Что с тобой? — заметил его состояние Климов.— Устал что ли? Хочешь коньяка?

— Спасибо,— пробормотал Куманин.— Я, наверное, действительно наглотался чего-то на кладбище, знобит, товарищ генерал...

— Тем более,— заметил Климов,— надо глотнуть — полегчает.

Генерал достал откуда-то пузатую бутылку с черно-золотистой этикеткой и налил в две небольшие стопки бурой жидкости.

— Будем живы! — произнес он и выпил, не чокнувшись. Куманин выпил молча.

Вскоре полегчало, и внезапно выползший из глубины души страх уполз обратно в свою темную бездну.

— Значит,— осмелился спросить Куманин,— Фокс и Лисицын или просто Фокс-Лисицын вывезли царя из Екатеринбурга именно в ту ночь, которая вошла в историю как ночь убийства царской семьи?

— Ты меня спрашиваешь? — удивился Климов.— Ты же вел следствие. Мне бы хотелось выслушать твой рапорт, а не собственные рассуждения.

— Рапорт у меня уже почти написан,— доложил Куманин.— Как вы приказали, я представлю его вам в понедельник утром.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАПОРТА МАЙОРА КУМАНИНА

Вечером 16 июля 1918 года в Екатеринбург прибыл из Москвы отряд, возглавляемый бывшим капитаном немецкой армии, фамилию которого установить не удалось. Однако отряд подчинялся особоуполномоченному Чрезвычайной Комиссии Александру Лисицыну, направленному в Екатеринбург вместе с немецким отрядом. По требованию немецкой стороны, царя должны были доставить в Москву на встречу с представителями немецкого правительства, чтобы подтвердить официально статьи Брестского договора. Все остальное мне представляется импровизацией (хотя и не очень удачной) Юровского, Голощекина, Белобородова, с одной стороны, и Лисицына с немецким капитаном — с другой стороны. Целью указанной «импровизации» было объявление о расстреле царя, его семьи и свиты после отъезда их из Екатеринбурга с отрядом Лисицына. Царь должен был узнать об этой акции из газет и, по замыслу немцев, стать более податливым на переговорах. В случае несогласия немцы грозили передать русского царя обратно Советскому правительству, уже объявившему о его расстреле. Само Советское правительство было поставлено политически, экономически и в военном отношении в такое положение, что оно никак не могло влиять на подобное поведение немцев.

— В понедельник меня на Лубянке не будет,— продолжал Климов,— рапорт отдашь Свете. Только чтобы ни единого слова там не было о том, что ты обнаружил могилу. Ни звука. Понял?

— А разве мы не будем проводить эксгумацию? — спросил Куманин, явно взбодрившийся после приказания в понедельник утром сдать рапорт прапорщице Светлане — сегодня не убьют.

— Эксгумацию? — переспросил Климов.— Не будем. И вообще никому об этом ни звука. За то, что нашел могилу, хвалю: молодец! Честно скажу: я многое знал из того, что ты мне сегодня доложил, но где находится могила, не подо-

зревал. Предполагал, что она где-то неподалеку, но точного места так и не вычислил, а уж об этой медной табличке и подумать не мог. Век живи — век удивляйся! Теперь подумаем: могли ли без личного разрешения товарища Сталина эту табличку повесить? Может, и могли. В декабре 1940 года Сталину уже было не до этого, после войны уже никого из обслуги и в живых-то не осталось. А за новыми делами об этой истории просто забыли. Тот микрофильм, что ты крутил у меня в приемной, это все, что мне удалось найти. Возможно, есть что-нибудь еще, но я не докопался — других дел куча. Так что ты молодец, майор Куманин.

— Но ведь вы говорили,— покраснев от начальственной похвалы, заметил Куманин,— что это дело находится на контроле у самого Генерального секретаря. Он отдал приказ обнаружить останки Николая II. Теперь я, то есть мы их обнаружили. Почему же вы не хотите довести работу до конца — эксгумировать останки, провести полную научно-криминалистическую экспертизу и открыто объявить обо всем?

Куманин увидел, как на губах генерала заиграла вкрадчивая улыбка.

— Генеральные секретари приходят и уходят,— сказал он.— Один астролог, которого шлепнули в 1937 году, предсказал, что их будет семь. Это — седьмой, то есть последний. Последний Генеральный секретарь приказывает отыскать останки последнего царя. Очень интересно, правда? А предпоследний Генеральный секретарь Константин Устинович Черненко предсказывал, что на пути к коммунизму нас ждет продолжительный период развитого социализма. Он ошибся, как, помнится, ошибались и все его предшественники в глобальных прогнозах. Ленин предсказывал неизбежность мировой революции и крах капитализма. Период развитого социализма заканчивается, вернее, уже закончился, но не потому, что наступил коммунизм, а потому, что дорога, по которой шествовал этот самый социализм, уперлась в тупик. Горбачев об этом знает лучше других, и в ближайшее время ему будет чем заняться, кроме как подгонять операцию по поиску останков Николая II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАПОРТА МАЙОРА КУМАНИНА

Судя по всему, у Николая II хватило мужества не поддаться нажиму со стороны немцев. Он твердо отказался от признания договора и в итоге был отдан советскому руководству. По каким-то причинам руководство пожелало сохранить царю и его семье жизнь.

Тут напрашивается несколько вполне очевидных причин:

1. Хотели сохранить царскую семью в качестве заложников на случай катастрофы в гражданской войне после крушения Германии.

2. Думали использовать при поиске так называемых царских драгоценностей.

3. Хотели проникнуть с помощью бывшего царя в систему иностранных банков, контролируемых коронованными особами.

Можно найти массу других причин, по которым содержать царя живым было гораздо выгоднее, чем его убивать.

Подробности выяснить не удалось, но где-то не позднее 1921 года царь и, видимо, какая-то часть его семьи были помещены в реквизированный революцией особняк, получивший наименование «Объект 17». Там они содержались в течение продолжительного времени под охраной того же чекиста Лисицына вплоть до естественной смерти царя в декабре 1940 года. Николай II был похоронен на заброшенном кладбище вблизи ликвидированного монашеского скита, о чем свидетельствует надгробная табличка, обнаруженная при осмотре местности. Оставшиеся в живых члены царской семьи с подпиской о неразглашении под видом административно высланных были направлены в отдаленные и малонаселенные районы СССР.

Куманин молчал.

— Если же говорить серьезно,— продолжал монолог генерал, давая понять, что все сказанное до этого было шуткой,— я не хочу эксгумировать могилу и вот почему: ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ЗАСЛУЖИЛ ПОКОЙ. Пусть лежит там, где его похоронили. Ты можешь себе представить, что про-

изойдет во всех звеньях нашей партийной и государственной иерархии, если мы сейчас выдадим им эти останки? Начнутся бесконечные экспертизы, где результаты одной будут опровергать выводы другой. К делу подключатся зарубежные специалисты, половина останков пропадет... Их разворуют на сувениры, продадут за валюту бесчисленным почитателям на Западе, израсходуют в бесчисленных следственных экспериментах и тому подобное. Зная наши порядки,— усмехнулся Климов,— я вполне могу предположить, что их просто обменяют на контейнер с видеоаппаратурой или шмотками, и они будут помещены в раке какой-нибудь православной церкви в Брюсселе или где-нибудь еще, там у них. А Николай II, как бы к нему ни относиться, прежде всего был очень русским. Он ушел в русскую землю, и нечего вытаскивать на свет божий его прах. Кроме того, не забывай, что он канонизирован, а связываться с мощами святого я бы лично не захотел. А ты, Куманин?

Честно говоря, Куманин больше всего не хотел перечить Климову, тем не менее, он осторожно спросил:

— Но насколько я понял, товарищ генерал, речь шла о его перезахоронении либо в Петропавловской крепости в Ленинграде, либо в Сергиевой лавре Загорска. Разве это плохо, разве лучше лежать в ракетном топливе?

— В любом случае,— ответил Климов,— об этом говорить еще рано. Есть такая американская пословица: «никогда не говори никогда». К торжественному перезахоронению императорских останков в нашей стране сейчас не готов никто, а разворовать кости на сувениры — созрели все. Может быть, судьба Николая распорядилась так, чтобы ракетное топливо растворило все его кости в земле и никто его больше никогда не беспокоил. Он заслужил это. Он не нуждается в раскаянии тех, кто на волне новой политической конъюнктуры пытается сыграть краплеными картами, выставив на кон его кости. И в жалости он не нуждается, потому что еще при жизни сумел всем отомстить, сделав идею построения социализма совершенно бесперспективной, особенно в одной отдельно взятой стране.

У Куманина голова пошла кругом. Он не удивился бы, если генерал Климов после рапорта распорядился его рас-

стрелять и тут же сжечь в каком-нибудь ближайшем крематории. Но то, что ему придется выслушивать от Климова, одного из высших сановников КГБ, речи, попадающие сразу под несколько статей Уголовного кодекса: семидесятую — антисоветская пропаганда и агитация и шестьдесят четвертую, п.2а — измена Родине в виде дезинформации высших должностных лиц партии и правительства, он и представить себе не мог. А потому, слушая генерала и боясь пропустить хотя бы слово, Сергей никак не мог отделаться от чувства какой-то нереальности, как будто все происходит не с ним, а он лишь смотрит со стороны, как на телеэкране или в кино. В один момент, когда ему стало особенно не по себе, он даже поймал себя на мысли: «Может, все выключить и пойти спать?». И страшно испугался, поняв, что выключить невозможно.

— Он отомстил всем,— зловеще говорил Климов,— всем нам, если тебе больше нравится так. Отомстил и достойно сошел в могилу.

— Тебе плохо что ли? — неожиданно прервал свои откровения Климов.— Не стыдно? Такой молодой, а совсем раскис.

— Товарищ генерал,— взмолился Куманин,— мне трудно все переварить.

— Понимаю,— кивнул головой Климов.— Раньше ты подобное читал только в самиздатовской литературе или в обвинительных заключениях. А ты не запоминай то, что я говорю, но принимай к сведению, потому что все это вскоре может пригодиться.

— Хорошо,— с усилием согласился Куманин,— но как царь мог всем отомстить, если его держали в строжайшей изоляции именно здесь, где мы сейчас с вами разговариваем.

— Да. Похоже что так,— подтвердил Климов.— Хотя и этого нельзя сказать со стопроцентной уверенностью. Я говорил тебе, что в те годы умели пускать по ложному следу. Даже могила, которую ты, Куманин, нашел, не стопроцентна. Именно эта медная табличка ее сильно обесценивает. Логика контрразведки — это не логика Аристотеля. Она вся основана на старом еврейском анекдоте: «Вы говорите, что едете в Одессу, чтобы я подумал, что вы едете не в

Одессу, но вы действительно едете в Одессу, так зачем же вы мне врете?». Во всяком случае, никаких следов того, что здесь содержали важную персону, не сохранилось. Остались намеки, слухи о каком-то оборонном институте, который расформировали после смерти главного конструктора полковника Романова, Никодима Аверьяновича. Я проверял: действительно существовал такой. Родился в 1867 году, был полковником царской армии, работал в первую мировую войну над созданием русских боевых газов. Революция его застала в Ярославле. Пропал в 25-м. Семьи не было. И в подвале кое-что сохранилось: остатки вытяжки и тому подобное, свидетельствующее о том, что здесь была какая-то лаборатория. Конечно, все это могло иметь и другое назначение, но поди разберись. Говорят, что потом здесь произошла катастрофа, то ли бацилла вырвалась из пробирки, то ли произошла утечка какого-то вещества. Полковника пришлось срочно захоронить в глухом месте. Остальные сами умерли или их из гуманизма пристрелили. В годы войны тут существовала до 1945-го года школа шифровальщиков. Тогда перепланировали по-новому, сделали классы, общую столовую, жилые помещения и прочее. Потом этот особняк облюбовал Абакумов для своих дел, думаю, просто для отдыха. Он любил порыбачить в тишине. Знал, что жить-то придется недолго.

Климов вздохнул.

— Я тебе для чего все это рассказываю,— продолжил генерал,— чтобы ты понял — нам ничего по большому счету не доказать. Я лично считаю, что Николая содержали именно здесь, но опровергнуть меня так же легко, как мне опровергнуть тех, кто будет меня опровергать. В этом и заключается великая универсальность истории. Кто такой, например, Емельян Пугачев? Был ли он донским казаком, боровшимся за волю народную, или польским полковником-конфедератом, взбаламутившим Россию? Сколько угодно доказательств и того, и другого. Почитай протоколы его допроса — неграмотный мужик, возьми его походную библиотеку — там ни одной книги на русском языке, только на французском, латыни и польском. Вот и думай, что хочешь. Так и здесь.

— Фактом остается лишь то, что Николая II вывезли

из Екатеринбурга. Об этом перед смертью и Юровский говорил, не захотел помирать с клеймом палача. Хотя теперь я уже не знаю, лучше это или хуже. Когда немцы поняли, что от царя ничего не добиться в смысле подтверждения Брестского договора, они его сдали нашим. Шел 19-й год. Ленин и его компания считали уже, что их дни сочтены. Помнишь, в одной из работ Владимира Ильича: «сделайте то-то и то-то на случай если мы слетим».

— Товарищ генерал...,— жалобно вставил Куманин.

— Ты слушай.— оборвал Климов,— Пугая казнью — ведь уже объявили об их расстреле — они требовали, чтобы Николай назвал места, где спрятаны сокровища, которые принято называть «царскими», хотя это не совсем так. Сокровища принадлежали России, и царь вовсе не желал отдавать их в руки тех, кого считал разбойниками с большой дороги. Тогда его стали шантажировать. Помнишь, вначале было сообщение, что расстрелян один только царь, а семья эвакуирована в безопасное место. Потом неожиданно признались, что и семья расстреляна. Это для него — «колись, а то семью шлепнем». Но Николай был мужественным человеком, только повторял: «На все воля божья». И достаточно умным был, чтобы понять — ничего с ним не сделают, пока он им «цацки» не сдаст. Начиная с 17-го года все от золота и брильянтов просто ошалели. Тогда писали, что у царицы и княжен в одежду и белье были зашиты брильянты, которые и стали достоянием республики? Одежду эту — платочки, кацавейки — прислали потом в Москву. Лисицын и Фокс, когда царскую семью вывозили из Екатеринбурга, естественно переодели, чтобы без лишнего шума всех по железной дороге провезти. Я эту одежду видел — она до сих пор цела в одном хранилище, правда, без всякой аннотации, дырок от пуль или следов крови.

Короче, ничего не получалось, пока за дело не взялся Фокс. Трудно сказать, где он был вначале, поскольку до 1921-го года его присутствие не ощущается, но с 21-го года рука Фокса чувствуется очень отчетливо. Царскую семью он просил: «Отдайте им все, что они хотят. Драгоценности не принесут им пользы, скорее приблизят их гибель. Ценности не должны лежать мертвым грузом, они должны рабо-

тать на благо России, но Россия погибла, принеся себя фактически в жертву ради спасения цивилизации. Отдайте этим негодяям все, что они у вас вымогают. Драгоценности, особенно камни, не задерживаются у нечистых на руку, они убивают владельцев с грязными руками и грязными душами и вырываются на свободу».

— Он так действительно говорил,— спросил Куманин,— или вы это предполагаете?

— Ты не встревай,— грубо оборвал его Климов.— Далеко не все знать положено. Может быть, когда-нибудь тебе придется и меня допрашивать, но это время еще не настало. Если ты внимательно изучил переписку Лисицына с Лубянкой, то обратил, наверное, внимание на то, что неожиданно началась страшная возня по поводу пакета, который пропал при вывозе царя. Лисицын валил на Юровского, Юровский на Лисицына, все вместе на Свердлова и так далее?

Куманин кивком головы дал понять, что помнит, о чем идет речь.

— В письме,— продолжал Климов,— которое якобы написал Николай II Фоксу,— Климов снова показал на побывавшую в руках у Куманина записку на английском,— речь идет о государственном секрете, который необходимо хранить. Письмо датировано 19-м годом.

— Да, да,— поспешно ответил Куманин,— обратил на это внимание, товарищ генерал, и хотел у вас уточнить, но после вашего рассказа у меня этот государственный секрет просто из головы вылетел.

— Напрасно,— Климов поднял назидательно указательный палец,— ибо в этом вся суть. Я уверен, что наши умники искали этот пакет, полагая, что именно в нем запрятаны самые крупные из царских брильянтов. Выше брильянтов у них воображение не работало, настолько они были уверены в непогрешимости единственно правильного решения.

В действительности же в пакете было нечто более ценное, чем все брильянты мира. Этот пакет царь передал Фоксу, а тот переправил его в Вашингтон. Это и стало самым крупным поражением, которая понесла наша страна за всю историю ее существования.

— Что же там могло быть? — в изумлении спросил Куманин.— Я понял, что там были бумаги, судя по всему, финансовые. Что же в действительности там содержалось? Я уже ничего не понимаю, товарищ генерал.

— Попытаюсь объяснить,— сказал Климов,— хотя не уверен, что ты все поймешь, хотя бы потому, что я и сам не все до конца понимаю. Главное состоит в следующем — все общественные формации, которые проходило человечество, неизбежно оказывались в тупике. Выход из него и переход к новой общественной формации обычно сопровождался продолжительными и кровавыми катаклизмами, отбрасывающими достигнутый прогресс далеко назад. Чем быстрее развивался тот или иной общественный строй, тем быстрее он оказывался в кризисе, выход из которого теоретически виделся в войнах и революциях. Капитализм, стремительно развивающийся в мире, исчерпал свои возможности к началу XX века. Поэтому не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы уже в начале века предсказать глобальные войны и кровавые революции, как это сделал, например, Владимир Ильич.

Россия, как известно, позже других стран вступила на путь капиталистического развития. Фактически она сделала это тогда, когда все промышленные державы вплотную приблизились к завершающей фазе развития и в поисках выхода из ситуации нагромождали тонны оружия для прорыва через этот тупик. Россия же была еще достаточно далеко от этого и потому могла более или менее трезво оценить создавшуюся обстановку. В эпоху Николая II русская научная мысль достигла небывалых высот, значительно обогнав свое время. Тому достаточно примеров, и ты их, надеюсь, знаешь не хуже меня, вспомни Столыпина, Путилова. Так вот, где-то с 1907 по 1909 год русские финансисты и экономисты, те же Терещенко, Леонтьев, разработали план развития страны на период после 1925 года. Считалось, что при существовавших темпах промышленного развития и стремительно растущего научного потенциала, Россия именно к 1925 году (плюс-минус несколько лет) догонит по основным параметрам ведущие промышленные страны Запада, т.е. подойдет вплотную к тем же проблемам, что и они в начале века. И вот русские ученые разра-

ботали свой путь в обход этого тупика. Учитывалось все — даже будущие огромные доходы от продажи нефти и природного газа, хотя последний еще и не добывался. Предполагалось научно обоснованное распределение этих доходов среди всех подданных империи, что на несколько бы порядков могло поднять планку жизненного уровня и вывести страну в мировые лидеры.

— Эти документы,— продолжал Климов,— были переданы царю на рассмотрение и утверждение. Николай II вместе с такими авторитетами в этом деле, как Бунге, Витте и другие, оценил этот план, хотя и считал, что его удастся реализовать не раньше, чем к середине 30-х годов. Не зря ведь Столыпин мечтал: «Дайте нам всего 20 лет мирной жизни!». Конечно, реализация была невозможна без мощных институтов демократии, потому Николай и сомневался, что это удастся достичь ранее 30-х годов. Он только начинал эксперименты с Думой и политическими свободами и имел уже поводы для разочарований. Но, как я уже говорил, он оценил эти разработки и даже взял с собой в ссылку, надеясь ознакомить с этим планом руководителей страны, когда та выйдет из полосы политического безумия. Однако уже в Екатеринбурге он понял, что ему вряд ли удастся дожить до той поры, и тогда передал пакет Фоксу-Лисицыну. До этого, по мере ужесточения арестного режима, он очень боялся этот пакет потерять. Несколько раз передавал его доверенным лицам и затем приказывал вернуть его обратно. Произошло все, когда ему прочли сообщение о собственном «расстреле» и предупредили, что приговор будет приведен в исполнение, как только власти сочтут необходимым. Фокс переправил этот пакет в США. Каким образом, мне неизвестно. Да и имеет ли это сейчас значение? Ну, а результаты тебе известны.

— О каких результатах вы говорите, товарищ генерал? — спросил Куманин,— мне ничего не известно...

Климов взглянул на часы.

— У нас мало времени,— сказал он,— мы с тобой заболтались. Какие результаты, спрашиваешь? Результаты для всех очевидны. Американцы тоже увидели тупик, о котором я говорил, но надеялись, что его разрушит огонь первой мировой, а сами проскочат войну по касательной. В

конце 20-х они чудом уцелели. То-то у нас радость была — сбываются ленинские прогнозы! Может, оно так бы и случилось, если бы примерно в это время в руки американцев не попал План Николая II. Назовем его так условно, поскольку он был тогда главой государства, где этот план разработали. Я, по правде говоря, до конца не уверен, что его можно было осуществить в России. В Америку же он попал, как зерно в чернозем. Американцам с его помощью удалось устремиться в будущее. Ленин действительно услышал предсмертный хрип капитализма, но не знал, что уже создано лекарство, обеспечивающее капитализму бессмертие. Этим лекарством и был «План Николая II». А мы понеслись по социалистическим рельсам, и уже с конца 70-х годов наш тупик был отчетливо виден руководству, но на этот раз выхода из него никто не предлагал. Выход остался один — тормозить, чтобы не погибнуть под обломками неизбежной катастрофы. Но удар все равно будет сильным, уж больно мы разогнались.

— Товарищ генерал,— воспользовался паузой Куманин,— а вы этот план Николая II видели? Читали?

— Фрагменты в переводе с английского,— ответил Климов.— Где они хранят подлинник, до сих пор неизвестно.

Климов подавил вздох и сказал:

— Ладно. Теперь слушай меня внимательно. Операция закончена. За ее образцовое выполнение приказом председателя КГБ генерала армии Крючкова вам, майор Куманин, присваивается воинское звание подполковника.

Куманин ошалел от неожиданности.

— Служу Советскому Союзу,— промямлил он вставая.

— Служи,— одобрил Климов,— тем более, что осталось совсем недолго. Потому что тем же приказом подполковник Куманов выводится в резерв, т.е. увольняется из органов без права ношения формы одежды, но с сохранением удостоверения и некоторых других льгот, о которых вас ознакомит управление кадров.

Куманин хотел что-то сказать, но Климов оборвал его.

— Вопросов не задавай,— приказал генерал,— обо всем узнаешь в свое время. Мой совет — возьми сейчас отпуск. Погуляй, потом оформишь перевод в резерв. Тебя най-

дут позднее и скажут, что нужно делать. Теперь возвращайся в Москву. Все.

В сопровождении генерала Куманин прошел по пустынным коридорам особняка к выходу на подъездную галерею. Его машина, вымытая и заправленная, стояла у входа, в ней сидел тот самый капитан — «гаишник».

— Товарищ генерал,— нарушил молчание Куманин,— коль я уже уволен из органов, разрешите мне задать вопрос?

— Задавай,— разрешил Климов,— только не очень сложный.

— Почему вы сегодня в военной форме? — спросил Куманин.

Генерал рассмеялся:

— Я знал, что ты вырядился в форму и решил сделать то же самое, чтобы ты не зазнавался.

Затем наклонился к самому уху Куманина и тихо добавил:

— Мальчик меня достал. «Генерал,— говорит,— хочу, чтобы вы пришли в форме, если вы действительно генерал. Я так хочу». Ну что ты будешь делать? Пришлось переодеться,— и, заметив застывший взгляд Сергея, спросил,— ты слышишь меня?

Климов открыл дверцу машины и обратился к сидящему за рулем капитану:

— Доставите майора в Москву, куда он скажет. Сутки — свободны.— Повернувшись к Сергею, Климов добавил, показывая рукой на воздушную колоннаду галереи:

— Красотища-то какая, Куманин. Все-таки у твоего деда было хороший вкус.

И пошел обратно к массивным дверям.

Эпилог

Все дальнейшее Куманин вспоминает как-то неуверенно, будто все произошло не с ним, а с кем-то другим, причем этот, другой, ничего связного ему рассказать не смог, а сам Куманин, естественно, не мог услышанное точно пересказать.

Капитан, одетый в форму государственного автоинспектора, довез его до дома. Куманин чувствовал себя очень плохо: знобило, тошнило, кружилась голова. В холодильнике, как обычно, было почти пусто, лекарств — никаких. Нашлась бутылка водки, купленная по случаю несостоявшегося дня рождения Степана Агафоновича.

Сергей принял горячий душ, выпил полстакана водки и, прежде чем завалиться спать, решил все-таки дозвониться до отца в Ленинград.

Было около девяти часов вечера. Куманин набрал код Ленинграда и номер телефона 355-99-93. Гудки были длинными, но долго никто не подходил. Наконец, на том конце провода трубку сняли, и глуховатый голос ответил:

— Пост охраны. Младший сержант Капустин.

— Извините,— сказал Куманин.— Вы не могли бы пригласить к телефону Куманина Степана Агафоновича, отставного подполковника. Он, видимо, у вас отдыхает.

Куманин был уверен в том, что отец отдыхает в каком-нибудь закрытом ведомственном санатории. А то, что на вахте стоит «младший сержант», еще более его в этом убедило. Однако его любезный вопрос вызвал у младшего сержанта Капустина непонятный смешок, в котором сквозила примесь замешательства.

— У нас много отдыхающих,— с непонятной для Куманина интонацией ответил охранник.— Куда вы, собственно, звоните?

— Это дом отдыха? — спросил Куманин.

— Да,— засмеялся младший сержант Капустин,— конечно, дом отдыха, самый лучший в мире.

— Так вот,— продолжал настаивать Куманин,— посмотрите, пожалуйста, у вас должен отдыхать Куманин Степан Агафо...

— А давно он здесь прохлаждается? — поинтересовался охранник.

— Две недели уже,— подсказал Куманин.

Это привело младшего сержанта в еще более веселое настроение.

— Знаете,— сказал он,— мы — только охрана. Вам надо позвонить завтра днем, часиков в одиннадцать, когда будет кто-нибудь из администрации. Это надо по регистрационным книгам смотреть. Только хочу предупредить, что по телефону никто вам такой справки не даст. Надо самому приехать. Правда, вы говорите, что он всего две недели у нас, тогда может и найдут. Но по телефону не скажут ничего, и не мечтайте.

Поблагодарив, Куманин повесил трубку. Конечно, в ведомственном доме отдыха не станут по телефону, неизвестно кому, раскрывать фамилии своих постояльцев. Наверное, и на территорию не пускают. Мог бы и сам догадаться.

Но Сергею хотелось побыстрее сообщить отцу, что он разыскал деда, да еще при столь драматических обстоятельствах. И он решил отправиться в Ленинград.

Ночью его бил озноб, были позывы к рвоте. Утром вроде полегчало. Но, выйдя из дома, Куманин почувствовал такое головокружение, что даже не решился сесть за руль и отправился на Лубянку троллейбусом.

Сутолока общественного транспорта благотворно повлияла на его состояние. Когда он добрался до управления, то чувствовал себя относительно сносно. Расписавшись на приказе о присвоении очередного воинского звания и выводе в резерв с 1 сентября текущего года, Куманин оформил отпуск на месяц, а затем заглянул в санчасть.

— Трудно сказать,— с обычным глубокомыслием сказал врач,— неплохо было бы обследоваться, молодой человек. Температуры нет, сердце без отклонений. Переутомились, скорее всего. Возможно, аллергия развилась на нервной почве. Отдохните в глуши, порыбачьте. Старайтесь спиртного не употреблять. Курите? Нет? И не курите. Будут жалобы — обратитесь к нам. Положим тогда в госпиталь на обследование.

Поздно вечером того же дня Куманин «Красной стрелой» выехал в Ленинград. Чувствовал он себя вроде получше, но все равно паршиво.

Утром, приехав в Ленинград и выйдя на площадь перед Московским вокзалом, Куманин сел в такси и назвал шоферу адрес:

— Камская, 24.

— На Смоленское, что ли? — спросил шофер.

Куманин не понял, но кивнул. Разговаривать не хотелось. Проехали Невский, проскочили мосты, откуда Куманин мог любоваться архитектурными красотами колыбели трех революций, свернули на набережную, потом еще куда-то, и вскоре «Волга» остановилась на невзрачной улице. Справа к небольшой речке спускался заросший травой берег и возвышались руины церкви, не потерявшей даже в таком виде своей воздушной красоты. Прямо была стена с арочными воротами, у которых маячил милиционер.

— Приехали,— сказал шофер,— вот оно.— И он указал рукой в сторону арки.

— Что оно? — не понял Куманин.

— Кладбище,— ответил шофер,— как вы сказали, Смоленское, Камская,24.

— Вы не ошиблись? — спросил Куманин, чувствуя, как его снова начал бить озноб.

— Какая же может быть ошибка.— удивился таксист.— Я же вас спрашивал.

Куманин растеряно молчал.

— Командир,— нетерпеливо спросил шофер,— куда теперь поедем? Или здесь будем стоять?

Молча расплатившись, Куманин вылез из машины. Он оглянулся по сторонам и направился к стоявшему у арки кладбищенских ворот милиционеру.

Здесь нет поблизости санатория или дома отдыха? — спросил Куманин постового.

Тот недоуменно пожал плечами.

— Не знаю, вроде нет. Дома отдыха дальше через Неву, на островах.

— А это,— Куманин показал рукой в сторону кладбища,— Камская улица, дом 24?

— Точно,— подтвердил милиционер.

Сергей прошел под арку, обратив внимание на мемориальную доску, где говорилось, что на территории кладбища похоронена няня Пушкина — Арина Родионовна. Но где точно находится ее могила, неизвестно.

Справа перед Куманиным открылась старинная кладбищенская церковь, пятикупольная, с колокольней, слева от нее стояла маленькая часовня, еще забранная реставрационными лесами. Из дверей церкви выходил народ. Старушки в платочках, обернувшись, быстро крестились на церковь или часовню и растекались по своим делам. Впереди зеленело деревьями и кустами само кладбище, возраст

которого, видимо, был очень почтенным, если на нем успели похоронить и потерять Арину Родионовну.

Что делать дальше, Куманин не знал. Оставалось проверить номер телефона, по которому он звонил из Москвы. Это оказалось сделать легко, поскольку номер был указан на рекламном щите у входа на кладбище. Сомневаться не приходилось — он разговаривал с дежурным милиционером из охраны кладбища, поэтому таким странным разговор и получился.

Куманин сел на скамейку, стоявшую недалеко от входа, почти напротив церкви, пытаясь решить, что ему делать дальше, к кому теперь обращаться, куда идти? Может, вернуться в Москву и еще раз, как следует, осмотреть квартиру отца,чтобы найти какие-нибудь дополнительные факты, по которым можно было узнать, куда именно тот уехал. Позвонить брату, чтобы приехал в Москву и начать поиски отца вдвоем?

Между тем, служба в церкви закончилась, и народ постепенно разошелся. Исчез и милиционер, маячивший у ворот. Солнце то пряталось в тучах, то выскакивало из них. Вековые деревья испуганно шелестели листвой, когда в очередной раз задул со стороны залива довольно холодный ветер.

Куманин встрепенулся, оглянулся по сторонам — никого не было. Видимо, он задремал, сидя на скамейке. Стояла кладбищенская тишина, нарушаемая только шумом древесных крон над головой. Сергей взглянул на часы — они стояли. Он хотел завести их и еще раз оглянулся по сторонам в надежде увидеть где-нибудь уличные часы, чтобы по ним сверить время. Часов, разумеется, он нигде не увидел, зато отметил мужчину, идущего энергичной походкой по центральной аллее кладбища. Поравнявшись с церковью, неизвестный стал вертеть головой по сторонам, как бы ища кого-то, увидев сидящего на скамейке Куманина, решительно направился прямо к нему.

Пока он подходил, Куманин сумел хорошо разглядеть мужчину. Он был неопределенного возраста, со всклокоченными волосами, давно нуждавшимися в стрижке, неопрятная бородка, а вернее, щетина, торчала во все стороны, как у рыбы-ежа. На неизвестном был мятый пиджак серого цвета, надетый то ли на футболку, то ли на майку синего цвета. Завершали эту композицию черные очки, но не такие, какие носят наши и западные щеголи, а скорее на-

поминающие защитные очки электросварщиков с резинкой, пущенной вокруг затылка.

Мужчина вполне мог оказаться БОМЖом или, скажем, местным газосварщиком, приводящим в порядок оградки на могилах. Куманин был уверен, что у него сейчас попросят либо закурить, либо рубль. Сергей не курил, а поэтому уже нащупал в кармане трояк, чтобы отдать его, не втягиваясь ни в какие дискуссии. Неизвестный подошел к скамейке и радостно сказал:

— Сергей Степанович, простите великодушно за опоздание. Халтурка, понимаете, с утра подвалила, нужно было закончить. Боялся, что вы меня не дождетесь.

Куманин обалдело молчал.

— Сами понимаете,— продолжал незнакомец,— работы много: кому оградку поставить, кому заварить: а кому и машину отремонтировать. Не гнушаются, знаете ли, прямо на кладбище машины пригонять. Я уже на солнце без защитных очков смотреть не могу...

— Послушайте,— пришел в себя Куманин, осторожно отодвигаясь от усевшегося рядом с ним на скамейку сварщика.— Мы не знакомы. Что вы от меня хотите?

— Ну, конечно,— спохватился сварщик,— голова у меня дырявая! Я же не представился.

Куманин обратил внимание на то, что пиджак и брюки неизвестного прожжены в нескольких местах, а от него самого пахнет гарью и пропаном, как от судостроительного завода.

— Меня зовут,— продолжал сварщик,— Израиль Лазаревич. Ариман Израиль Лазаревич. Тружусь в отделе ритуальных услуг на этом кладбище. Окультуриваю, так сказать, последний путь граждан. И он протянул Куманину грязную ладошку.

Сергей отпрянул. В голове мелькнула мысль, что этот человек совершенно не похож на еврея. Но, судя по всему, это именно тот самый человек, к которому поехал Степан Агафонович.

Куманин хотел узнать об отце, но вместо этого почему-то спросил:

— Как вы узнали о моем приезде?

— Но вы же сами предупредили меня по телефону,— искренне удивился Израиль Лазаревич.— Разве вы не звонили вчера по телефону 355-99-93? Я решил, что это вы.

— Так вы что,— удивился в свою очередь Куманин,— прямо здесь и живете? На служебной площади?

Еврей-сварщик совсем развеселился:

— Как вы сказали? На служебной площади? Ну, а где вы мне прикажете еще жить, когда столько работы? Конечно, здесь и живу. Как вы остроумно заметили, на служебной площади. Ведь и вы тоже, Сергей Степанович, на служебной живете. Дом-то ваш, насколько мне известно, ведомственный? И у меня ведомственный. И ведомства наши, можно сказать, родственные. Только мы — более высокая инстанция. Нам всем положено жить на служебной площади. Это, если хотите, наша привилегия.

«Бред какой-то»,— подумал Куманин, снова почувствовав сильное головокружение и тошноту. Преодолев нахлынувшую слабость, он спросил:

— Где мой отец?

Сварщик засмеялся:

— Вы об отце беспокоитесь? С папенькой вашим все уже в порядке. Вам бы о себе побеспокоиться следовало.

— Что это все значит? — потерял терпение Куманин.— Вы мне угрожаете? Где мой отец, спрашиваю?

Он решил, что неплохо бы разобраться с этим евреем, установить его личность. Кто он вообще такой, что позволяет подобные шутки с офицером КГБ. Куманин поискал глазами милиционера, но того не оказалось поблизости.

— Выглядите вы плохо, Сергей Степанович,— сочувственно сказал Израиль Лазаревич.— Вам бы здоровьем своим заняться надо, а не по кладбищам гулять и могилы чужие ворошить, таблички с них срывать на сувениры. Нехорошо все это. Грех большой.

— А откуда, интересно узнать, вам это стало известно? — зловеще спросил Куманин, окончательно приходя в себя.

Израиль Лазаревич вздохнул горестно и устало.

— Зачем вы так нервничаете, Сергей Степанович,— проговорил он.— Не бережете себя. Я вот даже отцу вашему покойному об этом говорил: «Сгорит, говорю, ваш сынок на службе ни за понюх табаку, поскольку все слишком близко к сердцу принимает. Работа-то дураков любит...»

Куманин снова сник. Он даже не понял, что Израиль Лазаревич назвал Степана Агафоновича «покойным». Слово он услышал, но как-то не придал всему значения.

— Послушайте,— устало произнес он,— я не понимаю, о чем вы говорите и что от меня хотите. Скажите, где мой отец? Он мне нужен. Я должен ему срочно сообщить... Собственно, я ради этого сюда и приехал.

Да он обо всем знает,— махнул грязной рукой сварщик,— давно знает, только не говорил никому об этом, чтобы не испортить вам жизнь и карьеру. И себе, конечно. Грешен он был, но раскаянье сразило его.

— Я вам... я тебе морду набью сейчас за такие слова.— начал Куманин, чувствуя, однако, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.— Что ты несешь о моем отце!

Израиль Лазаревич захихикал, прикрывая рот чумазой ладошкой:

— Вы, оказывается, не только о деде, но и об отце своем ничего не знали. Так я вам расскажу...

— Слушать ничего не хочу,— заорал Куманин.— Говори, где мой отец? Говори, а то я тебя сейчас арестую...

Неимоверным усилием воли он поднял правую руку и быстрым движением сорвал черные очки с головы сварщика.

Страшное лицо Израиля Лазаревича с пустыми, как показалось Сергею, глазницами заставило Куманина в ужасе отпрянуть.

— Не дурите,— сказал сварщик,— отдайте очки. Они же казенные. Мне работать надо.

— Отдай ему, Сережа, очки,— раздался неожиданно голос за спиной Куманина,— без очков ему очень больно. Я знаю, потому что на допросе в 51-м...

Куманин резко обернулся и в отдалении увидел отца в черном монашеском одеянии с большим крестом на груди.

— Отдай очки,— тихо повторил отец.

Больше Куманин ничего не помнит.

* * *

Его обнаружили лежащим в глубоком беспамятстве на скамейке, недалеко от входа на кладбище, как водится приняли за пьяного и вызвали милицию. Наряд, не долго думая, отвез Куманина в ближайший вытрезвитель. К счастью, там, проводя шмон по карманам, обнаружили удостоверение майора КГБ и известили Большой Дом. Оттуда быстро прибыли ребята, они-то и разобрались, что Куманин не пьян, а разобравшись, отправили в госпиталь.

Только на третьи сутки Сергей пришел в себя. К нему приходил сотрудник из Большого Дома, интересовался, не было ли на Куманина нападения? Сергей Степанович рассказал, что помнил, о еврее-сварщике со Смоленского кладбища. Его перевели в психоневрологическое отделе-

ние, затем в инфекционное, в итоге он провалялся в госпитале больше полугода.

Все это время врачи отчаянно пытались поставить диагноз. Они подозревали острое отравление парами бензина или другим высокотоксичным веществом, и нервное переутомление, и микроинсульт и амнезию. Сам Сергей считает, что произошедшее с ним — вовсе не результат пребывания на могиле полковника Романова, хотя объяснить ничего толком не может.

Выйдя из госпиталя, Куманин был комиссован, т.е. уволен из КГБ по состоянию здоровья.

* * *

Пока Сергей Степанович лежал в госпитале, в мире многое изменилось — произошло то, о чем предупреждал генерал Климов. Огромная коммунистическая империя врезалась а уготованный для нее Историей тупик. От страшного удара первой рухнула Берлинская стена, за ней обрушился весь Варшавский пакт и, наконец, на глазах у всего изумленного мира стал разваливаться Советский Союз...

Мне удалось выйти на майора Куманина случайно, вернее, даже не я вышел на него, а он на меня. В начале 1992-го года был опубликован мой перевод книги американского писателя Джона Килля «Операция «Троянский конь», где в достаточно популярном виде автор пытался обобщить всю происходящую на Земле «чертовщину», от зарождения нашей цивилизации до сегодняшнего дня. Килль доказывал, что все чудеса на Земле — результат действий мощной цивилизации, находящейся не в космосе, а вместе с нами на нашей маленькой планете, именуемой Земля, в параллельном мире.

Куманин хотел со мной встретиться и пригласил в Москву. В его квартире я обратил внимание на фотографию Николая II, стоящую в рамке на столе хозяина, но не придал этому большого значения. Во-первых, я знал, что Куманин причастен к монархическому движению, а во-вторых, время уже было такое, когда портрет последнего русского царя стал привычным предметом интерьера во многих домах потрясенной России.

Тогда я и выслушал историю бывшего сотрудника КГБ майора Куманина. Говорить с ним оказалось очень сложно — в нем еще прочно сидела привычка задавать вопросы, а не отвечать на них. Он изменил некоторые фамилии и географию своих приключений.

Объединив известное мне с тем, что поведал Сергей Куманин, я и написал эту книгу.

— Меньше знаешь — дольше живешь,— иногда прикрывался он «чекистской» прибауткой.

— Ну, а генерал Климов,— спрашиваю я,— это реальное лицо или нет?

— Генерал Климов, наверное, и сам уже забыл свою настоящую фамилию, если вообще знал ее когда-нибудь,— смеясь говорил Сергей.— Сейчас он генерал-полковник, продолжил он и показал пальцем в потолок.— Я теперь понимаю, чем он все это время занимался. Он видел, что «наш паровоз» вперед летел, и пытался на ходу расцепить вагоны состава, чтобы, если не предотвратить саму катастрофу, то хотя бы уменьшить ее последствия. Одного не пойму — на кой ляд им царь понадобился? Не удивлюсь, если у Климова где-нибудь до времени спрятаны и прямые наследники Николая. Я возражать не буду. Мы, Куманины, рода старинного, купеческого. В нашу честь целое село названо. Я скоро особняк отсужу,— и снова засмеялся.

На кухне, где мы беседовали, висит икона, не в красном углу, но все равно впечатляет.

Я спросил Куманина, как он относится к последним находкам останков царской семья, о продолжающихся спекуляциях Рябова и о деятельности Соловьева, которого уже называют четвертым, после Наметкина, Сергеева и Соколова, следователем по делу «Об убийстве царской семьи», о торжественной подготовке захоронения новых останков в Петропавловском соборе? Показал ему газету с огромным заголовком, «СЛЕДОВАТЕЛЬ СОЛОВЬЕВ ЗАКРЫВАЕТ «ДЕЛО РОМАНОВЫХ». Куманин усмехнулся:

— Пусть хоронят. Климов тут же вытащит такие документы, которые вызовут вселенский скандал небывалого масштаба с очень интересными последствиями. Нисколько не удивлюсь, если узнаю, что все эти «гробокопатели» действуют по сценарию, разработанному подчиненными Климова.

— Вы не преувеличиваете? — с некоторым сомнением спрашиваю я.

Вместо ответа он открыл ящик своего стола, достал оттуда старую фотографию размером с открытку и подал мне.

У меня перехватило дыхание.

— Откуда она у вас? — задаю я нетактичный и глупый вопрос.

— Надо знать места,— улыбается экс-майор.— Хотите опубликовать?

— А почему бы вам не сделать это самому? — интересуюсь я, а сам думаю: «Если такие материалы есть у Куманина, то чем может располагать генерал Климов?»

— Я же того.— Куманин крутит пальцем вокруг лба,— официально числюсь дуриком, могу любую публикацию скомпрометировать.— И снова смеется.

Понимаю, сколько еще он мне мог рассказать и не рассказал! Пытаюсь выяснить, где он сейчас работает.

— Ишачу в одной конторе юрисконсультом,— поведал он.

— А что же в итоге произошло с вашим отцом? — задаю очередной вопрос.

— Не спрашивайте,— морщится он,— не хочется на эту тему говорить.

— Но он жив? — продолжаю допытываться.

— Жив,— неохотно бросает Куманин и добавляет,— но не сильно.— Мы молчим какое-то время.

— А Надя Шестакова?

— Надя? — переспрашивает Куманин.— с ней все в порядке. Замуж вышла за Феофила. Ребенок у них. Процветают. В США уже были, в Израиле и еще где-то, на научных симпозиумах выступают, пишут.

— Вы с ней общаетесь? — спрашиваю я, но вижу ответ по лицу Куманина.

— Пробовал было,— вздыхает он,— но Надя мне истерику закатила, что я, мол, чуть не погубил их обоих. Я в подробности вдаваться не стал — не погубил и хорошо.

— А с коллегами своими бывшими встречаетесь? — продолжаю я допрос.

— Редко,— признается он.— Звонят иногда, но интересуются исключительно здоровьем. Звали тут вступить в общество ветеранов. Я как-то еще не созрел.

Куманин улыбается, но не очень радостно.

— А ваши подопечные? — улыбаюсь я.— «Память» и прочие организации? Они вас не зовут в свои вожди?

Куманин понижает голос:

— Нет. С меня хватит. Я после той встречи на кладбище больше с ними связываться не хочу. Если есть такие смелые, то флаг им в руки.

— Хорошо, соглашаюсь я, пытаясь сменить эту тему,— а Алеша Лисицын? Вам что-нибудь удалось про него выяснить?

— Он ушел,— просто ответил Куманин, вздохнув.

— Умер, что ли?

По глазам Куманина я вижу, что он уже не верит в мое авторство перевода «Троянского коня».

— Он пришел,— объясняет Куманин,— но не для того, чтобы остаться. Он пришел, чтобы сказать и уйти. Но только страна у нас такая, что все сказанное им услышал один генерал Климов.

— Знаете,— Сергей вдруг понижает голос,— я все время боюсь, что он ко мне снова заявится...

— Глупости,— успокаиваю я его,— вы тогда сознание теряли. Вот вам в бреду все это и померещилось.

— Глупости? — переспрашивает он.— Вот, посмотрите. Я когда из госпиталя в Ленинграде выписывался, мне вещи отдали. Деньги, правда, пропали. Отпускные при мне были, рублей 700, кажется. А остальное все на месте: документы, авторучка, бритва, зубная щетка и... вот эти черные очки, которые я сорвал с Аримана.

Он показывает выдавшие виды черные очки с резинкой, которыми пользуются сварщики.

— Да,— говорю я в замешательстве, не решаясь дотронуться до очков.— Даже не знаю, что и сказать.

— Как же,— вдруг возражает Куманин,— вы не можете ничего сказать, если перевели «Троянского коня»? Там же все сказано и расписано. Вспомните, что писал Джон Килль о так называемых ультрасуществах. Так что он вполне может за очками вернуться.

И я вспоминаю слова Джона Килля: «Стоит вам начать любое исследование таинственных событий далекого и даже не очень далекого прошлого, как в дело немедленно включаются какие-то неведомые силы, о природе которых можно только гадать. С одной стороны, эти силы делают все возможное, чтобы навести вас на цель, а с другой — предпринимают не меньшие усилия, чтобы вы при этом свихнулись».

Ноябрь 1994 — февраль 1995 годов, Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

Издательство «Облик» информирует господ книгопродавцов:

Книга **И. Бунича «Золото Муссолини»**, написанная в жанре «Беспредела» выйдет в свет в конце мая 1995 года.

К 300-летнему юбилею Российского Флота издательство «Облик» выпустило следующие книги:

- **Н. Кадесников. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом.**
- **Б. Дудоров. Адмирал Непенин.**
- **С эскадрой адмирала Рожественского.**

Готовятся к печати:

- **Н. Монастырев. Гибель царского флота.**
- **Порт-Артур. (воспоминания моряков — уча стников обороны).**
- **И. Бунич. В огне войн и переворотов (трагическая история балтийских броненосцев). Издается совместно с издательством «ПРОФ-ПРЕСС», Ростов-на-Дону.** Прием заявок по телефону **(8632) 51-77-88).**
- **В. Бубнов. В царской Ставке.**
- **С. Тимирев. Воспоминания морского офицера.**

СТАФ
ОХРАННОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
(812) 114-00-80

Игорь Бунич

БЫЛЬ БЕСПРЕДЕЛА, ИЛИ СИНДРОМ НИКОЛАЯ II

Роман

«Облик»

Лицензия ЛР 040556
от 16 декабря 1992 г.

Сдано в набор 1.3.95. Подписано к печати 27.3.95.
Формат 84x108/32. Бумага газетная.
Гарнитура Школьная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 27,52.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 211.
Издательство «Облик», г.Павловск, ул.Люксембург,д.1/16.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП Техническая книга
Комитета Российской Федерации по печати.
198052, Санкт-Петербург, Измайловский пр.,29.

Поиски останков императора, предпринятые КГБ по приказу Михаила Горбачева, приводят главного героя к таким страшным открытиям, о которых руководство органов безопасности даже не решается доложить Президенту.

ИГОРЬ БУНИЧ